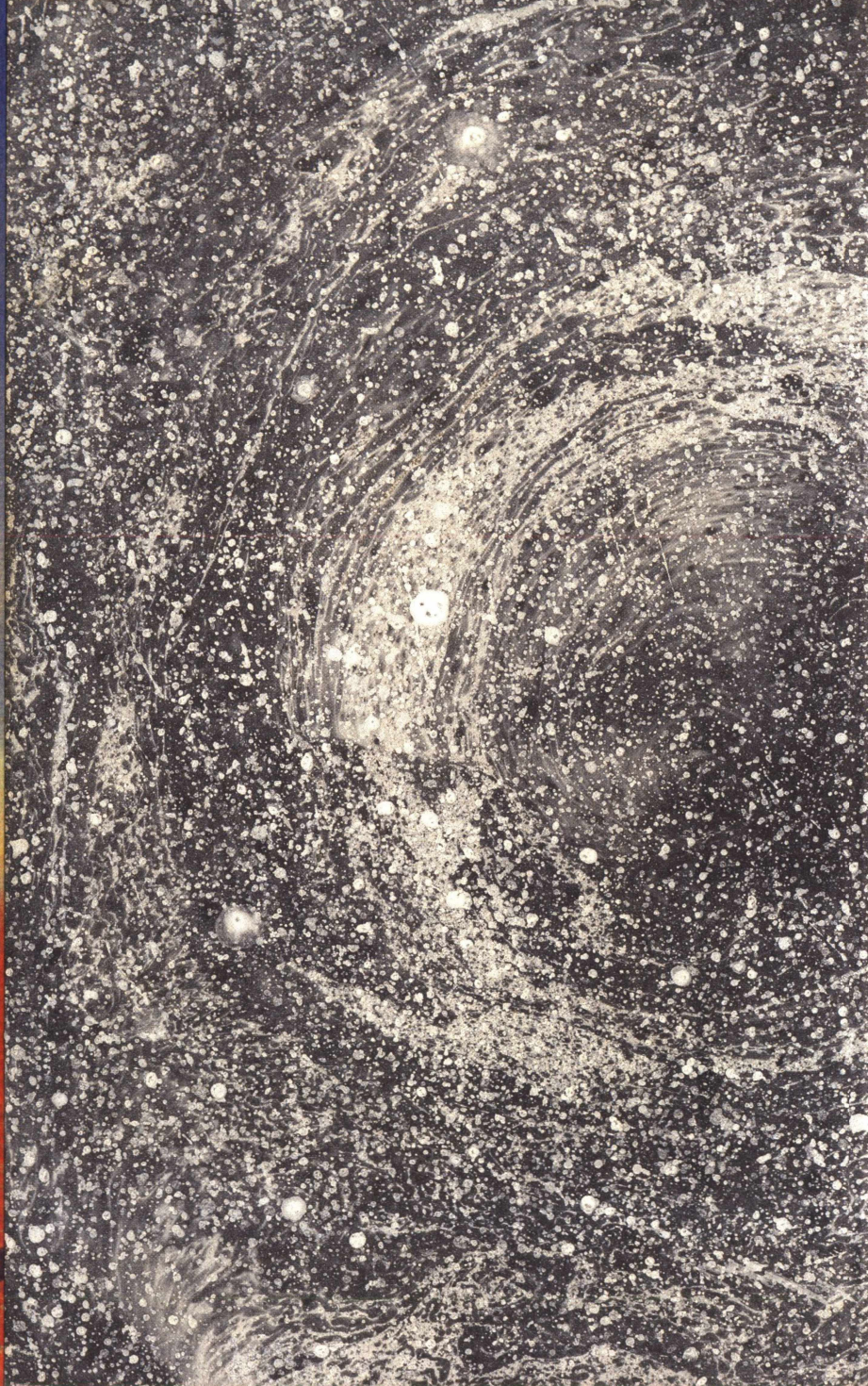
РОБЕРТ
ХАЙНЛАЙН
РОБЕРТ
ХАЙНЛАЙН
Пришелец в земле чужой



РОБЕРТ

ХАЙНЛАЙН

Пришелец в земле чужой

РОБЕРТ

ХАЙНЛАЙН

Пришелец в земле чужой

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
«СЕВЕРО-ЗАПАД»
1993

ББК 84.7 США
Х12

Хайнлайн Р.
Х12 Пришелец в земле чужой: Роман / Пер. с англ.— СПб.: Северо-Запад, 1993.— 448 с.

ISBN 5-8352-0204-0

Имя известного американского фантаста Роберта Хайнлайна не нуждается в рекламе. Его произведения хорошо известны всем любителям НФ.

Данный том представляет самую значительную работу Р. Хайнлайна. Роман «Пришелец в земле чужой» оказал колоссальное влияние на творчество многих писателей-фантастов, явившись своеобразным этапом в развитии жанра НФ.

Перепечатка отдельных глав и всего произведения в целом — запрещена. Всякое коммерческое использование данного произведения возможно исключительно с ведома издателя.

© С. З. Миролюбов, перевод, 1993
© «Северо-Запад», оформление, 1993
® СЕВЕРО-ЗАПАД Зарегистрированная торговая марка. Охраняется законом.

ISBN 5-8352-0204-0

РОМАН

Пришелец в земле

ЧУЖОЙ

СОМНИТЕЛЬНОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ

Глава 1

Жил-был марсианин и звали его Валентайн Майкл Смит...

Подбор экипажа для первого полета на Марс вели, опираясь на теорию, согласно которой наибольшую опасность для человека представляет... сам человек. В это время — шел восьмой год от основания первого поселения землян на Луне — межпланетные перелеты совершались по орбитам свободного падения. Чтобы добраться до Марса, требовалось двести пятьдесят восемь земных дней; столько же отнимала дорога обратно, и еще четыреста пятьдесят дней нужно было провести на Марсе в ожидании момента, когда взаимное расположение планет позволит начать обратный перелет.

Только при условии дополнительной заправки на межпланетной станции «Посланец» мог проделать этот путь. Совершив посадку на Марсе, «Посланец» сможет вернуться — если не разобьется при посадке, если на Марсе найдется вода для реакторов, если не случится какая-нибудь из тысячи возможных неприятностей.

Восемь членов экипажа, обреченных провести бок о бок три земных года, должны были ладить друг с другом лучше, намного лучше, чем это обычно бывает у людей. Поэтому экипаж, полностью состоящий из мужчин, был забракован как нездоровый и нестабильный. Сочли, что разумнее отправить в полет четыре супружеские пары, подобрав их таким образом, чтобы обеспечить экспедицию необходимыми специалистами.

Эдинбургский университет, главный подрядчик проекта, поручил формирование экипажа Институту Социальных Исследований. После того как отсеялись добро-

вольцы, не подходящие по возрасту, состоянию здоровья, уровню интеллектуального развития, профессиональной подготовке или темпераменту, осталось девять тысяч вероятных кандидатов. Требовались следующие специалисты: астронавигатор, врач, повар, пилот, командир корабля, лингвист, химик, инженер по электронике, физик, геолог, биохимик, биолог, физик-ядерщик, фотограф и специалисты по гидропонике и ракетной технике. Набралось несколько сот восьмерок добровольцев, обладающих этими профессиями; три группы состояли из супружеских пар, но когда психологи проверяли эти потенциальные экипажи на совместимость, то в ужасе воздели руки. Главный подрядчик предложил снизить ценз совместимости, в ответ на это Институт предложил вернуть свое символическое вознаграждение.

Компьютеры продолжали проверять данные, менявшиеся только потому, что кто-то умирал, кто-то снимал свою кандидатуру, а кто-то выставлял ее. У тридцатилетнего Майка Брэнта, магистра наук, пилота, капитана третьего ранга, ветерана лунных походов, нашелся в Институте Социальных Исследований приятель, который подобрал несколько женских анкет и обработал их в паре с анкетой Брэнта. В результате, капитан Брэнт сел в самолет, отправился в Австралию и предложил руку и сердце доктору Уинифред Коберн, сорокалетней старой деве.

Компьютеры мигали лампочками, листали карточки, и вот экипаж подобран.

Капитан Майкл Брэнт, тридцати двух лет — командир корабля, пилот, астронавигатор, специалист по ракетной технике, повар-любитель, фотограф-любитель.

Доктор Уинифред Коберн Брэнт, сорока одного года — лингвист, медицинская сестра, историк, заведующая хозяйством.

Мистер Фрэнсис К.Сини, двадцати восьми лет — администратор, второй пилот, астронавигатор, астрофизик, фотограф.

Доктор Ольга Ковалик Сини, двадцати девяти лет — повар, био-химик, специалист по гидропонике.

Доктор Уорд Смит, сорока пяти лет — врач, биолог.

Доктор Мэри Джейн Лайл Смит, двадцати шести лет — специалист по энергетике, электронике и ядерной физике.

Мистер Сергей Римски, тридцати пяти лет — специа-

лист по электронике, криогенной технике, механике и химии.

Миссис Элеонора Альварес Римски, тридцати двух лет — геолог, селенолог, специалист по гидропонике.

Некоторыми профессиями члены экипажа овладевали на интенсифицированных курсах в последние недели перед вылетом. Важнее было, что экипаж блестяще прошел тест на совместимость.

«Посланец» стартовал. В первые недели полета сообщения с борта корабля мог уловить обычный радиоприемник. Потом сигналы стали слабее; их «слышали» только спутники-ретрансляторы. Согласно сообщениям, члены экипажа были здоровы и бодры. Самым тяжелым заболеванием, с которым пришлось бороться доктору Смиту, оказался стригущий лишай. Люди быстро привыкли к невесомости и отказались от медикаментов. Если у капитана Брэнта и возникали дисциплинарные проблемы, то он о них не сообщал.

«Посланец» вышел на посадочную орбиту внутри орбиты Фобоса и в течение двух недель фотографировал Марс. Затем капитан Брэнт передал по радио: «Завтра в 12.00 по стандартному времени мы совершаем посадку южнее „*Lacus Soli*“».

На этом связь оборвалась.

Глава 2

Прошло двадцать пять земных лет, прежде чем земляне снова посетили Марс. Через шесть лет, после того как замолчал «Посланец». Международное Сообщество Астронавтов направило к Марсу беспилотный корабль «Зомби», который благополучно долетел до места назначения, провел необходимые исследования и вернулся. Фотографии, отснятые «Зомби», изображали пейзажи, малопривлекательные с человеческой точки зрения; показания аппаратуры, установленной на корабле, подтвердили, что слой атмосферы Марса незначителен и она непригодна для жизни.

Однако марсианские каналы выглядели на фотографиях «Зомби», как инженерные сооружения; встречались снимки, на которых, по мнению ученых, были изображены руины городов. И если бы на началась Третья Мировая война, на Марс отправили бы новый отряд астронавтов.

Но после войны Федерация снарядила корабль «Чемпион», более мощный, чем пропавший «Посланец». На «Чемпионе», экипаж которого состоял из восемнадцати мужчин, летели двадцать три колониста, тоже мужчины. Используя новый способ перемещения в пространстве — Лайл-Драйв,— корабль покрыл расстояние от Земли до Марса за девятнадцать дней. Он совершил посадку южнее «*Lacus Soli*», так как капитан ван Тромп хотел прежде всего заняться поисками «Посланца».

Сообщения от экспедиции поступали ежедневно. Три из них наиболее интересны.

Первое: «Найден корабль „Посланец“. Все члены экипажа погибли».

Второе: «На Марсе есть жизнь».

Третье: «Поправка к сообщению 23-105: Найден один оставшийся в живых астронавт с „Посланца“».

Глава 3

Капитан ван Тромп был гуманным человеком. Он радировал: «Не устраивайте моему пассажиру торжественной встречи. Доставьте к трапу корабля камеру с малой гравитацией, носилки, машину скорой помощи и отряд вооруженной охраны».

Он поручил корабельному врачу удостовериться, что Валентайна Майкла Смита поместили в отдельную палату медицинского центра в Бетесде, уложили в гидравлическую кровать и оградили от контакта с внешним миром. Сам ван Тромп поспешил на чрезвычайное заседание Верховного Совета Федерации.

В тот момент, когда Смита укладывали в постель, Верховный Министр по делам науки раздраженно говорил:

— Я согласен, капитан, что положение командира отряда, посланного в научную экспедицию, дает вам право приказать медикам позаботиться о человеке, который временно находится в вашем подчинении; однако мне непонятно, почему вы сейчас считаете себя вправе вмешиваться в дела моего ведомства. Согласитесь, Смит — кладезь научной информации.

— Согласен с вами, сэр!

— В таком случае, почему...— министр науки обернулся к Верховному Министру по делам мира и безопас-

ности.— Дэвид? Почему вы даете распоряжения своим людям. Нельзя допустить, чтобы профессор Тиргартен, доктор Окаяма и остальные томились в ожидании!

Министр по делам мира бросил взгляд на капитана ван Тромпа. Тот покачал головой.

— Почему? — повторил министр науки.— Ведь он не болен.

— Пьер, дайте капитану возможность высказаться,— предложил министр по делам мира.— Говорите, капитан!

— Смит не болен, сэр,— сказал ван Тромп,— но нельзя сказать, что он здоров. В земном гравитационном поле он весит в два с половиной раза больше, чем весил на Марсе. Его мускулы не выдержат такой нагрузки. Смит не привык к земному атмосферному давлению. Он вообще ни к чему не привык, перегрузка слишком велика. Черт возьми, господа, я сам устал, как собака, хотя я родился на этой планете!

Министр по делам науки презрительно поджал губы:

— Не преувеличивайте, капитан. Я бывал в космосе и знаю, что такое гравитационная усталость. Этот человек, Смит...

Капитан ван Тромп позволил себе вспылить. Он решил, что после оправдает свою резкость усталостью; он и вправду чувствовал себя так, будто совершил посадку на Юпитере.

— Хм! Этот человек, Смит...— перебил он министра.— Этот *человек*! Неужели вы не понимаете, что Смит не человек?

— Что-о?

— Смит... не... человек!

— Гм... капитан, выражайтесь яснее.

— Смит — разумное существо человеческого происхождения, но он не человек, а марсианин. Мы первые люди, которых он увидел. Смит думает и чувствует по-марсиански. Его воспитало племя, совершенно непохожее на нас. Он не может отличить мужчину от женщины! Он человек только по рождению, по воспитанию он марсианин. Если вы спешите растратить, как высказали, клад — зовите ваших дубиноголовых профессоров. Пусть Смит сойдет с ума раньше, чем привыкнет к сумасшедшему миру. А я умываю руки. Свою задачу я выполнил.

— И с честью выполнил, капитан,— заговорил Генеральный Секретарь Дуглас.— Если вашему человеко-

марсианину нужен денек-другой, чтобы привыкнуть к Земле, я думаю, наука подождет. Пит, не обижайтесь на капитана, он устал.

— Есть дело, которое не может ждать,— вступил Верховный Министр средств массовой информации.

— Какое, Джок?

— Господин Генеральный Секретарь, если мы в ближайшее время не покажем марсианина по стереовидению, начнутся беспорядки.

— Мне кажется, вы преувеличиваете, Джок. Мы включим в информационные выпуски марсианский материал. Завтра покажем церемонию вручения наград капитану ван Тромпу и его экипажу, а послезавтра, когда капитан отдохнет, попросим его рассказать о полете.

Министр покачал головой.

— Не годится, Джок? Почему?

— Люди ждали, что им привезут настоящего, живого марсианина. Марсианина не привезли, значит, нужен хотя бы Смит, причем нужен немедленно.

— Вам нужен живой марсианин? — Генеральный Секретарь Дуглас обернулся к ван Тромпу.— Вы снимали марсиан?

— Мы изводили на них пленку километрами.

— Чего же больше, Джок? Нет живых марсиан — показывайте фильмы! Кстати, капитан, марсиане не выступали против вас?

— Нет, сэр, но они нас и не приветствовали.

— Не понял.

Капитан ван Тромп закусил губу.

— Видите ли, сэр, говорить с марсианином — все равно, что кричать в лесу. Вы не получите ответа: ни да, ни нет.

— Вы не привели с собою вашего лингвиста, как его там? Или он ждет за дверью?

— Доктора Махмуда, сэр? Нет, он нездоров, у него небольшой нервный срыв,— ответил капитан, а про себя подумал: — Читай «мертвецки пьян».

— Космическая эйфория?

— Да, что-то в этом роде. («У-у, проклятые сухопутные крысы!»).

— Что ж, побеседуем с ним, когда ему станет лучше. А заодно пригласим нашего юного гостя Смита. Я думаю, это будет полезно.

— Возможно,— с сомнением в голосе произнес ван Тромп.

А юный гость тем временем изо всех сил старался поддержать в себе жизнь. Невыносимое давление чужого пространства на тело стало чуть меньше, когда его посадили в мягкое гнездо. Смит оставил попытки самостоятельно поддерживать свое тело: сил едва хватало на дыхание и сердцебиение. Сердце, диафрагма и легкие с трудом справлялись с чужим гравитационным полем, с чужой атмосферой, приторно густой и ужасающе горячей. За каждый глоток воздуха приходилось бороться. Смит был вынужден подключить все три уровня к управлению дыханием и работой сердца. Через некоторое время, когда пульс и дыхание успокоились, Смит решил, что можно переключить внимание на другие объекты. Он выделил часть второго уровня на наблюдение за своим организмом и окружающим пространством, а первый пустил на осмысление недавних событий.

С чего начать? С того, как покинул Марс вместе с теми, другими, которые сейчас стали его братьями? Или с того, как очутился в этом гнетущем мире? Смит снова болезненно ощутил жар и грохот, которыми встретил его этот мир. Нет, он еще не готов во все это вникнуть — назад! Назад, к тому моменту, когда он впервые увидел чужаков, впоследствии оказавшихся соплеменниками. Нет, еще дальше, в прошлое, когда он с ужасом осознал, вник, что он — чужак среди соплеменников. Назад, к самому гнезду.

Смит мыслил не так, как мыслят земляне. Его обучали основам английского языка, но английский был нужен Смиту, как он нужен индусу для объяснения с турком. Смит использовал этот язык как сложный код, с помощью которого можно лишь приблизительно выражать мысли. Образы и ассоциации, возникавшие в мозгу Смита, невозможно было привести к земным: они были порождены иной культурой.

В соседней комнате доктор Тадеус играл в крибидж с Томом Мичемом, приставленным к Смиту сиделкой. Краем глаза доктор следил за датчиками. Увидев, что пульс у Смита замедлился до двадцати ударов в минуту, доктор бросился в комнату к пациенту. Санитар Мичем побежал следом.

Смит колыхался на эластичном покрытии гидравлической кровати. Казалось, что он мертв.

— Позовите доктора Нельсона! — приказал Тадеус.

— Слушаюсь, сэр! — сказал Мичем,— а потом добавил: — А может, сделаем электрошок, док?

— Позовите доктора Нельсона!!!

Санитар выбежал. Тадеус смотрел на пациента, не решаясь прикоснуться к нему. Вошел доктор Нельсон, ступая тяжело и неловко, как человек, долго бывший в космосе и еще не привыкший к земному тяготению.

— Что случилось?

— Две минуты назад, сэр, температура пациента и частота его пульса резко снизились.

— Что вы предприняли?

— Ничего, сэр, согласно вашему указанию.

— Превосходно,— Нельсон взглянул на Смита, потом на датчики, такие же, как в соседней комнате.— Будут какие-нибудь изменения — дайте мне знать.

Он собрался уходить. Тадеус испуганно начал:

— Позвольте, доктор...

— Что «позволить»? Какой диагноз вы ему ставите?

— Это ваш пациент и мне не хотелось бы...

— Ваш диагноз.

— Очень хорошо, сэр, это атипический шок, за которым следует смерть,— уклончиво сказал он.

— Логично,— кивнул Нельсон,— но мы имеем дело с уникальным случаем. Мне уже приходилось видеть этого пациента в таком состоянии. Смотрите!

Нельсон приподнял руку Смита и отпустил. Рука не упала.

— Каталепсия? — спросил Тадеус.

— Называйте как хотите, только не трогайте его. Если что-то случится — зовите меня,— Нельсон опустил руку Смита на постель и вышел.

Тадеус еще постоял, глядя на необычного больного, пожал плечами и вернулся к своему столу. Мичем собирал карты.

— Сыграем еще?

— Надоело!

— Знаете, док, мне сдается, что он уже к утру пойдет под простыню.

— Вашего мнения никто не спрашивает. Можете пойти покурить с охранниками. Мне нужно подумать.

Мичем обиженно заморгал и вышел в коридор, где стояла охрана. Солдаты вскочили со стульев и вытянулись, но, увидев, кто идет, снова сели.

— Что за шум? — спросил высокий морской пехотинец.

— Больной выкидывал коленца, а мы гадали, что же это такое. Дайте закурить, черти! А огоньку?

Другой морской пехотинец достал пачку сигарет.

— А затянешься сам?

— Попробую,— Мичем воткнул в рот сигарету.— Ей-Богу, ребята, я ничего не знаю.

— Слушай, почему к нему не пускают женщин? Он, что, сексуальный маньяк?

— Честное слово, не знаю. Парня привезли с «Чемпиона» и ему нужен абсолютный покой

— С «Чемпиона»? Тогда все ясно,— сказал первый морской пехотинец.

— Что тебе ясно?

— Ну как? Сколько времени бабу не только не имел, но даже не видел и не дотрагивался до нее. Вот и свихнулся маленько, а врачи боятся, что он как увидит бабу, так удавится. Я на его месте точно удавился бы.

Смит видел, как пришли врачи, понимал, что они пришли с добрыми намерениями, и потому не ушел в себя окончательно.

А утром, в тот час, когда сиделки умывают больных, он вернулся. Ускорил сердце, дыхание и принялся осматриваться. Смит оглядывал комнату, изучал каждую деталь. Он видел свою комнату впервые: раньше, когда его принесли, у него просто не было на это сил. Обстановка казалась необычной; ни на Марсе, ни на «Чемпионе» Смит не видел ничего подобного. Восстановив события, приведшие его сюда из родных мест, Смит был готов принять новый мир, признать его и даже полюбить.

Он увидел еще одно живое существо — с потолка, крутясь на паутине, спускался паук. Смит с восхищением смотрел на паука, готовый признать в нем нового соплеменника и брата по гнезду.

В этот момент в комнату вошел доктор Арчер Фрейм, сменивший Тадеуса.

— Здравствуйте,— сказал он.— Как вы себя чувствуете?

Смит проанализировал вопрос. В первой части он узнал формальность, не требующую ответа. Для второй в его памяти имелось несколько значений. Если эту фразу произносил доктор Нельсон, она имела определенный смысл; в устах капитана ван Тромпа она превращалась в пустой звук.

Смит встревожился; но всякий раз испытывал неловкость, обращаясь с этими существами. Сейчас он приказал себе успокоиться и рискнул ответить:

— Чувствую хорошо.

— Хорошо? — повторил человек.— Сейчас придет доктор Нельсон. На завтрак пойдете?

Смит знал значение всех произнесенных человеком слов, но сомневался, что правильно понял вопрос. Да, он знал, что съедобен, но его не предупредили, что он может пойти кому-то на завтрак. Может быть, это большая честь? А может, запасы пищи настолько истощились, что приходится есть себе подобных? В душе Смита не было протеста, он почувствовал лишь сожаление, что не успел вникнуть в этот мир.

Вошел доктор Нельсон и избавил Смита от необходимости обдумывать ответ. Корабельный врач посмотрел на пациента, потом на датчики и опять на пациента.

— Желудок работает? — это был привычный для Смита вопрос, Нельсон всегда задавал его.

— Нет.

— Ладно, это мы исправим, но сперва надо поесть. Санитар, принесите поднос.

Сначала Нельсон кормил Смита из ложки, потом попросил марсианина держать ложку самостоятельно. Это было нелегко, но Смит ликовал: он впервые обходился в этом мире без помощи. Опустошив тарелку, он решил узнать, кто его облагодетельствовал, позволив себя съесть.

— Кто это был? — спросил Смит.

— Не кто, а что. Синтетическая пищевая масса. Это тебе что-нибудь говорит? Доел? Вылезай-ка из кровати!

— Простите? — Смит знал, что это слово используется, когда необходимо возобновить почему-либо прерванное общение.

— Я говорю, вставай. Пройдись. Сил у тебя, конечно, немного, но если будешь валяться в постели, их не прибавится.— Нельсон открыл кран, выпуская воду из баллона.

Смит отогнал тревогу: Нельсон никогда не делал ему ничего плохого.

Вода, поддерживавшая тело Смита, вылилась, и он оказался на дне кровати среди складок непромокаемой ткани.

— Доктор Фрейм, возьмите больного под руки,— распорядился Нельсон.

Поддерживаемый с обеих сторон под руки и подбадриваемый Нельсоном, Смит кое-как перелез через борт кровати.

— Спокойно! Выпрямись! — командовал Нельсон.— Не бойся, я поддержу.

Смит сделал усилие и выпрямился. У него была хорошо развитая грудная клетка и слабая мускулатура. Еще на «Чемпионе» его постригли и побрили. Доктор Фрейм поразился: мягкий детский рот и глаза умудренного годами старика.

Смит постоял и на подгибающихся ногах шагнул вперед. Сделав три шага, он по-детски радостно улыбнулся.

— Умница! — похвалил Нельсон.

Смит сделал еще шаг и ушел в себя. Врачи едва успели подхватить его.

— Черт!— выдохнул Нельсон.— Ушел. Давайте-ка положим его в кровать. Погодите, сначала наберем туда воду.

Когда баллон наполнился, врачи осторожно положили поверх него пациента, застывшего в позе зародыша.

— Подложите ему под затылок валик,— сказал Нельсон.— Если что-нибудь случится. Позовите меня. Когда придет в себя, позанимаемся еще. Через три месяца он у нас будет прыгать по деревьям не хуже обезьяны. Все идет как надо.

— Конечно, доктор,— ответил Фрейм без энтузиазма.

— И еще: когда больной придет в себя, покажите ему, как пользоваться ванной. Возьмите себе в помощь сиделку и следите, чтобы больной не падал.

— Да, сэр, но как объяснить...

— Объяснять ничего не нужно. Он все равно не поймет. Именно покажите.

Обедал Смит без посторонней помощи. Санитар, забирая поднос, наклонился к нему и шепнул:

— Слушай, у меня к тебе дело есть.

— Прошу прощения?

— Получим кучу денег.

— Денег? Что такое деньги.

— Брось философствовать. Деньги всем нужны. Мне некогда тебя уговаривать: смываться пора. Я из «Пирлесс Фичерс». Тебе заплатят шестьдесят тысяч буквально ни за что. На нас работают лучшие писатели, они будут задавать вопросы, а ты будешь отвечать. На, подпиши.

Смит взял из рук санитара лист бумаги и уставился в него, держа вверх ногами.

— Боже! Да ты читать не умеешь! — воскликнул санитар.

— Нет,— ответил Смит; ему было известно слово «читать».

— Ну, ладно, я прочитаю, ты поставишь отпечаток пальца, а я засвидетельствую. Слушай: «Я, нижеподписавшийся, Валентайн Майкл Смит, известный как Человек с Марса, передаю компании „Пирлесс Фичерс Лимитед“ все права на мой (основанный на фактах моей биографии) рассказ „В плену у марсиан“ в обмен на...»

— Санитар!

В дверях стоял доктор Фрейм. Санитар сунул бумагу за пазуху.

— Иду, сэр. Я пришел за подносом.

— Что вы читали?

— Ничего, сэр.

— С этим больным нельзя разговаривать. Я запомню вас.

Санитар и врач вышли, дверь за ними закрылась. Смит долго лежал без движения, пытаясь осмыслить случившееся, вникнуть в него, но, как ни старался, ничего не мог понять.

Глава 4

Джиллиан Бордмэн пользовалась репутацией хорошей медицинской сестры, и у нее было хобби — мужчины. В тот день она была старшей по этажу, где лежал Смит. Когда Джиллиан услышала, что больной из палаты К-12 ни разу в жизни не видел женщин, она не поверила своим ушам и решила нанести странному больному визит.

Джиллиан знала, что женщинам нельзя посещать этого больного, однако она не относила себя к разряду посетителей, и потому важно прошествовала мимо охраны (у солдат была странная привычка буквально понимать приказы) в соседнюю с палатой Смита комнату.

Доктор Тадеус обернулся на скрип двери.

— Здравствуй, солнышко! Какими судьбами?

— Я исполняю служебные обязанности. Как поживает ваш пациент?

— Не беспокойся, рыбка, присмотр за этим больным не входит в твои обязанности. Можешь проверить по журналу.

— Знаю, но мне хочется на него взглянуть.

— Это запрещено.

— Ну, Тад, не будь таким правильным!

— Если я тебя к нему впущу,— Тадеус внимательно изучал свои ногти,— то закончу свою карьеру в Антарктике. Страшно подумать, что произойдет, если доктор Нельсон застанет тебя здесь.

— Он должен сюда прийти?

— Нет, если я его не позову. Он отсыпается после полета.

— Откуда же такое рвение?

— Я все сказал, сестра!

— Слушаюсь, доктор... Трусишка!

— Джилл!

— Тюфяк!

Тадеус вздохнул.

— Слушай, мы встречаемся в субботу?

— Сегодня среда? Конечно. Разве женщина может сердиться так долго?

Джиллиан вернулась на свой пост и отыскала ключ от комнаты, примыкающей к палате К-12 с другой стороны. В этой комнате дежурили сиделки, обслуживающие высокопоставленных больных. Не в ее характере было сдаваться.

Джиллиан беспрепятственно вошла в эту комнату: солдаты не знали, что оттуда можно попасть во вверенную им палату. Перед заветной дверью Джиллиан задержалась, испытывая чувство, подобное тому, какое бывало у нее, когда она студенткой убегала с лекций. Джилл отперла дверь и заглянула в палату.

Больной лежал в постели. Когда Джилл вошла, он повернул в ее сторону голову. В первый момент у сестры возникло впечатление, что его уже бесполезно лечить. На лице больного не было никакого выражения, как у обреченного на смерть. Потом Джилл заметила в его глазах живой интерес. Может быть, у него парализовано лицо?

По профессиональной привычке она спросила:

— Ну, как мы себя сегодня чувствуем? Лучше?

Смит перевел вопрос на свой язык. Его смутило, что человек включил в вопрос и себя. Смит решил, что это свидетельствует о расположении и желании сблизиться. Вторую часть вопроса Человек с Марса часто слышал от Нельсона и с готовностью ответил на нее:

— Лучше.

— Вот и хорошо,— обычный больной, если не считать лица без выражения. Если он и не видел женщин, то хорошо это скрывает.— Вам что-нибудь нужно?

Джилл заметила, что на тумбочке отсутствует предписанный больничными правилами стакан.

— Принести вам воды? — спросила она.

Смит сразу заметил, что этот человек не такой, как другие. Марсианин сравнил его с тем, что видел на картинке у Нельсона, еще на «Чемпионе», когда Нельсон пытался объяснить конфигурацию той части человеческого рода, которая называется «женщины». Новый человек был женщиной.

Смит ощущал одновременно и радость, и разочарование. Он подавил оба чувства, чтобы процесс познания нового явления не отразился на датчиках Тадеуса. Когда же Смит перевел последний вопрос, его охватило такое волнение, что он едва не выпустил сердце из-под контроля. Он вовремя опомнился и выругал себя за недисциплинированность. Потом проверил перевод. Нет, он не ошибся: женщина предлагала ему воду, она хотела сблизиться.

С трудом подбирая слова для приличествующего случаю ответа, он произнес:

— Благодарю за воду. Пусть она у вас всегда будет в изобилии.

Сестра Бордмэн опешила.

— О, как мило! — сказала она, придя в себя.

Она отыскала стакан, наполнила его водой и подала больному.

— Сначала пейте вы,— сказал больной.

«Он думает, я решила его отравить»,— сказала себе сестра, но просьба звучала очень настойчиво, и она подчинилась. Она отпила из стакана, больной тоже сделал глоток и откинулся на подушку с таким видом, будто совершил что-то очень важное.

Джилл решила, что никакого приключения здесь не получится, и стала прощаться.

— Ну что ж, если вам больше ничего не нужно, я пойду.

— Нет! — крикнул больной, когда Джилл взялась за ручку двери.

— Что такое?

— Не уходи!

— Но... мне пора бежать,— она опять подошла к нему.— Вам что-нибудь нужно?

Он смерил ее взглядом.

— Ты женщина?

Джилл обиделась. Она хотела сказать что-нибудь резкое, но, увидев серьезное лицо и тревожные глаза Смита, передумала. Она почувствовала, что та невероятная вещь, которую она о нем слышала,— правда; он действительно не знает, что такое женщина.

— Да, я женщина,— ответила Джилл.

Смит не сводил с нее глаз, и Джилл начала смущаться. Она ожидала, что на нее будут смотреть глаза самца, а попала словно под объектив микроскопа.

— Ну? Я похожа на женщину, не так ли?

— Я не знаю,— запинаясь, ответил Смит,— как должна выглядеть женщина. Что делает тебя женщиной?

— О, Господи! — такого странного разговора с мужчиной Джилл не приходилось вести, пожалуй, со дня конфирмации.— Может быть, мне раздеться и показать.

Смит молчал, анализируя услышанное. Первую фразу он не понял. Наверное, это одна из формальных фраз, которые люди так любят говорить... но она произнесена с силой; возможно, это последнее сообщение перед уходом. Видимо, он вел себя с женщиной неправильно и она сейчас дематериализуется.

Смиту не хотелось, чтобы женщина умерла, даже если это ее право или обязанность. Только что они подносили друг другу воду, и вот новообретенный брат по воде уходит или дематериализуется! Смит был бы в ужасе, если бы не нужно было подавлять чувства. Он решил: если женщина сейчас умрет, он умрет тоже — после воды иначе нельзя.

Во второй части фразы встречались знакомые слова. Смит понял суть действия и то, что это действие предполагаемое. Может, это выход из кризиса? Может быть, если женщина снимет с себя одежду никому из них не придется умирать? Смит радостно улыбнулся:

— Да, пожалуйста.

Джилл открыла рот. Закрыла. Опять открыла.

— Черт меня возьми!

Смит почувствовал все эмоциональное напряжение и понял, что ответил неправильно. Он стал настраиваться на дематериализацию, с нежностью перебирая в уме все, что пережил и видел, особое внимание уделяя женщине. Вдруг он увидел, что она наклонилась к нему, но не для того, чтобы умереть. Она смотрела ему в лицо.

— Простите, я вас правильно поняла? Вы просили меня снять одежду?

Смит помолчал, анализируя вопрос, и ответил, в надежде, что нового кризиса не будет:

— Да.

— Так и есть. Да-а, брат, не такой уж ты и больной!

Смит тут же отметил слово «брат» — женщина напомнила, что они побратались через воду. Потом подумал, соответствует ли он тому, чего хочет новый брат.

— Я не болен,— подтвердил он.

— Провалиться мне на этом месте, если у тебя не все в порядке. А раздеваться я не стану. Мне пора идти.

Джилл выпрямилась и пошла к двери. На пороге оглянулась и с игривой улыбкой сказала:

— Ты можешь попросить меня об этом в другом месте. Тогда посмотришь, что такое женщина.

Женщина ушла. Смит успокоился и отключил внимание от своей палаты. Он был горд, что исправил ситуацию и никому не пришлось умирать. Однако нужно было еще многое осмыслить. В речи женщины Смит встретил много новых знаков, а те, которые не являлись новыми, были сгруппированы таким образом, что смысл их был неясен. Он испытывал какое-то радостное чувство, которое вполне могло сопутствовать общению братьев по воде, но к этому чувству примешивалось еще что-то, тревожное и приятное одновременно. Смит думал о своем новом брате, этой женщине, и вслушивался в свое радостно-тревожное чувство. Он вспомнил, как впервые присутствовал при дематериализации, и непонятно почему почувствовал себя счастливым. Жаль, что рядом нет доктора Махмуда. Так много нужно узнать, а поговорить не с кем.

Остаток дежурства прошел, как во сне. Перед глазами Джилл стояло лицо марсианина, в памяти звучали его безумные слова. Нет, не безумные, Джилл работала в психиатрической клинике и знала, что такое безумие. Невинные, решила она, но отвергла и это определение. У него невинное лицо, но далеко не невинные глаза. Когда-то Джилл работала в монастырской больнице и видела такое лицо у сестры-монашки. Случайно ли такое сходство?

Джилл переодевалась, когда к ней в кабину заглянула другая сестра.

— Джилл, тебя зовут к видеофону.

Джилл ответила, не включая изображение.

— Это Флоренс Найтингейл? — спросил баритон.

— Угадал. Это ты, Бен?

— Ну да! Верный поборник свободы слова собственной персоной. Ты не занята, малышка?

— А что тебе нужно?

— Угостить тебя бифштексом, напоить мартини и задать одни вопрос.

— Я отвечу «нет».

— Не этот вопрос.

— О, ты умеешь задавать другие вопросы? Ну-ка!

— Потом, когда ты подобреешь.

— А бифштекс будет натуральный? Не синтет?

— Обещаю. Ткнешь в него вилкой, и он замычит.

— Бен, у тебя, наверное, долг в банке.

— Это постыдно, но значения не имеет. Ну, что?

— Уговорил.

— Через десять минут на крыше медицинского центра.

Джилл сняла костюм, повесила его в шкафчик и оделась в платье, которое держала специально для таких случаев. Платье было простого покроя, почти прозрачное и, скорее, подчеркивало то, что должно было скрывать. Джилл с удовлетворением оглядела себя и поехала на крышу.

Она отыскивала взглядом Бена Кэкстона, когда к ней подошел дежуривший на крыше санитар.

— Вас ждет машина, мисс Бордмэн. Вон тот «Тальбот».

— Спасибо, Джек.

Джилл направилась к машине с открытой дверцей. Она села в такси и уже собиралась сказать Бену двусмысленный комплимент, но увидела, что в машине никого нет. Робот-пилот закрыл дверцу, машина взлетела, сделала круг над медицинским центром и направилась на другую сторону Потомака. Такси остановилось на площадке над Александрией. Вошел Бен, и такси тронулось.

— Фу-ты, ну-ты! — фыркнула Джилл.— С каких пор ты присылаешь роботов за своими подругами?

— Есть причины, малышка,— Бен погладил ее колено.— Нельзя, чтобы нас видели вместе.

— Кто из нас прокаженный?

— Мы оба. Я газетчик, Джилл.

— А я начала подозревать тебя в другом.

— А ты работаешь в больнице, где лежит марсианин.

— Поэтому мне нельзя здороваться с твоей мамой?

— Объясняю популярно. В округе более тысячи репортеров, литературных агентов и просто жуликов плюс толпа, которая собралась, когда прилетел «Чемпион». Все они хотят поговорить с Человекам с Марса, но никому еще это не удалось. Поэтому мы с тобой поступили бы не слишком мудро, если бы вышли из больницы вместе.

— Ну и что, что вместе? Я ведь не Человек с Марса.

— Конечно, нет. — Бен посмотрел Джилл в глаза,— но ты поможешь мне с ним встретиться. Именно поэтому я за тобой не заехал.

— Бен, ты, наверное, на солнце перегрелся. Там вооруженная охрана.

— Мы это обдумаем.

— О чем тут думать?

— Ладно, давай сначала поедим.

— Наконец-то ты заговорил разумно. А ты не разоришься? У тебя и без того долг.

Кэкстон нахмурился.

— Джилл, я рискну войти в ресторан разве что в Луисвилле. На этой колымаге мы доберемся туда не раньше, чем через два часа. Поэтому давай пообедаем у меня.

— ...сказал паук мухе. Бен, я устала и не могу бороться.

— Тебя никто об этот не просит. Честное-благородное!

— Тогда нам и вовсе не о чем говорить. А прочем, поехали, честный-благородный!

Кэкстон принялся нажимать кнопки: такси, кружившее до этого на месте, подпрыгнуло и полетело к отелю, где жил Бен.

— Сколько времени тебе потребуется, чтобы пропитаться мартини? — спросил Бен, набирая номер телефона.— Я закажу бифштекс.

Джилл подумала.

— В твоем хлеву, по-моему, есть собственная кухня.

— Есть. Ты хочешь, чтобы я сам жарил бифштекс?

— Я пожарю. Дай-ка трубку.

Джилл стала заказывать, оглядываясь на Бена и проверяя, согласен ли он. Такси высадило их на крыше, и они спустились в номер Кэкстона. Номер был обстав-

лен старомодно, на газоне посреди гостиной зеленела живая трава. Джилл сняла туфли и принялась прохаживаться по газону.

— Здорово-то как! — вздохнула она.— Ноги устали.

— Можешь сесть.

— Нет, я хочу еще по траве походить, завтра будет о чем вспомнить.

— Как хочешь.— Бен вышел в буфетную и стал готовить коктейль.

Немного погодя и Джиллиан принялась за работу. Забрала из подошедшего лифта бифштекс-полуфабрикат с картофелем и салатом. Отправила салат в холодильник, а мясо понесла в кухню.

— Бен, здесь, кажется, нет дистанционного управления!

Бен крикнул из буфетной:

— Тебе придется готовить на открытом огне. Не боишься?

— Ничего особенного. Я в скаутах была. Не боишься?

Она вернулась в гостиную. Джилл села у ног Бена, и они принялись за мартини. У стены стоял аппарат стереовидения, замаскированный под аквариум. Бен включил аппарат, гуппи и меченосцы исчезли, возникло лицо известного обозревателя Огастеса Гривса.

— ...можно с уверенностью утверждать,— говорило лицо,— что Человеку с Марса постоянно вводят наркотики, чтобы он не мог предать огласке эти факты. Разглашение их являлось бы для правительства...

Кэкстон выключил стереовизор.

— Бедняга,— посочувствовал он,— ничего-то ты не знаешь. Хотя, насчет наркотиков, пожалуй, прав.

— Неправ,— заявила Джилл неожиданно для самой себя.

— Вот как? Откуда ты знаешь, малышка?

— Знаю,— Джилл сказала больше, чем хотела, и пыталась загладить промах.— За ним постоянно наблюдает врач, но назначений на седативные средства я не видела.

— Это не значит, что их ему не дают. Тебе, случайно, не поручили уход за марсианином?

— Нет, и даже наоборот. Туда вообще не пускают женщин — у двери в палату стоит вооруженная охрана.

— Это мне известно. Значит, ты не знаешь, колют ли его наркотиками?

Джилл закусила губу. Придется выдать себя, чтобы Бен не думал, что она попусту болтает языком.

— Бен, ты меня не выдашь?

— Каким образом?

— Никаким.

Это понятие растяжимое, но я постараюсь.

— Ну, ладно. Налей мне еще.— Он налил и Джилл продолжала:— Я знаю, что Человека с Марса не колют наркотиками. Я с ним говорила.

Кэкстон присвистнул.

— Так и знал! Проснулся утром и подумал: «Надо позвонить Джилл. Не может быть, чтобы она ничего не знала». Выпей еще, солнышко, мне для тебя ничего не жалко. Можешь прямо из графина.

— Перестань!

— Хочешь, я тебе ножки потру? Мадам, позвольте взять у вас интервью. Как...

— Бен! Ты обещал! Ты сошлешься на меня, и меня уволят.

— Я скажу «из надежных источников».

— Я боюсь.

— Я сейчас умру от неудовлетворенного любопытства, и тебе придется доедать за меня бифштекс.

— Ладно, я расскажу, но с условием, что ты не станешь использовать мои слова.

Бен молчал. Джилл рассказала, как обманула охрану.

— Ты можешь пройти туда еще раз?

— Пожалуй, могу, но не хочу: это рискованно.

— Слушай, помоги мне туда пробраться... Я оденусь электриком: комбинезон, профсоюзный значок, ящик с инструментами. Ты мне дашь ключ...

— Нет.

— Почему? Будь умницей, девочка. Это будет величайшая сенсация со времен Колумба и Изабеллы. Единственное, чего я боюсь,— это встретить в палате более расторопного электрика.

— А я боюсь за себя,— перебила Джилл.— Для тебя это сенсация, а для меня — карьера. Меня дисквалифицируют, уволят и вышлют из города.

— Мадам, позвольте предложить вам взятку.

— Сколько? Я соглашусь, если ее хватит на то, чтобы провести остаток жизни в Рио-де-Жанейро.

— Я не могу перещеголять Ассошиэйтед Пресс или Рейтер. Сотни хватит?

— За кого ты меня принимаешь?

— Сто пятьдесят!

— Как связаться с Ассошиэйтед Пресс?

— Капитолий, 10-9000. Джилл, я на тебе женюсь. Это предел моих возможностей.

— Что ты сказал? — Джилл вздрогнула.

— Выходи за меня замуж. Когда тебя выгонят из города, я тебя встречу и привезу сюда. Ты пройдешься по моей траве — по нашей траве — и забудешь свой позор. Но сначала ты проводишь меня в ту комнату.

— Ты серьезно, Бен? Повторишь при Беспристрастном Свидетеле?

— Повторю,— вздохнул Бен.— Зови Свидетеля.

— Я не приму от тебя такой жертвы,— мягко сказала Джилл, вставая и целуя его в щеку.— И, пожалуйста, не шути так со старыми девами.

— Я не шучу.

— Не уверена. Вытри помаду, а потом я расскажу тебе все, что знаю и мы подумаем, как тебе извлечь из этого пользу, не ставя меня под удар.

— Идет.

— Я уверена, что Человек с Марса не находится под действием наркотиков, и готова поручиться, что он в здравом уме, хотя он говорил в крайне странной манере и задавал идиотские вопросы.

— Было бы странно, если бы он не говорил в странной манере...

— Не поняла?

— Мы мало знаем о Марсе, но нам точно известно, что марсиане — не люди. Представь, что ты попала в племя, так далеко затерянное в джунглях, что они никогда не видели ботинок. Сможешь ли ты разобраться в тонкостях чужой культуры?

— Я понимаю,— кивнула Джилл.— Именно поэтому пропустила его глупости мимо ушей. Я не безнадежная тупица.

— Что ты! Ты просто умница, хотя и женщина.

— Тебе нравится, когда тебя поливают мартини?

— Извини. Женщины умнее мужчин, история это не раз подтвердила. Подставляй бокал.

Джилл, смягчившись, продолжала:

— Просто глупо, что к нему не пускают женщин. Он вовсе не сексуальный маньяк.

— Несомненно, его оберегают от излишних потрясений.

— Он не был потрясен, когда увидел меня — ему было просто любопытно. Я не чувствовала, что на меня смотрит мужчина.

— Если бы ты согласилась раздеться, он повел бы себя как мужчина.

— Не думаю. Мне кажется, он уже слышал, что люди делятся на мужчин и женщин, и хотел посмотреть, в чем между ними разница!

— Vive la difference!* — провозгласил Кэкстон.

— Не говори сальностей!

— Я никогда не был так серьезен.

— Тогда успокойся. Человек с Марса не обидел бы меня. Ты не видел, какое у него лицо... А я видела.

— Ну и какое же у него лицо?

Джилл задумалась.

— Бен, ты когда-нибудь видел ангела?

— Кроме тебя, не видел.

— И я не видела, но Человек с Марса выглядит именно как ангел. У него глаза мудрого старика и совершенно безмятежное лицо с выражением небесной невинности,— она поежилась.

— Небесной, говоришь,— повторил Бен.— Взглянуть бы на него.

— Не пойму, почему его держат взаперти. Он и мухи не обидит.

— Дают освоиться. Человек с Марса не привык к земному тяготению и ему, наверное, сейчас неважно.

— Мышечная слабость не опасна; миастения гравис куда серьезнее, но мы и с ней справимся.

— Они хотят уберечь его от инфекции: он — как подопытное животное, которого содержат в стерильных условиях.

— Ну да, у него нет антител... Насколько я слышала, доктор Нельсон — он был хирургом на «Чемпионе» — в пути делал Смиту переливание и заменил половину крови.

— Джилл, можно мне это опубликовать?

— Только не ссылайся на меня. Человеку с Марса

---

* Да здравствует разница! *(фр.)*

сделали прививки от всех болезней, кроме родильной горячки, а для защиты от инфекции, по-моему, не нужна вооруженная охрана.

— М-м-м... Джилл, мне известно кое-что, чего ты можешь не знать. Опубликовать это я не могу, потому что не хочу подводить людей. Но если ты обещаешь молчать, я тебе расскажу.

— Обещаю.

— Это долгая история. Хочешь еще выпить?

— Нет, я хочу есть. Где звонок?

— Вот он.

— Позвони, пожалуйста.

— Позвонить? Не ты ли собиралась готовить обед?

— Бен Кэкстон, я лучше умру от голода, чем встану и нажму на кнопку, которая находится в полуметре от тебя.

— Как прикажешь,— он нажал кнопку,— но потом не предъявляй претензий. Вернемся к Валейтайну Майклу Смиту. Есть серьезные сомнения относительно его права на имя «Смит».

— Как так?

— Милочка, твой приятель — первый в истории межпланетный незаконнорожденный.

— Черт возьми!

— Веди себя прилично. Тебе известно что-нибудь об экспедиции на «Посланце»!? В ней участвовали четыре супружеские пары. Две из них были: Майкл и Уинифред Брэнт и Уорд и Мэри Смит. Так вот, твой приятель с ангельским лицом — сын Мэри Смит и капитана Брэнта.

— Откуда это известно? И кому какое дело? Зачем раздувать такой старый скандал? Все погибли, и надо оставить их в покое.

— Что касается того, откуда это известно, то, вероятно, на свете нет таких. Восемь человек, которые были бы настолько вдоль и поперек измерены и изучены: группа крови, резус-фактор, цвет глаз и волос — и другие генетические штуки, в которых ты лучше разбираешься, чем я. Точно установлено, что мать Смита — Мэри Джейн Лайл Смит, а отец — Майкл Брэнт. У Смита великолепная наследственность: коэффициент интеллектуальности его отца равнялся ста шестидесяти трем, мать имела коэффициент сто семьдесят и каждый был гением в своей области.

— Ты говоришь, кому какое дело? Есть кому. И чем

дальше, тем большее число людей будет этим интересоваться. Ты знаешь, что такое Лайл-Драйв?

— Конечно. Это способ перемещения в пространстве, который применили для полета «Чемпиона».

— А кто изобрел этот способ?

— Я не... Подожди-ка! Ты хочешь сказать, что это она?

— Ну, конечно! Доктор Мэри Джейн Лайл Смит. Перед вылетом на Марс она в основном закончила расчеты, оставалось доработать лишь некоторые детали. Она запатентовала изобретение, а патент вверила попечению Фонда науки. Таким образом, твой знакомый является собственником изобретения, а распоряжается изобретением и получает от него доходы Фонд науки. Это миллионы, а, может, сотни миллионов; даже предположить не могу, сколько.

Принесли обед. Бен, чтобы не мять газон, опустил с потолка висячие столики: один к своему креслу, а другой — к сидящей на краю газона Джилл.

— Вкусно? — спросил Бен.

— Невероятно.

— Спасибо. Это я готовил.

— Бен,— заговорила Джилл, проглотив кусочек бифштекса,— если Смит незаконнорожденный, имеет ли он право наследования?

— Юридически он не является незаконнорожденным. Доктор Мэри Джейн родилась в Беркли; в законах Калифорнии не существует понятия «незаконнорожденный». На родине капитана Брэнта, в Новой Зеландии, также действуют цивилизованные законы. В штате, где родился доктор Уорд Смит — муж Мэри Джейн,— ребенок, родившийся в браке, всегда считается законным. Перед нами человек, имеющий трех законных родителей.

— Погоди, Бен. Этого не может быть. Я не адвокат, но...

— Вот именно. Адвокатов такие мелочи не трогают. По всем кодексам Смит является законнорожденным, хотя на деле он незаконнорожденный. Он имеет право наследования. Его мать была богата, но и отцы не бедствовали. Брэнт вложил все деньги, полученные в лунных походах, в Лунар Энтерпрайзез и получал бешеные дивиденды. У капитана был опасный недостаток — он играл, но ему везло. Выигрыши Брэнт снова вкладывал. Уорд Смит имел фамильное состояние. Наш Смит является наследником обоих.

— Вот это да!

— Это еще не все, рыбка. Смит — наследник всего экипажа.

— Как это получилось?

— Все члены экипажа подписали Джентльменское Соглашение Первопроходца, по которому каждый из них (или ребенок любого из них) является наследником всех остальных. Они хорошо обдумали свое соглашение, взяв за образцы подобные контракты шестнадцатого и семнадцатого веков, которые, практически, невозможно расторгнуть. Все они были состоятельными людьми. У многих были акции Лунар Энтерпрайзез; у Уорда Смита, кажется, даже контрольный пакет.

Джилл подумала о пациенте из палаты К-12, вспомнила, какую трогательную церемонию с водой он устроил, и ей стало жаль его.

Кэкстон продолжал:

— Любопытно было бы почитать бортовой журнал «Посланца». Его нашли, но вряд ли опубликуют.

— Почему нет?

— О, это грязная история. Чтобы ее услышать, мне пришлось хорошо напоить информатора. Доктор Уорд Смит сделал жене кесарево сечение, и она умерла под ножом. Его последующие поступки подтверждают то, что он знает что делает. Доктор тем же скальпелем, которым делал операцию, перерезал горло сначала капитану, а потом себе. Прости, малышка.

— Я медицинская сестра и спокойно реагирую на такие вещи.

— Ты лгунья, и за это я тебя люблю. Я три года работал в полиции, но так и не научился спокойно реагировать.

— А что случилось с остальными?

— Этого мы не узнаем, если не отнимем у бюрократов журнал. А я, хитроглазый газетчик, и думаю, что нам следует это сделать. Секретность — благодатная почва для расцвета тирании.

— Бен, мне кажется, что для Смита будет лучше, если ему откажут в наследстве. Он такой... не от мира сего.

— Точно сказано. И деньги ему не нужны. Человек с Марса с голоду не умрет. Любое правительство, университет или институт будут счастливы принять его в качестве постоянного гостя.

— Еще лучше ему самому отказаться от наследства и забыть о нем.

— Это не так легко, Джилл. Помнишь дело Дженерал Атомикс против Ларкин и К°?

— Ты имеешь в виду Решение Ларкина. В школе проходила, как и все. При чем тут Смит?

— Восстановим события. Русские первыми отправили на Луну корабль, он разбился. Потом полетела американо-канадская экспедиция, она вернулась, но никого на Луне не оставила. После этого Соединенные Штаты вместе с Общим рынком стали готовить экспедицию колонистов; параллельно такую же экспедицию готовила Россия. В это время Дженерал Атомикс запускает корабль с одного из островов, арендуемых у Эквадора. Наши и русские прилетают на Луну, а парни из Дженерал Атомикс уже там.

— Получилось, что Дженерал Атомикс, шведская фирма с контрольным пакетом акций в Штатах, застолбила Луну. Наши не имели права их выгонять, но русские не могли успокоиться. Верховный Суд решил, что юридическое лицо не может быть собственником планеты, и собственниками Луны стали люди, прилетевшие туда первыми,— Ларкин и его экипаж. Их признали суверенной нацией и приняли в Федерацию. Неудачливые претенденты на владение планетой получили компенсацию, а Луну сдали в концессию Дженерал Атомикс и ее дочерней фирме Лунар Энтерпрайзез. От такого решения никто не был в восторге, но оно явилось компромиссом, более или менее удовлетворительным для всех заинтересованных сторон. Позже на его основе были разработаны законы о колонизации планет, направленные на предотвращение кровопролития. Эти законы оправдали себя: Третья Мировая Война началась не из-за столкновения космических интересов. Так вот, решение по делу Ларкина — закон, применимый к Смиту.

— Я тебя не понимаю,— покачала головой Джилл.

— Подумай, Джилл! Согласно нашим законам Смит является суверенной нацией и собственником планеты Марс.

Глава 5

Джилл вытаращила глаза.

— Или я перебрала мартини, Бен, или ты сказал, что наш пациент владелец Марса.

— Да. Он жил на Марсе достаточно долго. Смит — король Марса, президент, единственный гражданин — что тебе больше нравится. Если бы «Чемпион» не оставил на Марсе колонистов, право собственности Смита на эту планету потеряло бы силу. Но колонисты на Марсе остались, и Смит, даже находясь на Земле, владеет Марсом. Ему не нужно делить планету с новыми поселенцами: они на ней всего лишь эмигранты и не станут ее гражданами, пока Смит не даст им этого статуса.

— Фантастика!

— Нет, это реальность. Теперь ты понимаешь, дорогая, почему люди проявляют такой интерес к Смиту и почему власти прячут его в больнице, что, кстати, незаконно? Смит, кроме всего прочего, является гражданином Соединенных Штатов и Федерации, а гражданина, даже осужденного преступника, по закону нельзя лишать общения с внешним миром на территории Федерации. Более того, на протяжении всей истории считалось недружественным актом по отношению к прибывшему с визитом иностранному монарху (каковым является Смит) сажать его под замок, не позволять принимать посетителей и представителей прессы (каковым являюсь я). Теперь ты согласна проводить меня к Смиту?

— А? Бен, я боюсь. Если меня поймают, что со мной будет?

— Ну... Ничего страшного. Тебя посадят в камеру со звуконепроницаемыми стенами, три врача засвидетельствуют твою невменяемость и каждый второй високосный год тебе позволят передавать письмо на волю. Мне интересно, что будет со Смитом.

— А что с ним могут сделать?

— Он может умереть: например, не выдержать земного тяготения.

— Ты хочешь сказать, его убьют?

— Тихо, тихо, к чему бранные слова? Не думаю, что они это сделают. Во-первых, он сокровищница научной информации. Во-вторых, он — посредник между нами и единственной разумной цивилизацией, которую мы обнаружили. Ты когда-нибудь читала Г. Дж. Уэллса «Война миров»?

— Очень давно, в школе.

— Что, если марсиане проявят враждебность? Это

вполне вероятно, а мы не знаем, на что они способны. Смит сумеет выполнить роль миротворца и предотвратить Первую Межпланетную войну. Даже если это и не так, правительство не может не обратить на это внимания. Жизнь на Марсе — это нечто такое, что еще не имеет политического статуса.

— Значит, Смита не тронут?

— В ближайшее время нет. Если, конечно, Генеральный Секретарь сделает правильный выбор. Как известно, в правительстве сейчас разброд.

— Я не слежу за политическими событиями.

— Напрасно. За ними надо следить, как за артериальным давлением.

— За этим я тоже не слежу.

— Не перебивай. Итак, разношерстное большинство, возглавляемое Дугласом, вот-вот распадется из-за разногласий по пакистанскому вопросу. Тогда г-ну Генеральному Секретарю будет предъявлен вотум недоверия, и он отправится к себе в провинцию. Человек с Марса может либо сильно укрепить позиции Дугласа, либо катастрофически ускорить его падение. Ну, ты отведешь меня к Смиту?

— Лучше уйду в монастырь. У тебя есть кофе?

— Сейчас посмотрю.

Они встали со своих мест. Джилл, потягиваясь, простонала:

— О-о-о-х, старые мои косточки! Не нужно кофе, Бен. Завтра у меня трудный день. Отвези меня домой — или отправь, для пущей конспирации.

— Ладно, хотя еще не поздно,— Бен отправился в спальню и вынес оттуда какой-то предмет размером с зажигалку.— Ты отведешь меня к Человеку с Марса?

— Бен, я бы рада, но...

— Успокойся. Не хочешь — не надо. Смотри,— он протянул ей зажигалку.

— Что это такое?

— Диктофон. Лучший друг шпиона со времен Мики Финна. Работает на батарейках — ищейки не засекут. Одной батарейки хватает на сутки, потом ее вынимаешь и ставишь другую. В корпусе батарейки находится кассета для записи.

— Он не взорвется? — испуганно спросила Джилл.

— Гарантирую. Можешь начинить им пирог и отправить в духовку.

— Бен, я боюсь входить к Смиту в комнату.

— Войди в соседнюю.

— Ладно, я попробую.

— У этой штуки слух, как у собаки. Прикрепи ее липкой лентой вогнутой стороной к стене — и она запишет все, что будет происходить за стеной.

— Меня могут заметить... Бен, палата Смита имеет общую стену с другой палатой, куда входят из другого коридора. Можно, я прикреплю диктофон там?

— Можно. Значит, берешься?

— Я постараюсь. Давай его сюда.

Кэкстон протер диктофон носовым платком.

— Надень перчатки.

— Зачем?

— Чтобы не провести отпуск за решеткой. Не трогай диктофон без перчаток и постарайся, чтобы никто его у тебя не видел.

— Великолепная перспектива!

— Идешь на попятный?

— Нет,— тяжело вздохнула Джилл.

— Умничка.

Блеснул свет. Бен глянул в окно.

— Это твое такси. Я его вызвал, когда ходил за диктофоном.

— Поищи, пожалуйста, мои туфли. Не провожай: чем реже нас будут видеть вместе, тем лучше.

— Как прикажешь.

Бен помог Джилл обуться. Она обхватила его голову руками и поцеловала.

— Милый Бен! Из этого ничего хорошего не выйдет. Я не знала, что ты преступник, зато ты хорошо готовишь, если тебе расфасовать продукты и настроить плиту. Я бы вышла за тебя замуж, если бы мне еще раз удалось выманить у тебя предложение.

— Предложение остается в силе.

— Разве гангстеры женятся на своих девках? — и Джилл поспешно вышла.

Джилл без труда установила диктофон. Женщина, лежавшая в нужной палате, была прикована к постели. Джилл остановилась поболтать с ней и прикрепила диктофон над полочкой для туалетных принадлежностей, сетуя на то, что горничные никогда не вытирают пыль. Назавтра она так же легко сменила кассету:

больная спала. Она проснулась, когда Джилл выходила. Джилл рассказала ей больничную сплетню.

Извлеченную из диктофона запись Джилл отправила Кэкстону по почте, сочтя это наиболее безопасным.

Третью кассету ей вставить не удалось. Больная долго не засыпала и, едва Джилл успела влезть на стул, проснулась.

— Здравствуйте, мисс Бордмэн!

Джилл застыла.

— Здравствуйте, миссис Фритчли,— пролепетала она.— Как вам спалось?

— Плохо,— грозно произнесла женщина.— У меня болит спина.

— Хотите, я вам ее разотру?

— Не трудитесь: не поможет. Что вы все копаетесь в уборной? Что там случилось?

— Мыши,— пробормотала Джилл.

— Мыши? Немедленно переведите меня в другую комнату!

Джилл оторвала прибор от стены, сунула в карман и слезла со стула.

— Не волнуйтесь, миссис Фритчли, в вашей палате мышей нет. Я проверяла, есть ли норы.

— Это правда?

— Конечно. Давайте, я разотру вам спину.

Джилл установила диктофон в комнате, через которую она входила к Смиту. Будь что будет! Она взяла ключ от комнаты и обнаружила, что дверь не заперта, а на кровати сидят еще двое часовых.

— Что нужно? — Один из них обернулся к Джилл.

— Ничего. Не сидите на кровати, ребята,— сухо ответила она.— Если вам нужны стулья — скажите, мы их вам доставим.

Солдаты неохотно встали. Джиллиан вышла, стараясь не показать, что испугалась.

До конца смены прибор лежал у Джилл в кармане. Она решила немедленно вернуть его Кэкстону. Сидя в такси, она набрала номер Бена.

— Кэкстон слушает.

— Бен, это Джилл. Нужно встретиться.

— Это не слишком благоразумно,— недовольно произнес он.

— Бен, это нужно. Я уже еду.

— Ну, если очень нужно...

— Какой энтузиазм!

— Не подумай, что я...

— Пока! — Она бросила трубку, поразмыслила и решила не держать на Бена зла.

Сама виновата: влезла не в свое дело. От политики лучше держаться подальше.

В объятиях Бена она почувствовала себя спокойнее. Он такой милый, может, стоит выйти за него. Она хотела заговорить, но Бен ладонью прикрыл ей рот.

— Молчи,— шепнул он.— Нас наверняка подслушивают.

Она кивнула, вынула из кармана диктофон и протянула Кэкстону. Он поднял брови и вместо ответа вручил ей вечерний выпуск «Пост».

— Читала газеты? — спросил он обычным голосом.— Посмотри, пока я умоюсь.

— Спасибо.

Бен показал Джилл, что нужно читать, и вышел, захватив с собой диктофон.

Автором статьи был Бен:

ВОРОНЬЕ ГНЕЗДО

Бен Кэкстон

Всем известно, что больницы сродни тюрьмам: из них трудно выбраться. Заключенный иногда пользуется даже большей свободой, чем больной. Заключенный может послать за адвокатом, потребовать Беспристрастного Свидетеля, сослаться на Habeas corpus* и добиться открытого слушания дела.

Однако стоит врачу подписать распоряжение «ПОСЕТИТЕЛЕЙ НЕ ВПУСКАТЬ», и пациента предают забвению, как Железную Маску. Конечно, ближайших родственников впускают к больному, но у Человека с Марса нет родственников или близких. Астронавты с «Посланца» не имели на Земле гнезд. Если у Железной Маски, простите, у Человека с Марса, и есть родственник, который мог бы представлять его интересы, то мы, репортеры, его еще не нашли.

Кто расписывается за Человека с Марса? Кто приказал окружить его вооруженной охраной? Неужели болезнь его так страшна, что с ним нельзя видеться или

---

* Английский закон 1679 г. о неприкосновенности личности.

говорить? Я обращаюсь к вам, г-н Генеральный Секретарь. «Физическая слабость», «Неспособность справиться с земным тяготением» — это не ответ. Будь это правдой — зачем вооруженные солдаты? Достаточно дюжего санитара.

Может быть, болезнь Человека с Марса носит финансовый характер? Или политический?..— И дальше в том же духе.

Джилл видела, что Бен подначивает правительство, пытаясь спровоцировать его на открытые действия. Она понимала, что это опасно, но не знала, откуда исходит опасность и насколько она велика.

Джилл пролистала газету. Репортажи о «Чемпионе»; снимки, на которых запечатлен Генеральный Секретарь Дуглас, раздающий медали; интервью с капитаном ван Тромпом и его ребятами, марсианские кадры. О Смите всего несколько слов: он медленно оправляется от последствий трудного перелета.

Вернулся Бен и положил Джилл на колени несколько листков тончайшей бумаги:

— Вот еще газета.

Это оказалась расшифровка диктофонной записи. Реплики были помечены: «Первый голос», «Второй голос» и так далее. Бен, где мог, написал имена говорящих. В самом начале значилось: «Все голоса мужские».

Из большинства реплик явствовало, что Смит под присмотром Доктора Нельсона и Второго Врача ел, умывался, проходил различные процедуры и делал физические упражнения.

Но вот попался совсем не больничный отрывок. Джилл прочитала его несколько раз.

Доктор Нельсон: Как ты себя чувствуешь, сынок? Можешь говорить?

Смит: Могу.

Доктор Нельсон: С тобой хочет побеседовать человек.

Смит: Какой (*примечание Кэкстона: каждой реплике Смита предшествует пауза*)?

Нельсон: Это наш великий (*примечание Кэкстона: непонятное слово — наверное, марсианское*). Он наш самый старший Брат. Поговоришь с ним?

Смит (очень большая пауза): Я счастлив. Старший Брат будет говорить, а я буду слушать и расти.

Нельсон: Нет, нет! Он хочет кое о чем тебя спросить.

Смит: Я не могу учить Старшего Брата.

Нельсон: Старший Брат так хочет. Ты позволишь ему задавать вопросы?

Смит: Да.

(Шум.)

Нельсон: Проходите сюда, сэр. Доктор Махмуд будет переводить.

Джилл прочитала: «Новый голос». Кэкстон зачеркнул это, а сверху написал: «Генеральный Секретарь Дуглас!!!»

Генеральный Секретарь: Зачем он нужен? Вы, кажется, говорили, что Смит понимает по-английски?

Нельсон: И да, и нет, Ваше Превосходительство. Он помнит какие-то слова, но, как говорит доктор Махмуд, не знает их культурного контекста. Могут быть недоразумения.

Генеральный Секретарь: Я думаю, мы друг друга поймем. В молодости я путешествовал автостопом по Бразилии, ни слова не зная по-португальски. Представьте нас друг другу и оставьте вдвоем.

Нельсон: Сэр! Позвольте мне остаться с моим пациентом.

Генеральный Секретарь: Доктор, боюсь, что это невозможно. Простите.

Нельсон: Боюсь, сэр, что не могу вам подчиниться. Медицинская этика...

Генеральный Секретарь (перебивает): Я юрист и кое-что понимаю. Не пугайте меня своей этикой. Ваш пациент сам выбрал вас?

Нельсон: Нет, но...

Генеральный Секретарь: А вы давали ему такую возможность? Сомневаюсь! Ваш пациент находится под опекой государства, и я действую как опекун — де факто и де юре. Я хочу поговорить с подопечным наедине.

Нельсон (большая пауза, потом сдавленно): Если так, сэр, я отказываюсь от пациента.

Генеральный Секретарь: Вы не так меня поняли, доктор. Я не подвергал сомнению правильность вашего лечения. Но, согласитесь, ни один врач не может запретить матери поговорить с сыном наедине. Вы боитесь, что я могу чем-то повредить здоровью Смита?

Нельсон: Нет, но...

Генеральный Секретарь: Тогда в чем дело? Пред-

ставьте нас друг другу и покончим с этим. Наши пререкания скорей повредят больному.

Нельсон: Ваше Превосходительство, я представлю вас, а потом вы подберете вашему подопечному другого врача.

Генеральный Секретарь: Простите, доктор, я не могу принять ваш отказ. Мы обсудим это позже. А сейчас, я вас прошу...

Нельсон: Пройдите сюда, сэр. Сынок, вот человек, который хочет с тобой поговорить. Наш великий Старший Брат.

Смит: (что-то нечленораздельное).

Генеральный Секретарь: Что он сказал?

Нельсон: Он вас приветствует. Махмуд говорит, что по-марсиански это значит «Я всего лишь яйцо» или что-то в этом роде. Это выражение почтения. Сынок, говори по-человечески. А вы, Ваше Превосходительство, старайтесь говорить проще.

Генеральный Секретарь: Да, конечно.

Нельсон: До свидания, Ваше Превосходительство! До свидания, сынок!

Генеральный Секретарь: Спасибо, доктор. До скорого.

Генеральный Секретарь (к Смиту): Как ты себя чувствуешь?

Смит: Отлично.

Генеральный Секретарь: Вот и хорошо. Нуждаешься ли ты в чем-нибудь? Если да, скажи. Мы постараемся, чтобы тебе было хорошо. У меня есть к тебе просьба. Ты умеешь писать?

Смит: Писать? Что такое писать?

Генеральный Секретарь: М-м-да... Ну ладно, сойдет и отпечаток пальца. Я сейчас прочитаю тебе документ. Там много юридических рассуждений, но суть в том, что ты, поскольку ты уже не живешь на Марсе, должен отказаться от каких бы то ни было, то есть, от всех, претензий на эту планету. Ты меня понимаешь? Ты должен передать свои права государству.

Смит: (молчание).

Генеральный Секретарь: Ну, ладно, подойдем с другой стороны. Ты ведь не считаешь, что Марс — твоя собственность?

Смит (значительная пауза): Я не понимаю.

Генеральный Секретарь: Ну, хорошо, давай по-другому. Ты хочешь остаться у нас?

Смит: Я не знаю. Меня послали Старшие Братья. (Длинное непонятное высказывание, по звучанию похожее на драку кошки с лягушкой.)

Генеральный Секретарь: Черт возьми! Могли бы за это время поосновательней обучить его английскому. Послушай, сынок, не горячись. Просто поставь здесь отпечаток пальца. Дай мне правую руку. Нет, поверни другой стороной. Дай сюда! Я тебе ничего плохого не сделаю... Доктор! Доктор Нельсон!

Второй Врач: Да, сэр?

Генеральный Секретарь: Позовите доктора Нельсона.

Второй Врач: Доктора Нельсона? Он ушел, сэр. Он сказал, что вы отстранили его от работы с этим больным.

Генеральный Секретарь: Он так сказал? Проклятье! Сделайте что-нибудь: искусственное дыхание, укол! Что вы стоите, разве не видите: человек умирает!

Второй Врач: Я боюсь, что сделать ничего нельзя, сэр. Нужно подождать, пока больной выйдет из этого состояния. Доктор Нельсон поступал именно так.

Генеральный Секретарь: Чертов Нельсон!

Голос Генерального Секретаря в записи больше не встречался, как и голос доктора Нельсона. Джилл догадалась, вспомнив больничные пересуды, что Смит «ушел» в свое привычное оцепенение. Появились новые голоса.

Первый: Можешь говорить в полный голос: он не услышит.

Второй: Убери поднос. Очнется — тогда покормим.

Появился Бен. В руках он держал еще несколько тонких бумажных листков. Не показывая их Джилл, он спросил:

— Проголодалась?

— Ужасно.

— Пойдем застрелим корову.

Они молчали, пока не доехали до Александрии и не пересели в такси с балтиморским номером. Настроив такси на полет в Хэгерстаун, штат Мэриленд, Бен обернулся к Джилл.

— Теперь можно поговорить.

— К чему такая конспирация?

— Прости, золотце. Я не знаю точно, установлены ли в моем доме диктофоны, но могу это с большой сте-

пенью вероятности предположить. Если я подслушиваю, то и меня могут подслушивать. Такси, которое я вызвал из отеля, могло быть чистым, а могло иметь уши. Особая служба работает оперативно. В этой машине...— Бен пощупал сиденье.— Не могут же они нашпиговать все машины. В случайном такси ничего не должно быть.

Джилл вздрогнула.

— Думаешь, они...— и не договорила.

— Тут думать нечего. Ты читала мою колонку. Вот уже девять часов, как я ее сдал. Неужели правительство за здорово живешь простит мне такой выпад?

— Ты и раньше выступал против властей...

— Сейчас другое дело. Я обвинил правительство в том, что оно превратило Смита в политического заключенного. Правительство, Джилл,— это живой организм, и, как всякое живое существо, оно руководствуется инстинктом самосохранения, отвечая ударом на удар. В этот раз я нанес очень болезненный удар. Не следовало мне впутывать тебя.

— А я больше не боюсь. С тех пор, как принесла тебе эту штуковину.

Мы связаны. Если меня возьмут в оборот, то и тебе несдобровать.

Джилл замолкла. Ее ни разу серьезно не отшлепали в детстве и, может быть, пару раз отчитали во взрослой жизни, и теперь ей трудно было поверить, что она в опасности. Как медицинской сестре, ей приходилось видеть следы жестокости, но разве что-то подобное может случиться с *ней*?

Такси заходило на посадку, когда Джилл спросила:

— Бен, что будет, если Смит умрет?

— Хороший вопрос,— нахмурился Бен.— Если больше вопросов нет, урока не будет.

— А если серьезно?

— Гм... Я давно об этом думаю. Вот лучшие ответы, которые я нашел. Если Смит умрет, его право на Марс потеряет силу. Возможно, оно перейдет к колонистам, которые сошли с «Чемпиона». Правительство, вероятно, приняло какое-то решение на этот счет, прежде чем отправить корабль на Марс. «Чемпион» принадлежит Федерации, но вполне возможно, что Марс отдан на откуп лично Генеральному Секретарю Дугласу. Это помогло бы ему еще какое-то время продержаться у власти. С другой стороны, Смит умрет — и ничего не произойдет.

— Почему?

— Потому, что дело Ларкина — не совсем точный прецедент. Луна была необитаема, а Марс заселен марсианами. В настоящий момент их в расчет не принимают, но вполне возможно, что Верховный Суд учтет политическую ситуацию и вынесет решение о том, что на планете, заселенной негуманоидами, наши законы недействительны. Тогда придется отвоевывать Марс у марсиан.

— Но, Бен! Это уже будет какой-никакой прецедент. А тут — один человек владеет целой планетой! Это невероятно!

— Никогда не говори этого слова адвокату. Он тебя не поймет, потому что по долгу службы по три раза в день делает из мухи слона и наоборот. Кроме того, нечто подобное произошло в пятнадцатом веке. Папа Римский отдал Западное полушарие Испании и Португалии, хотя там жили индейцы и у них были свои законы, обычаи и права собственности. Это тоже имело свои результаты. Возьми карту и посмотри, где говорят по-испански, а где — по-португальски.

— Да, но сейчас не пятнадцатый век.

— Это юридический вопрос. Если Верховный Суд примет решение по аналогии с делом Ларкина, Смит обязан будет сдать Марс в концессию. Он получит за это миллионы, а скорее, миллиарды. Если Суд отдаст право собственности на Марс государству, все получит Генеральный Секретарь Дуглас.

— Бен, зачем одному человеку такая власть?

— А зачем мошки летят на свет? Состояние Смита почти так же значительно, как статус короля Марса. У него можно отобрать права скваттера, но никак нельзя оспорить его прав на Лайл-драйв и долю в Лунар Энтерпрайзез. Что будет, если он умрет? Объявятся разные кузены и кузины. От этих падких на деньги деятелей Фонд Науки успешно отбивается вот уже двадцать пять лет. Если Смит умрет, не оставив завещания, и эти деньги отойдут государству.

— Федерации или Соединенным Штатам?

— Это отдельный вопрос, на который я не могу ответить. Родители Смита — выходцы из двух разных стран, включенных в Федерацию. Сам Смит родился за пределами Федерации. Тут столкнется множество интересов. Смит своего состояния не получит: он не может

отличить облигацию от авиабилета. Деньги Смита получит тот, кто его первым одурачит. Я сомневаюсь даже, что Ллойдс решится застраховать его жизнь — это верный проигрыш.

— Бедный, бедный мальчик!

Глава 6

Ресторан, в который они приехали, работал «на природе». Столики стояли под деревьями и на лужайке, спускавшейся к озеру. Джилл хотела сесть под деревьями, но Бен сунул метрдотелю хрустящую бумажку и попросил поставить столик у воды.

Джилл возмущалась:

— Не понимаю, зачем платить такие деньги, если нельзя сесть в тени и нужно терпеть этот идиотский ящик.

— Спокойно, малышка. Столы под деревьями наверняка оборудованы микрофонами. А наш столик чист, потому что его только что принесли из кладовой. Что же до стереовизора, то обедать без него было бы не по-американски, а кроме того, он отлично заглушит наши голоса с помощью направленного микрофона, если нами интересуются ищейки мистера Дугласа.

— Ты думаешь, что за нами так пристально следят? — Джилл передернула плечами.— Бен, я не создана для жизни в бегах.

— Вот еще! Когда я описывал скандал на Дженерал Синтетикс, я ни разу не ночевал дважды в одном и том же месте и не ел ничего, кроме консервов. Придется и тебе привыкать — это хорошо стимулирует обмен веществ.

— Моему обмену веществ такая стимуляция не требуется. Все, что мне нужно — это пожилой состоятельный больной.

— А я?

— А ты — после того, как сыграет в ящик мой будущий супруг. Может, я стану такой богатой, что смогу держать тебя в должности любовника.

— Давай сегодня и начнем.

— Я сказала: после того, как умрет мой будущий муж.

Музыкальная программа вдруг прервалась и на экране появилось лицо диктора, который, улыбаясь, объявил:

— Программа Нью Уорлд Нетворкс вместе со своим спонсором «Уайз Герл Мальтузиан Лозенгес»* уступает свое время в эфире правительственной программе для передачи важного сообщения. Девушки, будьте благоразумными, пользуйтесь «Уайз Герл»**. Это легкодоступное, приятное на вкус, со стопроцентной гарантией средство. Согласно закону под номером 1312, продается без рецепта. Забудьте старые, грубые и ненадежные средства и Его любовь всегда будет с Вами! — диктор, хищный красавец, скосил глаза в сторону и заторопился.— Передаю слово «Уайз Герл», которая, в свою очередь, уступит место у экрана Генеральному Секретарю.

В стереовизоре возникла молодая женщина, такая женственная, чувственная и соблазнительная, что даже мраморные атланты должны были соблазниться, глядя на нее. Она потянулась, вильнула бедрами и томным голосом сказала:

— Я принимаю только «Уайз Герл».

Изображение исчезло и зазвучал государственный гимн. Бен спросил:

— А ты принимаешь «Уайз Герл»?

— Не твое дело,— огрызнулась Джилл. Потом добавила.— А почему ты решил, что мне вообще это нужно?

Кэкстон не ответил: на весь экран расплылось отеческое лицо Генерального Секретаря.

— Друзья! — начал Дуглас.— Сограждане по Федерации! Сегодня мне оказана величайшая честь. Триумфальное возвращение славного «Чемпиона»...— он продолжал поздравлять землян с успешно прошедшим актом общения с другой планетой. Он доказал, что успех «Чемпиона» был успехом персонально каждого жителя Земли, что каждый мог бы возглавить экспедицию на Марс, если бы не был связан повседневной работой, и что он, Генеральный Секретарь Дуглас, был только скромным орудием воли народа. Речь Дугласа была великолепно продумана и основывалась на убеждении, что всякий простой человек ничем не хуже, а скорее, даже лучше большинства себе подобных, и старый добрый Джо Дуглас — такой же простой человек, как

---

* Название фирмы по-англ. означает «Противозачаточные таблетки для благоразумных девушек».

** Фирменное название таблеток и имя рекламной модели. Означает «благоразумная девушка».

все. Об этой его простоте свидетельствовали сдвинутый набок галстук и взъерошенные волосы.

Кэкстону стало любопытно, кто подготовил эту речь для Генерального Секретаря. Наверное, Джим Сэнфорт; это самый искусный льстец в команде Дугласа. До того, как Сэнфорт ушел в политику, он работал в рекламе. Да, этот пассаж о «руке, что качает колыбель», бесспорно, работа Джима: он всегда играет на самых чувствительных струнах.

— Выключи эту гадость! — скомандовала Джилл.

— Тише, малышка. Мне нужно это послушать.

— ...и вот, друзья, мне оказана честь представить вам нашего нового согражданина Валентайна Майкла Смита, Человека с Марса. Майк, мы знаем, что ты устал и не совсем здоров, но, пожалуйста, скажи своим друзьям пару слов.

Показали человека в инвалидной коляске. С одной стороны над ним нависал Дуглас, а с другой стороны жестко накрахмаленная и очень фотогеничная сестра милосердия.

Джилл вскрикнула. Бен шикнул:

— Т-с-с-с! Молчи!

На детском лице человека в коляске расцвела робкая улыбка. Он посмотрел в объектив и сказал:

— Привет, ребята. Простите, что сижу. Я еще не совсем здоров.

Он говорил с видимым трудом; как только он закончил, сестра принялась проверять ему пульс.

Отвечая на вопросы Дугласа, человек в коляске выразил благодарность капитану ван Тромпу и его экипажу, поблагодарил врачей за спасение его жизни, заверил всех, что население Марса приветствовало контакт с Землей и обещал помочь в налаживании добрых отношений между двумя планетами. Сестра хотела уже прервать интервью, но Дуглас вкрадчиво спросил:

— Майк, ты в состоянии ответить еще на один вопрос?

— Конечно, мистер Дуглас.

— Майк, тебе понравились наши девушки?

— Еще бы!

На младенческом лице человека в коляске проступил ужас, восторг, потом румянец. Объектив переместился на лицо Генерального Секретаря.

— Майк просил передать,— продолжал Дуглас отече-

ским тоном,— что обязательно выступит перед вами еще раз, как только поправится. Ему нужно набраться сил. Я думаю, на следующей неделе доктора позволят ему встретиться с вами.

Снова включили рекламу противозачаточных таблеток. Зрителям наглядно продемонстрировали, что девушка, которая не принимает таблеток «Уайз Герл», не только неблагоразумна, но и непривлекательна настолько, что мужчины от нее шарахаются.

Бен переключил стереовизор на другой канал, и хмуро проговорил:

— Приготовленную на завтра колонку можно порвать и выбросить. Дуглас взял его под контроль.

— *Бен, но это не Человек с Марса!*

— Что-о? Ты уверена, малышка?

— Это человек, очень похожий на нашего пациента, но не он.

Бен возразил, что Смита видели десятки людей: охрана, врачи, сестры, астронавты с «Чемпиона», возможно, и другие люди. Они могли смотреть информационный выпуск и заметить подмену. Вряд ли правительство станет так рисковать.

Джилл выпятила нижнюю губу и повторила, что человек, который выступал по стереовидению,— не Смит.

— Не веришь, и не надо! — рассердилась она.— Ох уж, эти мужчины!

— Ну, Джилл!

— Отвези меня домой.

Бен отправился за такси — в отель, стоявший через дорогу.

В машине Джилл холодно молчала. Бен принялся перечитывать диктофонные записи.

— Джилл! — позвал он.

— Слушаю вас, мистер Кэкстон.

— За что такое позорное прозвище? Прости меня, Джилл, я был неправ.

— Как вам удалось прийти к подобному заключению?

— Вот! — Бен помахал листком бумаги.— Смит не мог выступать по стереовидению. Он ушел в себя.

— Слава Богу, ты начинаешь видеть очевидное.

— Какой я идиот! Ты понимаешь, что это значит?

— Понимаю. Они наняли актера, который сыграл Смита. Я тебе это сказала час назад.

— Типаж хорошо подобран и тщательно обучен. Что это значит? Одно из двух: либо Смит умер...

— Умер! — Джилл снова вспомнила странную церемонию питья воды, вспомнила мягкую неземную энергию, исходящую от Смита, и ей стало невыносимо грустно.

— Ну да! В этом случае он будет жить столько, сколько потребуется Дугласу. Когда же Смит станет бесполезным, он «умрет» и отправится вон из города под каким-нибудь наркотиком или с лоботомией. Если Смит мертв, все очень скоро утихнет, и мы никогда не узнаем правду. Поэтому давай считать, что он жив.

— Я надеюсь, что он жив!

— Что тебе Гекуба, что ты Гекубе? — перевраал Кэкстон.— Если твой друг жив, то, возможно, все будет в порядке. Общественные деятели очень часто прячутся за спины двойников. Может случиться, что через три-четыре недели Смит будет в состоянии предстать перед публикой, и двойника разжалуют. Хотя вряд ли.

— Почему?

— Подумай сама. Дуглас пытался выдавить из Смита нужные слова, но не сумел. Поэтому он постарается запрятать живого Смита куда подальше, и мы никогда не увидим настоящего Человека с Марса.

— Смита убьют?

— Зачем так грубо? Его поместят в частную клинику и будут заботливо оберегать от внешнего мира.

— Боже мой, что делать?

Кэкстон помрачнел.

— Придется принять правила их игры или нанять зубастого адвоката, пригласить Беспристрастного Свидетеля и требовать встречи со Смитом. Может быть, удастся вывести их на чистую воду.

— Бен, я с тобой!

— Тебе нельзя выступать открыто. Рухнет карьера.

— Но кто, кроме меня, его опознает?

— Честно говоря, я и сам отличу человека, воспитанного инопланетянами, от актера, изображающего такого человека. А ты будешь моим козырем: ты в курсе дела и имеешь доступ в клинику. Если со мной что-нибудь случится — поступай как знаешь.

— Бен, с тобой ничего не случится!

— Девочка, я полез не в свою весовую категорию.

— Бен, мне это не нравится. Что ты станешь делать, если тебя пропустят к Смиту?

— Спрошу, не хочет ли он уйти из больницы. Если он скажет да, позову его с собой. В присутствии Беспристрастного Свидетеля никто не посмеет его остановить.

— Что дальше? За ним нужно ухаживать, Бен. Он сам о себе не позаботится.

— Я думал об этом,— снова нахмурился Кэкстон,— и готов за ним ухаживать. Поселим Смита у меня...

— А я буду за ним присматривать. Как здорово!

— Не выйдет. Дуглас нас выследит и снова водворит Смита в больницу. А заодно и нас с тобой,— Кэкстон наморщил лоб.— Придумал! Знаешь Джубала Харшоу?

— Кто же его не знает?

— Это одно из его достоинств. Именно потому, что его все знают, его трудно убрать. Он одновременно и врач, и юрист, поэтому его еще труднее обмануть. Но самое главное, он закоренелый индивидуалист и, если нужно, в одиночку выйдет против всей Федерации с перочинным ножом. Я с ним познакомился во время проверки на лояльность; на него можно положиться. Если мне удастся вытащить Смита из Бетесды, я отвезу его к Харшоу в Поконос — и пусть эти ищейки попробуют его достать. С моей статьей и любовью Харшоу к драке, мы им всем покажем!

Глава 7

Несмотря на поздний вечер, Джилл сменилась на десять минут раньше. Нельзя открыто участвовать в попытке Бена освободить Смита, но нужно быть рядом. Бену может понадобиться помощь.

Коридор не охранялся. Два часа она провозилась с тележками, лекарствами и двумя больными, которых нужно было подготовить к операции. Ей только однажды удалось проверить дверь палаты К-12. Она была заперта так же, как и соседняя. Теперь, когда не было охраны, Джилл решила прокрасться через другую комнату, но так как она была очень занята, ей пришлось отложить задуманное. Несмотря на это, она внимательно наблюдала за каждым входящим на ее этаж.

Бен не появлялся. Джиллиан задала несколько осторожных вопросов своей помощнице и по ответам поняла, что за время ее отсутствия на посту в палату К-12 никто не входил. Джилл недоумевала: Бен не назначил точного

времени, но он намеревался осуществить операцию в первой половине дня.

И вот Джилл не выдержала. Улучив свободную минутку, она постучала в комнату врача, заглянула туда и изобразила удивление.

— О! Доброе утро, доктор. Я думала, здесь доктор Фрейм.

— Я его не видел, сестра. Доктор Браш, к вашим услугам.

Типичная мужская реакция. Джилл успокоилась.

— Спасибо, ничего не нужно. Как поживает Человек с Марса?

— Кто?

— Доктор, для больницы это давно не секрет,— Джилл улыбнулась, кивая на дверь.— Как поживает ваш больной?

— Вы хотите сказать, что здесь лежит Человек с Марса? — удивился врач.

— Разве нет?

— Нет, с точностью до шести знаков. Здесь лежит миссис Роуз Банкерсон — пациент доктора Гарнера. Ее поместили сюда утром.

— Правда? А что случилось с Человеком с Марса?

— Ни малейшего представления. Так хотел на него посмотреть, и не успел!

— Еще вчера он был здесь.

— Везет же людям! А мне достается Бог знает кто.— врач включил экран над столом.

Джилл увидела кровать с водяным баллоном, на которой колыхалась маленькая старушка.

— Что с ней?

— Гм... если бы у нее не было столько денег, это называлось бы старческим слабоумием. А с деньгами — обследование и общеукрепляющие процедуры.

Джилл немного поболтала, потом сказала, что ее, кажется, зовут на пост, и ушла. Достала ночной журнал — да, вот оно: В. М. Смит, К-12, переведен. И ниже: Роуз С. Банкерсон (ж), К-12 (спец. диета, кухня проинструктир. докт. Гарнером, предписаний нет, дежурный по этажу не отвечает).

Почему Смита перевели ночью? Чтобы никто не видел? Куда же его отправили? Можно было позвонить в приемное отделение, но, помня предостережения Бена, Джилл не отважилась на это. Она решила подождать

естественного развития событий и послушать, что говорят.

Сначала она позвонила Бену на работу. Ей сказали, что его нет в городе. У Джилл от испуга отнялся язык, но она овладела собой и попросила оставить Бену записку.

Джилл позвонила Бену в отель; его не оказалось и там, и она вновь попросила оставить для него записку.

Бен Кэкстон не терял времени зря. Он заполучил в свое распоряжение Джеймса Оливера Кавендиша. Кэкстон мог бы воспользоваться услугами другого Беспристрастного Свидетеля, но авторитет Кавендиша был настолько велик, что ему почти не нужен был адвокат. Этот почтенный джентльмен не раз свидетельствовал перед Верховным Судом, и говорили, что при нем составлено завещаний на миллиарды. Он больше зарабатывал в день, чем Бен в неделю, но Бен собирался расплатиться с ним за счет редакции.

Бен пригласил младшего Фрисби из «Бидл, Фрисби, Фрисби, Билд и Рид», и вдвоем они отправились к Свидетелю Кавендишу. Дородный Кавендиш в своем белом одеянии был похож на Статую Свободы. Еще до встречи с Кавендишем Бен объяснил Марку Фрисби, что им предстоит делать (Фрисби заметил, что не имеет на это прав); в присутствии Свидетеля оба обязались, не обсуждая, фиксировать то, что увидят и услышат.

Такси привезло их в медицинский центр и они направились к директору. Бен отдал свою визитную карточку и сказал, что хочет видеть директора. Суровая женщина спросила Бена, договорился ли он с директором о встрече. Бен признался, что нет.

— В таком случае у вас мало шансов увидеть доктора Бремера. По какому делу вы пришли?

Кэкстон ответил громко, чтобы слышали все окружающие:

— Передайте, пожалуйста, директору, что пришел Кэкстон, ведущий в «Пост» рубрику «Воронье гнездо»; пришел с адвокатом и Беспристрастным Свидетелем и хочет побеседовать с Валентайном Майклом Смитом, Человеком с Марса.

Женщина испугалась, но быстро овладела собой и холодно произнесла:

— Садитесь, пожалуйста. Я доложу о вас.

— Спасибо, я постою.

Фрисби сломал сигарету, Кэкстон переминался с ноги на ногу, Кавендиш, как человек, видавший все проявления добра и зла, был совершенно спокоен.

Наконец вернулась снежная королева.

— С вами поговорит мистер Берксвит,— объявила она.

— Берксвит? Джил Берксвит?

— Мистер Джилберт Берксвит.

Кэкстон знал Берксвита — он был из отряда марионеток Дугласа.

— Мне не нужен Берксвит, я хочу поговорить с директором.

Но Берксвит уже вышел им навстречу, помахивая рукой в знак приветствия и радушно улыбаясь.

— Бенни Кэкстон! Здорово, приятель! Ты все там же?

— Все там же. Что ты здесь делаешь, Джил?

— Если я когда-нибудь освобожусь от общественной деятельности, тоже возьму колонку в газете, слов на тысячу скандальной хроники, и буду валять дурака. Я тебе завидую, Бен.

— Я спросил, Джил, что ты здесь делаешь? Я хочу поговорить с директором и Человеком с Марса. Я пришел не для того, чтобы ты мне зубы заговаривал.

— Не надо так, Бен. Газетчики замучили доктора Бремера, и Генеральный Секретарь прислал меня ему в помощь.

— Хорошо. Я хочу поговорить со Смитом.

— Бен, старина, этого хотят все репортеры, специальные корреспонденты, писатели, комментаторы, внештатные корреспонденты и корреспондентши. Двадцать минут назад сюда приходила Ролли Пиперс. Она хотела расспросить Смита о том, как марсиане любят друг друга,— Берксвит развел руками.

— Я хочу видеть Смита. Имею я на это право?

— Бен, давай поговорим в другом месте, в спокойной обстановке. Спросишь меня, о чем только захочешь.

— Мне от тебя ничего не нужно. Я хочу видеть Смита. Вот мой адвокат, Марк Фрисби.

Беспристрастного Свидетеля представлять не полагалось.

— Мы знакомы,— сказал Берксвит.— Как здоровье отца, Марк? Все тот же насморк?

— Да, все по-старому.

— Дурацкий климат. Пойдем, Бен. И ты, Марк.

— Итак,— сказал Кэкстон,— я хочу видеть Валентайна Майкла Смита. Я представляю газету «Пост» и двести миллионов читателей. Мне дадут возможность побеседовать со Смитом? Если нет, скажите об этом прямо и дайте юридическое обоснование отказа.

— Марк,— вздохнул Берксвит,— объясни этому сплетнику, что нельзя врываться в комнату к больному человеку. Смит вчера выступал перед общественностью, несмотря на запрет врача. Ему нужен покой, иначе он не восстановит силы.

— Ходят слухи,— сказал Кэкстон,— что вчерашнее выступление — фальшивка.

Берксвит перестал улыбаться.

— Фрисби,— произнес он холодно,— ваш клиент слишком резко выражается.

— Не горячитесь, Бен,— сказал Фрисби.

— Я знаю закон о клевете, Джил. Кого я сейчас оклеветал? Человека с Марса или кого-то еще? Ну, кого? — Бен повысил голос.— Повторяю: я слышал, что человек, интервью с которым передавали вчера по третьему каналу, не был Человеком с Марса. Я хочу увидеть Человека с Марса и спросить его об этом.

В приемной стало очень тихо. Берксвит посмотрел на Беспристрастного Свидетеля, выдавил улыбку и сказал:

— Ну что ж, ты выговорил себе интервью, Бен, с судебным процессом в придачу. Я сейчас вернусь.

Он вышел и вернулся через четверть часа.

— Я договорился,— устало сказал Берксвит,— хотя ты, Бен, этого не заслуживаешь. Может пойти еще Марк: Смит болен, нельзя вваливаться к нему толпой.

— Нет,— отрезал Кэкстон.— Или все трое, или никто.

— Бен, не упрямься. Тебе и так сделали одолжение. Марк пойдет с тобой и подождет за дверью, а он,— Берксвит кивнул на Кавендиша,— тебе не нужен.

Кавендиш молчал, словно ничего не слышал.

— Что ж, завтра я напишу в газете, что представители администрации отказали Беспристрастному Свидетелю в визите к Человеку с Марса.

— Ладно,— пожал плечами Берксвит.— Я надеюсь, Бен, что клеймо клеветника тебя утихомирит.

Из уважения к возрасту Кавендиша они поехали на лифте, а потом перешли на движущуюся дорожку, которая бежала мимо лабораторий, кабинетов и палат. Их

остановил часовой, предупредил о них кого-то и наконец их впустили в уставленную датчиками комнату для наблюдения за больными, находящимися в критическом состоянии.

— Знакомьтесь, доктор Таннер,— представил Берксвит,— а это мистер Кэкстон и мистер Фрисби.

Представлять Кавендиша он, как положено, не стал.

Таннер был обеспокоен.

— Господа, позвольте вас предупредить. Постарайтесь не говорить и не делать ничего, что могло бы взволновать больного. Он крайне возбудим и очень легко впадает в патологическое состояние, если хотите, в транс.

— Эпилепсия? — спросил Бен.

— Неспециалист сказал бы да. Но это, скорее, каталепсия.

— Вы специалист, доктор? Психиатр?

— Да,— доктор Таннер оглянулся на Берксвита.

— Где вы специализировались?

— Бен, пойдем к больному,— вмешался Берксвит.— Доктора Таннера допросишь после.

— О'кей!

Таннер посмотрел на датчики, включил экран наблюдения, затем отпер дверь в палату и, приложив к губам палец, ввел туда посетителей. В палате было темно.

— Наш пациент болезненно реагирует на свет, поэтому пришлось сделать затемнение,— приглушенным голосом объяснил Таннер.

Он подошел к кровати, стоявшей в центре комнаты.

— Майк, я привел к тебе гостей.

Кэкстон придвинулся ближе. На водяной подушке, до подмышек закрытый простыней, лежал молодой человек. Он смотрел на посетителей, но ничего не говорил. Круглое лицо было лишено всякого выражения. Это был тот самый человек, которого вчера показывали по стереовидению. Похоже, малышка Джилл подложила свинью. Придется отвечать за клевету, и конец карьере.

— Вы Валентайн Майкл Смит?

— Да.

— Человек с Марса?

— Да.

— Вы выступали вчера по стерео?

Молодой человек молчал.

Таннер сказал:

— По-моему, он не понял. Майк, ты помнишь, что вы с мистером Дугласом делали вчера?

— Свет. Глазам больно,— ответил больной с недовольным выражением.

— Да, свет мешал тебе. Мистер Дуглас велел тебе поздороваться с публикой.

— Долго ехал в кресле,— слабо улыбнулся больной.

— О'кей,— сказал Кэкстон,— я понял. Майк, с тобой хорошо обращаются?

— Хорошо.

— Ты можешь уехать отсюда, если не хочешь здесь оставаться. Ты ходишь?

Таннер торопливо заговорил:

— Мистер Кэкстон, я вас прошу...

Берксвит взял Таннера за плечо.

— Хожу... немножко. Трудно.

— Я видел, у тебя есть коляска. Майк, если не хочешь здесь жить, я отвезу тебя, куда скажешь.

Таннер стряхнул руку Берксвита с плеча и возмущенно крикнул:

— Я запрещаю давить на моего пациента!

— Он свободный человек или заключенный? — не отступал Кэкстон.

— Конечно, свободный человек,— ответил Берксвит.— Доктор, не мешайте дураку рыть собственную могилу.

— Спасибо, Джил. Майк, ты слышал: ты свободный человек. Ты можешь идти, куда хочешь.

Больной с ужасом посмотрел на Таннера.

— Нет! Нет! Нет!

— Не хочешь — не надо...

— Мистер Берксвит, это уже слишком! — взорвался Таннер.

— Согласен, доктор. Бен, довольно!

— Э-э-э... еще один вопрос,— Кэкстон задумался, стараясь изобрести вопрос похитрее. Наверное, Джилл ошиблась; нет, она не могла ошибиться, она вчера очень верно рассудила.

— Последний вопрос,— снизошел Берксвит.

— Спасибо... Майк, вчера мистер Дуглас задавал тебе вопросы.

Больной молчал.

— Он спросил, нравятся ли тебе девушки, так?

— Нравятся, еще как! — лицо больного расплылось в улыбке.

— Прекрасно, Майк. А где и когда ты видел девушек?

Улыбка исчезла. Больной глянул на Таннера, потом закатил глаза, скорчился в позе зародыша — руки на груди, колени ко лбу — и застыл. Таннер рявкнул:

— Вон отсюда! — и стал щупать больному пульс.

— Это не укладывается ни в какие рамки! — возмутился Берксвит.— Кэкстон, вы выйдете сами или мне позвать солдат?

— Мы уходим,— сдался Кэкстон.

Все, кроме Таннера, вышли. Берксвит закрыл дверь.

— Джил, объясни,— снова взялся за свое Кэкстон.— Вы держали его под замком. Где он мог видеть девушек?

— Что за странный вопрос. Он видел десятки девушек. Сестры, лаборантки. Сам понимаешь.

— Не понимаю. Его обслуживали исключительно мужчины, пускать к нему женщин строго запрещалось.

— Не говори глупостей! — Берксвит досадливо сморщился, потом ухмыльнулся.— Вчера его сопровождала сестра-женщина.

— Да, в самом деле,— Бен умолк.

Когда Кэкстон, Фрисби и Кавендиш вышли из медицинского центра, Фрисби заметил:

— Бен, я не думаю, что Генеральный Секретарь возбудит против тебя судебное дело, но все-таки, если тебе есть на кого сослаться...

— Ерунда, Марк, дела не будет.— Бен сверкнул глазами.— Как знать, может быть, сейчас нам подсунули ту же фальшивку.

— Оставь, Бен.

— Не оставлю. Нам показали укрытого одеялом человека одного возраста со Смитом. Берксвит сказал, что это Смит, но Берксвит сделал карьеру на отрицании очевидных фактов. Нам представили якобы психиатра, но когда я спросил, где он учился, меня отвлекли. Мистер Кавендиш, вы видели какое-нибудь подтверждение тому, что перед нами именно Человек с Марса?

— Я не имею права высказывать мнения. Я смотрю и слушаю — и только.

— Простите.

— Я могу считать свою миссию выполненной?

— Да, конечно. Спасибо, мистер Кавендиш.

— Благодарю вас, сэр. Весьма интересный случай,— старый Свидетель снял белое одеяние и превратился в простого смертного. Черты его смягчились.

— Надо было привести кого-нибудь с «Чемпиона»,— продолжал Кэкстон.— Тогда все было бы ясно.

— Я должен заметить,— заговорил Кавендиш,— что был очень удивлен, когда вы не проверили крайне важное обстоятельство.

— Да? Что же я прозевал?

— Мозоли.

— Мозоли?

— Да-да. По мозолям можно восстановить биографию человека. Я читал об этом в «Уитнесс Куортерли» У молодого человека, который никогда не носил обуви и находился под действием тяготения, гораздо более слабого, чем наше, и мозоли должны быть не наши.

— Господи! Мистер Кавендиш! Что же вы раньше молчали!

— Сэр! — старик расправил плечи и раздул ноздри.— Я не участник событий, я Беспристрастный Свидетель!

— Простите,— Кэкстон нахмурился.— Давайте вернемся и посмотрим на его мозоли. Не захотят пустить — я разнесу эту чертову больницу!

— Вам придется искать другого Свидетеля. Я не имел права подсказывать.

— Да, конечно,— Кэкстон приуныл.

— Бен, успокойся,— увещевал Фрисби,— не наживай лишних неприятностей. Что касается меня, то я верю, что нам показали настоящего Человека с Марса.

Кэкстон распрощался со спутниками, сел в такси, положил его в дрейф и задумался. Сегодня его уже не пустят в больницу. Две официальных беседы с одним больным в один день — это слишком. Нужно чем-то заполнить колонку. Значит, надо попасть в больницу. Как? Палата «Человека с Марса» на девятом этаже. Что дальше? Нарядиться электриком? Не выйдет. Доктор Таннер узнает.

Кстати, доктор ли этот Таннер? Врачи обычно отказываются от случаев, в которых политические соображения перевешивают гуманистические. Например, Нельсон умыл руки, потому что понял... Стоп! Нельсон и не глядя на мозоли может сказать, Смит тот парень или актер. Кэкстон позвонил своему секретарю и попросил узнать телефон Нельсона. В редакционном списке важных людей значилось, что Нельсон живет в «Нью Мэйфлауэр».

Кэкстон связался с «Нью Мэйфлауэр», и его соедини-

ли с Нельсоном. Нет, Нельсон не смотрел эту передачу. Да, слышал. Нет причин думать, что Смита подменили. Знает ли доктор Нельсон о попытке принудить Смита к отказу от прав на Марс? Нет, такие вещи его не интересуют. И вообще, как можно «владеть» Марсом? Марс принадлежит марсианам. Доктор, давайте предположим, что кто-то...

Доктор прервал связь. Кэкстон попытался соединиться с ним и услышал стандартный ответ робота: «Абонент временно прервал связь. Можете записать сообщение». Глупо было ожидать от Нельсона помощи.

Где одна глупость, там и другая. Кэкстон позвонил в Верховный Совет и потребовал к телефону Генерального Секретаря.

Кэкстон как опытная ищейка, знал, что для того, чтобы раскрыть тайну, иногда достаточно привязаться к большому человеку и надоесть ему. Конечно, опасно дергать тигра за хвост — Кэкстон, как никто, знал психологию сильных мира сего — но и он был сила.

Единственное, о чем он позабыл,— звонить следовало не из такси, а из какого-нибудь общественного места.

Кэкстон перебрал с полдесятка мелких чиновников, от разговора к разговору все сильнее распаляясь, и вдруг заметил, что его такси вышло из дрейфа.

Он спохватился, но было поздно, такси не повиновалось. Кэкстон понял, что попался, и как позорно! Его запеленговали и стали подавать команды роботу-пилоту на приоритетной полицейской частоте. Схватили без лишнего шума.

Кэкстон попытался позвонить своему адвокату, но не успел: такси приземлилось во внутреннем дворе какого-то дома, и сигнал не мог перевалить через стену. Бен хотел выйти из машины, но дверца не открывалась, и Бен с удивлением обнаружил, что легко падает в обморок.

Глава 8

Джилл подумала, что Бен пошел по другому следу, а ей сообщить забыл. Тут же она отогнала эту мысль. Своим успехом Бен был обязан скрупулезному вниманию к людям. Он помнил дни рождения всех своих знакомых и скорее не отдал бы карточный долг, чем не

ответил бы на открытку, где его благодарят за гостеприимство. Куда бы он ни отправился, каким бы срочным ни было дело, Бен выкроил бы минутку, обязательно выкроил бы, чтобы оставить ей записку.

Он должен был оставить ей весточку! Джилл опять позвонила Бену на работу. Его секретарь Осберт Килгаллен сказала, что Бен ничего ей не передавал и с тех пор, как она звонила в первый раз, не появлялся и не звонил.

— Он не говорил, куда едет и когда вернется?

— Нет, только прислал из Филадельфии по статопринту письмо: предупредил, что задержится.

Джилл пришлось довольствоваться малым. Она отправилась в столовую для сестер и, усевшись за свободный столик, ковыряла вилкой в тарелке, не видя, что ест. Все будет хорошо, успокаивала она себя. Неужели я влюбилась в этого...

— Бордмэн! Проснитесь!

Джилл очнулась и увидела Молли Уилрайт, диетолога.

— Простите.

— Я спрашиваю, с каких пор на вашем этаже стали класть в люкс-палаты больных, за которых платят благотворительные организации?

— Что вы!

— Палата К-12 на вашем этаже?

— К-12? Там лежит богатая старуха, такая богатая, что дежурный врач прислушивается к каждому ее вздоху.

— Хм... Наверное, она вчера получила наследство. До этого она полтора года лежала в приюте для престарелых.

— Это какая-то ошибка.

— Не знаю. У меня на кухне ошибок не бывает. А диета ничего себе! Вагон еды, королевский выбор блюд, а лекарства приказано давать не в чистом виде, а подмешивать в пищу. Поверьте, дорогая, диета так же уникальна, как отпечатки пальцев,— мисс Уилрайт встала.— Ну, ладно, я побежала.

Чего от тебя хотела Молли? — спросила у Джилл другая сестра.

— Не знаю. Она что-то перепутала в предписаниях.

Джилл пришло в голову, что Человека с Марса можно найти по диете. Правда, в медицинском центре несколько кухонь, и чтобы их все проверить, нужна, по

крайней мере, неделя. Центр строили во времена морских войн как флотский госпиталь. Потом его расширили и перевели в подчинение министерству здравоохранения, образования и социального обеспечения. Теперь Центр принадлежал Федерации и разросся еще больше.

Недоразумение с миссис Банкерсон настораживало. Центр принимал любых пациентов: частных, правительственных, состоящих на обеспечении правительственных организаций. Этаж Джилл был отведен для правительственных больных, там лечились сенаторы Федерации и другие высокие чины. Странно, что в палату К-12 положили частного больного. Может быть, в отделении для частных больных не хватило места?

Долго думать об этом было некогда: накопилась масса работы. Понадобилась складная кровать. Можно было позвонить на склад, но склад находился в подвале, чуть не за четверть мили от Джилл, а кровать требовалась срочно. Джилл вспомнила, что такая кровать стоит в дежурке при палате К-12, на ней еще сидели часовые, и она их прогнала. Наверное, эту кровать вынесли в дежурку, когда в палате поставили флотационную. Если ее еще не отправили на склад, то ее можно взять.

Дверь дежурки оказалась запертой, и ключ не подходил. Надо вызвать слесаря, подумала Джилл и направилась в комнату врача, чтобы спросить насчет кровати у него. На посту был доктор Браш. Он не состоял при больнице интерном; по его собственным словам, его пригласил доктор Гарнер специально для миссис Банкерсон. Браш обрадовался, увидев Джилл.

— А мисс Бордмэн! Вы-то мне и нужны.

— Что же вы не позвонили? Как ваша больная?

— Больная в норме. У меня проблемы.

— Что случилось?

— Пустяки, минутное дело. Я надеюсь, сестра, вы уделите мне столь незначительное время? И никому не станете об этом рассказывать?

— Конечно. Только позвольте позвонить помощнице: я должна дать ей кое-какие указания.

— Нет,— поспешно возразил он.— Я выйду, вы закроете за мной дверь и не будете открывать, пока я не вернусь и не постучу вот так,— он отстучал первые такты популярной песенки.

— Слушаюсь, сэр,— ответила Джилл неуверенно.— Что делать с больной?

— Ничего, ее нельзя беспокоить. Смотрите на экран.

— Где вас найти, если что-нибудь случится? В комнате отдыха врачей?

— В конце коридора в мужской уборной. Все, я убегаю.

Он ушел, и Джилл заперла дверь. Она посмотрела на экран и потом на датчики. Больная спала, пульс ее был четким и ритмичным, дыхание спокойным и ровным. К чему такое неусыпное наблюдение, подумала Джилл. Она решила все-таки проверить, стоит ли в дальней комнате складная кровать. Больную Джилл не потревожит — она умеет ходить тихо; а что до доктора Браша, то он, как и все врачи, не будет недоволен тем, о чем не узнает.

Проходя мимо миссис Банкерсон, Джилл убедилась, что та спит. Дверь в дежурку была заперта. Джилл открывала ее ключом.

Так и есть: кровать здесь. И тут Джилл заметила, что комната занята. На стуле, с детской книжкой в руках, сидел Человек с Марса.

Смит увидел Джилл и одарил ее лучезарной улыбкой счастливого ребенка. У Джиллиан закружилась голова. Валентайн Смит здесь? Не может быть — его перевели, в журнале записано.

Страшная догадка пришла к ней. Подставной Человек с Марса на стерео... умирающая старуха, и вместе с ней в палате еще один человек... испорченный замок... А через день-другой отсюда выедет каталка, и на ней под простыней не один труп, а два!

Вслед за этой догадкой пришла еще одна: она тоже рискует. Смит неловко встал со стула, протянул к ней руки и сказал:

— Брат мой!

— Здравствуй! Как живешь?

— Я здоров. Мне хорошо,— он добавил еще что-то на непонятном задыхающемся языке, потом поправился:— Ты здесь, брат. Тебя не было. Теперь ты снова здесь. Ты как вода.

Сердце Джилл таяло под лучами улыбки Смита, а кровь в жилах стыла от страха, что ее застанут здесь. Смит этого не замечал.

— Видишь? Я хожу. Я становлюсь сильнее,— он сделал несколько шагов и торжествующе улыбнулся.

Улыбнулась и Джилл, через силу.

— О, мы делаем успехи! Продолжай в том же духе. А мне надо идти, я на минутку заглянула.

— Не уходи,— на его лице было огорчение.

— Не могу...

Огорчение переросло в горе.

— Я тебя чем-то обидел. Я не знал.

— Нет, ты меня не обидел. Мне действительно нужно уходить, и чем скорее, тем лучше.

На лицо Смита вернулось безмятежное выражение. Он сказал скорее утвердительно, чем просительно:

— Брат, возьмешь меня с собой.

— Не могу. Мне нужно идти. Слушай, не говори никому, что я была здесь. Пожалуйста!

— Не говорить, что приходил мой брат по воде?

— Правильно: никому не говори. Будь умницей, потерпи, я вернусь.

Смит переварил услышанное и удовлетворенно ответил:

— Я буду ждать. Я не скажу.

— Вот и славно,— Джилл соображала, как ей выполнить обещание. Она догадалась, что «испорченный» замок вовсе не испорчен, глянула на дверь и поняла, почему не могла открыть ее: к двери прибили засов. В больнице запрещалось пользоваться такими засовами. Защелки, установленные на дверях ванных, уборных и других комнат, открывались снаружи специальными ключами. В комнате Смита поставили засов, который можно было открыть только изнутри, руками. Джилл отодвинула его.

— Жди. Я обязательно приду.

— Я буду ждать.

Вернувшись в комнату врача, она услыхала: Тук! тук! Тук-тук!... тук! тук! Это был сигнал Браша. Джилл поспешила к двери. Браш ворвался в комнату с криком:

— Где вы были, сестра? Я стучал три раза! — он подозрительно покосился на дверь, ведущую в палату.

— Больная стала вертеться,— солгала Джилл,— я поправляла ей подушку.

— Черт возьми! Я запретил вам отходить от стола!

Джилл видела, что врач напуган, и пошла в контратаку.

— Доктор,— сказала она сухо,— я за вашу пациентку не отвечаю, но коли вы мне ее доверили, я оказала ей помощь, которую сочла необходимой. Если у вас есть

ко мне претензии, давайте позовем главного врача отделения.

— Что вы, из-за такого пустяка...

— Нет, сэр, это не пустяк! Такую слабую старушку водная подушка может задушить. Есть сестры, способные стерпеть от врача любое обвинение, я же ложных обвинений терпеть не хочу. Давайте позовем главного врача.

— Не надо, мисс Бордмэн. Я погорячился, не подумал. Прошу прощения...

— Хорошо,— отчеканила Джилл.— Чем еще могу быть полезна?

— Спасибо, больше ничего не нужно. Впрочем,... пожалуйста, никому не рассказывайте о случившемся.

— Конечно — можете быть совершенно спокойны, доктор.—Джилл села за стол и сделала вид, что разбирает бумаги. Потом вспомнила, что так и не заказала на складе кровать. Позвонила на склад, отослала помощницу с каким-то поручением и задумалась.

Где же Бен? Как его не хватает! Позвонить бы ему и переложить ответственность на его сильные плечи. Но он пропал, черт его дери, и свалил все на нее. Свалил? Раздражение, которое она подспудно чувствовала все утро, вдруг прошло. Бен не уехал бы, не дав ей знать, чем закончилась его встреча с Человеком с Марса. Она, как участник заговора, имела право знать исход дела, а Бен всегда играл честно. «Если со мной что-нибудь случится,— вспомнила она,— ты мой козырь... Малышка, если ты долго не получишь от меня известий, то поступай как считаешь нужным».

Она и не подумала, что с Беном что-то могло случиться, ей это просто не приходило в голову. А теперь пришло. И пришло время — рано или поздно оно приходит к каждому — поставить на карту свою карьеру, честь и жизнь. Джиллиан Бордмэн приняла вызов судьбы в 15.47.

Когда Джилл вышла, Человек с Марса сел на прежнее место и принялся, выражаясь земным языком, терпеливо ждать. Он был счастлив: брат обещал вернуться. Смит был готов сидеть в ожидании брата год, и два, и три, ничего не делая и не двигаясь. Он не помнил точно, когда они побратались: он еще не в силах был измерить новое время и пространство, настолько они отличались от того, к чему он привык в родном гнезде. Дело было

не в том, что, измеренная земными годами, его жизнь оказалась длиннее, а в том, что здесь он столкнулся с совершенно иным, чем дома, восприятием времени. Фразу «Это произошло позже, чем тебе кажется» нельзя перевести на марсианский язык, поскольку у марсиан не существует понятия «позже», а фразу «поспешишь — людей насмешишь» нельзя перевести потому, что на Марсе это непреложная истина, это само собой разумеется, как на Земле то, что рыба плавает. Высказывание «так было, есть и будет» на Марсе показалось бы таким же трюизмом, как на Земле «дважды два — четыре».

Смит ждал.

Вошел Браш, посмотрел на него; Смит не пошевелился и Браш вышел.

Услыхав скрежет ключа в замке, Смит вспомнил, что такой звук предшествовал последнему визиту брата по воде, и стал настраиваться на встречу с братом. Он удивился, когда открылась дверь в коридор, впустив к нему Джилл; Смит еще не знал, что такое дверь, но тут же усвоил и отдался радости, которая приходит только в присутствии братьев по гнезду или по воде, а иногда — в присутствии Старших Братьев.

Радость его несколько омрачилась сознанием того, что брат ее не разделяет. Брат был огорчен, да так сильно, что вот-вот дематериализуется. Смит уже знал, эти странные существа испытывают очень сильные отрицательные эмоции без риска для жизни. Брат Махмуд по пять раз в день переживал душевную агонию, но не думал умирать физически. Брат капитан Ван Тромп тоже часто испытывал приступы душевного страдания, которые, по понятиям Смита, давно должны были привести его к дематериализации, тем самым разрешив конфликт, а капитан был жив и здоров. Поэтому Смит не обратил внимания на волнение Джилл.

Джилл сунула ему в руки сверток.

— Одевайся! Быстро!

Смит взял сверток и в растерянности застыл.

— Господи! Давай, помогу.

Ей пришлось и раздеть его, и одеть. Пижаму и шлепанцы Смит носил не потому, что они были нужны ему, а потому, что ему так велели. Он мог их снять и надеть, но делал это очень медленно. Джилл взяла дело в свои руки. Она была медицинской сестрой, Смит не стеснялся наготы, поэтому обошлось без проблем. Он

был очарован кожей, которую Джилл натягивала ему на ноги. Джилл не дала ему времени прочувствовать и полюбить новую кожу, она принялась пристегивать чулки к подвязкам. Форму сестры милосердия она выпросила у напарницы, якобы на маскарад для своей двоюродной сестры, у которой больше размер. Джилл надела на Смита пелерину: кажется неплохо. С туфлями было хуже, они не подходили по размеру, да и вообще, при земном тяготении ходьба давалась Смиту с трудом, даже если на нем и вовсе не было обуви.

Джилл надела на Смита шапочку и приколола ее к волосам.

— Волосы у тебя коротковаты,— сказала она озабоченно,— ну да ладно, сойдет, многие девушки так носят.

Смит не ответил, так как плохо понял ее слова. Он попытался представить свои волосы более длинными и понял, что на это нужно время.

— Теперь слушай внимательно,— сказала Джилл.— Что бы ни произошло, не говори ни слова. Понял?

— Не говорить? Я не буду говорить.

— Иди за мной. Я буду держать тебя за руку. Если знаешь какие-то молитвы, молись.

— Молиться?

— Нет, не надо. Иди за мной и ничего не говори.

Джилл открыла дверь, выглянула в коридор и, убедившись, что он пуст, вывела Смита из палаты.

Смит увидел вокруг множество незнакомых предметов. Это выводило его из равновесия. В глаза бросались все новые и новые образы, и он ни на чем не мог сосредоточиться. Спотыкаясь, он поплелся вслед за Джилл, стараясь никуда не смотреть, чтобы спастись от окружающего хаоса.

Джилл вывела его в конец коридора и ступила на движущуюся дорожку, бегущую направо. Смит чуть не упал, Джилл подхватила его. Встретив удивленный взгляд какой-то горничной, Джилл про себя выругалась и, сходя с дорожки, действовала осторожнее. Наконец лифт вынес их на крышу.

Тут случилась неприятность, которой Смит не заметил, потому что наслаждался видом неба. Небо было ясное, глубокое, просто великолепное. Смит его так давно не видел.

Джилл искала глазами такси. Людей на крыше не было, утренняя смена разъехалась. Не было и такси.

Сесть в воздушный автобус Джилл не решилась. Приземлилась какая-то машина.

— Джек! Это такси не занято?

— Я его вызвал для доктора Фипса.

— Вот жалость! Джек, как бы нам побыстрее уехать? Это моя двоюродная сестра Мэдж, она работает в Южном крыле. Вот, простудилась, не хочется держать ее на ветру.

Санитар почесал в затылке.

— Вам, мисс Бордмэн, я отказать не могу. Езжайте этой машиной, а доктору Фипсу я вызову другую.

— Джек, ты просто прелесть! Мэдж, молчи, я сама все скажу. У нее болит горло и голос совсем сел. Приедем домой — ромом напою.

— Да, горячий ром — лучшее средство от простуды. Моя мать всегда меня так лечила.

Он дал роботу адрес Джилл, который знал на память, потом помог Джилл и «Мэдж» сесть в машину.

— Спасибо, Джек, большое спасибо,— поблагодарила Джилл за двоих. Такси взлетело, и она с облегчением вздохнула.

— Теперь можешь говорить.

— Что я должен говорить?

— Что хочешь.

Смит задумался. На приглашение нужно ответить, как подобает отвечать брату. Он перебрал в уме несколько фраз, но не сказал ни одной, потому что не мог перевести. Наконец он нашел слова, которые переводились на этот странный, пустой язык и могли быть сказаны братом брату:

— Пусть наши яйца живут в одном гнезде.

Джилл вздрогнула.

— Что ты сказал?

Смит был огорчен непониманием, но решил, что в этом его вина. Он уже заметил, что, стремясь к единению с этими существами, он часто причиняет им боль или приводит в волнение. Смит попытался исправить положение, порылся в своем скудном словарном запасе и сказал так:

— Мое гнездо — твое гнездо; твое гнездо — мое гнездо.

На этот раз Джилл улыбнулась.

— О, как мило! Я не уверена, что до конца тебя понимаю, но такого предложения мне не делали уже

давно,— и добавила, помолчав.— Только сейчас мы по уши вляпались, поэтому давай подождем, ладно?

Смит понял Джилл не лучше, чем она поняла его, но видел, что ей приятно. Она просила подождать. Ждать ему было нетрудно: он откинулся на спинку сиденья и, довольный, что между ними все хорошо, стал любоваться окрестностями. Со всех сторон громоздились незнакомые предметы, которые нужно было познать. Он заметил, что способ передвижения, практикуемый дома, не позволяет насладиться тем, что встречается в пути. Он чуть было не пустился в порицаемое Старшими Братьями сравнение марсианского образа жизни с земным, но сразу же выбросил из головы еретические мысли.

Джилл молчала, обдумывая свое положение. Она увидела, что такси подлетает к дому, и решила, что ехать домой нельзя: их там сразу найдут. Джилл не знала, как работает полиция, поэтому ждала нападения со всех сторон. Во-первых, она могла оставить отпечатки пальцев в палате Смита, во-вторых, их видели вместе. А может быть (Джилл слыхала об этом), полиция прочтет записанный в памяти робота маршрут. Джилл уничтожила свой адрес в памяти робота, и такси зависло над трассой. Куда лететь? Где спрятать взрослого мужчину, который даже одеться сам не может? А его ведь будут искать! Ах, если бы Бен был рядом! Бен, где ты?

Джилл сняла трубку и набрала номер Бена, уже не надеясь его застать. Ответил мужской голос, Джилл обрадовалась, но радость ее тут же угасла. Это был Килгаллен, секретарь Бена.

— Говорит Джилл Бордмэн. Простите, мистер Килгаллен, я думала, что звоню мистеру Кэкстону домой.

— Так и есть. Когда Бена нет дома больше суток, все звонки переадресовываются на работу.

— Значит, его до сих пор нет?

— Нет. Я могу вам чем-нибудь помочь?

— Да нет... Мистер Килгаллен, вам не кажется странным, что Бена так долго нет? Вы не беспокоитесь?

— Абсолютно. Он прислал письмо, где было сказано, что он не знает, когда вернется.

— И это нормально?

— В работе мистера Кэкстона это более чем нормально, мисс Бордмэн.

— Возможно, но мне кажется, что в данном случае

не все нормально. Я думаю, вам стоит объявить на всю страну, даже на весь мир, что Бен пропал.

Такси не было оборудовано видеоэкраном, но Джилл почувствовала, что Килгаллен напыжился.

— Мне кажется, мисс Бордмэн, что я вправе истолковывать указания моего начальника самостоятельно. Более того, осмелюсь сообщить вам, что всякий раз, когда мистер Кэкстон подолгу отсутствует, находится добрая приятельница, которая звонит и поднимает тревогу.

«Какая-нибудь баба, которая хочет заарканить Бена,— перевела Джилл, — и этот тип думает, что я очередная».

У нее пропало всякое желание просить у Килгаллена помощи; она бросила трубку.

Куда лететь? Решение пришло внезапно. Если Бена нет и к этому приложили руку власти, то никто не станет искать Валентайна Смита в квартире Бена, если, конечно, не догадаются, что она сообщница Кэкстона. У Бена в буфетной можно будет чем-нибудь подкрепиться, найдется и одежда для этого взрослого ребенка. Джилл набрала адрес Бена, и такси легло в заданный курс.

У дверей Бена Джилл на латыни сказала роботу-сторожу:

— Карфаген пал!

Дверь не открывалась. Черт возьми, Бен поменял код! Губы Джилл задрожали, и она отвернулась от Смита. А может быть, Бен уже дома? Джилл сказала сторожу, в обязанности которого входило также докладывать о посетителях:

— Бен, это Джилл.

Дверь открылась. Джилл поначалу решила, что робот открыл ее по команде Бена, но потом поняла, что случайно угадала новый пароль, рассчитанный, вероятно, на то, чтобы польстить ей. Но сейчас ей было не до комплиментов.

Смит стоял у края газона и оглядывался. Место было новое, охватить его сразу Смит не мог, но ему здесь нравилось. Здесь было не так интересно, как в летящем доме, зато тихо; здесь можно было гнездиться. Он увидел окно и принял его за живую картину, какие видел дома. В больничной палате окон не было — палата находилась в новом корпусе,— и Смит не знал, что такое «окно». Он с уважением отметил, что имита-

ция объема и движения на картине совершенна, наверное, ее создал великий мастер. До сих пор Смит не видел ничего, что свидетельствовало бы о мастерстве людей в каком-либо деле: сейчас люди выросли в его глазах, и на душе у него потеплело.

Краем глаза он уловил какое-то движение: его брат снимал с ног искусственную кожу.

Джилл вздохнула и, босиком ступив на траву, пошевелила в ней пальцами.

— Ох, как ноги устали! — Она увидела, что Смит наблюдает за ней.— Разувайся, иди сюда. Тебе понравится.

— Как? — недоуменно заморгал он.

— Совсем забыла. Давай сюда ноги,— она сняла с него туфли, отстегнула и стянула чулки.— Ну как, приятно?

Смит пошевелил в траве пальцами и робко произнес:

— Ведь они живые?

— Ну да, живые, это настоящая трава. Бен заплатил большие деньги, чтобы устроить этот газон. Одно освещение стоит больше, чем я зарабатываю в месяц. Так что ходи, получай удовольствие.

Смит не понял ничего, кроме того, что трава живая и ему предлагают по ней ходить.

— Ходить по живому? — спросил он с недоверчивым ужасом.

— Почему бы и нет? Траве не больно. Она здесь именно для этого растет.

Смит подумал, что брат по воде не стал бы учить его дурному. Он решился пройти по траве и почувствовал, вник, что это на самом деле приятно, а трава не протестует. Марсианин включил чувствительность на максимальный уровень и понял: брат прав, трава предназначена для того, чтобы по ней ходили. Он попытался одобрить странное предназначение — человеку было бы так же трудно одобрить каннибализм, который для Смита был в порядке вещей.

— Хватит развлекаться,— сказала Джилл со вздохом.— Неизвестно, как долго мы будем в безопасности.

— В безопасности?

— Нам нельзя здесь задерживаться. Скоро начнут проверять всех, кто сегодня выходил из Центра.

Джилл задумалась, наморщив лоб. Ее квартира — плохое убежище, квартира Бена — тоже. Бен собирался

отвезти Смита к Джубалу Харшоу. Но она не знает ни самого Харшоу, ни его адреса: он живет где-то в Поконосе, Бен говорил. Придется искать: больше идти некуда.

— Почему ты не счастлив, брат?

Джилл вздрогнула и оглянулась на Смита. Бедное дитя и не подозревает, как все плохо. Она попыталась оценить ситуацию с его точки зрения. Ей это не удалось, но она поняла: он не знает, что им нужно бежать... от чего? От полиции? От больничного начальства? Она не знала, что она совершила, какие законы преступила — всего лишь противопоставила себя большим людям, боссам.

Как объяснить Человеку с Марса, против кого они восстали, если она сама этого не знает? Есть ли на Марсе полиция? С ним говорить — что кричать в водосточную трубу... А есть ли на Марсе водосточные трубы? Или дождь?

— Не обращай внимания,— ответила Джилл.— Самое главное — делай, как я говорю.

— Да.

Неограниченное согласие, вечное да. Джилл вдруг почувствовала, что он выпрыгнет из окна, если она попросит. Она была права — он бы выпрыгнул и наслаждался каждой секундой падения с двадцатого этажа, а удар и смерть принял бы без удивления и протеста. И не понимал бы, что это смерть; его не научили бояться смерти. Если бы его брат по воде выбрал для него такой необычный способ дематериализации, он согласился бы с этим способом и попытался бы его понять и признать.

— Нам нельзя здесь оставаться. Мы поедим, я дам тебе другую одежду и мы пойдем. Раздевайся,— и отправилась изучать гардероб Бена.

Джилл выбрала дорожный костюм, берет, рубашку, белье, туфли и вернулась к Смиту. Он запутался в одежде, как котенок в клубках: рука и голова были связаны подолом платья. Он стал снимать платье, не сняв перелину.

— Батюшки! — воскликнула Джилл и бросилась ему на помощь.

Она сняла с него одежду и сунула ее в мусоропровод. Этте Шер она заплатит потом, а полицейским — в случае чего — не к чему будет прицепиться.

— А тебе, дружок, прежде чем одеться в чистое,

нужно принять ванну. Они там за тобой совсем не следили. Пойдем.

Как медицинская сестра, Джилл привыкла к дурным запахам, однако как медицинская сестра, она была фанатичным приверженцем мыла и воды. Ей казалось, что Смита давно никто не мыл. Хотя от него не так уж сильно пахло, ей почему-то вспомнилась лошадь после скачек.

Смит с восхищением смотрел, как Джилл наполняла ванну. В палате К-12 была ванна, но Смит не знал каково ее назначение; его обтирали мокрой тканью, да и то редко: когда он впадал в транс к нему боялись притрагиваться.

Джилл проверила температуру воды.

— Отлично. Лезь в воду.

Смит смотрел недоуменно.

— Живо,— скомандовала Джилл,— лезь в воду.

Все слова были поняты, и Смит подчинился приказу, дрожа от волнения. Брат требует погрузить в воду в с е т е л о! О такой чести и не помышлял. Он не помнил, чтобы кто-либо вообще удостаивался такой привилегии. Смит начал понимать, что эти другие состоят в более близких отношениях с влагой жизни. Это невозможно понять, но нужно принять.

Смит погрузил в воду одну дрожащую ногу, потом другую... и нырнул в ванну с головой.

— Эй! — закричала Джилл и вытащила его голову на поверхность. Ей показалось, что он мертв. Боже милостивый! Не успел же он за это время захлебнуться. Испуганная, она стала трясти Смита.

— Смит! Очнись же! Очнись!

Издалека Смит услышал призыв брата и вернулся. Глаза его заблестели, сердцебиение ускорилось, дыхание восстановилось.

— Ты себя нормально чувствуешь? — спросила Джилл.

— Мне хорошо. Я очень счастлив... брат мой.

— Ты меня перепугал. Не ныряй больше. Как сейчас сидишь, так и сиди.

— Да, брат мой,— Смит добавил еще что-то на своем языке, зачерпнул ладонью воду так бережно, как будто это было жидкое золото, и поднес ее к губам. Прикоснувшись к воде губами, он протянул руку Джилл.

— Что ты делаешь? Не пей эту воду! И я ее пить не буду!

— Не будешь пить?

На его лице выразилась такая беспомощная обида, что Джилл растерялась. Подумав, она нагнулась и коснулась воды губами.

— Спасибо.

— Пусть тебе никогда не придется испытать жажду!

— Желаю того же и тебе. Но не пей, пожалуйста, эту воду. Если хочешь пить, скажи, я дам тебе другой воды.

Смит с умиротворенным видом откинулся назад. Джилл уже поняла, что он еще не принимал ванны и не знает, чего от него хотят. Конечно, можно было его научить, но время дорогое! А, ладно! Это хотя бы не так противно, как возиться в больнице с брюзжащими стариками. Джилл сняла блузку, чтобы не промочить, и повесила на плечики, складки плиссированной юбки пропитаны специальным составом но лишний раз мочить юбку не стоит. Джилл сняла и ее, осталась в бюстгальтере и трусиках.

Смит смотрел на нее с любопытством ребенка. Джилл покраснела и сама себе удивилась. Она считала себя свободной от излишней стыдливости; вдруг вспомнился первый поход на нудистский пляж, ей тогда было пятнадцать лет. Но этот детский взгляд смущал ее. Джилл решила дальше не раздеваться, пусть белье будет мокрое.

Она старалась скрыть смущение под проявлением заботы.

— Ну-ка, давай займемся мытьем!

Джилл наклонилась над ванной, налила на Смита мыла и стала взбивать пену. Смит тем временем высвободил руку и дотронулся до ее правой груди. Джилл отодвинулась.

— Куда? Вот этого не надо!

Смит посмотрел на нее так, будто она дала ему пощечину.

— Не надо? — спросил он в отчаянии.

— Нет,— твердо сказала Джилл, и уже мягче добавила:— Не нужно меня отвлекать, нам надо торопиться.

Джилл вынула пробку, выпуская из ванны воду, и поставила Смита под душ. Потом включила сушилку и стала одеваться. Поток теплого воздуха напугал Смита, он задрожал. Джилл велела ему не бояться и держаться за поручень.

Помогая Смиту выходить, Джилл сказала:

— Ну, вот. Теперь от тебя пахнет лучше, и держу пари, ты чувствуешь себя лучше.

— Чувствую себя отлично.

— Вот видишь! Давай одеваться.

Джилл повела Смита в спальню одеваться. Она показывала ему, как надевать шорты, когда прозвучал грозный голос:

— Откройте дверь!

Джилл уронила шорты. Откуда они узнали, что в доме кто-то есть? Наверное, это робот-такси, черт бы его взял. Открыть? Или затаиться? Приказ по внутреннему переговорному устройству повторился. Джилл шепнула Смиту: «Сиди здесь» и пошла в гостиную.

— Кто там? — спросила она, стараясь говорить спокойно.

— Именем закона, откройте!

— Именем какого закона? Не шутите! Скажите, кто вы, или я вызову полицию!

— Мы и есть полиция. Вы Джиллиан Бордмэн?

— Я? Я Филлис О'Тул, я жду мистера Кэкстона. Я сейчас позвоню в полицию и скажу, что вы нарушаете неприкосновенность жилища!

— Мисс Бордмэн, у нас есть ордер на ваш арест. Откройте, иначе вам будет хуже.

— Я не мисс Бордмэн, я вызываю полицию.

Ей не ответили. Джилл ждала. Вскоре она почувствовала тепло. Дверной замок стал красным, потом белым. Что-то хрустнуло, и дверь открылась.

Вошли двое мужчин. Один ухмыльнулся и сказал:

— Вот эта баба. Джонси, посмотри, где марсианин.

— Слушаюсь, мистер Берксвит.

Джилл стала у Джонсона на пути. Он отодвинул ее и направился в спальню.

Джилл резким голосом спросила:

— Где ваш ордер? Это преступление!

— Не вредничай, голубушка,— успокоительно проговорил Берксвит.— Веди себя прилично, иначе для тебя это плохо кончится.

Джилл попыталась ударить его ногой. Он ловко отскочил.

— Вот непослушная,— пожурил он,— Джонсон, нашел?

— Он здесь, мистер Берксвит! Стоит в чем мать родила. Что они тут делали?

— Неважно. Веди его сюда.

Появился Джонсон. Заломив Смиту руку за спину, он толкал его перед собой.

— Он не хочет!

— Захочет!

Джилл, проскочив мимо Берксвита, бросилась на Джонсона. Тот швырнул ее в сторону.

— Не лезь, шлюха!

Джилл повезло: Джонсон ударил ее не так сильно, как бил свою жену или слишком скрытных, по его мнению, арестованных.

До сих пор Смит не проявил никаких чувств и ничего не говорил. Он молча покорялся, ничего не понимая и не пытаясь предпринять. Когда же он увидел, что на брата по воде подняли руку, он рванулся, освободился, надвинулся на Джонсона, и... Джонсон исчез.

Только примятая трава говорила, что он здесь стоял. Джилл смотрела на траву и готова была упасть в обморок.

Берксвит подобрал отвисшую челюсть и хрипло спросил:

— Что вы с ним сделали? — посмотрел на Джилл.

— Я? Ничего...

— Так я и поверил. У вас здесь люк или что-то в этом роде? — Берксвит провел языком по губам и вынул из внутреннего кармана пистолет.— Со мной ваши трюки не пройдут. Ты стой здесь, а я займусь им.

Смит вернулся к пассивному ожиданию. Он не понимал, что происходит, и сделал лишь необходимый минимум того, что от него требовалось. Оружие же в руках людей он уже видел (это было на Марсе), и сейчас выражение лица Джилл, на которую был направлен пистолет, ему не понравилось. Он осознал, что настал тот критический момент роста живого существа, когда за созерцанием должно последовать действие, дающее возможность дальнейшего роста. Смит начал действовать.

Старшие Братья дали ему хорошую школу. Смит шагнул к Берксвиту, тот перевел оружие на него. Смит сделал еще шаг — и Берксвита не стало.

Джилл закричала. Смит побледнел. Неужели он опять поступил неправильно? Он умоляюще взглянул на Джилл и задрожал; глаза его закатились, он упал, свернулся в комочек и застыл.

Джилл прекратила истерику. Больному нужна по-

мощь. Не время плакать, не время гадать, куда исчезли непрошеные гости. Она опустилась на колени и стала осматривать Смита.

Дыхания не было, пульс не прощупывался. Джилл приложила ухо к груди Смита. Ей показалось, что и сердечная деятельность прекратилась, но через некоторое время она услыхала ленивое тук-тук, через пять секунд еще такое же тук-тук.

Состояние больного было похоже на транс, но такого глубокого транса Джилл не видела даже на сеансах гипнотической анестезии. Она слышала, что индусские факиры умеют входить в такое состояние, но не могла этому поверить.

В обычной ситуации Джилл не решилась бы самостоятельно приводить больного в себя, а вызвала бы врача. Но ситуация была необычная. Последние события нисколько не поколебали Джилл, а, напротив, укрепили ее в нежелании отдавать Смита в руки властей. После десяти минут безуспешной возни Джилл поняла, что ничего не выйдет.

В спальне Бена она отыскала большой старый чемодан. В нем лежали магнитофон, бритвенный прибор, смена белья и другие вещи, которые могут пригодиться репортеру в дороге — даже аппарат для подключения к телефонной линии. Джилл отметила, что причина отсутствия Бена совсем не та, которую назвал Килгаллен, если чемодан на месте.

Она не стала терять время, опустошила чемодан и понесла его в гостиную. Смит был тяжелее ее, но в больнице она привыкла таскать больных, и ей удалось засунуть Смита в чемодан. Чтобы закрыть чемодан, пришлось разогнуть Смита и согнуть по-другому. Его тело не поддавалось резким усилиям, но уступало настойчивому мягкому воздействию. В углы чемодана Джилл насовала тряпок. Она хотела проделать в нем еще отверстия для воздуха, но не смогла. Подумав, она решила, что при таком слабом дыхании и замедленном обмене веществ Смит не задохнется.

Джилл едва подняла чемодан: нести его она вовсе не могла. К счастью: чемодан был на колесиках. Безобразно измяв траву, Джилл стащила его на паркет.

На крышу она не поехала: достаточно полета в такси! Джилл спустилась на первый этаж и вышла через служебную дверь. По дороге ей попался молодой чело-

век, наблюдавший за выгрузкой продуктов для ресторана. Он посторонился и дал Джилл пройти.

— Эй, сестричка! Что у тебя в чемодане?

— Тело! — отрезала Джилл.

— Что ж, какой вопрос, такой ответ. Учту на будущее.

АСТРОНОМИЧЕСКОЕ НАСЛЕДСТВО

Глава 9

«...Каждый день на третьей от солнца планете насчитывается на 23 тысячи больше людей, чем накануне; на пять миллиардов землян такой прирост является незначительным. Верховный Суд осудил Королевство Южная Африка за дискриминацию белого меньшинства. Собравшись в Рио, законодатели моды постановили, что юбки должны стать длиннее и животы следует прикрывать. Оборонительные системы Федерации летали в небе, грозя смертью каждому, кто посмеет нарушить покой планеты. На берегах Гудзонова пролива появилось на полмиллиона больше передвижных домиков, чем в то же время в прошлом году. Ассамблея Федерации объявила китайский рисовый пояс зоной голода. Синтия Дачесс, известная как самая богатая женщина в мире, дала отставку шестому мужу.

Преподобный доктор Дэниэл Дигби, Верховный Епископ церкви Нового Откровения (Фостеритской) объявил, что назначил ангела Азриэля руководить сенатором Федерации Томасом Буном и ожидает божественного подтверждения сегодня вечером...» Службы новостей передавали такие новости вполне серьезно, так как фостериты, случалось, громили редакции за нелицеприятные комментарии.— «У миссис и мистера Гаррисон Кэмпбелл VI родился сын от специально нанятой женщины; счастливые родители в это время пребывали на отдыхе в Перуг. Доктор Горацио Квакенбуш, преподаватель изящных искусств в Йельской духовной семинарии, призвал к возрождению веры и возвышению духовных ценностей; трое специалистов по бактериологическому оружию задержаны в Торонто за моральную неустойчи-

вость, они заявили, что обжалуют дело в Верховном Суде. Верховный Суд приступил к рассмотрению переданного из Верховного Суда Соединенных Штатов дела Рейнсберг против штата Миссури».

Его превосходительство Джозеф Э. Дуглас, Генеральный Секретарь Всемирной Федерации свободных государств, сидя за завтраком, думал, почему ему не дают спокойно выпить чашку кофе. Сканирующее устройство с обратной связью читало ему газеты, подобранные ночной сменой референтов. Слова стояли перед глазами Дугласа, пока он смотрел на них. Сейчас Генеральному Секретарю не нужна была газета, он смотрел на сканнер, чтобы не смотреть на жену, сидевшую напротив.

— Джозеф!

Дуглас оторвал взгляд от сканнера, экран погас.

— Да, дорогая?

— Что у тебя случилось?

— Ничего особенного, дорогая.

— Джозеф, я тридцать пять лет стираю твои носки. Уж я-то знаю, случилось что-то или нет.

Что знает, то знает, этого у нее не отнимешь. Дуглас смотрел на жену и гадал, как ей удалось выжать из него бессрочный контракт. В старые добрые времена, когда он был законодателем штата, она была его секретаршей. Сначала они заключили соглашение о трехмесячном сожительстве, чтобы платить не за два номера в отеле, а за один. Они договорились, что это исключительно денежная махинация, и их сожительство будет состоять в обитании под одной крышей — но даже после этого она не стирала ему носков.

Дуглас попытался вспомнить, когда все переменилось. В биографии миссис Дуглас («Рядом с великими: история одной женщины») говорилось, что он сделал ей предложение во время подсчета голосов на своих первых победоносных выборах. Он был таким старомодным романтиком, что пообещал ей, что их разлучит только смерть... Бесполезно спорить с официальной версией.

— Джозеф! Отвечай!

— Ничего не случилось, дорогая, просто я плохо спал.

— Разумеется, плохо: тебя разбудили по какому-то делу.

А ведь их спальни находятся в разных концах коридора.

— Откуда ты знаешь, дорогая?

— Женское чутье. Какие новости принес тебе Брэдли?

— Прости, дорогая, у меня скоро заседание Совета, а я еще не просмотрел газеты.

— Джозеф Эджертон Дуглас, не увиливай от ответа!

Он вздохнул.

— Пропал этот идиот Смит.

— Смит? Человек с Марса? То есть как: пропал? Это смешно!

— Смешно это или грустно, дорогая, но он пропал. Вчера он исчез из своей палаты.

— Каким образом?

— Вероятно, его переодели сестрой милосердия.

— Ладно, это не главное. Главное то, что он пропал. Скажи мне, пожалуйста, как вы собираетесь вернуть его обратно?

— Мы организовали поиски. Я поручил дело верным людям: Берксвиту...

— Этому ослу? Ты должен был поднять всю полицию вплоть до последнего бездельника!

— Позволь, дорогая, ты не знаешь всех обстоятельств. Мы не можем поднять полицию. Официально Смит не пропал. Для публики мы держали другого, подставного, Человека с Марса.

— Час от часу не легче,— она побарабанила пальцами по столу.— Говорила же я тебе, что игры с двойником добром не кончатся.

— Но, дорогая, не ты ли предложила подменить Смита?

— Не я. Не перечь мне. Вызови сюда Берксвита.

— Берксвит занят розысками Смита. От него еще не было известий.

— А я тебе скажу, что Берксвит уже в Занзибаре. Он нас продал. Я ему никогда не верила. Когда ты нанимал его, я тебя предупреждала...

— Разве его я нанимал?

— Не перебивай... что человек, который получает деньги от двух хозяев, найдет себе и третьего,— она нахмурилась.— Джозеф, за этим стоит Восточная Коалиция. Вполне возможно, что на Ассамблее тебе предъявят вотум недоверия.

— Не вижу причин для беспокойства. Еще никто ничего не знает.

— Ради Бога! Все всё узнают! Уж Восточная Коалиция об этом позаботится. Помолчи и дай мне подумать.

Дуглас замолчал. Он прочел в газете, что городской совет Лос-Анджелеса обратился к Федерации с просьбой о помощи в борьбе со смогом, поскольку министерство здравоохранения в помощи отказало. Надо будет подкинуть Чарли что-нибудь, у него впереди избирательная кампания, будет кандидат от фостеритов... Акции Лунар Энтерпрайзез поднялись на два пункта...

— Джозеф!

— Да, дорогая?

— Наш Человек с Марса — настоящий, а тот, которого выдвинет Восточная Коалиция — подставной. Вот что нужно сказать.

— Но, дорогая, мы не можем этого утверждать.

— Что значит, не можем? Мы иначе не можем!

— Так нельзя, дорогая. Ученые тут же увидят подмену. Если бы ты знала, чего мне стоило все это время прятать его от них.

— Ох, уж эти мне ученые!

— Их нельзя не принимать в расчет, дорогая.

— В самом деле? Чего стоит их наука! Смесь догадок с суевериями! Давно пора ее запретить, а всех ученых посадить. Единственная точная наука, Джозеф,— это астрология!

— Не знаю, дорогая. Я не разбираюсь в астрологии...

— Астрология существует не для того, чтобы ты в ней разбирался, а для того, чтобы ты ею пользовался.

— ...А ученые — очень грамотные люди. Один профессор мне на днях рассказывал, что есть звезда, у которой удельный вес в шесть тысяч раз больше удельного веса свинца. Или даже в шестьдесят тысяч? Забыл...

— Господи! Да он все это выдумал! Молчи, Джозеф. Мы стоим на своем. Их марсианин — подставной. Пока они доказывают, что он настоящий, мы поднимаем Особую Службу и похищаем его. Если необходимы будут строгие меры, или Смита застрелят при задержании за сопротивление властям — тем лучше, от него все равно толку не будет.

— Эгнес! Ты понимаешь, что говоришь?

— Ничего я страшного не говорю. С людьми каждый день что-нибудь случается. И это должно быть известно всем, Джозеф. Все мы в руках Господа, как ты всегда любишь повторять.

— Смит мне нужен живым и здоровым.

— Тебя никто не заставляет его убивать. Ты просто должен принять необходимые меры. История тебя оправдает. Что важнее — благосостояние и покой пяти миллиардов людей или здоровье одного человека, который почти и не гражданин?

Дуглас молчал. Миссис Дуглас встала.

— Я не стану больше тратить время, доказывая очевидное. Я еду к мадам Везан заказывать новый гороскоп. Я истратила лучшие годы жизни, чтобы сделать тебя тем, что ты есть, и не хочу все потерять из-за твоей бесхребетности. Ты уронил кусок яичницы на грудь.— Она вышла.

Властитель чуть ли не всей планеты выпил еще две чашки кофе и только после этого нашел в себе силы отправиться на заседание. Бедняжка Эгнес! Он не оправдал ее надежд... и сейчас уже ничего не изменишь. Недостатки есть у всех, а она все время была верной, преданной женой... Наверное, устала от него... Но какое отношение это имеет к делу?

Дуглас расправил плечи. Катитесь все к черту! Он никому не позволит обойтись грубо с этим парнем Смитом. Да, он путается у всех под ногами, но он такой беспомощный, рука не поднимается его обидеть. Если бы Эгнес видела, как он всего пугается, она бы так не говорила. Смит пробудил бы в ней материнское чувство. А есть ли у Эгнес материнское чувство? Глядя на нее, трудно это предположить. Однако наука утверждает, что материнские инстинкты есть у всех женщин. Разве нет?

В любом случае, довольно плясать под ее дудку. Она говорит, что своим высоким положением он обязан ей, но он лучше знает, кто кому чем обязан... и отвечать за все придется ему. Дуглас встал, приосанился и отправился в Совет.

Весь день он ждал ехидного вопроса, тонкого намека, но ничего подобного не произошло. Значит, как это ни маловероятно, факт исчезновения Смита еще не стал достоянием общественности. Генеральному Секретарю хотелось зажмуриться, тряхнуть головой и отогнать от себя этот кошмарный сон, но обстоятельства не позволяли. И более того, не позволяла жена.

Эгнес Дуглас не могла допустить, чтобы ее муж действовал самостоятельно. Подчиненные Генерального Секретаря выполняли ее распоряжения едва ли не с

большей готовностью, чем распоряжения Дугласа. Сначала миссис Дуглас послала за референтом мистера Дугласа по настроениям общественности (так мистер Дуглас именовал своих шпионов), затем обратила свою энергию на составление свежего гороскопа. В ее покоях был установлен видеотелефон специально для связи со студией мадам Везан. Миссис Дуглас включила его, на экране появилось упитанное лицо мадам.

— Эгнес? Что случилось, дорогая? У меня клиент.

— Гони его к черту!

Мадам Александра Везан не проявила ни малейшего неудовольствия.

— Минутку...— изображение на экране пропало, появилась заставка «Ждите».

В кабинет вошел человек. Это был Джеймс Сэнфорт — агент, за которым миссис Дуглас только что послала.

— Вы получили какое-либо сообщение от Берксвита?

— Я этим не занимаюсь. Спросите у Мак-Крэри.

Миссис Дуглас пропустила слова агента мимо ушей.

— Берксвита нужно срочно дискредитировать.

— Вы считаете, что он нас продал?

— Не будьте наивным. Прежде чем давать ему такое поручение, нужно было посоветоваться со мной.

— Его ведет Мак-Крэри.

— Вам также не мешает знать, что происходит,— мадам Везан вновь появилась на экране.— Подождите за дверью.

Миссис Дуглас обернулась к экрану.

— Элли, дорогая, мне срочно нужны свежие гороскопы для меня и Джозефа.

— Хорошо,— предсказательница подумала и добавила.— Гороскоп будет более удачным, если вы, дорогая, сообщите мне, зачем он вам нужен.

Миссис Дуглас побарабанила пальцами по столу.

— Тебе обязательно это знать?

— Конечно, нет. Для составления гороскопа нужно знать звезды, математику и быть осведомленным о месте и времени рождения предмета. Вы, дорогая, могли бы это знать, если бы не ваша чрезвычайная занятость... Но учтите: звезды говорят то, что может случиться, а не то, что действительно случается. И если я хочу подробно проанализировать предсказания звезд и на основании этого анализа дать вам полезный совет, мне желательно знать, в каком направлении работать. Обращать больше внимания на Венеру или на Марс? Или...

— На Марс,— перебила миссис Дуглас.— Элли, мне нужен еще один гороскоп.

— Отлично. Для кого?

— Элли, я могу тебе полностью довериться?

Мадам Везан изобразила обиду.

— Эгнес, если вы мне не верите, лучше не консультируйтесь у меня. Обратитесь к кому-нибудь другому. Я не единственный адепт древнего искусства. Я слышала очень хорошие отзывы о профессоре фон Краусмайере, хотя он склонен...— она не договорила.

— Что ты, что ты! Я никому, кроме тебя, не доверю свою судьбу. Нас никто не может слышать на твоем конце линии?

— Конечно, нет, дорогая.

— Мне нужен гороскоп для Валентайна Майкла Смита.

— Валентайна Майк... Человека с Марса?

— Да, да. Его выкрали, Элли. Нам нужно его найти.

Два часа спустя мадам Александра Везан со вздохом облегчения встала из-за своего бюро. Ей пришлось отменить все встречи, назначенные на это время. Мадам потрудилась на славу: на столе был ворох листов, исписанных цифрами и исчерченных графиками. Александра Везан отличалась от других астрологов тем, что в своих расчетах использовала руководство по навигации и брошюру «Тайная наука судебной астрологии. Ключ к философскому камню», написанную ее покойным мужем профессором Саймоном Магусом, гипнотизером, иллюзионистом и магом. Она верила его книге, как верила ему самому. Никто не мог составить гороскоп так, как Саймон, когда он не был пьян. Ему и книги-то были не нужны. Ей с ним никогда не сравниться; она без книг, как без рук. Расчеты ее иногда не совсем точны: у Бекки Вези (это было ее настоящее имя) всегда было плохо с арифметикой, при умножении она частенько путала семерки с девятками.

Тем не менее у мадам Везан получались хорошие гороскопы. У нее было много высокопоставленных клиентов.

Когда миссис Дуглас потребовала гороскоп для Человека с Марса, мадам Везан испугалась. У нее был подобный случай в молодости: профессор должен был задавать ей вопросы, а какой-то идиот из зала потребовал, чтобы она отвечала с завязанными глазами. Тогда

она обнаружила, что у нее хорошая интуиция, и сейчас, подавив страх, продолжила игру.

Она спросила у Эгнес точное время и место рождения Человека с Марса, уверенная, что они неизвестны Эгнес.

Запрошенная мадам Везан информация была в скором времени извлечена из бортового журнала «Посланца». Она записала данные и обещала позвонить, когда гороскопы будут готовы.

По прошествии двух часов мучительной арифметики предсказания для мистера и миссис Дуглас были готовы. Для Смита не было ничего. Причина была проста, но непреодолима — Смит родился не на Земле.

Астрологические талмуды не предусмотрели такой возможности: их составители умерли задолго до того, как люди полетели на Луну. Мадам Везан решила вести расчеты по обычной схеме, сделав поправку на смещение в пространстве. Однако она сразу же запуталась в массе новых неразрешимых вопросов. Она не могла поручиться, что на Марсе знаки Зодиака те же, что и на Земле. А как быть без знаков Зодиака? В детстве она так же мучилась с кубическими корнями и из-за этого бросила школу.

Мадам Везан достала тонизирующее средство, которое держала специально для таких случаев, и приняла двойную дозу. «А как бы поступил на моем месте Саймон»,— подумала она. Ей даже почудился его голос: «Больше уверенности, девочка! Верь себе, и дураки тебе тоже поверят. Они за это платят».

Мадам Везан приободрилась и принялась переводить цифры и графики в слова. Написав предсказание для Дугласов, она обнаружила, что ей не составит труда сочинить прогноз и для Смита. Слова, ложась на бумагу, становились правдивыми. Мадам Везан уже заканчивала работу, когда позвонила Эгнес Дуглас.

— Элли? Ты еще не закончила?

— Осталось буквально два слова. Вы знаете, дорогая, гороскоп Смита представляет собой серьезную и оригинальную научную проблему. Поскольку Смит рожден на другой планете, мне пришлось вести расчеты совершенно по-новому. Влияние Солнца на предмет ослабленно, влияние Дианы почти отсутствует. Юпитер действует абсолютно иначе...

— Элли! Мне все равно. Мне нужен окончательный ответ.

— Он сию минуту будет готов.

— Слава Богу! Я уже думала, ты расписываешься в несостоятельности.

Мадам Везан изобразила оскорбленное достоинство.

— Дорогая моя, наука всегда наука, а истина всегда истина. Меняется лишь ее оболочка. А наука, предсказавшая место и время появления на свет Христа, наука, сообщившая Цезарю дату и причину его смерти, правдива и вечна.

— Да, конечно.

— Вы готовы слушать?

— Постой, я включу запись. Читай.

— Эгнес, в вашей жизни наступил переломный момент. У вас никогда еще не было такого тревожного положения звезд. Прежде всего, вам не следует нервничать и торопиться; каждый шаг должен быть тщательно продуман. В целом все складывается благоприятно... Повторяю, не следует спешить и расстраиваться по пустякам,— она продолжала давать советы. Бекки Вези всегда давала полезные советы, оттого что сама верила в их полезность. От Саймона она научилась находить для клиента лазейку, к счастью, даже при самом неблагоприятном расположении светил.

Напряженное лицо Эгнес смягчилось, она стала согласно кивать.

— Теперь вы понимаете, что исчезновение Смита необходимо; это подтверждают и остальные гороскопы. Не волнуйтесь: он найдется, и очень скоро. Самое главное — не драматизировать события. Сохраняйте спокойствие.

— Да, конечно.

— И еще. Венера доминирует над Марсом. Венера в данном случае ассоциируется с вами. А Марс — с вашим мужем и юношей Смитом, как уникальное обстоятельство его рождения. Таким образом, на вас ложится двойная ответственность, и вы должны быть достойной ее. Вы должны проявить свое женское начало, заключающееся в спокойной мудрости и сдержанности. Вы должны поддержать и направить мужа, успокоить и утешить его. Вы должны быть доброй и мудрой, как сама мать-земля. Я чувствую в вас этот дар. Используйте же его.

Миссис Дуглас вздохнула.

— Элли, ты просто чудо! Я не знаю, как благодарить тебя!

— Я всего лишь скромная ученица великих мастеров древности. Благодарите их.

— Их я поблагодарить не могу, поэтому я выражаю свою признательность тебе. С меня причитается.

— Спасибо, Эгнес, не нужно. Оказать вам услугу — честь для меня.

— А для меня честь — вознаградить тебя за услугу. Ни слова больше, Элли!

Мадам Везан дала себя уговорить и отключилась с чувством выполненного долга. Теперь она знала, что верно растолковала расположение светил. Бедная Эгнес! Какое счастье облегчить ее тернистый путь, снять с нее часть нелегкой ноши! Она была горда тем, что ей удалось помочь Эгнес.

И как же не гордиться! Она ведь почти на равных с женой Генерального Секретаря. Кто еще может этим похвастать? Юная Бекки Вези была такой ничтожной, что председатель местного избирательного комитета все время забывал, как ее зовут, хотя не забывал заглянуть в вырез ее платья. Бекки Вези не обижалась: она любила людей. Она любила Эгнес Дуглас.

Она всех любила.

Мадам Везан посидела еще, купаясь в лучах славы, выпила еще тонизирующего и тут ее осенило. Она позвонила своему брокеру и приказала ему продать акции Лунар Энтерпрайзез.

— Элли,— усмехнулся он,— голодание вредно отражается на твоих умственных способностях.

— Слушай, Эд. Когда они упадут на десять пунктов, покрой меня, даже если они будут и дальше падать. Когда поднимутся опять, пункта на три, покупай... А когда доберутся до сегодняшнего уровня, снова продай.

Эд долго молчал, потом попросил:

— Элли, ты что-то знаешь? Скажи дяде Эду.

— Звезды кое-что шепнули мне, Эд.

Эд сделал предположение, невозможное с точки зрения астрономии.

— Что ж, не хочешь — не надо. У меня никогда не хватало совести на честную игру. Ты не будешь возражать, если я сыграю по твоей схеме и от себя?

— Играй, только осторожно. Сатурн стоит между Девой и Львом — положение щекотливое.

— Как скажешь, Элли.

Миссис Дуглас, получив от Элли подтверждение своим суждениям, взялась за дело. Она потребовала прине-

сти досье Берксвита и отдала распоряжения начать кампанию по подрыву его репутации. Она вызвала начальника Особой Службы Твитчелла — он вышел бледный и целый день ел поедом своего помощника. Она поручила Сэнфорту выпустить еще одну передачу о Человеке с Марса и в ходе этой передачи сообщить, что по сведениям, исходящим из близких к правительству кругов, Смит собирается или даже уже отправился в Анды, где климат похож на марсианский. После этого миссис Дуглас задумалась над тем, как заставить Пакистан замолчать.

Она потребовала к себе мужа и убедила его поддержать Пакистан в его притязаниях на львиную долю кашмирского тория. Дуглас и сам собирался так поступить, поэтому легко дал себя уговорить, проглотив упрек о том, что еще вчера возражал против этой идеи. Урегулировав пакистанский вопрос, миссис Дуглас отправилась выступать перед Дочерьми Второй Революции на тему «Материнство в Новом Мире».

Глава 10

В то время, как миссис Дуглас разглагольствовала о том, о чем не имела ни малейшего представления, Джубал Э. Харшоу, член коллегии адвокатов, доктор медицины, доктор естественных наук, бонвиван, гурман, сибарит, популярный автор и философ-неопессимист, сидел на краю бассейна у себя в Поконосе и наблюдал, как в бассейне плещутся три секретарши. Все три были очень красивые и на редкость толковые. Харшоу любил сочетать приятное с полезным. Энн была пышная блондинка, Мириам рыжеволосая, а Доркас — брюнетка с фигурой изящной статуэтки. Самая младшая была на пятнадцать лет младше самой старшей, но самую старшую было трудно выделить. Харшоу напряженно работал. Большая часть его существа наблюдала за хорошенькими женщинами, резвящимися в воде, а маленькая частичка, звуко- и светонепроницаемая, сочиняла. Харшоу утверждал, что процесс его творчества заключается в разделении организма: зрение и половые железы сами по себе, а головной мозг — сам по себе. Его бытовые привычки подтверждали эту теорию. На столе стоял магнитофон, но Харшоу пользовался им лишь для

записи заметок. Готовый текст он диктовал стенографистке, следя за ее реакцией. Харшоу как раз приготовился диктовать и позвал:

— Ближняя!

— Это Энн,— ответила Доркас.— Она плескалась ближе всех.

— Нырни и достань ее.

Брюнетка нырнула; через несколько секунд вынырнула Энн, вышла из бассейна, надела платье и села к столу. Она не притронулась к стенографической машинке: память позволяла ей обходиться без техники.

Харшоу взял ведерко со льдом и бренди, отхлебнул и сказал:

— Энн, я придумал душещипательную вещицу. Котенок под Рождество забрел в церковь погреться. Он голодный, холодный и одинокий, и к тому же у него перебита лапка. Начнем: «Снег падал и падал...»

— Какой вы берете псевдоним?

— Молли Уодсуорт — этакое кудрявое имечко. А название — «Чужие ясли». Поехали...

Харшоу диктовал и смотрел на Энн. Когда из-под ее опущенных ресниц потекли слезы, Харшоу улыбнулся, закрыл глаза и тоже заплакал. Когда он закончил диктовать, у них были одинаково мокрые щеки, оба они были растроганы.

— Готово! — объявил Харшоу,— отошли его в какое-нибудь издательство, смотреть на него не могу.

— Джубал, вам когда-нибудь бывает стыдно?

— Никогда!

— В один прекрасный день я прослушаю ваш очередной опус, разозлюсь и лягну вас в пузо.

— Уноси ноги... и все остальное, пока не разозлился я!

— Слушаюсь, босс! — и, зайдя сзади, поцеловала его в лысину.

— Ближняя! — завопил Харшоу, и к нему выбежала Мириам.

Ожил громкоговоритель, установленный на крыше дома:

— Босс!

Харшоу произнес короткое слово. Мириам хихикнула.

— Что тебе, Ларри?

— К вам с визитом дама, а с ней тело.

Харшоу подумал.

— Она хорошенькая?

— Гм... да.

— В чем же дело? Впусти ее.— Харшоу откинулся в шезлонге.— Начнем. Городской пейзаж, затем интерьер. На стуле с высокой прямой спинкой сидит полисмен, без фуражки, воротник расстегнут, на лбу пот. Между полицейским и зрителем, спиной к зрителю стоит человек. Он замахивается, вынося руку за кадр и бьет полисмена по лицу...— Харшоу остановился.— Продолжим позже.

К дому подъезжал автомобиль. За рулем сидела Джилл, рядом с ней молодой человек. Автомобиль остановился, и молодой человек поспешно вышел.

— Вот она, Джубал.

— Я вижу. Здравствуй, девочка. Ларри, где же тело?

— На заднем сиденье, босс. Под одеялом.

— Это не тело,— запротестовала Джилл,— это... Бен сказал, что вы... Я хочу сказать...— она понурила голову и заплакала.

— Не надо плакать, голубушка,— мягко сказал Харшоу,— редкое тело стоит слез. Доркис, Мириам, займитесь ею. Дайте ей чего-нибудь выпить и умойте ее.

Харшоу взглянул на заднее сиденье, поднял одеяло. Джилл вырвалась из рук Мириам и резко сказала:

— Да послушайте меня, наконец! Он не умер! Не должен был умереть! Он... Господи! — она снова заплакала.— Я такая грязная... и устала...

— Похоже, что это все-таки тело,— рассуждал Харшоу.— Температура приближается к температуре окружающей среды. Окоченение атипическое. Когда он умер?

— Он не умер! Заберите его оттуда! У меня больше нет сил его таскать.

— Конечно. Ларри, помоги мне. Фу, какой ты зеленый! Отойди в сторонку и сунь два пальца в рот — полегчает.

Мужчины вынули Валентайна Майкла Смита из машины и положили на траву; он лежал, согнутый пополам. Доркас принесла стетоскоп, настроила, включила и увеличила коэффициент усиления. Харшоу надел наушники, послушал.

— Я боюсь, вы ошиблись,— мягко обратился он к Джилл.— Я не смогу ему помочь. Кто он был?

Джилл вздохнула. Ни на ее лице, ни в голосе не было жизни.

— Человек с Марса. Я так старалась...

— Не сомневаюсь... Человек с Марса?!

— Да. Бен... Бен Кэкстон сказал, что к вам можно обратиться.

— Бен Кэкстон? Я польщен доверием... тс-с-с! — Харшоу жестом приказал всем молчать. Удивление все сильнее проступало на его лице.— Сердце! Ну и горилла же я! Доркас, живо наверх! Третий ящик в запертой части холодильника. Пароль — «сладкий сон». Принесешь весь ящик и шприц на кубик.

— Иду!

— Доктор, никакой стимуляции!

Харшоу обернулся к Джилл.

— Что?

— Простите, сэр, я всего лишь сестра, но это особый случай. Я знаю, что нужно делать.

— Гм... сорок лет назад я обнаружил, что я не Господь Бог, десять лет спустя понял, что даже не Эскулап. Что же нужно делать?

— Нужно попробовать его разбудить. Иначе, что бы вы ни делали, он будет уходить все глубже и глубже.

— Вперед! Только не топором. А потом попробуем мои методы.

— Хорошо, сэр,— Джилл опустилась на колени и принялась разгибать конечности Смита.

Ей это удалось; брови Харшоу поползли вверх. Джилл положила голову Смита себе на колени и нежно позвала:

— Проснись! Это я, твой брат по воде.

Его грудь медленно поднялась. Смит глубоко вздохнул и открыл глаза. Увидел Джилл и улыбнулся детской улыбкой. Потом посмотрел вокруг, и улыбка погасла.

— Не волнуйся,— успокоила его Джилл,— это друзья.

— Друзья?

— Да. Все они твои друзья. Не волнуйся и не уходи больше. Все хорошо.

Смит лежал, глядя на мир широко открытыми глазами и был доволен, как кот у камина.

Через полчаса и его, и Джилл отправили в постель. Прежде чем подействовала таблетка, которую дал Харшоу, Джилл рассказала ему в чем дело.

Харшоу осмотрел машину, в которой приехала Джилл. Автомобиль был взят напрокат на станции в Ридинге.

— Ларри, ты пустил ток по ограде?

— Нет, босс.

— Пусти. Сотри с этой колымаги все отпечатки пальцев и отгони ее, когда стемнеет, на другую сторону Ридинга, скажем, в Ланкастер, и оставь в кювете. Потом езжай в Филадельфию, оттуда в Скрэнтон, а оттуда можно и домой.

— Будет сделано, Джубал. Скажите, он действительно Человек с Марса?

— К сожалению, да. Поэтому если тебя поймают в этой вагонетке, будут допрашивать с большим пристрастием.

— То есть, лучше ограбить банк, чем связываться с ним?

— Вот именно.

— Босс, вы не будете возражать, если я останусь ночевать в Филли?

— Как хочешь. Я только не понимаю, что можно ночью делать в Филадельфии?— Харшоу отвернулся.— Ближняя!

Джилл проспала до обеда и проснулась в отличном самочувствии. Она вдохнула запах жареного мяса, и подумала, что доктор дал ей не успокаивающее, а снотворное. Пока она спала, кто-то унес рваную, грязную одежду и повесил на стул вечернее платье. Платье оказалось Джилл впору, и она решила, что оно, должно быть, принадлежит Мириам. Джилл умылась, накрасила губы, причесалась и спустилась в гостиную, чувствуя себя совсем другим человеком, чем вчера.

Доркас, свернувшись в кресле калачиком, вязала кружево; она кивнула Джилл, как члену семьи, и вновь углубилась в работу. Харшоу смешивал что-то в матовом графине.

— Выпьешь? — спросил он.

— Да, спасибо.

Харшоу до краев наполнил большие стаканы, подал один из них Джилл.

— Что это? — спросила она.

— Мое фирменное блюдо. Треть водки, треть соляной кислоты, треть тормозной жидкости, две щепотки соли и прошлогодняя муха.

— Выпейте лучше виски с содовой,— посоветовала Доркас.

— Занимайся своим делом,— отверг ее совет Харшоу.— Соляная кислота способствует пищеварению, муха — это белки.

Он поднял стакан и торжественно произнес:

— За наши благородные души! Нас осталось так мало! — и опрокинул стакан в рот.

Джилл сделала глоток, потом еще один. Какое бы это ни было зелье — это как раз то, что ей требовалось. По телу разлилось тепло. Она выпила половину. Харшоу долил доверху.

— Видела своего приятеля?

— Нет, я не знаю, где он.

— Я к нему только что заглядывал. Спит, как младенец. Его надо назвать Лазарем — так охотно воскрес... Он станет с нами обедать?

— Не знаю, доктор.

— Ладно, проснется — спрошу. Не захочет сидеть с нами — принесем ему персональный обед. У нас здесь остров свободы, дорогая. Каждый поступает как хочет... а если он поступает не так, как хочу я, я его выгоняю к чертям собачьим. Кстати, я не люблю, когда меня называют доктором.

— Но, сэр!

— Мне не нужен этот титул. Вот если бы меня назвали доктором народного танца или рыбалки — другое дело! А официальные звания — все равно, что разбавленное виски, которого я в рот не беру. Называй меня просто Джубал.

— Хорошо, но медицинская степень много значит.

— Будет значить, когда для нее придумают другое слово, чтобы люди не путали врача со спортивным судьей. Девочка, какие у тебя отношения с этим парнем?

— Я рассказывала вам, док... Джубал.

— Ты мне рассказала, что произошло, но не рассказала, почему. Я видел, как ты с ним разговаривала. Ты в него влюблена?

— Вот еще! Чепуха какая!

— Вовсе нет. Ты женщина, он мужчина — превосходное сочетание.

— Но... Нет, Джубал, дело не в этом. Я... в общем, он был пленником, и я подумала, вернее, Бен подумал, что он в опасности. Мы хотели, чтобы он вступил в свои права.

— Милая моя, я не верю в бескорыстные поступки. Насколько я могу судить по твоему внешнему виду, железы внутренней секреции у тебя работают нормально. Стало быть, дело в Бене или в этом парне. Тебе

следует уяснить для себя, что же тобой движет и, исходя из этого, решить, что делать дальше. В свою очередь, я хотел бы знать, чего ты хочешь от меня.

Джилл было трудно ответить на этот вопрос. С тех пор как она перешла свой Рубикон, она думала только о том, как бы уйти от преследования. Ясных планов она не имела.

— Не знаю.

— Так я и предполагал. Я предположил также, что ты хочешь сохранить за собой место работы и диплом. Исходя из этого, я послал твоему шефу телеграмму из Монреаля, где сообщил, что тебя вызвали к серьезно больному родственнику. Я верно поступил?

Джилл почувствовала внезапное облегчение. В последнее время она не думала о своей судьбе, но в глубине ее сознания затаилась горькая мысль о том, что она бесповоротно испортила себе карьеру. И вот...

— Большое спасибо, Джубал. Я еще не успела прогулять дежурство. По графику у меня сегодня выходной.

— Отлично. Что ты будешь делать дальше?

— Я еще не думала... Пожалуй, нужно связаться с банком и взять немного денег,— она остановилась, пытаясь вспомнить, сколько за ней числится. Сбережения Джилл были невелики, и она все время забывала, сколько у нее денег.

Харшоу не дал ей возможности вспомнить.

— Как только ты позвонишь в банк, у тебя из ушей посыплются полицейские. Я тебе советую посидеть тихо, пока все не уляжется.

— Но я не хочу быть вам в тягость.

— А ты мне уже в тягость. Не переживай: не ты первая, не ты последняя. Никто не может быть мне в тягость против моей воли, поэтому не волнуйся. Далее: ты говорила, что хотела помочь парню вступить в свои права. Ты рассчитывала на мое содействие?

— Бен сказал, что вы можете помочь...

— Какое право Бен имел за меня расписываться? Я не заинтересован в защите так называемых прав твоего приятеля. Его право на Марс писано вилами по воде. Я юрист и понимаю, что к чему. Что же до денег, которые он должен унаследовать, то, исходя из некоторых фактов его биографии и наших странных обычаев, он имеет очень мало шансов что-либо получить. Для него же лучше, если он не получит наследства. Если Бен

рассчитывал на меня, то он сильно ошибся. Я не только не собираюсь бороться за права Смита, но даже не стану читать в газетах, как борется кто-то другой.

Джилл почувствовала себя одинокой и беззащитной.

— Тогда нам лучше уехать.

— Что ты! Зачем?

— Вы сказали...

— Я сказал, что не буду защищать его прав как адвокат. Но я приму его как гостя у себя в доме. Он может оставаться здесь, сколько пожелает. Я просто хотел предупредить, что не собираюсь соответствовать вашим с Беном Кэкстоном романтическим представлениям обо мне и лезть для этого в политику. Милая моя, когда-то я думал, что делаю добро. Мне это льстило. Потом обнаружил, что человечеству не нужно, чтобы ему делали добро; наоборот, оно отвергает всякую попытку сделать добро. С тех пор я делаю добро одному человеку — Джубалу Харшоу,— он отвернулся.— Доркас, не пора ли обедать? Кто-нибудь что-нибудь делает?

— Мириам готовит обед,— Доркас отложила вязание и встала.

— Я никак не могу понять, как они ухитряются распределить работу.

— Вы ведь не знаете, что такое работа, босс.— Доркас похлопала его по животу.— Зато поесть никогда не забываете.

Прозвучал гонг, все пошли к столу. Мириам устраивала обед по современной моде: на столе было много разных салатов. Она сидела во главе стола, прекрасная и холодная, как снежная королева. Появилось новое лицо — молодой человек немного старше Ларри; все называли его Дюк. Он стал вести себя с Джилл так, будто она давно живет здесь. Еду подавали неантропоморфные роботы, которыми управляла Мириам. Все было очень вкусное и, насколько Джилл могла судить, натуральное.

Харшоу, тем не менее, был недоволен. Он жаловался, что нож тупой, мясо жесткое; он обвинил Мириам в том, что она подала остатки вчерашнего обеда. Джилл стало неловко за Мириам, остальные, казалось, ничего не слышали. Вдруг Энн отложила вилку.

— Он начал вспоминать, как готовила его мамочка,— заявила она.

— Он вспомнил, что он босс,— подхватила Доркас.

— Когда это было в последний раз?

— Дней десять назад.

— Давненько,— Энн глазами сделала знак Доркас и Мириам; те встали. Дюк продолжал есть. Харшоу спохватился:

— Девочки, не за обедом же! Подождите!

Они неумолимо приближались к Харшоу. Робот едва успел выскочить у них из-под ног. Энн схватила босса за ногу, Доркас и Мириам — за руки. Несмотря на его отчаянные вопли, они понесли его во двор. Вопли прекратились. Раздался всплеск.

Девушки вернулись и, как ни в чем не бывало, продолжили обед.

— Еще салата, Джилл?

Пришел Харшоу, сменив вечерний костюм на пижаму. Когда Харшоу уносили, робот накрыл его тарелку. Теперь он открыл ее, и Харшоу принялся за еду.

— Я остановился на том, что женщина, которая не умеет готовить,— это просто пустое место. Если меня не начнут обслуживать как следует, я всех уволю. Что на десерт, Мириам?

— Пирог с клубникой.

— Это уже на что-то похоже. Увольнение отсрочено до среды.

После обеда Джилл пошла в гостиную. Ей хотелось посмотреть новости и узнать, скажут ли что-нибудь о ней. В гостиной стереовизора не оказалось. Джилл стала припоминать обстановку других комнат, но ничего похожего на стереовизор, не вспомнила. Газет тоже не было видно, кругом валялись книги и журналы.

Никто не входил. Интересно, который час? Наручные часы остались в спальне, и Джилл стала оглядываться, ища часы на стене. Напрасный труд. Ничего подобного! Джилл покопалась в памяти и обнаружила, что в этом доме ей пока не попадались ни часы, ни календарь.

«Неплохо бы еще поспать»,— подумала она. Взяла с полки книгу, это оказались «Просто сказки» Киплинга; Джилл забрала книгу с собой.

Кровать в комнате Джилл была оборудована по последнему слову техники. Там был автоматический массажер, кофеварка, монитор погоды, читающий аппарат... Не хватало только... будильника. Джилл подумала, что не проспит больше, чем ей захочется, и легла. Вставила книгу в читающий аппарат, и по потолку

побежали слова. Вскоре пальцы Джилл разжались, выпустив блок управления, свет погас, Джилл уснула.

Джубал Харшоу заснул не так легко. Он был недоволен собой. Интерес к гостям угас и уступил место досаде. Пятьдесят лет назад он дал себе страшную клятву не подбирать бездомных кошек, а сейчас, соблазненный жрицами Венеры, подобрал сразу двух, даже трех, если считать Кэкстона.

Он не подумал о том, что нарушал свой обет каждый год: последовательностью Харшоу не отличался. Ему не жалко было кормить еще двоих: не в его характере было считать копейки. Харшоу прожил больше ста лет, испытал бедность, побывал в богачах. Перемены в финансовом положении он воспринимал как перемены погоды и никогда не считал сдачу.

Он боялся, что по следу Джилл к его воротам придет полиция, и начнется скандал. Непременно придет и непременно начнется. Эта девчонка наверняка наследила, как корова в валенках.

До каких же пор люди будут стучать к нему в дверь, задавать вопросы, взывать о помощи? А он будет принимать решения и помогать. Ему уже надоело думать и действовать, мысли о будущем раздражали.

Трудно ожидать разумного поведения от человеческого существа; большинство людей прямо-таки напрашиваются на предостережения. Почему до сих пор они не оставили его в покое? Он отгораживался как мог. Ему казалось, что, предоставленный самому себе, он достигнет высшего блаженства, уйдет в нирвану, растворится в воздухе, как индийский факир. Когда же его оставят в покое?

Около полуночи он отложил сигарету — двадцать седьмую за день — и сел в постели. Зажегся свет.

— Ближняя! — крикнул он в микрофон.

Вошла Доркас, в халате и шлепанцах.

— Слушаю вас, босс,— зевнула она.

— Доркас, в течение последних двадцати или тридцати лет я был никчемным паразитом.

— Это не новость,— снова зевнула Доркас.

— Нельзя успокаиваться. В жизни каждого человека наступает время, когда он забывает о благоразумии. Он встает во весь рост и выступает на борьбу со злом во имя добра и свободы.

— О-о-о-о!

— Перестань зевать! Пришло время бороться!

— Я оденусь для начала.

— Разумеется. Разбуди остальных. У нас много работы. Вылей на Дюка ведро воды и вели ему отыскать и отремонтировать эту болтавилку. Я хочу послушать новости.

— Починить стереовизор? — испугалась Доркас.

— Вот именно. Если Дюк будет упрямиться, скажи ему, пусть идет в любом угодном ему направлении. Живо! У нас много дел!

— Хорошо,— неуверенно согласилась Доркас,— но, может быть, сначала измерить вам температуру?

— Успокойся, женщина!

Дюк настроил стереовизор как раз вовремя. Передавали второе сфабрикованное интервью с Человеком с Марса. В комментариях сообщили, что Смит, по непроверенным пока сведениям, отправляется в Анды. «Дважды два — четыре»,— подумал Джубал и до утра повис на видеофоне. На рассвете Доркас принесла ему завтрак: шесть сырых яиц, смешанных с бренди. Поедая яйца, Харшоу сделал вывод: долгая жизнь хороша тем, что успеваешь узнать много влиятельных людей и в трудный момент есть кому позвонить.

Харшоу заготовил бомбу, но взрывать ее не спешил. Он ждал, чтобы сильные мира сего сами спровоцировали взрыв. Он понимал, что власти снова могут засадить Смита в больницу, ссылаясь на его невменяемость. С юридической точки зрения Смит был действительно невменяем, с медицинской точки зрения его можно было считать психопатом.

Харшоу определил у него сильный ситуационный психоз, происходящий, во-первых, оттого, что Смит был воспитан чуждой цивилизацией, а во-вторых, оттого, что он был пересажен опять-таки в чуждую цивилизацию. Будучи грудным младенцем, то есть, находясь в начале развития, Смит успешно прижился в инородной среде. Сейчас он взрослый человек, с полностью сформировавшимися привычками и определившимся мышлением. Сумеет ли он подстроиться под новые условия столь же успешно? Доктор Харшоу намеревался это выяснить. Впервые за много лет он почувствовал интерес к медицине.

Кроме того ему хотелось поддразнить власть имущих. В нем было больше стремления к свободе, чем полага-

ется по праву каждому американцу. Возможность противопоставить себя планетарному правительству приятно щекотала самолюбие.

Глава 11

Вокруг заурядной звезды G-типа, расположенной на задворках средних размеров галактики, согласно модифицированному обратному линейному закону, формирующему пространство, спокойно вращались планеты, как вращались миллиарды лет до того. Четыре из них были достаточно велики для того, чтобы их можно было назвать планетами. Остальные — мелкие камушки, невидимые в свете звезды или затерянные в темноте космоса. Все, как это водится, были заражены странной формой энтропии, называемой жизнью. Температура на поверхности третьей и четвертой планет колебалась вокруг точки замерзания оксида водорода, поэтому там получили развитие сходные формы жизни, между которыми вполне возможен был достаточно успешный контакт.

Марсиан, живущих на четвертом камушке, не особенно волновали контакты с Землей. Куколки радостно прыгали по планете, учась жить; восемь из девяти куколок погибали в процессе обучения. Взрослые марсиане, совершенно иные, чем куколки по облику и сознанию, жили в сказочно красивых городах и были настолько же тихими, насколько куколки были буйными. Они занимались умственной деятельностью.

Марсиане также много работали, в человеческом понимании этого слова: существовала необходимость управлять планетой — указывать растениям когда и где расти, собирать и развивать выживших куколок, лелеять яйца, вышедшие из куколок, наблюдать за ними, поощрять их правильное созревание. Нужно было воспитывать яйца, уговаривать их отказаться от ребяческих выходок и пройти метаморфозу. Это была еще далеко не вся жизнь, а лишь незначительная ее часть, как, например, прогулка с собакой для директора транснациональной корпорации. Впрочем, при взгляде на Землю со стороны, прогулка с собакой может показаться очень важным делом.

И марсиане, и люди были разумными существами, но

развитие их разума происходило в совершенно различных направлениях. Все мотивы человеческого поведения, все людские страхи и надежды проистекали от трогательно прекрасного способа размножения людей. То же самое было верно для Марса, только в зеркальном отражении. Размножение марсиан происходило по обычной для этой галактики двуполой схеме, но совершенно иначе, чем на Земле. Земной биолог мог считать такое размножение половым, земной психолог — никогда! Все куколки на Марсе были женского пола, а все взрослые марсиане — мужского. Такое разделение существовало лишь с точки зрения биологической функции, социального же разделения, определяющего всю жизнь человечества, на Марсе не было. Там нельзя было вступить в брак. Взрослые марсиане были огромными, как пещерные люди. Они были физически бездеятельны, но умственно активны. Куколки были толстенькими пушистыми колобками, полными бездумной энергии. В психологии марсиан и людей не наблюдалось ничего общего. Полярность человечества являлась одновременно и движущей, и направляющей силой всех человеческих поступков — от сочинения сонетов до создания атомной бомбы. Если кто-то сочтет это преувеличением, давайте посмотрим, много ли в патентных бюро патентов на создание бесполых существ, много ли в музеях портретов евнухов?

Марсиане не обратили внимания ни на «Посланец», ни на «Чемпион». События, связанные с ними, были слишком недавними, и поэтому не имели значения. Если бы на Марсе выходили газеты, в одном номере уместилось бы целое земное столетие. Контакт с иной цивилизацией не был нов для марсиан: такие контакты случались в прошлом, повторятся и в будущем. Действовать следует тогда, когда соседняя цивилизация будет полностью осмыслена (а это — тысячи земных лет).

Важным событием на Марсе считалось совсем не то, что на Земле. Дематериализованные Старшие Братья мимоходом решили послать гнездящегося на Марсе человека на Зе́млю, чтобы он узнал о ней побольше и обратились к действительно важным делам.

Незадолго до того (в период правления на Земле императора Августа) марсианский художник начал создавать произведение искусства. Оно могло быть поэмой, оперой, философским трактатом; это были определенным образом организованные эмоции. Человек может

воспринять это так же, как слепой от рождения воспринимает рассказ о закате, а потому неважно, к какому виду искусства принадлежало произведение марсианского мастера. Важно было то, что он дематериализовался, не успев закончить свой шедевр.

Внезапная дематериализация была редкостью на Марсе. Марсиане считали, что жизнь должна представлять собой законченное целое, а физическая смерть должна наступать в специально отведенный, подобающий момент времени. Однако художник так увлекся работой, что забыл уйти с холода. Когда его нашли, его тело уже не способно было принимать пищу. Он не ощутил своей дематериализации и продолжал творить.

Марсианское искусство делилось на две категории: в первую попадали работы живых взрослых марсиан, яркие, часто радикальные и примитивные, во вторую — творчество дематериализованных Старших Братьев, консервативное, сложное по форме и содержанию. Работы, принадлежащие к разным категориям, оценивались отдельно.

По каким же критериям оценивать работу неожиданно умершего мастера? Ее начал живой, материальный марсианин, а закончил бесплотный Старший Брат. Художник же, рассеянный, как и все художники Вселенной, не заметил своего перехода в новое качество и продолжал работу в прежнем материальном стиле. Открыл ли он тем самым новую категорию искусства? Стоит ли в будущем практиковать дематериализацию в процессе творчества? Старшие Братья столетиями обсуждали захватывающие перспективы, а материальные марсиане с нетерпением ждали окончательного решения.

Вопрос был тем важнее, что произведение было религиозное (в земном понимании этого слова) и очень богатое эмоционально. В нем описывался контакт марсиан с населением пятой планеты — событие, произошедшее давно, но для марсиан памятное и важное, как для землян осталось памятным и важным одно, казалось бы, незначительное распятие. Марсиане встретились с жителями пятой планеты, познали их и перешли к действию. От пятой планеты остались руины, а также память и любовь марсиан. Это произведение являлось одной из многих попыток передать и обобщить прекрасный и сложный исторический опыт. Однако прежде чем оценивать произведение, нужно было договориться, какой точки зрения придерживаться.

А это было нелегко.

На третьей планете Валентайн Майкл Смит был занят другими мыслями, да он и не знал ничего об эпохальном произведении. Его воспитатель и братья воспитателя не утруждали его тем, чего он не в силах был понять. Смит знал о гибели пятой планеты, как всякий школьник Земли знает о гибели Трои, но ему не показывали произведений искусства, которых он не мог осмыслить. Смит получил нестандартное воспитание: знал и умел гораздо больше, чем юные марсиане, но гораздо меньше, чем взрослые. Его воспитатель и Старшие Братья воспитателя с прохладцей относились к тому, чему и как он, чужак, учится. Они изучали его и узнали о людях гораздо больше, чем люди сами знали о себе.

Смит был счастлив. У него появился новый брат по воде, Джубал, много новых друзей; новых впечатлений было так много, что он не успевал их осмысливать, он только запоминал, чтобы впоследствии оживить и переработать.

Брат Джубал сказал, что новое место можно познать быстрее, если научиться читать. Смит отвлекся от созерцания и целый день просидел с Джиллиан над книгой. Он даже не плавал в бассейне в этот день, а это была большая жертва, потому что плаванье (с того момента, когда Смит понял, что оно дозволено) доставляло Смиту не просто удовольствие, а приводило его в религиозный экстаз. Он просиживал бы в бассейне дни напролет, если бы Джилл и Джубал не выгоняли его оттуда. Купаться по ночам ему не позволяли, поэтому по ночам он читал. На закуску к Британской Энциклопедии Смит брал медицинские и юридические книги Джубала. Однажды брат Джубал увидел, как Смит листает книгу, остановился и стал задавать Смиту вопросы по прочитанному; Смиту это напомнило, как его экзаменовали Старшие Братья. Джубал, по-видимому, был недоволен ответами, и Смит решил, что книгу нужно обдумать. Он был полностью уверен, что отвечал теми же словами, что прочитал в книге, хотя не все слова были ему понятны.

Однако с бассейном не могло сравниться ничто, особенно, когда вместе с ним купались Джилл, Мириам, Ларри и все остальные. Смит не сразу научился плавать, но заметил, что умеет то, чего не умеют остальные. Он опускался на дно и блаженствовал там. Его вытаскивали

и ругали, и если бы не уверенность, что все хотят ему добра, ушел бы в транс.

Как-то он продемонстрировал свое умение Джубалу, просидев на дне довольно долго, потом пытался научить Джилл, но она боялась, и Смит не решился настаивать. Тогда он впервые понял, что новые братья могут не все, что может он. Смит долго над этим думал.

Смит был счастлив, чего нельзя было сказать о Харшоу. Джубал бездельничал, иногда отвлекаясь, чтобы понаблюдать за редким подопытным животным. Он не составил для Смита какой бы то ни было программы умственного и физического развития, пустив все на самотек. Организованное руководство осуществляла Джилл; Харшоу считал, что она уделяет Смиту слишком много внимания: он не любил, чтобы женщина возилась с мужчиной, как с ребенком.

А Джилл всего лишь обучала Смита поведению в обществе Людей. Смит уже ел за столом, сам одевался (Харшоу полностью не был в этом уверен и все собирался спросить Джилл, помогает ли она Смиту одеваться), привык к распорядку жизни в доме и выучил важнейшие бытовые правила. Когда Смит впервые сел со всеми за стол, он умел пользоваться только ложкой. Джилл резала для него мясо. К концу обеда он уже пытался есть как все. На следующий день он вел себя за столом в точности как Джилл, с таким же, как она, избытком хороших манер.

Когда Харшоу увидел, что Смит читает со скоростью компьютера и запоминает все, что прочитал, он не стал делать из этого сенсацию, проводить измерения и чертить кривые роста. Харшоу вел себя с высокомерным смирением человека, который знает так много, что видит, как мало он знает. Что толку в измерениях, если не понимаешь, что измеряешь?

Безусловно, интересно наблюдать, как экзотическое животное превращается в человека, но Харшоу, наблюдая за Смитом, не испытывал удовлетворения.

Как и Генеральный Секретарь Дуглас, он ждал, что вот-вот что-то случится.

Но ничего не случалось, и Харшоу надоело ждать. Неужели полицейские настолько глупы, что упустили не очень умную девушку с бездыханным телом в чемодане? А может, они ее выследили и теперь наблюдают за его домом? Мысль о том, что правительство наблюдает за

его личной жизнью, привела Харшоу в ярость. Это такая же низость, как вскрывать письма!

Кстати, они и это могут! Правительство! На три четверти паразитическое, а на четверть бессмысленное заведение. Харшоу понимал, что изолировать Смита от государства нельзя, но нельзя же называть зло добром только потому, что зло неизбежно. Пропади оно пропадом, это государство!

Вполне возможно, что власти знают, где находится Человек с Марса, но им выгодно оставить все как есть. Если так, то сколько это продлится? Сколько можно держать в бездействии готовую взорваться бомбу?

И где, наконец, этот идиот Бен Кэкстон?

Джилл Бордмэн вывела его из задумчивости.

— Джубал!

— А, это ты, глазастая! Извини, я задумался. Садись. Хочешь выпить?

— Нет, спасибо. Мне нужно с вами поговорить.

— Ты здорово прыгаешь в воду. Прыгни-ка еще разок.

Джилл закусила губу, как двенадцатилетняя девочка и умоляюще посмотрела на Харшоу.

— Джубал! Пожалуйста, выслушайте меня!

Он вздохнул.

— Оденься. Ветер холодный.

— Мне не холодно. Я могу оставить Майка у вас?

Харшоу удивленно заморгал.

— Конечно. Девочки за ним присмотрят, это нетрудно. А ты уезжаешь?

— Да,— Джилл опустила глаза.

— Жаль... Но держать тебя я не могу.

— Ах, Джубал! Я бы не уезжала.

— Значит, оставайся.

— Нет, я должна ехать.

— Не понял. Еще раз.

— Как вы не понимаете, Джубал! Мне у вас нравится, вы к нам так добры. Но я не могу здесь остаться. Бена нет. Я должна его найти.

Харшоу произнес крепкое словцо, потом сказал:

— Как ты собираешься его искать?

— Не знаю,— нахмурилась она,— но я не могу здесь прохлаждаться, когда его нет.

— Джиллиан, Бен уже большой мальчик. Ты ему не мать и даже не жена. Какое право ты имеешь его искать?

— Никакого,— Джилл пошевелила в траве ногой,— но я знаю, что если бы я пропала, Бен искал бы меня... пока не нашел. Поэтому я должна искать его.

Харшоу послал проклятия всем богам, которые должны удерживать людей от глупостей, но не делают этого, а вслух сказал:

— Давай рассудим здраво. Ты собираешься нанять детектива?

— Наверное,— упавшим голосом сказала Джилл.— Я еще ни разу в жизни не нанимала детектива. Это дорого?

— Очень.

— А если платить в рассрочку?

— Обычно они берут наличными и вперед. Не грусти девочка. Я уже нанял детектива. Лучшего в стране. Не стоит тебе влезать в долги, чтобы нанять лучшего после лучшего.

— И ничего мне не сказали?

— А зачем?

— Уже что-нибудь известно?

— Пока ничего. Именно поэтому я тебе ничего не говорил,— Джубал нахмурился.— Сначала я думал, ты зря беспокоишься. Решил, что он пошел по какому-то следу и скоро вернется с новым материалом. Теперь я так не думаю,— вздохнул Харшоу.— Этот идиот Килгаллен получил по статопринту письмо, якобы от Бена, что Бен задерживается. Я поручил своим людям стащить его или сфотографировать. Оно оказалось подлинным.

— Почему же Бен не предупредил меня? Это на него не похоже.

Харшоу подавил стон.

— Подумай, Джилл. Если на клетке со львом написано «Буйвол», не верь глазам своим. Ты приехала в пятницу. Письмо отправлено в 10.34 утра в четверг. Оно было получено без задержки: в конторе Бена есть статопринтер. А теперь скажи, зачем Бену посылать письмо по статопринту в рабочее время, если есть телефон?

— Действительно, зачем? Я на его месте позвонила бы. Телефон — самый...

— Ты не на его месте. У репортера может быть тысяча причин на это. Он мог послать письменное сообщение, чтобы избежать неточностей. Ему могло понадобиться зафиксировать сам факт передачи сообще-

ния. Ему могло понадобиться, чтобы сообщение пришло не сразу. Килгаллен не нашел в этом ничего странного, он знает специфику работы. Дело в том, что письмо отправлено не из Филадельфии.

— Но...

— Не перебивай. Письмо можно сдать на почту собственноручно, а можно продиктовать по видеофону.

— Ну да.

— Что из этого следует?

— Джубал, я так волнуюсь, что ничего не соображаю.

— Не волнуйся: я в этом тоже ничего не соображаю. На меня работает человек, который соображает. Он изготовил копию письма и отправился в Паоли Флэт под именем Осберта Килгаллена. У него респектабельный вид, честное лицо, и он выпытал у служащей такие вещи, какие рассказывают только на суде. То, что она сообщила, отнюдь не радует. Она обычно не помнит, кто что передает. Отстучала — и забыла. Но эта дама — поклонница Бена. Каждый день читает его колонку — просто безобразие... Ближняя!

Появилась мокрая Энн.

— Напомни мне,— сказал ей Харшоу,— написать статью о регулярном чтении газет. Идея в том, что большинство неврозов происходит от нездоровой привычки вбирать в себя беды пяти миллиардов чужих людей. Название «Сплетни без границ» или нет, «Планета сплетничает».

— Босс, вы нездоровы.

— О, не только я. Проследи, чтобы я написал эту статью в течение следующей недели. Теперь исчезни. Я занят,— он обернулся к Джиллиан.— ...Она услыхала имя Бена и затрепетала: она говорит со своим героем! И тут же разочаровалась: он не заплатил за изображение. Поэтому она запомнила. И еще запомнила, что звонили из телефона-автомата в Вашингтоне.

— В Вашингтоне? — повторила Джилл.— Зачем же Бену звонить из...

— Вот именно. Если он стоит в телефонной будке в Вашингтоне, он может связаться с Килгалленом прямо. Это будет дешевле и быстрее, чем звонить в Филадельфию, чтобы оттуда отправили письмо в Вашингтон. Может быть, Бен боялся, что телефон прослушивается, но надеялся, что статопринт не контролируется и прове-

рял, так ли это. Я не пойму, в чем здесь дело, но боюсь, что, продолжая поиски Бена, мы поставим его жизнь под угрозу.

— Нет, Джубал!

— Да,— устало сказал Джубал,— Бэн ходит по краю пропасти, он сделал на этом карьеру. Сейчас он перешел все границы. Если он исчез по своей воле, не стоит привлекать к этому факту внимание. Килгаллен не волнуется. Колонки Бена выходят каждый день. Я проверял.

— Бен заготавливал материал впрок.

— Или их пишет Килгаллен. В любом случае, официально Бен не пропал. Он на работе. Может быть, он решил на время выйти из игры, а тебя не предупредил, чтобы не подвергать опасности.

— Джубал, что мне делать? — Джилл закрыла лицо руками.

— Не волноваться. Самое худшее, что ему грозит — это смерть. А она грозит нам всем, не сегодня — так завтра. Спроси хотя бы у Майка. Ему легче дематериализоваться, чем выслушать упрек. Если я скажу ему, что мы собираемся его зарезать и зажарить на обед, он со слезами на глазах будет благодарить меня за оказанную честь.

— Я знаю,— тихо ответила Джилл,— но не разделяю его взглядов.

— Я тоже,— согласился Харшоу,— но начинаю понимать. Это утешительная мысль для пожилого человека. Я всю жизнь пытался развить в себе способность наслаждаться неизбежным. А этот мальчик, который уже имеет право избирать и быть избранным, но не знает, что перед автомобилем нужно посторониться, показал мне, что я... не умнее, чем был в детском саду. Ты спрашивала, можно ли оставить у меня Майка. Да я его сам не отпущу, пока не научусь у него тому, что он знает. Одна дематериализация чего стоит! Она не фрейдовское желание смерти, ничего похожего на «Самую усталую реку». Это как у Стивенсона: «С радостью живу, с радостью умру». Стивенсон жил с радостью, потому что вкусно обедал, а Майк знает какой-то секрет.

— Я ничего не понимаю,— угрюмо проговорила Джилл.— Я боюсь за Бена.

— Я тоже. И мне кажется, что он не прячется.

— Вы только что...

— Прости... Мои люди не ограничились визитом к Килгаллену и в Паоли Флэт. Они узнали, что в четверг утром Бен приходил в медицинский центр с адвокатом и Беспристрастным Свидетелем Джеймсом Оливером Кавендишем — ты знаешь, что это значит?

— Нет.

— Если Бен пригласил Кавендиша, значит дело было серьезное. По воробьям не стреляют из пушки. Бен хотел поговорить с Человеком с Марса в присутствии Свидетеля.

— Не может быть,— выдохнула Джиллиан.

— Джилл, это сказал сам Кавендиш, ему можно верить, как Писанию.

— Нашелся апостол! В четверг утром ко мне на этаж никто не заходил.

— Не торопись. Я не сказал, что они говорили с Майком. Они беседовали с «Человеком с Марса», очевидно, с подставным, которого показывали по стереовидению.

— Ну, конечно! И Бен вывел их на чистую воду!

— Нет, у него это не вышло. И у Кавендиша тоже. Ты знаешь, как обязан себя вести Беспристрастный Свидетель?

— Не знаю. Я никогда их не видела.

— Как? Энн!

Энн стояла на трамплине.

— Видишь тот дом на горе? — спросил Харшоу.— Какого он цвета?

Энн посмотрела и сказала:

— С нашей стороны белый.

— Вот видишь,— сказал Джубал,— Энн не стала говорить, что дом весь белый. И вся королевская рать не заставит ее сказать это, если она не пойдет и не посмотрит. И даже тогда она не сможет утверждать, что он остался белым после того, как она ушла.

— Энн — Беспристрастный Свидетель?

— Да, у нее диплом без ограничений, с правом свидетельствовать в Верховном Суде. Спроси у нее как-нибудь, почему она оставила практику. Только ничего больше не планируй на этот день. Энн будет тебе рассказывать правду, всю правду и только правду, а это отнимает много времени. Так вот, вернемся к Кавендишу. Бен пригласил его с условием, что Кавендиш будет

свидетельствовать открыто. Когда это потребовалось, Кавендиш рассказал все в мельчайших подробностях. Интересно то, чего он *не* сказал. Он не сказал, что человек, с которым они беседовали, не был Человеком с Марса. Но он не сказал ни одного слова в подтверждение того, что этот человек являлся Человеком с Марса. Если ты знаешь Кавендиша, ты поймешь, что это что-то значит. Если бы Кавендиш видел Майка, он объявил бы об этом так, чтобы все: и ты, и я — поняли, что он видел Майка. Например, он описывает форму ушей представленного им человека, а она не совпадает с формой ушей Майка. Следовательно, им подсунули фальшивку. Кавендиш это понимает, но он не имеет права высказать свое мнение.

— Я же сказала, на мой этаж никто не входил.

— Пойдем дальше. Все это произошло задолго до того, как ты выкрала Майка. Кавендиш говорит, что они встретились с «Человеком с Марса» в 9.14 утра в четверг. Майк в это время находился в больнице, его вполне можно было показать посетителям. Почему самому знаменитому Беспристрастному Свидетелю подсунули фальшивку? Почему они пошли на такой риск?

— Вы меня спрашиваете? — сказала Джилл.— Я не знаю, Бен говорил, что спросит у Майка, хочет ли он уйти из больницы, и если Майк скажет да, то Бен заберет его с собой.

— Бен спросил, и двойник, разумеется, ответил нет.

— Майк не пошел бы с Беном.

— Почему он пошел с тобой?

— Я его брат по воде, как и вы сейчас. Он считает, что можно верить каждому, с кем разделил глоток воды. Брату по воде он подчиняется во всем, а со всеми остальными упирается, как осел. Бен не сумел бы его увести. По крайней мере, на прошлой неделе. Сейчас Майк, наверное, уже не такой.

— Да. Он очень быстро меняется. Я никогда не видел, чтобы мышечная ткань росла так быстро. Вернемся к делу: Кавендиш сообщил, что Бен покинул его и адвоката — некоего Фрисби — в 9.31 и сел в такси. Через час Бен, или кто-то другой, назвавшийся его именем, передал в Паоли Флэт по видеофону письмо.

— Вы думаете, это был не Бен?

— Да, скорее всего кто-то другой. Кавендиш запомнил и сообщил номер такси, я поручил своим людям

выяснить дневной маршрут этого такси. Если Бен пользовался своей кредитной карточкой, ее номер должен быть записан в память робота. Даже если Бен бросал монетки, должны остаться записи: время, направление следования.

— И что же?

— Записи показывают, что в четверг утром машина была в ремонте. Значит, Кавендиш дал не тот номер, либо кто-то уничтожил запись. Суд может решить, что Свидетель неправильно запомнил номер машины, тем более, что его об этом не просили. А я говорю, что с Кавендишем такое случиться не могло. Он не дает показаний, в достоверности которых не уверен.

Харшоу нахмурился.

— Джилл, ты втягиваешь меня в дело, в которое я не хочу вмешиваться. Можно допустить, что Бен отправил письмо из Вашингтона в Вашингтон через Филадельфию. Гораздо труднее предположить, что он станет уничтожать в памяти робота свой маршрут. Вероятно, это сделал кто-то другой, кто знал, куда поехал Бен, и хотел это скрыть. Он же отправил письмо, чтобы никто не понял, что Бен исчез.

— «Исчез»? Вы хотите сказать его похитили?

— Осторожнее на поворотах, Джилл. «Похитили» — нехорошее слово.

— Очень хорошее! Джубал, это надо растрезвонить на всю страну, а мы сидим!

— Не спеши, Джилл. Возможно, Бена уже нет в живых.

— Да, в самом деле,— сникла Джилл.

— Пока мы не увидим его мощей, мы будем считать, что он жив. Джилл, ты знаешь, чего нельзя делать, когда человека похищают? Того самого, что предлагаешь ты — бежать и кричать. Похититель может испугаться и убить свою жертву.

Джилл была в отчаянии. Харшоу продолжал:

— Я должен предусмотреть все варианты развития событий. Поэтому мне пришлось допустить, что Бен погиб, тем более, что его долго нет. Мы сейчас условились считать, что он жив. Ты хочешь его искать. Ты можешь это сделать, не увеличивая риска, что неведомые силы, в руках которых находится Бен, не уничтожат его?

— Почему неведомые? Мы знаем, кто его похитил.

— Правда?

— Конечно. Это те же люди, которые заперли Майка в больнице, это — правительство.

Харшоу покачал головой.

— Это всего лишь догадка. Бен со своими статьями нажил себе немало врагов, но не все они члены правительства. Должен заметить, что эта догадка наиболее вероятна и вместе с тем весьма расплывчата. В правительстве работает несколько миллионов человек, и мы должны задать себе вопрос: кому из них Бен стал поперек дороги? Кому именно?

— Но Джубал! Я же говорила вам то, что говорил мне Бен — Генеральному Секретарю Дугласу.

— Нет,— возразил Харшоу,— не имеет значения, кто что делал, даже если это было преступно или противозаконно, это не Генеральный Секретарь, пусть ему это и выгодно. Мы никогда не докажем, что он хоть что-то знал о похищении Бена. И скорее всего, он об этом действительно не знает. Нам нужно выяснить, кто из команды Дугласа это сделал. Когда Бену показывали двойника, с ним ходил один из подручных Дугласа; сначала он отговаривал Бена, а когда не получилось — пошел с ним. Теперь оказывается, что этот тип тоже пропал в четверг. Мне кажется, что это не просто совпадение, потому что ему было поручено проведение операции «Двойник». Если мы найдем его, то можем найти и Бена. Его зовут Джилберт Берксвит.

— Берксвит?!

— Ну да, Берксвит. У меня есть основания... Джилл, что с тобой? Не падай в обморок, не то я брошу тебя в воду.

— Джубал, этот Берксвит... только один?

— По-моему, один. Я больше не слышал такой фамилии. Ты его знаешь?

— Пожалуй, знаю. Если это тот Берксвит, то его вряд ли стоит искать.

— Гм... Объясни.

— Видите ли, Джубал, я не все вам рассказала.

— Вполне естественно. Рассказывай сейчас.

Запинаясь, Джилл рассказала о том, как вдруг исчезли люди, пришедшие арестовать ее и Смита.

— А потом,— грустно закончила Джилл,— я закричала и испугала Майка. Он ушел в транс, и я замучилась, пока дотащила его сюда.

— Жаль, что не рассказала этого раньше.

Она покраснела.

— Я боялась, что никто не поверит. И потом, Джубал, нам за это могут что-нибудь сделать?

— Что? — удивился Харшоу.

— В тюрьму посадить или еще что-нибудь?

— Милая моя, ни присутствие при совершении чуда, ни совершение оного не является преступлением. Помолчи, я подумаю.

Минут десять Джубал молчал, прикрыв глаза. Потом сказал:

— Нет проблем, малышка. Где Майк, опять лежит на дне?

— Да.

— Нырни к нему и скажи, пусть придет ко мне в кабинет. Я хочу, чтобы он повторил чудо. Зрителей не нужно, хотя нет — один нужен. Скажи Энн, пусть наденет свидетельское одеяние — я использую ее по ее прямому назначению. И еще мне нужен Дюк.

— Иду, босс.

— Ты не имеешь права называть меня боссом. Я тебя на работу не нанимал.

— Иду, Джубал.

— Хорошо бы иметь кого-то, чье отсутствие мы пережили бы безболезненно. Майк может проделать такую штуку с неодушевленным предметом?

— Не знаю.

— Ладно, проверим. Зови его,— Джубал сверкнул глазами.— Какая возможность избавиться от... Нет, нельзя. Увидимся наверху, Джилл!

Глава 12

Через несколько минут Джилл вошла в кабинет Харшоу. Энн уже была там, облаченная в одежду Беспристрастного Свидетеля; она взглянула на Джилл и ничего не сказала. Джилл отыскала свободный стул и молча села. Харшоу диктовал Доркас, не обращая внимания на остальных:

— «...из-под распростертого тела, пропитав уголок ковра и собираясь в лужицу у камина. Две праздные мухи насторожились. Вошла мисс Симпсон и схватилась за голову. „Боже! — выдохнула она,— папин любимый ковер! Да и сам папа!“».— Конец главы, Доркас, и конец части. Можешь отсылать. Свободна.

Доркас вышла, унося стенографическую машинку и улыбнувшись Джилл.

— Где Майк? — спросил Джубал.

— Скоро будет,— ответила Джиллиан.— Одевается.

— Одевается,— ворчливо передразнил Харшоу.— Не на обед же мы собрались.

— Он не должен ходить голым.

— Он не голый, на нем есть кожа. Веди его сюда.

— Джубал, так нельзя. Он должен научиться ходить в одежде.

— Зачем ты навязываешь ему свою христианско-буржуазную зашоренную мораль?

— При чем тут мораль! Я прививаю ему важнейшие бытовые привычки.

— Привычки, мораль — какая разница? Женщина, ради Бога в небесах и душе, пойми, перед нами личность, не искалеченная идиотскими табу нашего племени, а ты хочешь сделать из него третьесортного обывателя. Пойдем до конца: купи ему еще атташе-кейс!

— Ничего подобного! Я стараюсь избавить его от неприятностей. Я ему добра хочу!

Джубал фыркнул.

— Так говорит чистоплотная хозяйка, стерилизуя блудливую кошку.

— Ух! — Джилл сосчитала до десяти. Потом сухо произнесла: — Вы хозяин здесь, доктор Харшоу, а мы перед вами в долгу. Сейчас я приведу Майкла,— она поднялась.

— Джилл, сядь и не соревнуйся со мной во вредности: я старше и опытнее. Дальше: ты никак не можешь оказаться у меня в долгу, потому что я никогда не делаю того, что мне не требуется. Кстати, никто этого не делает, но я это еще и осознаю. Поэтому не изобретай себе долгов, иначе ты начнешь испытывать по отношению ко мне благодарность, а это предательский первый шаг к моральной деградации. Ты полюбила мою мысль?

Джилл прикусила губу, потом улыбнулась.

— Я не знаю, как это делается.

— Я тоже, но я хочу научиться этому у Майкла. Так вот, я говорю вполне серьезно: благодарность есть эвфемизм для отвращения. Отвращение большинства людей меня не трогает, но мне не хотелось бы стать отвратительным для маленькой хорошенькой девочки.

— Что вы, Джубал, я ничего подобного не испытываю.

— Я надеюсь... но начнешь испытывать, если взрастишь в своем сознании мысль о том, что ты передо мной в долгу. У японцев существует пять способов выражения благодарности. Каждая из этих фраз буквально переводится как выражение недобрых чувств. Если бы англосаксы были так же честны! Но они выдумали чувства, которых человеческая нервная система не способна производить.

— Джубал, вы старый циник. Я вам благодарна и буду благодарна в дальнейшем.

— А ты сентиментальная девчонка. Мы друг друга отлично дополняем. Давай-ка закатимся в Атлантик-Сити и кутнем!

— Как можно, Джубал!

— Где же твоя благодарность?

— Я готова. Когда едем?

— Ехать нужно было сорок лет назад. Это первое, а второе — ты права: Майк должен обучиться человеческим привычкам. Он должен разуваться в мечети, сидеть с покрытой головой в синагоге, прикрывать наготу, когда этого требуют нормы морали. Иначе его сожгут за ересь. Только ради бога Аримана, не подвергай его идеологической обработке. Могу тебя заверить, ему это безразлично.

— Я не думаю, что у меня это получится. Но Майк не похож на безразличного человека.

— Пора бы уже Майку одеться.

— Пойду гляну, что он делает.

— Минутку, Джилл. Я объяснял, почему не хочу обвинять кого-либо в похищении Бена. Если Бен, скажем так, незаконно задержан, то мы не можем уличить никого в том, что он стремится избавиться от свидетеля в лице Бена. Если Бен жив, у него есть шанс остаться в живых. Я в первый же день твоего приезда предпринял другой шаг. Ты хорошо помнишь Библию?

— Не очень.

— Эта книга заслуживает изучения, так как содержит практические советы на все случаи жизни. «Каждый, кто делает зло, боится света» — это сказал Иоанн, а, может быть, Иисус, неважно. Я все время ждал, что у нас начнут отбивать Майка. Не могли же они не заметить, как ты тащила его сюда. Я живу на отшибе и

тяжелой артиллерии во дворе не держу. Единственное оружие, которого они боятся, и которое, по-видимому, остановило их — это свет. Общественное мнение. Я устроил так, что малейший скандал в моем доме станет достоянием общественности, мировой общественности! Неважно, какие при этом будут действовать рычаги, главное: если здесь что-нибудь случится, это покажут по трем программам. Об этом будут оповещены специальными сообщениями большие люди, которым будет приятно поймать на горячем нашего уважаемого Генерального Секретаря.

Харшоу нахмурился.

— Но я не могу ждать бесконечно. Когда я все организовывал, я боялся, что скандал произойдет сейчас же. Мне кажется, что, пока внимание предупрежденных мною людей не ослабло, нам следует поторопить события.

— Каким образом, Джубал.

— Я думал об этом последние три дня. Ты своим рассказом о чуде навела меня на мысль.

— Простите, Джубал, что не рассказала раньше. Я боялась, что мне не поверят, и рада, что вы верите.

— Я не говорил, что верю.

— Как!

— Я верю, что ты говорила правду, Джилл. Но сны и галлюцинации — тоже правда в своем роде. То, что произойдет сейчас, произойдет на глазах Беспристрастного Свидетеля и кинокамер, которые уже снимают,— он нажал кнопку.— Я не думаю, что Энн, находясь при исполнении служебных обязанностей,— а кинокамера и подавно,— заснет или поддастся чьему-либо гипнотическому воздействию. Мы разберемся, с какой правдой имеем дело, а потом подумаем, как вынудить к действию власть имущих... и, может быть, подумаем, как помочь Бену. Веди Майка.

Причина отсутствия Майка не была сверхъестественной: он стреножил себя шнурками. Сделав шаг, он упал, затянув при этом узлы. Ему понадобилось значительное время, чтобы проанализировать происшествие, развязать шнурки и завязать их правильно. Времени он, по марсианской привычке, не считал; он был огорчен, что неправильно усвоил то, чему его учила Джилл. Когда Джилл пришла за ним, Майк исповедовался ей в своей несостоятельности, хотя шнурки уже были завязаны как надо.

Джилл утешила его, пригладила ему волосы и повела за собой.

— Здорово, сынок. Садись,— приветствовал его Харшоу.

— Здорово, Джубал,— торжественно произнес Валентайн Майкл Смит, сел и погрузился в ожидание.

— Что ты узнал сегодня, мальчик? — спросил Харшоу.

Смит радостно улыбнулся и, как всегда, после небольшой паузы ответил:

— Я научился делать сальто в полтора оборота, прыгая в воду. Разбегаешься, прыгаешь и входишь в воду...

— Я видел — вытянув носки, колени прямые, стопы вместе.

— Неправильно? — огорченно спросил Смит.

— Для первого раза очень даже правильно. А вспомнил, как это делает Доркас?

Смит подумал.

— Вода принимает Доркас, любит его.

— Не его, а ее. Доркас — она.

— Ее,— поправился Смит.— Разве я говорю неправильно? Я читал в словаре Уэбстера (третье издание, Спрингфилд, Массачусетс), что мужской род включает женский. Словарь приводит пример из Закона о контрактах (пятое издание, Чикаго, Иллинойс, 1978, с. 1012). Там сказано...

— Постой, постой,— прервал Харшоу,— мужской род действительно включает женский, но только в том случае, когда ты говоришь вообще. Если говоришь о конкретной женщине, ты должен говорить «она», «ей», «ее».

— Я запомню.

— Ты бы лучше заставил Доркас на деле доказать ее женский род,— Харшоу подумал.— Джилл, парень спит с тобой? Или с кем-нибудь из вас?

— По-моему, он вообще не спит.

— Ты не ответила на мой вопрос.

— Отвечаю: он не спит со мной.

— Я спросил не из праздного любопытства, а из чисто научного интереса. Майк, чему ты еще научился?

— Я нашел два способа завязывать шнурки. Один хорош для того, чтобы лежать. Другой — для того, чтобы ходить. Я выучил спряжения...

— Что еще?

— Вчера я учился ездить на тракторе,— восторженно улыбнулся Майкл.— Так здорово!

Джубал выразительно взглянул на Джилл.

— Когда это происходило?

— Вчера, когда ты спал, Джубал. Все было хорошо: Дюк не дал ему упасть.

— Понятно, что не дал... Майк, ты читал что-нибудь?

— Да, Джубал.

— Что?

— Я прочел,— доложил Майк,— еще три тома Энциклопедии: Maryb-Mushe, Mushr-Ozon и P-Planti. Ты не велел мне читать Энциклопедию помногу, поэтому на Planti я остановился. Потом я прочел «Трагедию Ромео и Джульетты» Уильяма Шекспира. Потом «Мемуары Джакомо Казановы» в переводе Фрэнсиса Уэлдмена. Потом я вникал в прочитанное. В это время Джилл позвала меня завтракать.

— Ты что-нибудь понял?

— Не знаю, Джубал,— в голосе Смита была тревога.

— Что тебе неясно?

— Я не смог охватить всей полноты того, что прочитал. Читая у Уильяма Шекспира о смерти Ромео, я почувствовал, что полон счастья. А после я прочел, что Ромео дематериализовался слишком рано, по крайней мере, мне так показалось. Почему так?

— Потому что он сопливый идиот.

— Прошу прощения?

— Я сам не знаю, Майк.

Смит подумал, пробормотал что-то по-марсиански, а по-человечески сказал:

— Я только яйцо.

— Что? Мне кажется, ты меня о чем-то просишь, Майк. Чего ты хочешь?

Смит колебался, потом выпалил:

— Брат мой Джубал, пожалуйста, спроси Ромео, почему он дематериализовался. Я не могу с ним говорить, я только яйцо. А ты можешь — спроси, и после объяснишь мне.

Майк, по-видимому, считал, что Ромео существовал на самом деле, и сейчас просил его, Джубала, вызвать дух Ромео и потребовать у него отчета в поступках плоти. Как объяснить Майку, что Монтекки и Капулетти не существовали в материальном мире? Он не опериро-

вал понятиями, опираясь на которые, можно было бы объяснить Человеку с Марса, что такое художественная литература. Джубал распалялся; Джилл испугалась, что Майк сейчас свернется в клубок и окоченеет.

Майк действительно был близок к этому, но изо всех сил держался; он дал себе слово не прибегать к этому средству в присутствии друзей, видя, что причиняет этим беспокойство всем, кроме доктора Нельсона. Майк замедлил сердце, успокоил чувства, улыбнулся и сказал:

— Я подожду, пока понимание придет само.

— Хорошо,— согласился Джубал.— А в следующий раз, когда соберешься читать, спроси у меня или у Джилл — у кого угодно — художественная это литература или нет. Тебе, пожалуй, не стоит ее читать.

— Я буду спрашивать, Джубал.

Майк решил, что обязательно доложит Старшим Братьям, что такое художественная литература, когда сам это поймет... Тут он поймал себя на том, что сомневается, что они поймут. Предположение о том, что существуют вещи, столь же непонятные для Старших Братьев, как и для него самого, было даже более революционным, чем само понятие художественной литературы, и Майк решил подумать об этом в другой раз, в спокойной обстановке.

— ...Я позвал тебя не для того,— говорил тем временем брат Джубал,— чтобы рассуждать о литературе. Майк, вспомни, пожалуйста, тот день, когда Джилл забрала тебя из больницы.

— Из больницы? — повторил Майк.

— Мне кажется, Джубал,— вмешалась Джилл,— что Майк не знает, что он был именно в больнице. Давайте я попробую...

— Вперед!

— Майк, помнишь, как ты жил в комнате один, пока я тебя не одела и не увела?

— Помню, Джилл.

— Потом мы поехали в другое место, я тебя раздела и велела принять ванну.

— Да, это было такое счастье! — Смит улыбнулся воспоминанию.

— Потом я тебя вытерла, и тут пришли двое.

Улыбка погасла. Смит задрожал и стал уходить в себя.

— Майк! Остановись! — приказала Джилл.— Не смей уходить!

Майк взял себя в руки.

— Да, Джилл.

— Слушай, Майк. Вспомни, что тогда происходило, только не волнуйся. Пришли двое мужчин, один потащил тебя в гостиную.

— Туда, где растет трава,— подтвердил Майк.

— Правильно, там на полу растет трава. Я хотела помешать ему, он меня ударил. Потом он пропал. Помнишь?

— Ты не сердишься на меня за это?

— Что ты! Нет, конечно. Один пропал, второй навел на меня пистолет и тоже пропал. Я испугалась, а не рассердилась.

— И сейчас не сердишься?

— Майк, милый, я никогда на тебя не сердилась. Мы с Джубалом просто хотим понять, что произошло. Те двое пришли, что-то сделали и пропали. Почему? Что ты сделал, скажи.

— Я скажу. Тот человек — большой — ударил тебя, и я испугался. Я,— тут он перешел на марсианский.— Я не знаю слов.

— Хотя бы приблизительно объясни,— попросил Джубал.

— Я постараюсь, Джубал. Передо мной есть что-то. Это плохая вещь, ее не должно быть. И я,— он опять запнулся.— Это просто, гораздо проще, чем завязывать шнурки. Но слов нет. Извините, пожалуйста.— Он помолчал.

— Может быть, слова есть в Plant-Raym или в Rayn-Sarr, или в Sars-Sorc. Я прочту их сегодня, а завтра за завтраком вам расскажу.

— Может быть, и есть,— сказал Джубал.— Погодика, Майк.— Он отошел в угол комнаты и взял в руки большой сосуд с бренди.

— Ты можешь сделать так, чтобы это пропало?

— Это плохая вещь?

— Предположим, что да.

— Но, Джубал, я должен точно знать, что она плохая. Это бутылка. Я не вижу в ней ничего плохого.

— А если я замахнусь и брошу ее в Джилл?

Смит произнес с мягкой грустью:

— Джубал, ты этого не сделаешь.

— Правда, не сделаю. Джилл, тогда ты брось в меня. Она тяжелая, если Майк не защитит меня, получу по крайней мере поверхностное ранение.

— Джубал, я не хочу этого делать.

— Ах, брось! Это в интересах науки и... Бена Кэкстона.

— Но...— Джилл вскочила, схватила бутылку и швырнула ее Джубалу в голову.

Он хотел стоять прямо, но сработал рефлекс, и он пригнулся.

— Пролетела,— сказал Джубал с сожалением,— я не хотел нагибаться, думал посмотреть. Майк, что с тобой?

Человек с Марса дрожал и выглядел совсем несчастным. Джилл обняла его за плечи.

— Ну-ну, все в порядке, милый! Ты все отлично сделал. Она никого не задела. Исчезла, и все.

— Похоже, что исчезла,— согласился Джубал, оглядев комнату. Он пожевал свой большой палец и спросил: — Энн, ты смотрела?

— Да.

— Что ты видела?

— Бутылка не просто исчезла. Процесс имел определенную длительность. С места, где я стою, это выглядело так, будто бутылка сжалась или исчезла вдали. Но за пределы комнаты она не вылетала, я ее видела до последнего момента.

— Куда она делась?

— Я больше ничего не могу сказать.

— М-м-м... пленки прокрутим потом, но я верю. Майк!

— Да, Джубал?

— Где сейчас находится бутылка?

— Бутылка находится,— он снова запнулся.— Опять нет слов. Прости.

— Занятно. Сынок, ты можешь ее достать?

— Прошу прощения?

— Ты ее убрал. Теперь верни назад.

— Я не могу. Бутылки нет.

Джубал задумался. Этой способности можно найти неплохое применение. Есть пара-тройка парней, о которых жалеть никто не будет.

— Майк, а расстояние имеет для тебя значение?

— Прошу прощения?

— Если бы ты был в комнате, а я на улице, футах в тридцати от дома, ты бы смог остановить бутылку?

— Да,— ответил Смит, несколько удивленный.

— Гм... Подойди к окну. Предположим, Джилл и я

стояли бы на той стороне бассейна, а ты здесь. Ты бы сумел остановить бутылку?

— Да.

— Ну, а если бы мы были за воротами, за четверть мили отсюда? Далеко?

— Джубал, дело не в расстоянии, не в видении, *а в знании.*

— Постой, постой... Расстояние роли не играет. Тебе даже не нужно ничего видеть. Если ты знаешь, что где-то происходит что-то плохое, ты можешь это остановить? Так?

Смит встревожился.

— Почти так. Я недавно из гнезда. Чтобы знать, я должен видеть. А Старшему Брату не нужны глаза, чтобы знать. Он знает. Чувствует. Вникает. Действует. Прости.

— Ты ни в чем не виноват,— угрюмо сказал Харшоу.— Видел бы тебя министр по делам мира — тут же объявил бы секретным оружием.

— Прошу прощения?

— Не обращай внимания.

Джубал вернулся к столу и взял в руки тяжелую пепельницу.

— Джилл, в лицо не бросай. Майк, выйди в коридор.

— Джубал, брат мой, пожалуйста, не надо!

— Что случилось? Я хочу провести еще один опыт, но в этот раз я буду смотреть, куда она летит.

— Джубал!

— Да, Джилл?

— Я поняла, что тревожит Майка. В наших экспериментах я должна вам угрожать. А мы ведь Майку братья по воде. Он не может понять, как между нами возможно такое. Это, наверное, совсем не марсианское поведение.

Харшоу нахмурился.

— И нас будут разбирать на заседании Комитета по Немарсианским Деяниям.

— Джубал, я не шучу!

— Я тоже. Ладно, Джилл, я сам ее брошу,— Харшоу дал пепельницу Майку.— Видишь, какая она тяжелая, сынок, какие острые у нее углы?

Смит внимательно осматривал пепельницу.

— Я ее подброшу к потолку,— продолжал Харшоу,— и падая, она ударит меня по голове.

Майк испуганно поднял глаза.

— Брат, ты умрешь?

— Нет, просто будет больно. Оп-ля! — Харшоу бросил пепельницу вверх. В верхней точке траектории пепельница остановилась.

Харшоу смотрел на нее, и ему казалось, что перед ним застывший кинокадр. Он прохрипел:

— Энн, что ты видишь?

Она ответила пустым голосом:

— Пепельница остановилась в пяти дюймах от потолка. Я не вижу ничего, что удерживало бы ее,— и своим голосом добавила: — Джубал, я думаю, что вижу... Если фильм покажет что-то другое, я порву диплом.

— Джилл?

— Пепельница висит в воздухе.

Джубал отошел к столу и, не сводя с пепельницы глаз, сел.

— Майк,— спросил он,— почему она не исчезла?

— Джубал,— сказал Майк извиняющимся тоном,— ты не сказал убирать ее прочь. Ты велел остановить. Когда я убрал бутылку, ты захотел вернуть ее. Я делаю что-то не так?

— Нет, все правильно. Я забыл, что ты понимаешь все буквально.

Харшоу вспомнил проклятия и клятвы, модные во времена его молодости, и подумал, что Майку их говорить нельзя. Пошлешь его к чертям — он и пойдет.

— Я рад,— сказал Смит сдержанно.— Простите, что бутылка пропала. И еще простите, что пропала пища. Но иначе было нельзя. Мне так казалось.

— О чем ты? Какая пища?

— Он имеет в виду тех типов, Джубал,— поспешно объяснила Джилл.— Берксвита и его подручного.

— Ах, да,— Харшоу отметил, что у него немарсианское понятие о пище.— Майк, не переживай, из них не вышло бы хорошей пищи. Их забраковал бы любой инспектор пищевой службы. А самое главное, это было необходимо. Ты понял все совершенно правильно и действовал как надо.

— Мне приятно это слышать,— с облегчением ответил Майк,— только Старшие Братья никогда не ошибаются. А мне еще многому нужно учиться и расти, прежде чем я присоединюсь к Старшим Братьям. Джубал, можно я отпущу ее? Я устал.

— Ты хочешь ее убрать? Давай!

— Я не могу.

— Почему?

— Она не угрожает твоей голове. Я не нахожу в ней ничего плохого.

— Конечно, отпускай.

Харшоу ожидал, что пепельница повиснет над его головой, но она спикировала к столу, повисела над ним и мягко опустилась.

— Спасибо, Джубал.

— Тебе спасибо, сынок,— Джубал поднял пепельницу. Она была такая же, как раньше.— Тебе спасибо. За самые удивительные впечатления, которые мне довелось испытать с тех пор, как первая нанятая мною девочка повела меня на чердак. Энн! Ты училась в Рейне?

— Да.

— Ты раньше встречалась с левитацией?

Энн подумала.

— Я видела то, что называют телекинезом. Его демонстрировали на игральных костях, а я в математике слаба и не могу точно сказать, телекинез это или нет.

— Черт возьми! Если так рассуждать, то в пасмурный день нельзя сказать, что солнце встало.

— А как же иначе! Может быть, за тучами кто-то установил искусственный источник света. Один из моих сокурсников мог передвигать взглядом мелкие предметы, но для этого ему нужно было выпить. Но я опять-таки ничего точно сказать не могу, потому что я с ним пила, а в нетрезвом состоянии...

— Больше ты ничего такого не видела?

— Нет.

— У меня больше нет к тебе вопросов как к Свидетелю. Снимай свою простыню и садись, если хочешь.

— Спасибо, хочу. Но памятуя вашу лекцию о мечетях и синагогах, я переоденусь в своей комнате.

— Как хочешь. Разбуди Дюка и скажи ему, чтобы занялся камерами.

— Хорошо, босс. Ничего без меня не делайте.— Энн пошла к двери.

— Обещать не могу. Майк, садись за стол. Ты можешь поднять пепельницу?

— Могу,— Смит протянул руку и взял пепельницу.

— Не так!

— Не так?!

— Это я виноват. Ты можешь ее поднять, не касаясь руками?

— Могу, Джубал.

— Ну, ты не устал?

— Нет, Джубал.

— В чем же дело? Она должна быть плохой?

— Нет, Джубал.

— Джубал,— вмешалась Джилл,— вы не попросили Майка поднять пепельницу, а только спросили, может ли он поднять ее.

— Ах, да! — смутился Джубал.— Майк, пожалуйста, подними пепельницу, не касаясь ее руками. На фут над столом.

— Да, Джубал,— пепельница поднялась и зависла над столом.— Ты помнишь, Джубал? Если что не так, я передвину.

— Отлично. Держи. Устанешь — скажешь.

— Скажу.

— А можешь поднять что-нибудь еще? К примеру, этот карандаш? Если можешь, подними.

— Да, Джубал.— Карандаш присоединился к пепельнице.

Постепенно их компанию пополнили другие предметы. Вернулась Энн, молча села на стул. Пришел Дюк со стремянкой, взглянул на представление раз, другой и стал устанавливать стремянку. Майк неуверенно произнес:

— Мне кажется, Джубал...— он подбирал слова,— я запутался в этих предметах.

— Не перенапрягайся.

— Кажется, я могу еще один,— зашевелилось пресспапье, поднялось и... все висевшие в воздухе предметы посыпались на пол.

— Джубал, мне очень жаль,— Майк чуть не плакал.

Харшоу похлопал его по плечу.

— Сынок, ты должен гордиться. То, что ты сделал,— это...— он поискал сравнение среди известных Майку,— ...труднее, чем завязать шнурки, лучше, чем сделать сальто в полтора оборота. Ты это сделал просто здорово!

— Я не должен стыдиться? — Майк удивился.

— Ты должен гордиться.

— Да, Джубал,— с довольным видом сказал Майк,— я горжусь.

— Отлично, Майк, я не могу поднять пепельницу, не прикасаясь к ней руками.

— Ты не можешь? — испугался Смит.

— Нет. Научишь меня?

— Да, Джубал,— Смит замолчал, смутившись.— У меня опять нет слов. Я буду читать, читать и читать, пока не найду слова. Потом я научу моего брата.

— Только не очень разгоняйся.

— Прошу прощения?

— Я говорю, не разочаровывайся, если что-то не получится. В английском языке может не оказаться нужных слов.

Смит подумал.

— Тогда я научу моего брата языку моего гнезда.

— Ты опоздал лет на пятьдесят.

— Что-то не так?

— Вовсе нет. Только лучше начни с Джилл.

— У меня от этого болит горло,— запротестовала Джилл.

— Прополощешь горло аспирином.— Харшоу взглянул на нее.— Это не причина, сестра. Вы назначаетесь младшим научным сотрудником в области марсианской лингвистики... что включает исполнение и ряда дополнительных обязанностей. Энн, прими ее на работу официально, пусть ей идет заработная плата.

— Она уже давно работает на кухне. Оплатить ей эту работу?

Харшоу пожал плечами.

— Такую мелочь можешь решить сама.

— Джубал,— запротестовала Джилл.— У меня не получится!

— Сначала попробуй!

— Но...

— А где благодарность? Я предлагаю тебе работу!

Джилл прикусила губу.

— Я согласна, босс.

Смит робко коснулся ее руки.

— Джилл, я научу.

Джилл похлопала его по плечу.

— Спасибо, Майк,— она посмотрела на Харшоу.— Я буду учиться специально, чтобы подразнить вас.

— О, это я понимаю! — ухмыльнулся Харшоу.— Можно не сомневаться, ты все выучишь. Майк, что ты еще умеешь, что не умеем мы?

— Не знаю,— Смит удивился.

— В самом деле,— поддержала его Джилл.— Как он может ответить, если не знает, что мы умеем, а что — нет.

— И правда. Энн, измени название должности на «сотрудник по исследованию языка, культуры и техники». Джилл, изучая язык, ты встретишься с незнакомыми нам явлениями их жизни. Будешь сообщать мне. Майк, если ты заметишь что-то, чего мы делать не умеем, а ты умеешь, сообщи мне.

— Сообщу, Джубал. А что именно?

— Не знаю. Ну, например, что-нибудь вроде того, что ты показывал сегодня. Или вроде твоего сидения под водой... Дюк!

— Босс, у меня полные руки пленки.

— Я надеюсь, говорить ты можешь. Мне показалось, что вода в бассейне мутная.

— Я сегодня вечером добавлю туда осадитель, а завтра вычищу.

— Какова степень загрязненности?

— Вода чистая, хоть к столу подавай. Только кажется мутной.

— Ладно. Сегодня ничего делать не надо. Я скажу, когда нужно будет чистить.

— Босс, никто ведь не захочет купаться в луже.

— Не захочет — не будет. Хватит болтать, Дюк. Фильмы готовы?

— Еще пять минут.

— Хорошо. Майк, ты знаешь, что такое пушка?

— Пушка,— заговорил Смит,— это оружие, предназначенное для метания снарядов с помощью взрывчатого вещества, например, пороха, состоящее из ствола, закрытого с одной стороны, где...

— Хватит, хватит. Ты понимаешь, о чем говоришь?

— Я не уверен, что понимаю.

— Ты видел что-нибудь похожее?

— Не знаю.

— Конечно, видел,— вмешалась Джилл.— Помнишь, Майк, в комнате, где растет трава — только не волнуйся — один человек меня ударил.

— Да.

— А второй направил на меня предмет.

— Это был плохой предмет.

— Это был пистолет. Та же пушка.

— В словаре Уэбстера, третье издание, Спрингфилд...

— Отлично, сынок,— перебил Харшоу.— Слушай. Если кто-нибудь направит на Джилл пушку, что ты будешь делать?

Смит думал дольше, чем обычно.

— Уничтожу еще кусок пищи, если вы не будете сердиться.

— При таких обстоятельствах на тебя никто не будет сердиться. Я хочу знать что-нибудь еще. Ты можешь выбросить пушку, но не выбрасывать человека?

Смит подумал.

— Чтобы осталось больше пищи?

— Я не это имел в виду. Ты не можешь убрать оружие, не причиняя вреда человеку?

— Я не причиню ему вреда. Я уберу оружие, а человека просто остановлю. Ему не будет больно. Он просто дематериализуется. Пища останется в целости.

— Так и знал,— вздохнул Харшоу.— А ты не можешь просто убрать оружие? Не останавливать человека, не убивать его, а убрать оружие — и все. А человек пусть живет дальше.

Смит подумал.

— Это, конечно, легче. Но если я оставлю его в живых, он убьет Джилл. Я так понимаю.

Харшоу снова подумал, что этот невинный младенец отнюдь не младенец и далеко не невинный. Он представитель культуры, во многом далеко опередившей человеческую. И эти наивные речи говорит сверхчеловек. Харшоу ответил, осторожно подбирая слова:

— Майк, если наступит момент, обязательно помоги ей.

— Да, Джубал, я помогу.

— Не обращай внимания на пищу или что-нибудь другое. Защищай Джилл.

— Я всегда буду защищать Джилл.

— Хорошо. Допустим, человек навел оружие, даже нет, он просто держит его в руке. А ты не хочешь его убивать. Тебе нужно просто убрать оружие. Ты можешь это сделать?

Майк помолчал.

— Мне кажется, я понял. Оружие плохая вещь. Но оно не может потребоваться человеку, чтобы защитить свою жизнь,— он еще подумал.— Да, могу.

— Хорошо. Майк, я покажу тебе оружие. Это плохая вещь.

— Я сделаю так, что оно исчезнет.

— Только не сразу.

— Не сразу?

— Нет. Я подниму оружие и направлю его против тебя. Прежде, чем оно посмотрит тебе в глаза, убери его.

Но ничего не делай со мной: не останавливай, не убивай, не убирай в никуда.

— Что ты, брат Джубал. Я не хочу, чтобы ты пропал. Я надеюсь, что когда ты дематериализуешься, мне позволят съесть твое тело. Я буду ценить и любить каждый твой кусочек, чтобы полностью познать тебя.

Харшоу подавил рефлекс и торжественно произнес:

— Спасибо, Майк.

— Я тебя должен благодарить, брат. А если меня выберут раньше, я надеюсь, что ты найдешь меня достойным познания. И разделишь меня с Джилл. Я на это надеюсь.

Харшоу посмотрел на Джилл. Ее лицо было безмятежно, и Харшоу подумал, что это у нее профессиональное. Он торжественно произнес:

— Я разделю тебя с Джилл,— и добавил:— Однако мне кажется, никому из нас не стоит в ближайшее время идти на мясо. Сейчас я покажу тебе оружие. Ты должен ждать моего сигнала, а потом будь осторожен, потому что я не готов еще дематериализоваться. Мне еще очень много нужно сделать.

— Я буду осторожен, брат.

— Отлично,— Харшоу открыл ящик стола.— Смотри, Майк. Видишь пистолет? Я беру его в руку. Ничего не делай, пока я не скажу. Такие носили полицейские полвека назад.

— Приготовься, Майк! Давай! — Харшоу прицелился в Смита.

Рука Харшоу была пуста. Джубал обнаружил, что его трясет, и решил прекратить опыты.

— Великолепно! — сказал он.— Я прицелиться не успел, а у тебя уже готово!

— Я счастлив.

— Я тоже. Дюк, это попало на пленку?

— Да.

— Отлично,— Харшоу вздохнул.— Все, ребята, разбежались.

Энн попросила:

— Босс, расскажете мне потом, что засняли камеры?

— А ты сама не хочешь посмотреть?

— Что вы! Я не имею права смотреть фильм о том, чему я была свидетелем. Мне просто интересно, насколько верно я передала происходящее.

— О'кей!

Глава 13

Все ушли. Харшоу стал давать распоряжения Дюку.

— Что ты такой кислый? — вдруг неласково спросил Джубал.

— Босс, когда этот вурдалак уберется отсюда?

— Вурдалак? Ах ты, деревенщина!

— Пусть деревенщина. Зато у нас в Канзасе людоедство не в чести. Пока он отсюда не уберется, я буду есть на кухне.

Харшоу произнес ледяным голосом:

— Что ж, Энн хватит пяти минут, чтобы написать тебе расчет. На сборы тебе должно хватить десяти.

Дюк устанавливал проектор. Он отложил кассету с пленкой и сказал:

— То, что я говорю, не значит, что я собираюсь уходить.

— Для меня значит.

— Почему, черт возьми! Я не в первый раз обедаю в кухне!

— Дело в принципе. В моем доме никто не может отказаться есть за общим столом потому, что не хочет сидеть за одним столом с кем-то из моих гостей. Я представитель вымирающего племени джентльменов, а джентльмен, когда ему нужно, может быть тверже стали. Сейчас мне это нужно, и я заявляю, что не позволю невежественному и суеверному мужлану указывать мне, с кем мне сидеть за одним столом. Я разделяю свой хлеб с мытарями и грешниками, но не с фарисеями!

Дюк медленно произнес:

— Если бы вы были младше или я старше, я бы вам не спустил.

— Пусть тебя это не останавливает. Я крепче, чем тебе кажется. На шум сбежится весь дом. Ты уверен, что справишься с Человеком с Марса?

— Да я его одной рукой в бараний рог согну!

— Возможно, если тебе удастся достать его рукой.

— Что?

— Ты видел: я целился в него из пистолета. Где этот пистолет? Найди его, а потом будешь говорить, кого ты собираешься гнуть в бараний рог. Только сначала найди мой пистолет.

Дюк отвернулся и стал налаживать проектор.

— Это ловкость рук. Прокрутим фильм — сами увидите.

— Дюк, отойди от проектора,— сказал Харшоу.— Я сам его налажу, когда ты получишь расчет и уйдешь.

— Джубал, лучше не трогайте его. Вы всегда его ломаете.

— Отойди, я сказал.

— Но...

— Я разобью его к чертям, если захочу. Я не могу принимать услуги от человека, который от меня уволился!

— Я не увольнялся! Это вы меня выгнали — без всякой на то причины!

— Дюк,— Харшоу старался говорить спокойно,— сядь и выслушай меня. Позволь мне предостеречь тебя — или убирайся немедленно. Не задерживайся даже для того, чтобы собрать вещи. Ты можешь прекратить свое существование раньше, чем успеешь это сделать.

— Что это значит, черт возьми?

— Буквально то, что я сказал. Дюк, неважно, сам ты уволился или я тебя выгнал. Твоя работа кончилась в ту самую секунду, когда ты объявил, что не будешь есть за моим столом. Я думаю, что тебе тоже будет неприятно, если тебя убьют в моем доме. Поэтому сядь, и мы постараемся этого избежать.

Дюк испуганно моргнул и сел. Харшоу продолжал:

— Ты приходишься Майку братом по воде?

— Что? Разумеется, нет. Как я понимаю, это ерунда.

— Ты не так много понимаешь, а это — не ерунда,— Харшоу нахмурился.— Дюк, я не хочу тебя выгонять. Ты держишь технику в порядке и избавляешь меня от возни с нею. Но я должен удалить тебя — и других, кто не приходится Майку братом,— чтобы с тобой ничего не случилось. Можно, конечно, взять с Майка обещание никого не трогать без моего разрешения. Но во всем этом мало определенности, а Майк имеет обыкновение истолковывать все не так. Представь, что ты — или Ларри, тебя ведь не будет — толкнет Джилл в воду. Он окажется там же, где сейчас пистолет, а я не успею сказать Майку, что Ларри не хотел сделать Джилл ничего плохого. А жизнь Ларри не должна оборваться из-за моей неосторожности. Я согласен, что каждый виноват в своей смерти сам, но нельзя же давать ребенку в руки динамитную шашку.

— Босс,— медленно проговорил Дюк,— вы преувели-

чиваете, Майк никого не обидит. А я против него ничего не имею, просто за едой я не могу слушать людоедские рассуждения. Он, конечно, дикий, но он кроток, как ягненок. Он не может никого обидеть.

— Ты думаешь?

— Я уверен.

— Хорошо. У тебя есть оружие. Я повторяю: Майк опасен. Охота на марсиан дозволена в любой сезон. Бери пушку и выходи на него. За убийство тебя не посадят — могу гарантировать. Ну, давай!

— Джубал... ведь на самом деле вы этого не хотите.

— Не хочу. Потому, что ты не можешь. Если бы ты попробовал, твой пистолет отправился бы вслед за моим. А если бы ты при этом напугал Майка и не дал ему сосредоточиться, ты бы сам туда отправился. Дюк, ты не понимаешь, с чем шутишь. Майк не «кроток как ягненок», но он не «дикарь». Это мы с тобой дикари. Ты держал дома змей?

— Гм... нет.

— А я в детстве держал. Однажды зимой во Флориде я поймал молодую змею. Я думал, что это кардинал. Ты их видел?

— Не люблю змей.

— Еще один предрассудок. Большинство змей безопасны, очень полезны и красивы. За ними очень интересно наблюдать. Кардиналы — просто красавцы, красно-черно-желтые, гибкие. У них спокойный характер, с ними можно дружить. Мой новый друг меня, по-видимому, любил тоже. Я умел обращаться со змеями, знал, как их не пугать и не провоцировать на укус: укус даже неядовитой змеи удовольствия не доставляет. Детеныш кардинала был моим сокровищем. Я всюду с ним носился, всем показывал, держа за голову сзади и позволяя ему обвиваться вокруг моего запястья. Как-то я показал свою коллекцию змей герпетологу зоопарка Тампа. Тот чуть не упал в обморок. Мой любимец не был кардиналом. Это была молодая коралловая змея — самая опасная в Северной Америке. Ты понимаешь, что я хочу сказать?

— Что опасно держать змею дома? Я это сам кому угодно скажу.

— Ради святого Петра! Я держал гремучих змей и анаконд и до сих пор жив. Ядовитая змея не опасна, не более опасна, чем заряженное ружье; но и с тем, и с

другим нужно уметь обращаться. Та змея было опасной, потому что я не знал, что от нее ждать. И если бы, по своему невежеству, я повел бы себя с ней неосторожно, она убила бы меня с той же легкостью, с какой кошка на ее месте оцарапала бы. Поэтому я хочу объяснить тебе, как следует себя вести с Майком. На вид Майк — обычный молодой человек, физически недоразвитый, неловкий, исключительно невежественный, но сообразительный и готовый учиться. Но, подобно змее, Майк представляет собой гораздо больше, чем показывает. Если он почувствует к тебе недоверие, он будет гораздо опаснее коралловой змеи, особенно, если ему покажется, что ты угрожаешь кому-либо из его братьев, например, Джилл или мне.

Харшоу покачал головой.

— Дюк, если бы ты не удержался от желания дать мне по морде и тебя увидал Майк, ты умер бы раньше, чем успел осознать свою смерть, а я не успел бы остановить Майка. Майк принялся бы извиняться, что уничтожил пищу, то есть твое мясо. Но он не чувствовал бы вины в том, что убил тебя: ты сам навязал ему *необходимость* тебя убить. А кроме того, Майк считает, что тебе все равно, жив ты или мертв. Он верит, что душа бессмертна.

— Я тоже в это верю...

— Неужели? — сказал Джубал устало,— никогда бы не подумал.

— Я действительно верю. Да, я не часто хожу в церковь, но меня воспитали в твердой вере.

— Я никогда не мог понять, как Господь позволил своим созданиям разделить Веру на твердые, праведные и неправедные веры и почему он так по-дилетантски управляет миром. Если ты действительно веришь в бессмертие души, я больше никогда не волнуюсь из-за того, что предрассудки доведут твое тело до смерти. Что прикажешь с ним делать: похоронить или кремировать?

— Джубал, я прошу, прекратите меня дразнить.

— Я тебя не дразню. Если ты утверждаешь, что коралловая змея — это безобидный кардинал, я не могу гарантировать тебе долгую жизнь. Любая твоя ошибка может стать последней. Могу лишь обещать, что не позволю Майку тебя съесть.

Дюк даже рот раскрыл. Потом заговорил гневно, сбивчиво, путано.

Харшоу слушал, затем прервал:

— Ладно, остынь, делай, что хочешь,— и склонился к проектору.— А-а, чертова машина!

— Не нужно так сильно. Вот так...— Дюк поправил то, что напутал Харшоу, и вставил кассету.

Об увольнении Дюка больше не говорили. На экране происходили события, предшествующие исчезновению бутылки. Джубал увидел, как бутылка летит ему в голову и исчезает в мгновение ока.

— Энн будет рада, когда узнает, что фильм подтвердил ее слова. Дюк, повтори в замедленном темпе.

— О'кей.— Дюк отмотал пленку назад и объявил: — Пускаю в десять раз медленнее.

Бутылка выплыла из рук Джилл, поплыла по направлению к голове Харшоу и перестала существовать, но не сразу, а постепенно, становясь все меньше и меньше, пока не исчезла совсем.

— Дюк, можно еще медленнее?

— Секундочку. Что-то случилось со стереоэффектом.

— Что именно?

— Черт его знает. При просмотре с нормальной скоростью все было в порядке. А при замедленном получился обратный стереоэффект. Бутылка летела от нас вперед, а казалось, что она летит вбок. Это смещение параллакса, но как оно могло произойти, если я не снимал кассету с оси?

— Бог с ним, Дюк. Поставь другую кассету.

— Точно. Угол зрения будет другой, и мы все увидим, даже если я эту кассету испортил,— Дюк сменил кассету.— Первую часть пустим быстро, а конец замедлим?

— Годится.

Когда бутылка оказалась в руках у Джилл, Дюк замедлил просмотр. Бутылка поплыла по направлению к Харшоу. Дюк выругался.

— Со второй камерой тоже что-то не в порядке.

— Да?

— Камера была установлена под таким углом, что бутылка должна была вылететь из кадра влево, а полетела в глубину кадра. Вы видели?

— Да.

— Этого не может быть!

— Что значит «не может быть», если так было? Интересно, если бы вместо камер стояли радары, что бы они показали?

— Откуда я знаю? Нужно осмотреть камеры.

— Не нужно.

— Как так?

— Дюк, камеры исправны. Скажи, что перпендикулярно всему остальному?

— Я плохо разгадываю шарады.

— Это не шарада. Я мог бы отослать тебя к мистеру Квадратусу из Планиметрик-Сити, но я тебя пожалею. Итак, что перпендикулярно всему на свете? Ответ: два тела, бутылка и пистолет.

— Что-то вы туманно выражаетесь, босс.

— Я никогда еще не выражался более ясно. Вместо того, чтобы искать неисправности в камерах, которые не показали тебе ожидаемого, постарайся поверить увиденному. Давай посмотрим остальные фильмы.

Ничего нового для себя Харшоу из этих фильмов не почерпнул. Пепельница, висящая под потолком, не попала в кадр, было заснято лишь ее неторопливое возвращение. Изображение пистолета было очень маленьким, но, насколько Харшоу разобрал, пистолет исчез в пространстве, не перемещаясь. Наводя пистолет на Смита, Харшоу крепко держал оружие, поэтому результатом он остался доволен, если здесь уместно слово «доволен».

— Дюк, мне нужны копии.

Дюк замялся.

— Я еще не уволен?

— Черт возьми! Нет, с условием, что ты будешь есть за общим столом. Постарайся забыть свои предрассудки и слушай.

— Слушаю.

— Когда Майк просил позволения съесть мое старое жилистое мясо, он оказывал величайшую из известных ему почестей. Да, по единственному известному ему закону, это — честь. Если можно так выразиться, Майк всосал это с молоком матери. Он оказал мне величайшее доверие и просил о величайшем одолжении. Ему все равно, что об этом думают в Канзасе, он мерит жизнь теми мерками, которые ему преподали на Марсе.

— По мне лучше канзасские.

— По мне тоже,— согласился Джубал,— но ни ты, ни я, ни Майк не вольны в выборе. Нельзя перечеркнуть то, чему тебя учили в детстве. Пойми, наконец, что ты, если бы тебя воспитывали марсиане, относился бы к съедению себе подобных так же, как Майк.

— Я так не думаю, Джубал. Конечно, Майку не повезло, он воспитывался не в цивилизованном обществе. Но здесь другое, здесь инстинкт.

— Сам ты инстинкт! Дерьмо!

— А я говорю, инстинкт. Я не всосал с молоком матери, что нельзя быть людоедом. Я сам знал, что это грех — страшный грех. Меня от одной мысли тошнит. Это чистый инстинкт.

— Дюк,— простонал Джубал,— как можно: ты разбираешься в сложнейших механизмах и не имеешь ни малейшего представления о том, как работает твое сердце или желудок. Твоей матери не было нужды говорить: «не ешь своих друзей, сынок, это нехорошо». Ты впитал это убеждение из нашей культуры, как, впрочем, и я. Всевозможные анекдоты о каннибалах и миссионерах, сказки, мультики, фильмы ужасов — разве это инстинкт? В древности каннибализм был в коду у всего рода человеческого. И твои и мои предки были каннибалами.

— Ваши, наверно, были.

— Дюк, ты, кажется, говорил мне, что в твоих жилах есть доля индейской крови.

— Ну да, одна восьмая. А что?

— Это значит, что и среди твоих предков были каннибалы и тебя от твоих предков отделяет более короткий промежуток времени, чем меня от моих, потому что...

— Ты старый и лысый...

— Тихо! Ритуальный каннибализм был широко распространен в племенах коренного населения Америки — читай историю. Кроме того, будучи североамериканцами, мы можем иметь прадеда конголезца — вот вам, пожалуйста, еще один людоед. Даже если мы чистейшие англосаксы (что маловероятно: смешанные браки были, есть и будут), то это значит, что мы произошли от европейских, а не африканских или индейских людоедов. Все цивилизации начинались с людоедства. Дюк, глупо противопоставлять практику десятка последних поколений извечному инстинкту, по которому тысячи людей жили тысячу лет.

— Я не могу с вами спорить, Джубал, вы выворачиваете мои слова наизнанку. Я останусь при своем мнении. Пусть мы произошли от дикарей, но сами-то мы цивилизованные люди. По крайней мере, я.

Джубал ухмыльнулся.

— Из чего следует, что я дикарь. Что ж, сынок, несмотря на то, что мои условные рефлексы не дадут мне жевать твое филе, несмотря на укоренившийся во мне предрассудок против такой возможности, я считаю табу на каннибализм величайшим изобретением... именно потому, что мы не цивилизованные люди.

— Что?

— Если бы у нас не было этого табу, настолько сильного, что ты считаешь его инстинктом, я бы насчитал не один десяток человек, которым нельзя доверять даже при нынешних ценах на мясо.

Дюк не удержался от улыбки.

— Я бы, например, не рискнул зайти в гости к теще.

— А взять нашего южного соседа! Ты можешь поручиться, что мы не попали бы к нему в холодильник? А Майку я доверяю потому, что он цивилизованный человек.

— Что-о?

— Ну, не цивилизованный человек, а цивилизованный марсианин, если так понятнее. Я много говорил с Майком и знаю, что марсиане не жрут друг друга, как пауки. Они съедают тела умерших, которые у нас принято сжигать или закапывать в землю. Это формализованный и глубокий религиозный обычай. Марсианина никогда не рубят на мясо против его воли. На Марсе нет понятия «убить». Марсианин умирает тогда, когда он сам этого хочет и когда его друзья и души умерших предков позволяют ему это сделать. Решив умереть, марсианин расстается с жизнью так же легко, как мы с тобой закрываем глаза. Для этого не нужны ни насилие, ни болезни, ни снотворное. Вот он жив и здоров, а через секунду превращается в дух. Тогда его друзья съедают то, в чем он более не испытывает потребности, познавая его и воздавая честь его достоинствам. Дух присутствует при этом. Это своего рода бар-мицва или обряд конфирмации, после которого дух приобретает статус Старшего Брата, или старейшины, как я это понимаю.

— Боже, какой пещерный обычай! — Дюк скорчил гримасу.

— Для Майка это торжественная и даже радостная религиозная церемония.

— Джубал, неужели вы верите в эти сказки? — фыркнул Дюк.— Это людоедство плюс дичайшее суеверие.

— Я бы не рубил сплеча. Конечно, идею о Старших

Братьях трудновато переварить, но Майк говорит об этом так, как мы говорим о дожде, прошедшем в ближайшую среду. Кстати, к какой церкви ты принадлежишь?..— Я так и думал. В Канзасе это самое распространенное течение. Скажи, что ты чувствуешь, когда участвуешь в акте каннибализма, допущенном и освященном христианской церковью?

— Что вы имеете в виду? — Дюк вытаращил глаза.

Джубал торжествующе выпрямился.

— Ты был членом общины или только посещал воскресную школу?

— Я был членом общины и сейчас им остался, хотя редко хожу в церковь.

— Я подумал, что, возможно, тебя к этому не допускали... Но ты понял, что я имею в виду,— Джубал поднялся.— Дюк, я не стану обсуждать различия в обрядах. Не буду тратить время и на то, чтобы тебя перевоспитывать. Говори: уходишь? Если да, я тебя провожу. Если нет, будь любезен сидеть с нами, каннибалами, за одним столом.

Дюк, нахмурившись, подумал.

— Пожалуй, остаюсь.

— Помни: я ни за что не отвечаю. Ты посмотрел фильмы. Если у тебя не совсем пустая голова, ты должен понимать, насколько опасным может быть наш человеко-марсианин.

— Я не такой глупый, как вам кажется, Джубал, но я не позволю Майку выжить меня отсюда.

Помолчав Дюк добавил:

— Вы говорите, он опасен. Хорошо, я не буду его заводить. Он мне даже нравится.

— Все же ты недооцениваешь его, Дюк. Если ты испытываешь к нему дружеские чувства, лучшее, что ты можешь сделать — это предложить ему стакан воды. Понимаешь? Стать его братом по воде.

— Ммм... я подумаю.

— Помни, Дюк, все должно быть честно. Если Майк примет от тебя воду, значит, он доверяет тебе и будет полностью доверять в дальнейшем. Поэтому, если ты не готов верить ему и защищать его что бы ни случилось, лучше не пей с ним воду. Здесь или все, или ничего.

— Я понимаю. Потому и сказал, что подумаю.

— О'кей. Только не тяни: может быть поздно. Мне кажется, что очень скоро дела примут серьезный оборот.

Глава 14

Если верить Лемюэлю Гулливеру, то в Лапуте ни одна сколько-нибудь важная персона не могла беседовать ни с кем без помощи клименола (по-английски хлопуши), задача которого состояла в том, чтобы хлопать губами и ушами хозяина всякий раз, когда, по мнению слуги, хозяин хотел что-то сказать или услышать. С лапутянином-аристократом нельзя было поговорить без согласия его слуги.

Жители Марса не были знакомы с такой системой. Марсианские Старшие Братья испытывали в хлопушах такую же необходимость, как рыбы в зонтиках. Материальные марсиане могли бы держать хлопуш, но это противоречило стилю их жизни. Если марсианину требовалось несколько минут или лет на созерцание, он тратил на созерцание именно столько. Если в это время с ним хотел поговорить друг, другу приходилось ждать. Впереди вечность — куда торопиться? У марсиан не было понятия «торопиться». Скорость, одновременность, ускорение и другие абстракции от вечности существовали в марсианской математике, но не в повседневной жизни.

И наоборот, поспешность человеческого существования не диктовалась рассчитанной по формуле потребностью во времени, а вытекала из сексуальной биполярности человеческого рода. На планете Земля постепенно развилась система хлопушества. Было время, когда правители устраивали открытые приемы и подданные могли войти к королю и говорить с ним без посредников. Остатки этого обычая сохранились вплоть до XX столетия. Умные градоначальники держали двери открытыми для последней ресторанной певички. Что-то подобное было зафиксировано в поправках I и IX Конституции Соединенных Штатов, впоследствии подавленных законами Всемирной Федерации.

Ко времени полета «Чемпиона» на Марс возможность прямого контакта с правителем — независимо от формы правления — окончательно отмерла. О ранге правителя можно было судить по количеству клименолов, ограждающих его от подданных. Клименолы назывались адъютантами, референтами, личными секретарями, секретарями секретарей, пресс-секретарями, агентами по связям с общественностью, но все они были клименолами,

потому что каждый из них по своему усмотрению устанавливал или обрывал контакт хозяина с внешним миром. Кроме официально назначенных хлопуш были еще и неофициальные, самозванные, использующие для хлопания личные отношения с Большим Человеком. Они назывались компаньонами по гольфу, лоббистами, важными государственными деятелями, родственниками. Эти неофициальные хлопуши окружали себя сетью официальных, уже вторичных хлопуш. И становились такими же недоступными, как сам Большой человек. Вслед за вторичными официальными хлопушами вокруг первичных неофициальных собирались вторичные неофициальные. Пробиться сквозь сложные, переплетающиеся сети клименолов к более или менее значительному человеку было практически невозможно.

Доктор Джубал Харшоу, шут-профессионал, диверсант-любитель и наконец сознательный бездельник, подобно марсианам, никогда не спешил. Сознавая, что жизнь коротка, и, в отличие от марсиан и канзасцев, не веря в бессмертие души, он стремился каждое бесценное мгновение жизни прожить как вечность, без страха, без надежды, с упоением истинного сибарита. Для этого ему требовалось жилище, более вместительное, чем бочка Диогена, но менее просторное, чем дворец Кубла-хана. В собственности Харшоу было несколько акров земли, огороженных забором, и дом из полутора десятков комнат со всеми удобствами и секретарями-домоправителями. Харшоу прилагал необходимый минимум усилий, чтобы поддерживать в порядке дом и платить работникам (легче быть богатым, чем бедным), а в остальном жил в ленивой роскоши, делая только то, что ему было приятно.

Он чрезвычайно огорчался, когда обстоятельства вынуждали его спешить; в такие моменты он всегда бывал недоволен собой.

В тот день ему нужно было поговорить с первым министром планеты. Он знал, что система хлопуш не даст ему такой возможности. Сам Харшоу считал ниже своего достоинства окружать себя приличествующими его положению клименолами. Он сам отвечал на телефонные звонки, почти каждый из которых давал ему возможность кому-нибудь нагрубить за то, что звонящий без видимой на то причины (причины в понимании Харшоу) нарушил его уединение. Харшоу знал, что во

Дворце Министров так не заведено и Генеральный секретарь сам не отвечает на звонки. Однако у Харшоу был многолетний опыт использования человеческих привычек в своих интересах, и после завтрака Харшоу бодро приступил к делу.

Известность позволила ему пробиться через первые ряды хлопуш. Он был достаточно важной персоной, чтобы его не отключили. Харшоу отсылали от одного секретаря к другому и, наконец, соединили с вежливым молодым человеком, который, казалось, готов был выслушать все, что ему Харшоу ни скажет, но решительно не позволял Харшоу поговорить с Генеральным Секретарем.

Харшоу понимал, что легко может спровоцировать эту компанию на действия, стоит лишь сказать, что Человек с Марса живет в его доме, но он не был уверен, что результат окажется удовлетворительным. Упоминание о Смите может уничтожить всякие шансы добраться до Дугласа, и действовать начнут подчиненные Генерального Секретаря, что нежелательно. На карту поставлена жизнь Бена Кэкстона, рисковать нельзя.

В конце концов терпение Харшоу иссякло. Он зарычал:

— Молодой человек, если мое дело не в вашей компетенции, позовите к телефону кого-нибудь более компетентного. Соедините меня с мистером Берксвитом!

Улыбка чиновника тотчас погасла, и Харшоу злорадно подумал, что наконец задел эту лису за живое. Харшоу продолжал напирать.

- Не сидите, как пришитый! Вызовите по внутреннему телефону Джила Берксвита и скажите ему, что его ждет Джубал Харшоу.

Чиновник произнес деревянным голосом:

— Мистера Берксвита здесь нет.

— Значит найдите его. Если вы лично не знаете Джилберта Берксвита, спросите вашего начальника, кто это и где его найти! Он личный помощник Генерального Секретаря. Если вы работаете во Дворце, вы должны были его видеть. Тридцать пять лет, рост шесть футов, вес сто восемьдесят фунтов, волосы светлые, на макушке редкие, все время улыбается, зубы у него отличные. Если вы боитесь к нему обратиться, попросите вашего шефа. Довольно грызть ногти, действуйте!

Молодой человек сказал:

— Не прерывайте связь. Я спрошу.

— Хорошо, я жду.

Изображение погасло, появилась нейтральная заставка, зазвучал голос:

— Пожалуйста, подождите. Время ожидания оплачивается нашей стороной. Используйте перерыв в беседе для отдыха.

Послышалась спокойная музыка; Джубал откинулся на спинку стула и огляделся. Энн читала, сидя вне поле зрения видеотелефона. Рядом с ней Человек с Марса смотрел по стереотелевизору новости, пустив звук в наушники, чтобы не мешать разговору.

Джубал подумал, что пора вернуть этот мерзкий ящик в подвал.

— Что слушаешь, сынок? — спросил Джубал, потянулся к стереотелевизору и включил звук.

— Не знаю,— ответил Майк.

Опасения Джубала подтвердились: Майк смотрел фостеритскую программу. Пастор читал церковные новости:

—... молодежная команда Вера-в-Действии вам продемонстрирует. Приходите, посмотрите, как полетят пух и перья! Тренер команды, брат Хорнсби, просил передать вам, что нужно взять с собой только шлемы, перчатки и трости. В этот раз охота на грешников не состоится, но на случай чрезмерного рвения с вашей стороны на посту будет команда Юный Херувим с аптечкой первой помощи,— пастырь сделал паузу и широко улыбнулся.— А теперь, дети мои, чудесная новость! Послание ангела Рамзая к брату Артуру Ренвику и его доброй жене Доротее. Ваша молитва услышана: вы будете призваны на небеса в четверг на рассвете! Арт, встань. Дотти, встань. Поклонитесь!

Камера переместилась на конгрегацию, особо выделив брата и сестру Ренвик. Раздались бурные аплодисменты и крики: «Аллилуйя!» Брат Ренвик ответил на него боксерским приветствием, а сестра Ренвик улыбнулась, покраснела и прослезилась.

Камера вернулась к пастырю, призывавшему публику к тишине. Все замолчали, пастырь продолжал:

— Церемония Bon voyage * начнется в полночь; двери в это время должны быть закрыты, поэтому приходите

---

* Счастливого пути (*фр.*).

раньше, и пусть это будет самый счастливый праздник в нашей жизни! Мы гордимся Артом и Дотти. Похоронная церемония состоится через полчаса после восхода солнца. Вслед за этим — завтрак для тех, кому рано на работу.

Тут пастырь напустил на себя суровый вид, и камера поехала на него, так что его лицо заняло весь экран.

— После прошлой церемонии Bon voyage в одной из комнат Счастья была найдена пустая бутылка из-под зелья, приготовляемого грешниками. Это дело прошлое; брат, совершивший ошибку, покаялся и понес наказание, отказавшись от обычной денежной скидки. Я уверен, что он больше не собьется с пути. Я обращаюсь ко всем остальным: дети мои, подумайте, стоит ли рисковать вечным счастьем ради мизерного мирского удовольствия? Добивайтесь священной печати одобрения, с которой вам улыбнется Епископ Дигби. Не позволяйте грешникам осквернять ваши помыслы. Брат Арт, мне неловко говорить об этом сейчас...

— Ничего, пастырь, говорите.

— ... в такой счастливый день. Но мы не должны забывать...

Харшоу выключил телевизор.

— Майк, это тебе не нужно!

— Не нужно?

— Ммм,— рано или поздно парню придется с этим столкнуться.— Ладно, смотри. Потом обязательно обсудим.

— Обязательно, Джубал.

Харшоу собирался напомнить Майку, что не следует буквально понимать услышанное, но тут музыка по телефону прекратилась, на экране появилось изображение человека лет сорока, в котором Харшоу угадал полицейского.

— Вы не Берксвит,— задиристо сказал Джубал.

— Зачем вам нужен Джилберт Берксвит?

Джубал подчеркнуто терпеливо ответил:

— Я хочу с ним поговорить. Послушайте, любезный, вы государственный служащий?

Тот замялся.

— Да, вы должны...

— Я ничего не должен! Я гражданин Федерации, я плачу налоги, и из этих денег вам выплачивается жалование. Все утро я пытаюсь позвонить нужному человеку, а меня водят за нос разные попугаи, живущие

за счет моих налогов. Назовите мне ваше имя, должность и табельный номер. И пригласите к экрану мистера Берксвита.

— Вы не ответили на мой вопрос.

— Вот еще! Я не обязан отвечать вам, я частное лицо. А вы представитель власти, вопрос же, который я вам задал, любое частное лицо имеет право задать любому государственному служащему. Вспомните дело О'Келли против штата Калифорния, 1972. Я требую, чтобы вы назвали себя: имя, должность, номер в табеле.

Человек ответил без выражения:

— Вы доктор Джубал Харшоу, звоните из...

— Боже! Вы так долго это выясняли? Идиотизм! Мой адрес есть в любой библиотеке, в любой почтовой конторе. Меня все знают. Все, кто умеет читать. Вы что, читать не умеете?

— Доктор Харшоу, я офицер полиции. Мне требуется ваша помощь. Скажите, зачем...

— Как вам не стыдно, сэр! Я юрист! Полиция имеет право приглашать частное лицо к сотрудничеству только при исключительных обстоятельствах. И даже в этом случае полицейский должен предъявить удостоверение личности. Разве мы с вами преследуем преступника? А как вы будете показывать мне удостоверение? Прыгнете ко мне через экран? Дальше, гражданина можно привлечь к сотрудничеству с полицией в разумных пределах в ходе расследования...

— Мы ведем расследование.

— Опять-таки, сэр, вы должны сначала представиться, сообщить о ваших намерениях, а если я того потребую, процитировать кодекс и доказать мне, что необходимость привлечения меня к сотрудничеству действительно существует. Вы ничего этого не сделали. Я хочу говорить с мистером Берксвитом.

У полицейского заиграли на скулах желваки, но он ответил:

— Я капитан Хейнрик из бюро Особой Службы. Доказательством этому служит то, что я с вами говорю. Тем не менее,— он вынул из кармана документ, раскрыл его и ткнул в объектив видеотелефона.

Харшоу скользнул по документу взглядом.

— Очень хорошо, капитан,— прорычал он,— теперь будьте любезны объяснить мне, почему вы не даете мне поговорить с мистером Берксвитом?

— Мистера Берксвита нет.

— Почему вы не сказали мне об этом сразу? Соедините меня с кем-нибудь равным ему по рангу. Я хочу сказать, с кем-нибудь, кто, как и Джил, имеет прямой контакт с Генеральным Секретарем. Мне не нужны младшие помощники, которые даже высморкаться без разрешения свыше не смеют. Если нет Джила, дайте мне другого серьезного человека.

— Сначала вы хотели поговорить с Генеральным Секретарем.

— Вот именно.

— Отлично. Вы можете объяснить, какое у вас дело к Генеральному Секретарю?

— Могу и не объяснять. Вы являетесь конфиденциальным секретарем Генерального Секретаря? Вам позволено знать его секреты?

— Это к делу не относится.

— Напротив. Как офицер полиции вы должны знать это лучше меня. Я объясню суть дела человеку, у которого не будет никаких записывающих устройств, с условием, что мне дадут возможность переговорить с Генеральным Секретарем. Вы уверены, что нельзя позвать мистера Берксвита?

— Абсолютно.

— Пригласите равного ему по рангу.

— Если ваше дело так секретно, зачем вы звоните по телефону?

— Мой добрый капитан, если вы проследили мой звонок, вы должны знать, что мой телефон может принимать сверхсекретные вызовы.

Офицер Особой Службы пропустил это мимо ушей.

— Доктор, не ставьте мне условий,— ответил он.— Пока вы не объясните, с чем вы хотите обратиться к Генеральному Секретарю, мы не двинемся с места. Если вы позвоните еще один раз, ваш звонок будет направлен ко мне. Позвоните сто раз подряд или через месяц — результат будет тот же. До тех пор, пока вы не согласитесь сотрудничать.

Джубал радостно улыбнулся.

— В этом уже нет необходимости. Вы сказали мне неосознанно, а может, и сознательно — то, что мне необходимо было знать, чтобы начать действовать. Или не начинать. Могу подождать до вечера. Да, пароль меняется. Слово «Берксвит» уже не работает.

— Что вы имеете в виду?

— Капитан, дорогой, не надо! Не по телефону... Вы ведь знаете, или должны были знать, что я главный мозгополоскатель страны?

— Повторите, не понял.

— Как? Вы не изучали амфигорий? Боже, чему учат детей в школах! Отдыхайте. Вы мне больше не нужны.— Харшоу прервал связь и заблокировал телефон на десять минут.

Вышел к бассейну, велел Энн держать форму Свидетеля наготове, Майку — оставаться в пределах досягаемости, Мириам — отвечать на звонки. И уселся отдыхать.

Джубал был вполне доволен собой. Он не надеялся, что ему с первой попытки удастся соединиться с Генеральным Секретарем. Разведка боем дала кое-какие результаты, и Харшоу ждал, что его стычка с капитаном Хейнриком повлечет за собой звонок из высших сфер.

Если не повлечет, то обмен любезностями с капитаном сам по себе является наградой. Харшоу придерживался мнения, что есть носы, созданные специально для того, чтобы по ним щелкали. Это укрепляет всеобщее благоденствие, уменьшает извечную наглость чиновника и улучшает его породу. Харшоу сразу понял, что у Хейнрика именно такой нос.

Но сколько еще ждать? А тут новая неприятность: ушел Дюк. Ушел на день, на неделю или навсегда? Джубал не знал. Вчера за обедом Дюк был, сегодня за завтраком не появился. Больше ничего достойного внимания в доме Харшоу не произошло. Отсутствие Дюка никого не огорчило.

Джубал глянул на другую сторону бассейна, проследил, как Майк пытается повторить за Доркас прыжок в воду, и поймал себя на том, что намеренно не спрашивал у Майка, где может быть Дюк. Он боялся спросить у волка, что случилось с ягненком: ведь волк мог ответить. Слабости следует преодолевать.

— Майк! Иди сюда!

— Иду, Джубал,— Майк вылез из воды и потрусил, как щенок к хозяину.

Харшоу оглядел его и подумал, что сейчас Смит весит фунтов на двадцать больше, чем в день приезда: нарастил мускулы.

— Майк, ты не знаешь, где Дюк?

— Не знаю, Джубал.

Нет, и ладно: врать парень не умеет. Впрочем, стой, он как компьютер, отвечает только на тот вопрос, который ему задают. Когда его спросили, где бутылка, он тоже сказал, что не знает.

— Майк, когда ты его в последний раз видел?

— Он поднимался по лестнице, а мы с Джилл спускались. Утром, когда готовят завтрак,— тут Майк добавил.— Я помогал Джилл готовить.

— Больше ты Дюка не видел?

— Больше я Дюка не видел. Я жарил гренку.

— Что ты говоришь? Из тебя выйдет отличный муж для какой-нибудь девчонки, если ты не будешь вести себя осторожно.

— О, я очень осторожно жарил!

— Джубал!

— Слушаю, Энн.

— Дюк поел на кухне до общего завтрака и умотал в город. Я думала, вы знаете.

— Гм...— протянул Джубал,— я думал, он поедет после ленча.

У него неожиданно словно гора с плеч упала. Не то чтобы Дюк для него что-то значил — нет, конечно. Харшоу старался не допустить, чтобы кто-либо стал для него значительным. И все-таки хорошо, что Дюк ушел от греха подальше.

Какой закон нарушается, если отвернуть человека на 90 градусов от всего на свете?

Это не будет убийство, потому что для Майка это средство самозащиты или защиты ближнего, например, Джилл. Пожалуй, подойдут пенсильванские законы о колдовстве. Интересно, как будет сформулировано обвинение? Гражданское право вряд ли подойдет: за нарушение общественного порядка Майка не привлечешь. Похоже, нужно разрабатывать для него особый закон. Майк уже поколебал основы медицины и физики, хотя ни медики, ни физики этого еще не заметили.

Харшоу вспомнил, какой трагедией для многих ученых стала теория относительности. Не в силах ее усвоить, они сошли со сцены и больше не вернулись. Несгибаемая старая гвардия вымерла, уступив место молодым гибким умам.

Дедушка рассказывал, что то же самое произошло в медицине, когда Пастер выдвинул теорию о микроорга-

низмах. Старые врачи сходили в могилы с проклятиями в адрес Пастера, но не давали себе труда изучить явления, которые с точки зрения их «здравого смысла» были невозможными.

Майк, по всей видимости, наделает больше шуму, чем Пастер и Эйнштейн вместе взятые. Кстати о шуме:

— Ларри! Где Ларри?

— Здесь, босс,— сказал рупор за спиной,— в мастерской.

— Сигнализатор тревоги у тебя?

— Да. Я с ним сплю, как вы сказали.

— Вылезай наверх и отдай его Энн. Энн, держи его вместе со свидетельской формой.

Энн кивнула. Ларри ответил:

— Хорошо, босс, иду. Уже пошел.

Джубал заметил, что Человек с Марса до сих пор стоит рядом, неподвижный, как скульптура. Скульптура? Харшоу покопался в памяти. «Давид» Микеланджело! Полудетские ноги и руки, безмятежное и чувственное лицо, спутанные длинные волосы.

— Майк, ты свободен.

— Да, Джубал.— Он все не уходил.

— Тебя что-то беспокоит, сынок? — спросил Джубал.

— Ты сказал, мы должны обязательно поговорить о том, что я видел в «чертовом ящике».

— Ах, да,— Джубал вспомнил фостеритскую передачу и поморщился.— Только не говори «чертов ящик»: это приемник стереовидения.

— Не «чертов ящик»? — удивился Майк.— Ты сам его так назвал!

— Да, на самом деле это «чертов ящик», но ты должен называть его «приемник стереотелевидения».

— Я буду называть его «приемник стереотелевидения», но зачем? Я не понимаю.

Харшоу вздохнул. Он устал воспитывать Майка. В каждой беседе с Майком Харшоу обнаруживал, что человеческое поведение часто нельзя объяснить логически. Когда же Джубал пытался это сделать, он лишь попусту тратил время и силы.

— Я и сам не понимаю, Майк. Так хочет Джилл.

— Так хочет Джилл. Я понял, Джубал.

— Теперь расскажи мне, что ты видел, слышал, и что понял из этого.

Майк пересказал все, что было передано по стереоте-

левизору, все до последнего слова, даже рекламные включения. Он почти закончил Энциклопедию и читал статьи «Религия», «Христианство», «Ислам», «Иудаизм», «Буддизм», «Конфуцианство» и многие с ними связанные. Ничего из прочитанного он не понял. Джубал выяснил, что: а) Майк не понял, что фостеритское действо носило религиозный характер; б) Майк помнил все, что в Энциклопедии сказано о религиях, но ничего не понимал и оставил эту информацию для дальнейшего осмысления; в) Майк имел весьма туманное понятие о том, что такое религия, хотя знал девять словарных толкований; г) в марсианском языке не было слов, на которые можно было бы перенести хотя бы одно из этих толкований; д) обычаи, которые Джубал описывал Дюку как религиозные, для Майка таковыми не являлись, а были скорее бытовыми, как для Джубала покупка овощей; е) в марсианском языке понятия «религия», «философия», «наука» не существуют по отдельности, а так как Майк думает по-марсиански, для него они также не существуют по отдельности. Это то, что преподают Старшие Братья. Майк не знал, что такое гипотеза и исследование. Он мог получить ответ на любой вопрос от Старших Братьев, всеведущих и непогрешимых, как в метеорологии, так и в космической телеологии. Майк слышал прогноз погоды и решил, что это послание от земных Старших Братьев к живым землянам. Подобным же образом он относился к Британской Энциклопедии.

И наконец, что было всего хуже, Майк расценил передачу как объявление о предстоящей дематериализации двоих людей и последующем присоединении их к армии Старших Братьев. Майк страшно волновался. Правильно ли он понял? Майк знал, что плохо говорит по-английски, не всегда правильно понимает людей. Он еще только яйцо. Но *это* правильно ли он понял? Он так ждал встречи с человеческими Старшими Братьями, у него так много было к ним вопросов. Может быть, уже можно? Или нужно узнать еще что-то, прежде чем он будет готов с ними говорить?

Джубала спас сигнал к ленчу. Доркас принесла сэндвичи и кофе. Джубал ел молча, что было вполне понятно Смиту: Старшие Братья учили, что еда — время для размышлений. Джубал, как мог, растягивал это время, проклиная себя за то, что позволил парню смотреть стерео. Правда, мальчик рано или поздно

столкнется с религией, если ему предстоит провести остаток жизни на этой сумасшедшей планете. И конечно, лучше будет, если это произойдет позже, когда Майк привыкнет к нелогичности человеческого поведения. Как было бы хорошо, чтобы не фостеритов он увидел первыми!

Убежденный агностик, Джубал все религии — от тотемизма до самых интеллектуальных — ставил на одну доску. Однако с эстетической точки зрения некоторые религии были ему симпатичны, а некоторые — отвратительны. При упоминании о Церкви Нового Откровения у него ползли по коже мурашки. Фостеритские претензии на прямой контакт с Небом, их нетерпимость, их обряды, напоминающие футбольные матчи или торги,— все это угнетало Харшоу. Если людям уж так необходимо ходить в церковь, почему не пойти в приличную церковь — католическую или квакерскую?

Если Бог существует (в этом вопросе Джубал предпочитал сохранять нейтралитет) и если он хочет, чтобы его почитали (это Джубал полагал маловероятным, но, признавая свое невежество, допускал такую возможность), как он, создатель Вселенной, может принимать почести в таком идиотском виде?

Джубалу приходилось призывать всю свою терпимость, чтобы допустить, что фостериты владеют истиной, исключительной Истиной и только Истиной. Вселенная — величайшая глупость... мягко говоря. Но как это объяснить? Согласиться с тем, что абстрактное что-то по чистой случайности оказалось атомами, которые совершенно случайно собрались таким образом, что абсолютно случайно друг против друга уселись Человек с Марса и мешок дерьма, который называется Джубал?

Нет, он не может проглотить теорию чистой случайности, популярную среди людей, называющих себя учеными. Случайность не является объяснением Вселенной, случайности недостаточно, чтобы объяснить случайность. Сосуд не может вмещать сам себя.

Что дальше? Бритва Оккама не вырежет первичную проблему: природу божественного разума. Есть ли основания для того, чтобы предпочесть одну гипотезу другой? Нет, если ты разбираешься в проблеме. Джубал признал, что за всю свою долгую жизнь так и не разобрался в главных проблемах Вселенной.

Может быть, фостериты правы.

В таком случае, как быть с его эстетическим вкусом и чувством собственного достоинства? Если фостериты захватили монополию на Истину, если Небо открыто только им, то он, Джубал Харшоу, джентльмен, предпочтет Истине вечное проклятие, обещанное грешникам, отвергающим новое Откровение. Ему не дано видеть лицо Бога, зато он видит его наместников на земле — этого фостериты не учли!

А Майк почти созрел, чтобы идти за ними. Это их восшествие на небеса в определенное время очень похоже на добровольную дематериализацию, которая практикуется на Марсе. Джубал подозревал, что для фостеритской практики скорее подойдет термин «убийство», но средства массовой информации на это намекали очень редко, а доказать что-либо еще никому не удалось. Первым на небо отправился сам Фостер; он умер в заранее назначенное время. С тех пор восшествие на небо считается у его последователей особой честью. Уже давно коронеры не отваживаются свидетельствовать в случаях смерти фостеритов. Впрочем, Джубалу все равно, и даже наоборот: хороший фостерит — мертвый фостерит.

Но как трудно будет это объяснить...

Нет смысла тянуть — лишняя чашка кофе не спасет.

— Майк, кто сотворил мир?

— Прошу прощения?

— Посмотри вокруг себя. Все, что ты видишь: Марс, Звезды, Ты, я, все остальные. Старшие Братья не говорили тебе, кто все это сделал?

— Нет, Джубал,— удивился Майк.

— А ты никогда не задавался этим вопросом? Откуда взялось Солнце? Кто повесил звезды на небо? Кто все начал? Все: весь мир, Вселенную, которая жила и дожила до нас, до нашего разговора?

Тут Джубал сам себе удивился. Он хотел подойти к объяснению с позиций агностицизма, а заговорил, как хорошо вышколенный честный адвокат. Он против своей воли говорил в пользу верований, которых не разделял, но которых придерживалось большинство людей. Ну да, как же иначе? Он человек, и отстаивает убеждения человеческого племени в борьбе против... чего? Точки зрения, не свойственной людям.

— Как, Старшие Братья не отвечают на такие вопросы?

— Джубал, я не понимаю, почему это *вопросы*... Извини.

— А я не понимаю твоего ответа.

Майк промолчал.

— Я постараюсь... Слова неправильные... Не «повесил», не «сотворил», мир нельзя сотворить. Мир был. Мир есть. Мир будет. Сейчас.

— Ты хочешь сказать, что мир бесконечен и неизменен: как было в начале, так будет всегда без конца?

— Ты понял,— радостно улыбнулся Майк.

— Я не понял,— пробурчал Харшоу.— Я цитирую, м-м, одного из наших Старших Братьев.

Харшоу решил испытать другой подход. Идею Бога-Создателя, как ни бейся, Майк не воспримет. Джубал и сам не мог ее как следует воспринять. В молодости он договорился сам с собой по четным дням считать Вселенную сотворенной Богом, а по нечетным — вечной и неизменной, так как у каждой из этих идей были свои плюсы и минусы. 29 февраля он отвел для отдыха от обеих идей — для хаоса солпсизма в душе и сознании. Составив себе такое расписание, Харшоу вот уже более полувека не задавался неразрешимыми вопросами.

Джубал решил объяснить понятие религии в широком смысле, а к идее Бога вернуться позже.

Майк был согласен с тем, что знание приходит разными порциями: от маленьких кусочков, которые под силу птенцу, до огромных глыб, которые может преодолеть только Старший Брат. Однако дальше дело не пошло: Джубалу не удалось провести границу между «большим знанием» и «маленьким». Некоторые вопросы религии, которые можно было бы квалифицировать как «большое знание», не были для Майка вопросами (сотворение мира), другие были «маленькими» вопросами (жизнь после смерти).

Джубал отказался и от этого подхода и перешел к факту одновременного существования многих религий Он сказал, что у людей существует много путей получения «больших знаний», и каждый путь дает свои ответы на главные вопросы, и люди, идущие по какому-либо пути, лишь его считают истинным.

— Что такое истина? — спросил Майк.

«Что есть истина? — спросил прокуратор — и умыл руки. Мне бы так».

— Истина, Майк — это правильный ответ.— Скажи, сколько у меня рук?

— Две руки,— ответил Майк и тут же уточнил — Я вижу две руки.

Энн оторвала глаза от книги.

— За полтора месяца из него вышел бы отменный Беспристрастный Свидетель.

— Тихо, Энн! Не сбивай, я сам собьюсь. Майк, ты правильно сказал. У меня две руки. Твой ответ был истинным. А если бы ты сказал, что у меня семь рук?

Майк забеспокоился.

— Я не понимаю, как это можно сказать.

— Я не допускаю, что ты это скажешь. А если бы сказал, то сказал бы неправильно, твой ответ не был бы истинным. Так вот, слушай внимательно, Майк: каждая религия утверждает, что только она истинна, только она говорит правду. Но если одна религия скажет: две руки, то другая на тот же вопрос ответит: семь рук. На один и тот же вопрос фостериты говорят одно, буддисты — другое, мусульмане — третье; сколько религий — столько разных ответов.

Майк соображал изо всех сил.

— И все ответы правильные? Джубал, я не понимаю.

— Я тоже.

Человек с Марса нахмурился, потом радостно улыбнулся.

— Я попрошу фостеритов поговорить с вашими Старшими Братьями, и тогда мы все узнаем и поймем. Как я могу это сделать?

Через несколько минут Джубал со стыдом вспомнил, что пообещал Майку встречу с каким-нибудь фостеритским пастырем. Он никак не мог разубедить Майка в том, что фостериты общаются с земными Старшими Братьями. Камнем преткновения было то, что Майк не знал, что такое ложь. Он запомнил определение лжи и фальши, но был далек от их понимания. «Говорить неправильно» можно только случайно. Поэтому Майк принял фостеритский балаган за чистую монету.

Джубал пытался объяснить Майку, что каждая религия претендует на то, что ей известен тот или иной способ общения со Старшими Братьями, но каждая религия дает свой ответ на один и тот же вопрос.

Майк сдерживал нетерпение.

— Брат мой Джубал! Я стараюсь, но не могу понять, как можно говорить разную правду. Моему народу Старшие Братья говорят всегда одну правду. Ваш народ...

— Стоп!

— Прошу прощения?

— Ты сказал «мой народ», имея в виду марсиан. Майк, ты не марсианин, а человек.

— Что такое человек?

Джубал застонал. Конечно, можно было отослать Майка к словарю, но Майк никогда не задавал вопрос ради вопроса. Если он что-то спрашивал, значит, хотел получить информацию и рассчитывал, что Джубал в состоянии ему эту информацию дать.

— Я человек, ты человек, Ларри человек.

— А Энн не человек?

— Гм... Энн человек женского пола. Она женщина.

— (Спасибо, Джубал.— Заткнись, Энн!)

— А ребенок — человек? Я видел детей в чертовом... по стереовидению. Ребенок похож на Энн. Энн не похожа на тебя, а ты не похож на меня... Ребенок — это птенец человека?

— Да, ребенок — это птенец.

— Джубал, мне кажется, я понял, что мой народ — «марсиане» — люди. Не по форме. Человек — не форма. Человек — это познание. Я правильно говорю?

Хватит философии, подумал Джубал. До чего-то мы еще договоримся? Что такое человек? Лысое двуногое существо. Образ и подобие Бога? Или печальный результат «выживания сильнейших», рождающийся для того, чтобы выплатить налоги и умереть? Марсиане, по-видимому, победили смерть, у них нет денег, собственности, стало быть, и налогов они не платят.

Мальчик прав: форма — не главное в человеке; ведь форма бутылки не влияет на качество вина. Человека даже можно вылить из его бутылки, как того беднягу, которого русские «спасли», поместив его мозг в стеклянную банку и обвешав проводами, как телефонную станцию. Здорово они пошутили! Интересно, тот парень оценил их юмор?

Чем же, с точки зрения марсиан, человек отличается от других животных? Можно ли удивить достижениями техники народ, владеющий искусством левитации? Кому марсиане присудят первый приз: Асуанской плотине или коралловому атоллу? Сознание? А кто докажет, что синие киты или секвойи не имеют сознания и не умеют сочинять стихи?

Есть поприще, на котором человека никто не превзошел: человек проявил чудеса изобретательности, выду-

мывая способы убийства, порабощений, закабаления, унижения себе подобных. Человек — это злобная насмешка над самим собой.

— Человек — это животное, которое смеется, сказал наконец Джубал.

Майк подумал.

— Тогда я не человек,— сказал он.

— Почему?

— Я не умею смеяться. Я слышал смех, и он пугал меня. Потом я понял, что это не страшно. Я пытался научиться,— Майк запрокинул голову и издал звук, похожий на скрипучий кашель.

— Перестань,— Джубал закрыл ладонями уши.

— Вот видишь,— печально заключил Майк,— я не умею правильно смеяться, значит, я не человек.

— Погоди, сынок, ты просто еще не научился. И никогда не научишься, если будешь просто копировать других. Ты засмеешься, я тебе обещаю. Поживешь еще с нами, посмотришь, какие мы смешные — и засмеешься.

— Правда?

— Правда. Не волнуйся, все придет само собой. Даже марсианин засмеется, когда поймет, что мы такое.

— Я подожду,— умиротворенно согласился Майк.

— А пока ты ждешь, не сомневайся, что ты человек. Человек, рожденный женщиной самому себе на беду. Ты когда-нибудь поймешь это во всей полноте и засмеешься, потому что человек — это животное, которое смеется само над собой. Вполне возможно, что твои марсианские друзья тоже люди в этом смысле слова.

— Да, Джубал.

Харшоу решил, что беседа окончена, и почувствовал облегчение. Такого смущения он не испытывал давно, с того дня, когда отец — непоправимо поздно — стал объяснять ему, как живут и рождаются птицы, пчелы, цветы. Но человек с Марса не уходил.

— Брат мой, Джубал,— заговорил он,— ты спрашивал меня, кто сотворил мир, а у меня не было слов, потому, что я неправильно понял тебя. Я не знал, что это вопрос. Я искал слова.

— Ну?

— Ты сказал: Бог сотворил мир.

— Нет, нет! — запротестовал Харшоу.— Не я! Так говорят религии. Я сказал, что сам не пойму всей глубины, но что принято говорить «Бог».

— Да, Джубал,— подтвердил Майк,— правильное слово — «Бог». Ты понял.

— Должен признаться, что не понял.

— Понял,— настаивал Смит.— Я объясню. У меня не было слова. Ты понимаешь. Энн понимает. Я понимаю. Трава под моими ногами понимает и радуется. У меня не было слова. Теперь оно есть. Это слово — «Бог».

— Дальше.

— Ты есть Бог,— Майк торжественно ткнул пальцем в Харшоу.

Джубал закрыл лицо руками.

— Господи, что я наделал! Майк, ты перепутал! Ты меня не понял! Забудь все, что я сказал. Завтра начнем сначала.

— Ты есть Бог,— повторил Майк невозмутимо.— Бог — тот, кто умеет понимать. Энн есть Бог, я есть Бог. Счастливая трава — тоже Бог. Джилл понимает красоту, Джилл тоже Бог. Все, что умеет думать и творить,— он защебетал что-то по-марсиански и улыбнулся.

— Умница, Майк. Подожди минутку.— Энн, ты слышала?

— Слушала, босс.

— Запиши. И дальше будешь записывать. Я непременно должен над этим поработать,— тут Джубал глянул в небо.— О, Господи! Генеральный штаб и вся королевская рать! Энн, настрой сигнализатор на сигнал «человек погиб» и держи палец на кнопке... Может, они не сюда.

Харшоу снова взглянул в небо, по которому с юга летели две машины.

— Боюсь, что к нам. Майк! Прячься в бассейн, на самую глубину. И сиди тихо, не выходи, пока за тобой не придет Джилл.

— Иду, Джубал.

Майк побежал к бассейну, прыгнул в воду и исчез. Прыгал он, старательно вытягивая ноги.

— Джилл! — закричал Джубал,— несколько раз прыгни в воду — и на берег! Ларри, ты тоже! Я хочу, чтобы было непонятно, сколько человек купается в бассейне. Доркас! Выйди на берег и опять нырни! Энн! Нет, у тебя сигнализатор.

— Я надену плащ и выйду к бассейну, босс. Может, поставить задержку сигнала?

— Да, на тридцать секунд. Плащ наденешь, если они

приземлятся. Не хочу заранее паниковать,— он приставил ладонь козырьком ко лбу.— Одна садится. Здоровенная, как экскаватор. Поди ж ты, я думал, они начнут с переговоров.

Одна из машин зависла над садом и стала искать место для посадки. Вторая тем временем кружила над усадьбой на малой высоте. Машины были большие, на отделение солдат. На бортах можно было различить знаки Федерации — стилизованные изображения Земли.

Энн положила на землю сигнализатор, надела плащ, подхватила сигнализатор и выпрямилась, держа палец на кнопке.

Приземлилась первая машина, борт ее открылся, и Джубал, воинственный, как китайский мопс, бросился навстречу непрошеным гостям. Из машины вышел человек, и Джубал закричал:

— Снимите вашу бочку с моих роз!

— Джубал Харшоу? — спросил человек.

— Велите вашим ослам поднять эту мусорку в воздух и отогнать ее прочь из сада — в поле! Энн!

— Иду, босс!

— Джубал Харшоу, у меня есть ордер на ваш арест!

— Да пусть у вас будет ордер на арест хоть самого короля Англии! Уберите ваш металлолом с моих цветов! А потом я начну против вас дело,— тут Джубал взглянул на человека и узнал его.— Ах, это вы! Хейнрик, вы родились дураком или вас в детстве плохо учили? И когда этот шакал в форме научился летать?

— Ознакомьтесь, пожалуйста, с ордером,— терпеливо проговорил капитан Хейнрик.— Затем...

— Ваша телега взлетит, наконец, с моих клумб? Я потребую возмещения ущерба, и вы до конца жизни не расплатитесь!

Хейнрик заколебался.

— Живо! — завопил Джубал.— Пусть ваши олухи возьмут ноги в руки! Вон тот идиот с лошадиными зубами наступил на «Элизабет Хьюит»!

Хейнрик обернулся к своим людям.

— Эй, там, осторожнее с цветами! Пескин, не топчите куст! Роджерс, поднимите машину в воздух и выведите ее из сада,— он вновь обратился к Харшоу.— Вы удовлетворены?

— Машина еще не поднялась. И ущерб пока не возмещен. Предъявите удостоверение личности, покажи-

те его Беспристрастному Свидетелю. Громко и четко назовите ваше имя, звание, организацию, в которой служите, и табельный номер.

— Вы знаете, кто я. У меня ордер на ваш арест.

— А у меня есть право сделать вам пробор пистолетом, если вы откажетесь действовать по закону! Я не знаю, кто вы. Вы похожи на чучело, которое я видел по телефону, но я не обязан вас узнавать. Вы должны себя назвать. По форме, указанной во Всемирном кодексе, параграф 1602, часть II. Только тогда вы можете предъявить ордер. Это касается и остальных обезьян, в том числе питекантропа, который ведет машину.

— Это подчиненные мне полицейские.

— Я не знаю, кто они. Они могли купить костюмы у прогоревшего театра. Соблюдайте закон, сэр! Вы пришли в мой дом, утверждая, что вы нарушители порядка, и вы должны доказать мне обратное. В противном случае я имею право применить силу, чтобы изгнать вас из моих владений, что я и сделаю через три секунды.

— Не советую.

— Да кто вы такой, чтобы советовать мне? Вы ущемляете мои человеческие права, вы осуществляете против меня агрессию, вы угрожаете мне оружием. Ведь ваши подчиненные забавляются именно огнестрельным оружием. Вы преступник, а я честный гражданин! Да я вашу шкуру у порога положу, буду ею ноги вытирать! — Харшоу потряс в воздухе кулаком. — Вон из моих владений!

— Ладно, доктор, пусть будет по-вашему,— Хейнрик побагровел, но голосом владел по-прежнему.

Он показал удостоверение личности сначала Харшоу, который мельком взглянул на документ, затем Энн. Потом назвал полное имя, звание, место службы, табельный номер. Затем приказал проделать то же самое солдатам и пилоту. По окончании церемонии Харшоу любезно обратился к капитану:

— Чем могу быть полезен вам, капитан?

— У меня на руках ордер на арест Джилберта Берксвита.

— Покажите его сначала мне, потом Свидетелю.

— Прошу вас. У меня имеется также ордер на арест Джиллиан Бордмэн.

— Что-о?

— Джиллиан Бордмэн обвиняется в похищении граждан.

— Боже мой!

— Далее: ордера на арест Гектора К. Джонсона, Валентайна Майкла Смита и Джубала Харшоу.

— Меня-то за что? Опять что-то напутал в налогах?

— Нет, вас обвиняют в соучастии, укрывательстве и в сопротивлении властям.

— Полноте, капитан! С той минуты, как вы представились, я воплощенное сотрудничество, что, впрочем, не мешает мне возбудить против вас, вашего непосредственного начальника и правительства дело о ваших незаконных действиях до того, как вы представились. Если вы и дальше будете действовать незаконно, я это учту. О, да у вас целый список! Теперь я понял, зачем вам вторая машина. Нет, здесь какая-то ошибка. Миссис Бордмэн обвиняется в похищении Смита, а Смит обвиняется в побеге... Ничего не понимаю!

— Все верно. Он сбежал, а она его похитила.

— А-а-а... Должно быть, непросто сделать это одновременно. А за что он отбывал наказание? В ордере не указано.

— Откуда я знаю? Он сбежал, и все тут. Мне приказано его поймать.

— Господи! А я, оказывается, помогаю всем скрываться. Занятно... Вам будет несладко, когда выяснится, что вы спутали грешное с праведным.

Хейнрик холодно улыбнулся.

— Если кому и будет несладко, так только вам.

— Надеюсь, все очень скоро выяснится,— Джубал повысил голос и обернулся к дому.— Если нас слышал Судья Холланд, процесс — для всех нас — не затянется. А если поблизости случайно находится корреспондент Ассошиэйтед Пресс, то мы сразу же узнаем, куда можно предъявить такой иск.

— Все крутите делишки, Харшоу?

— Клевета, сударь. Возьму на заметку.

— Пожалуйста. Мы здесь одни, вы ничего не докажете.

— Ой ли?

Глава 15

Валентайн Майкл Смит проплыл по мутной воде в самую глубокую часть бассейна, под вышку, и устроился на дне. Он не понял, зачем брат по воде велел ему спрятаться, он даже не понимал, что прячется. Джубал велел сидеть на дне и ждать Джилл — этого

достаточно. Смит свернулся в комок, выпустил воздух из легких, проглотил язык, закатил глаза, замедлил сердце и фактически умер, только что не дематериализовался. Он решил еще растянуть ощущение времени, так как ему о многом нужно было подумать.

Ему снова не удалось наладить полный контакт с братом по воде. Он знал, что контакт не установлен по его вине: он неправильно употребляет такие неоднозначные слова человеческого языка и огорчает Джубала.

Смит знал, что люди легко переносят сильные чувства, тем не менее огорчение Джубала огорчало его. Правда, под конец разговора он, кажется, понял самое непонятное человеческое слово. Он давно, еще на уроках брата Махмуда, заметил, что длинные слова чаще всего имеют одно значение, а короткие очень скользкие и меняют значения совершенно непредсказуемо. По крайней мере, ему так казалось. Понять короткое слово в человеческом языке — все равно, что набирать воду ножом. А это слово было очень короткое. Но Смит понял это слово — слово «Бог». Недоразумение произошло оттого, что Смит неправильно подбирал другие слова. Понятие «Бог» было таким простым, таким изначальным, таким необходимым, что на марсианском его мог бы объяснить и птенец. Но высказать его словами человеческого языка, да так, чтобы передать тончайшие оттенки марсианского смысла, было трудно.

Как же так? Почему нельзя описать словами такую простую, всем известную вещь, без которой невозможно жить? Наверное, нужно спросить здешних Старших Братьев, как следует об этом говорить, чтобы не путаться в изменчивых значениях. Если так, нужно подождать, пока Джубал устроит ему встречу со Старшим Братом, ведь он сам — только яйцо.

Смиту стало жаль, что он не получил права присутствовать при дематериализации брата Арта и брата Дотти.

Потом Смит стал перебирать в памяти словарь Уэбстера, третье издание, Спрингфилд, Массачусетс.

Он оторвался от словаря, ощутив, что его братья в беде. Смит остановился между «шербет» и «шеренга» и стал обдумывать ситуацию. Должен ли он покинуть бассейн с влагой жизни и присоединиться к братьям, чтобы понять и разделить их беду? Дома он не сомневался бы ни секунды; там братья спешат друг к другу и вместе противостоят неприятностям.

Но Джубал велел ждать.

Смит припомнил слова Джубала и удостоверился, что понял их правильно: он должен ждать Джилл.

Но вернуться к словарю Смит не мог: ему было тревожно. И тут ему в голову пришла идея, настолько смелая, что он задрожал бы, если бы его тело было к этому готово. Джубал велел ему держать под водой тело, но это не значит, что он сам должен сидеть в бассейне.

Смит поразмыслил над этим, боясь, как бы скользкие английские слова не завели его куда не надо. Он пришел к выводу, что Джубал не приказывал ему оставаться в теле, а это позволяло присоединиться к братьям и вместе с ними пережить беду.

Смит решил прогуляться.

Он удивлялся собственной смелости: никогда еще он не предпринимал таких прогулок в одиночку. В таких случаях рядом был Старший Брат, он наблюдал, направлял, следил, чтобы тело было в безопасности.

Сейчас рядом никого не было. Однако Смит не сомневался, что справится один и никому не будет за него стыдно. Он проверил все органы своего тела, убедился, что с ним в ближайшее время ничего не случится, и осторожно выбрался оттуда, оставив для присмотра лишь маленькую часть себя.

Смит выбрался на берег, напомнил себе, что нужно двигаться так, как будто тело при нем, иначе можно потерять ориентацию — потерять дорогу к бассейну, телу, ко всему и оказаться там, откуда нет возврата.

Смит огляделся. В саду приземлялась машина. Существа, которые она подмяла, жаловались на боль и унижение. Может быть, именно их жалобы разбудили его? Трава живет для того, чтобы по ней ходили, кусты и цветы — нет. Плохо, когда их топчут. Нет, не только это плохо. Вот из машины выходит человек. К нему бежит Джубал. Смит увидел волну гнева, прокатившуюся от Джубала к человеку, такую плотную, что если бы двое марсиан пустили друг в друга такие волны, оба дематериализовались бы.

Нужно подумать, чем помочь брату, решил Смит. Потом он оглянулся на остальных. Доркас выбиралась из бассейна, она была взволнована, но не слишком. Смит чувствовал, что она верит в силы Джубала. Ларри только что вышел, с него стекала вода. Ларри был

возбужден и весел, он верил в босса непоколебимо. Рядом с Ларри стояла Мириам. Ее настроение было средним между настроением Ларри и Доркас. Чуть поодаль стояла Энн в белом наряде, который она носила с собой весь день. Ее настроения Смит не уловил: она была спокойна и строга, как Старший Брат. Смит неприятно удивился, он привык, что от Энн исходит мягкое, дружественное тепло.

Энн внимательно наблюдала за Джубалом и готова была ему помочь. И Ларри, и Доркас, и Мириам готовы были ему помочь. Смит понял, что они приходятся братьями Джубалу, а значит, и ему, Майку. Он разволновался и едва не потерял ориентацию. Спохватился, успокоился и остановился, чтобы прочувствовать любовь ко всем сразу и каждому из них в отдельности.

Джилл стояла в воде, держась одной рукой за край бассейна. Смит знал, что она заглядывала к нему. Сидя на дне, он чувствовал ее присутствие. Но ее тревожило не только его благополучие, а что-то еще, более серьезное; она не успокоилась, узнав, что он в порядке. Смит решил идти к ней, дать ей знать, что он рядом и разделит с ней беду.

Он так и поступил бы, если бы не смутное чувство вины: Смит не был уверен, что Джубал одобрит его прогулку, когда ему сказано сидеть на дне. Смит пошел на компромисс: если будет нужно, он сообщит им о себе и поможет.

Смит обратил внимание на человека, выходящего из машины, уловил его настроение. Настроение человека Смиту не понравилось, и он стал подробнее разглядывать его. В специальном кармане, привешенном к поясу, Смит увидел оружие. Смит был почти уверен, что это оружие. Он еще раз внимательно осмотрел предмет, сравнил его с оружием, которое ему приходилось видеть, сравнил с определением из словаря Уэбстера, третье издание, Спрингфилд, Массачусетс.

Да, это оружие. Не только по форме, но и по недоброй энергии, исходящей от него. Смит заглянул в ствол, посмотрел, как оружие должно действовать, и задумался. Отправить оружие прочь, пока человек не вышел из машины? Смит чувствовал, что это нужно сделать, но Джубал когда-то сказал ему не делать ничего с оружием, пока не скажут, что пора.

Смит чувствовал, что необходимость действия при-

ближается, но решил ждать до последнего. Может быть, Джубал специально отправил его под воду, чтобы он не начал действовать раньше времени или неправильно.

Он подождет, но будет наблюдать за оружием. Не спуская с оружия глаз, Смит вошел в машину. Он еще никогда не чувствовал столько недоброй энергии. В машине были другие люди, один из них собрался выйти. От них пахло, как от стаи хауга, унюхавшей неосторожную куколку, в руках они все держали что-то такое же недоброе. Смит знал, что форма предмета не определяет его сущность. Чтобы вникнуть в сущность предмета, нужно видеть сквозь форму. Его народ проходит в своем развитии пять форм: яйцо, куколка, птенец, взрослый, Старший Брат. И все же сущность Старшего Брата угадывается за формой яйца.

Это «что-то» было похоже на оружие. Смит не знал, что это. Оружия такой величины он еще не видел. Да и форма не совсем такая. Есть совершенно незнакомые детали.

И все же это оружие.

Какой-то человек пристегнул к поясу еще оружие, маленькое.

В машину были встроены, оказывается, две огромные пушки и какие-то вещи, которых Смит не понял, но почувствовал, что он них исходит зло. Смит подумал, не уничтожить ли машину со всем содержимым, но его остановило нежелание уничтожать пищу и сознание того, что он еще не вник в то, что происходит. Лучше двигаться медленно, наблюдать внимательно и ждать сигнала от Джубала. А если Джубал решит, что правильное действие — это бездействие, то нужно будет вернуться на дно.

Смит вышел из машины и принялся смотреть, слушать и ждать. Человек, вышедший из машины первым, говорил с Джубалом о вещах, которые Смит только запоминал, но не мог понять: они выходили за рамки его опыта. Вышли другие люди, разбрелись по саду: Смит рассредоточил внимание, чтобы уследить за всеми сразу. Машина поднялась в воздух, сдвинулась в сторону и освободила примятые кусты. Смит передал кустам посильное утешение.

Первый человек стал передавать Джубалу какие-то бумаги, которые Джубал передавал Энн. Вместе с Энн Смит прочел их. Слова относились к человеческим

ритуалам, описания которых он встречал в медицинских и юридических книгах Джубала, и Смит не стал вдумываться в смысл документов, тем более, что Джубала они не встревожили — зло шло с другой стороны. Смит был счастлив, когда в двух документах прочитал свое имя, он всегда испытывал восторг, когда его читал; ему тогда казалось, что он раздваивается, а это умеют только Старшие Братья.

Джубал и человек, который первым вышел из машины, направились к бассейну. За ними последовала Энн. Смит слегка расслабил чувство времени, так, чтобы они шли быстрее, но чтобы он сам успевал следить за остальными. Подошли двое из прилетевших в машине.

Вышедший первым остановился рядом с Джилл и Ларри, вынул из кармана картинку, посмотрел на нее, посмотрел на Джилл. Смит почувствовал, как в нем зарождается страх и нарастает напряжение. Джубал говорил: «Защищай Джилл. Не бойся, что уничтожишь пищу. Не думай ни о чем. Защищай Джилл».

Нужно защищать Джилл, даже если что-то будет сделано не так. Но было бы хорошо почувствовать поддержку и одобрение Джубала.

Когда человек, вышедший из машины, указал на Джилл и двое его помощников поспешили к ней со своим злым оружием, Смит вышел в свое Допплерово пространство и повернул их перпендикулярно всему на свете.

Первый посмотрел на то место, где они только что стояли, потянулся за своим оружием — и тоже исчез.

Подбежали еще четверо. Смит не хотел их убивать. Он знал, что Джубал будет больше доволен, если он их просто остановит. Но остановить вещь, даже пепельницу — это работа, а у Смита нет тела. Только Старший Брат может обойтись без тела, а Смит — всего лишь яйцо. И четверо исчезли.

Теперь зло надвигалось со стороны машины, стоящей на земле. Смит направился к ней. Он больше не сомневался. Машина и пилот исчезли.

Смит чуть было не проглядел дозорную машину. Он уже начал расслабляться, когда вновь ощутил недобрую энергию. Смит глянул вверх: вторая машина заходила на посадку.

Смит до предела растянул время, взлетел в воздух, осмотрел машину. Она была пропитана злом и за это

отправилась в никуда. Смит вернулся к друзьям, стоявшим у бассейна.

Все были взволнованы; Доркас рыдала, Джилл утешала ее, держа в объятиях. Одна Энн сохраняла спокойствие. Зла больше не было, можно было вернуться к прерванным размышлениям. С Доркас Джилл справится сама — Джилл как никто понимает боль. Кроме того, Смит не был уверен, что действовал совершенно правильно, и боялся, что Джубал не одобрит его поступка. Поэтому он почел за лучшее скрыться. Смит нырнул в бассейн, отыскал свое тело и влез в него.

Смит попытался осмыслить события, но не мог: все было так ново и незнакомо. Он не был готов признать и полюбить людей, которых ему пришлось убить. И Смит вернулся к словарю. Он прорабатывал статью «эволюция», когда ощутил приближение Джилл. Смит вернулся в активное состояние, чтобы не заставлять Джилл ждать: он знал, что брат Джилл не может долго находиться под водой.

Когда Джилл дотронулась до него, Смит взял ее голову в ладони и поцеловал. Он научился так делать совсем недавно и не до конца понимал, что это значит. Здесь было то же, что и в ритуале с водой, и еще что-то, что Смиту очень хотелось понять.

Глава 16

Харшоу не стал ждать, пока Джиллиан вытащит из воды своего подопечного. Он велел дать Доркас успокаивающее и поспешил в кабинет, чтобы услышать (или не услышать) от Энн объяснение событий, произошедших за последние десять минут.

— Ближняя! — крикнул он через плечо.

Подбежала Мириам, запыхавшись, сказала:

— Я ближняя, босс. Что это все...

— Девочка, молчи.

— Но, босс...

— Прикуси язык, все узнаешь в свое время. Энн за неделю не перескажет всего, что было. Сейчас мне начнут звонить со всех сторон, а репортеры посыплются с деревьев, как жуки. Пока не началось светопреставление, я хочу кое-куда позвонить. Мне казалось, что ты из тех женщин, которые могут работать с ненакрашенными

губами. Кстати, не оплачивайте Доркас время, которое она провела в истерике.

— Как вы можете, босс! — возмутилась Мириам.— Вы хотите, чтобы мы все от вас ушли?

— Ерунда!

— Перестаньте придираться к Доркас. Я сама чуть в обморок не упала. А сейчас буду плакать.

— Только попробуй, я тебя отшлепаю,— Харшоу ухмыльнулся.— Ладно, выпиши ей премию за работу в суровых условиях. Всем выпиши, и мне тоже, уж я-то заслужил.

— Хорошо, только кто вам ее заплатит?

— Налогоплательщики. Если постараться, можно сбросить доллар-другой с суммы налогов. Проклятье!

Они как раз стояли на пороге кабинета, где уже звонил телефон. Харшоу упал в кресло и включил аппарат.

— Харшоу слушает. Кто говорит, черт вас возьми?

— Не старайтесь, док,— ответил человек с экрана,— я вас давно не боюсь. Как дела?

Харшоу узнал Томаса Маккензи, главного продюсера компании Нью-Уорлд Нетворкс, и немного смягчился.

— В порядке, Том. Я очень спешу, поэтому, пожалуйста...

— Вы спешите? Попробовали бы вы работать в моем режиме: сорок восемь часов в сутки. У вас в ближайшее время появится что-нибудь для нас? Я уже не говорю о технике, но я плачу трем съемочным группам только за то, что они сидят и ждут вашего сигнала. Мне для вас ничего не жалко, мы пользовались вашими сценариями; я надеюсь, и дальше будем сотрудничать, но что я должен сказать бухгалтеру?

— Неужели вы ничего не слышали?

— А что случилось?

Тут Харшоу узнал, что Нью Уорлд Нетворкс не видели и не слышали вторжения полиции в его дом. На вопросы Маккензи Харшоу отвечал уклончиво, так как решил, что правдивые ответы создадут о нем весьма определенное мнение. Джубал договорился с Томом, что если в ближайшие двадцать четыре часа не произойдет ничего достойного внимания, Нью Уорлд Нетворкс снимает наблюдение. Когда сеанс связи закончился, Харшоу распорядился:

— Позови Ларри. Пусть возьмет у Энн сигнализатор и несет сюда.

Пока Мириам ходила за Ларри, Харшоу позвонил еще по двум номерам и узнал, что сигнал о налете

Особой Службы на его дом нигде не был получен. Харшоу не стал проверять, дошли ли заготовленные сообщения: разумеется, нет; их отправка должна была осуществиться по тому самому сигналу тревоги, которого никто не услышал.

Вошел Ларри с сигнализатором тревоги.

— Вон он, босс.

— Дай-ка я на него гляну. Вот тебе урок, Ларри: не доверяй технике более сложной, чем нож и вилка.

— Хорошо, не буду, что еще?

— Можно как-нибудь проверить эту штуковину? Чтобы не поднимать шума?

— Конечно. Изготовитель предусматривает режим проверки. Здесь есть специальный переключатель. Двигаешь его в позицию «проверка», нажимаешь кнопку «тревога», и загорается лампочка. Можно сделать проверку в реальных условиях. Вызвать кого надо по этой самой рации и сказать, что тревога проверочная. Потом нажать кнопку.

— Если проверка покажет, что связи нет, ты сможешь найти неполадку?

— Не знаю. Я такие задачи решаю на системном уровне, вот Дюк — тот на молекулярном.

— Понимаю. Я тоже, сынок, больше умею головой, чем руками. Но все-таки попробуй.

— Что еще, Джубал?

— Если ты встретишь человека, который изобрел колесо, пришли его ко мне. Выскочка!

Джубал подумал было, что передатчик испортил Дюк, но сразу же отказался от этой мысли. Лучше поразмыслить над тем, что произошло в саду и как парню удалось это сделать, сидя под водой. Джубал ни на секунду не сомневался, что без Майка тут не обошлось.

То, что происходило в этой комнате вчера, впечатляло разум, но не душу. Мышь — такое же чудо природы, как и слон, и все же разница есть: слон больше. Увидев, как исчезла бутылка, можно предположить, что с таким же успехом исчезнет и машина, в которой сидит отделение солдат. Но бутылка — одно, а солдаты — другое.

Довольно оплакивать полицейских. Туда им и дорога! Впрочем, бывают и честные полицейские... И даже последний взяточник-констэбль не заслуживает того, чтобы выбрасывать его в никуда. А береговая охрана — вообще порядочные люди.

Нет, чтобы завербоваться в Особую Службу, нужно быть вором и садистом одновременно. Это Гестапо. Штурмовики. Каратели. Джубал вспомнил золотое время, когда для защиты прав гражданина было достаточно Билля о Правах, и никакая Федерация не смела рта открыть.

Отставить рефлексию! Надо думать, что будет дальше. Отряд Хейнрика наверняка держал связь с базой по радио. Стало быть, исчезновение отряда будет замечено. Пошлют еще один отряд. Особенно, если Майк уничтожит вторую машину в момент передачи сообщения.

— Мириам! Приведи сюда Майка, Джилл, Ларри — всех. Заприте все двери и закройте окна в первом этаже.

- Что-то опять случилось?

— Пошевеливайся!

Если эти обезьяны начнут ломиться в дом, вернее, когда они начнут ломиться в дом, можно натравить на них Майка. Но боевые действия необходимо когда-то прекратить, а это значит, что Джубал должен пробиться к Генеральному Секретарю. Как?

Позвонить во дворец? Нет, Хейнрик предупредил — и, наверное, не соврал — что все звонки Харшоу во Дворец Министров будут направляться к нему или к другому офицеру Особой Службы, сидящему в том же кабинете. А почему бы и нет? Они послали две машины вооруженных солдат, чтобы арестовать человека, а этот человек спокойно звонит им по телефону. Они оторопеют, и, может быть, соединят со своим шефом. А уж он-то, боров, наверняка имеет прямой контакт с Генеральным секретарем.

Бесполезно. Разве убедишь человека, который верит только в пушки, что у тебя есть что-то лучше? Он будет посылать отряд за отрядом, пушку за пушкой, пока они не кончатся, но до него не дойдет, что не всегда можно арестовать человека, местонахождение которого известно.

Что ж, не мытьем, так катаньем — политика проста. Эх, Бена бы сюда, он знает, что и кому сказать.

Правда, если бы Бен не исчез, не произошло бы то, что произошло. Значит, надо искать кого-то другого, кто знает. Идиот! Полчаса назад говорил с ним! Джубал стал звонить Тому Маккензи, которого оберегали три слоя хлопуш. Все хлопуши знали Джубала и пропускали его. Пока Харшоу звонил, пришли все его работники и Человек с Марса. Все сели, Мириам подсунула Харшоу

листок бумаги с надписью: «Двери и окна закрыты». Джубал кивнул и ниже написал: «Ларри — передатчик?». Потом сказал в экран:

— Том, прости, что снова беспокою.

— Что вы, Джубал, я рад вас слышать.

— Том, что ты делаешь, когда тебе надо поговорить с Генеральным Секретарем?

— Звоню его пресс-секретарю, Джиму Сэнфорту. Джим все решает.

— А если тебе нужно поговорить лично с Генеральным Секретарем?

— Прошу Джима все устроить. Говорю ему, в чем дело. Джубал, наш телефон прослушивается.

— Том, представь, что тебе в ближайшие десять минут обязательно нужно поговорить с Дугласом.

Брови Маккензи поползли вверх.

— Ну, я объяснил бы Джиму, зачем.

— Нет.

— Джубал, будьте благоразумны.

— Это именно то, чего я не умею. Представь, что три дня назад ты поймал Джима за руку, когда он лез тебе в карман. Ты не хочешь объяснять ему, в чем дело, но тебе нужно поговорить с Дугласом.

— Что ж,— вздохнул Маккензи,— я сказал бы Джиму, что мне нужно поговорить с боссом, и если меня не соединят с ним, правительство не получит от нашей компании ни грамма помощи.

— Отлично, Том, ты сейчас так и поступишь.

— Что-о?

— Ты позвонишь во дворец по другому телефону, а когда тебе дадут Дугласа, включишь меня. Мне нужно срочно с ним поговорить.

— Джубал, дружище,— скривился Маккензи.

— Не хочешь?

— Не могу. Я могу поговорить с Генеральным Секретарем, но не могу передать это право другому. Джубал, я вас очень уважаю. Нашей компании было бы очень больно отказаться от сотрудничества с вами. Я понимаю, что вы не захотите возобновлять контракт, но не могу связать вас с Генеральным секретарем. Нельзя поговорить с Генеральным Секретарем, если тот сам не позвонит.

— А если я заключу с вами контракт на семь лет на выгодных для вас условиях?

У Маккензи был такой вид, будто у него разболелся зуб.

— Все равно не могу. Я потеряю место, и вам не с кем будет заключать контракт.

Джубал хотел позвать к экрану Майка и представить его, но раздумал. Именно компания Маккензи передавала интервью с подставным Человеком с Марса, и Маккензи либо сам участвовал в фарсе, либо ничего не знал и не поверил бы, что его покровители надули его.

— Ладно, Том, не хочешь — не надо. Но ты знаешь все ходы и выходы в верхах. Скажи, кто еще, кроме Сэнфорта, может позвонить Дугласу в любое время и поговорить с ним?

— Никто.

— Черт побери, человек не может жить в вакууме! Должен найтись кто-то, кто звонит Дугласу, минуя секретаря!

— Может быть, кто-нибудь из кабинета министров. Не знаю...

— Я тоже никого из них не знаю. Я не имел в виду политиков. У него есть друг, который может пригласить его на партию в покер?

— Могу назвать пару имен. Джейк Алленби тебя устроит?

— Он меня не любит. Я его тоже не люблю, и ему это известно.

— У Дугласа мало близких друзей. Жена отбивает. Слушайте, Джубал! Как вы относитесь к астрологии?

— Не пробовал, предпочитаю бренди.

— Дело вкуса. Слушайте внимательно, Джубал. Если вы кому-нибудь проболтаетесь, что слышали это от меня, я перережу вашу лживую глотку.

— Согласен. Запомню. Продолжай.

— Эгнес Дуглас предпочитает многому другому астрологию. И я знаю, как она получает прогнозы. Ее астролог может позвонить ей в любое время. А миссис Дуглас — главный министр в кабинете мистера Дугласа, можете мне поверить. Позвоните астрологу... остальное зависит от вас.

— У меня в списке на рассылку рождественских открыток не имеется астрологов,— с сомнением произнес Харшоу.— Как зовут этого типа?

— Ее зовут мадам Александра Везан. Посмотрите в справочнике городской телефонной сети Вашингтона.

— Вот он,— торжествующе объявил Джубал.— Том, спасибо, ты меня так выручил!

— Не за что. Есть что-нибудь интересное?

— Подожди,— Харшоу пробежал глазами записку, которую ему подвинула Мириам: «Ларри говорит, передатчик не передает, он не знает, почему».— У нас не сработал сигнализатор тревоги и сейчас не работает.

— Я кого-нибудь пришлю.

— Спасибо.

Джубал закончил сеанс связи и заказал разговор в Вашингтоне с Александрой Везан, попросив оператора зашифровать разговор, если ее телефон это позволяет. Вскоре он увидел на экране величавые черты мадам Везан. Джубал с улыбкой приветствовал ее:

— Привет, землячка!

Она вздрогнула и удивленно раскрыла глаза.

— О, док Харшоу! Старый мошенник! Ей-богу, рада вас видеть. Где вы скрывались все время?

— Вот именно, Бекки, скрывался. Ищейки на хвосте сидят.

Бекки ответила не раздумывая:

— Может быть, я могу помочь? Вам нужны деньги?

— У меня куча денег, Бекки. У меня очень неприятное положение, и помочь мне может только сам Генеральный Секретарь. Мне очень нужно с ним поговорить, и как можно скорее.

— Это непросто, док,— она посмотрела ему прямо в глаза.

— Знаю, Бекки. Я пытался пробиться к нему, но ничего не вышло. Я не хочу втягивать тебя, потому что сижу на пороховой бочке. Может, ты посоветуешь мне какой-нибудь номер телефона или другой способ поговорить с ним. Я не хочу, чтобы мы фигурировали в этом деле вместе. Тебе будет плохо, а я так и не посмотрю Профессору в глаза... упокой Господь его душу.

— Я знаю, о чем бы попросил меня сейчас Профессор. Не говорите ерунды, док! Профессор всегда говорил, что вы единственный в мире настоящий костоправ. Он никогда не забывал того, что было в Элктоне.

— Не стоит вспоминать, Бекки. Мне заплатили за это.

— Вы спасли ему жизнь.

— Ничего подобного. Он хотел жить, а ты хорошо за ним ухаживала.

— Док, мы теряем время. У вас очень срочное дело?

— Исключительно. Мне клеят такое дело, что я погорю, и все, кто со мной рядом. Федерация уже выпустила ордер, с минуты на минуту мне его предъявят. А я не могу скрыться: они знают, где я. Только мистер Дуглас может их остановить.

— Я постараюсь помочь.

— Я на тебя надеюсь, Бекки. Но это может занять несколько часов. Процесс скорее всего будет закрытый, а я уже слишком стар для этого.

— Док, вы можете рассказать подробнее? Мне нужно составить гороскоп, тогда я буду знать, что делать. Вы Меркурий, потому что доктор. Если вы скажете, с кем или с чем имеете дело, гороскоп будет еще лучше.

— Девочка, сейчас не время для этого,— «Кому же доверять?» — думал Харшоу.— Пойми, если ты хоть что-то будешь знать, ты попадешь в такое же положение, как и я.

— Док, скажите. Вы ведь знаете, я никогда без куска хлеба не останусь.

— Ладно. Я Меркурий, а мои неприятности начались из-за Марса.

— Какие неприятности? — она пронзительно взглянула на Харшоу.

— Ты смотришь новости? Человек с Марса, если им верить, отправился в Анды. Но это сказки для дураков. Он здесь.

Бекки испугалась не так сильно, как ожидал Харшоу.

— Причем здесь вы, док?

— Понимаешь, Бекки, есть на нашей печальной планете люди, которые хотят наложить на парня лапу, использовать его в своих интересах. Он мой клиент, и, естественно, я хочу его защитить. А для этого мне необходимо поговорить с мистером Дугласом.

— Человек с Марса ваш клиент? Вы можете его предъявить?

— Только мистеру Дугласу. Ты знаешь, Бекки, как бывает: босс обычно добрый человек, любит детей и собак и не знает, что вытворяют его подручные, особенно если они устраивают человеку сначала осаду, а потом закрытый процесс.

— Конечно,— кивнула она.

— Вот и я хочу переговорить с мистером Дугласом, пока меня не загребли.

— Вы хотите только поговорить с ним?

— Да. Я дам тебе свой номер и буду ждать звонка... или стука в дверь. Если даже ничего не получится, все равно спасибо. Я знаю, Бекки, что ты постараешься.

— Не прерывайте связь, док. Если что-то выйдет, мы включим вас в разговор.

Мадам Везан отошла к другому аппарату и позвонила Эгнес Дуглас. Она говорила со спокойной уверенностью, подчеркивая, что наступает предсказанное ею развитие событий. Подошел критический момент, когда Эгнес, используя женскую проницательность и мудрость, должна подсказать мужу верный шаг.

— Эгнес, дорогая, такая конфигурация случается раз в тысячу лет: Марс, Венера и Меркурий вместе, причем Венера в зените, то есть в доминирующей позиции. Таким образом, вы видите...

— Элли, я не понимаю твоих выкладок. Говори конкретно, что я должна делать.

И более искушенный клиент не понял бы выкладок Элли: она их не делала, она импровизировала. Совесть ее была чиста: она говорила высшую правду, давала добрый совет и помогала друзьям. Она была вдвойне счастлива оттого, что помогала двоим друзьям одновременно.

— Что вы, дорогая, вы все понимаете, у вас врожденный талант. Венера — это вы, как всегда; Марс обычно символизирует вашего мужа, а сейчас еще и молодого Смита, Меркурий — это доктор Харшоу. Чтобы ликвидировать дисбаланс, вызванный усилием Марса, Венера должна содействовать Меркурию, пока кризис не минует. У вас мало времени: Венера обладает силой, пока движется к зениту и пока находится в нем. Когда Венера покидает зенит, ее покидает сила. У вас осталось семь минут, после ваше влияние ослабнет. Спешите.

— Тебе следовало предупредить меня раньше.

— Дорогая, я целый день сидела у телефона, ожидая решающего звонка. Я уже говорила вам, что звезды сообщают нам лишь общую идею, утаивая детали. Время еще не упущено. У другого телефона ждет доктор Харшоу. Вам нужно всего лишь соединить его с вашим мужем, пока Венера стоит в зените.

— Хорошо, Элли. Мне нужно снять Джозефа с очередного заседания. Дай мне номер телефона этого доктора Ракшоу, или потом переадресуешь звонок?

— Я подключу его к вашей линии, только приведите мистера Дугласа. Поторопитесь, дорогая.

— Бегу.

Когда Эгнес Дуглас исчезла с экрана, Бекки подошла к другому телефону. Ее профессия требовала полной телефонизации, это была самая важная статья накладных расходов. Весело напевая, Бекки звонила своему брокеру.

Глава 17

Бекки отошла от экрана, и Джубал откинулся на спинку кресла.

— Ближняя! — позвал он.

— Слушаю, босс,— откликнулась Мириам.

— Пишем для группы «Риал Экспириенс». Укажи, что у рассказчицы должен быть низкий томный голос.

Как у меня?

— Нет, не такой томный. Возьми список аннулированных фамилий, который нам прислали из переписной комиссии, выбери оттуда любую фамилию и подбери к ней имя понежней и поженственней. Чтобы кончалось на «а», у таких девушек обычно бюст не меньше, чем «С».

— Ты смотри, ни у кого из нас имя не кончается на «а».

Поэтому вы все плоские. Анжела. Ее зовут Анжела. Название: «Замужем за марсианином». Начинай: Всю жизнь я мечтала стать астронавтом. Абзац. Когда я была совсем маленькой, а на носу у меня теснились веснушки, я, как мои старшие братья, собирала этикетки от спичечных коробков и плакала, если мама не позволяла мне ложиться спать со шлемом космического юнги на голове. Абзац.

В то время я и не представляла, куда заведет меня мой мальчишеский характер.

— Босс!

— Слушаю, Доркас.

— Летят еще две машины.

— Продолжим позже. Мириам, к телефону,— Джубал выглянул в окно и увидел две машины, идущие на посадку.— Ларри, запри дверь. Энн, надевай плащ. Джилл, бегом к Майку. Майк, делай, что скажет Джилл. А ты не спускай с него глаз. Пусть лучше выбрасывает пистолеты, чем людей. Пора прекратить уничтожение полицейских.

— Босс, к телефону!

— Всем выйти из поля зрения экрана. Мириам, измени название на «Замужем за человеком».

Джубал сел в кресло и сказал в телефон:

— Слушаю.

— Доктор Харшоу, с вами сейчас будет говорить Генеральный Секретарь.

— О'кей!

На экране появился лохматый Его Превосходительство Джозеф Эджертон Дуглас, Генеральный Секретарь Всемирной Федерации Свободных наций.

— Доктор Харшоу? Я слышал, вам нужно со мной поговорить.

— Нет, сэр.

— Как так?

— Позвольте, я объясню, господин Секретарь. Дело в том, что вам нужно поговорить со мной.

Дуглас удивленно поднял брови, потом ухмыльнулся.

— Доктор, даю вам десять секунд на то, чтобы вы это доказали.

— Спасибо, сэр. Меня пригласили адвокатом к Человеку с Марса.

— Что вы сказали? — Генеральный Секретарь утратил растрепанный вид.

— Я адвокат Валентайна Майкла Смита. Это позволяет мне выступать послом Марса, если исходить из решения по делу Ларкина.

— Вы сошли с ума!

— Тем не менее я действую от имени Человека с Марса. Он намерен начать переговоры с вами.

— Человек с Марса в Эквадоре.

— Простите, господин Секретарь, Смит — я имею в виду настоящего Смита, а не того, который выступал по стереовидению,— в прошлый четверг бежал из медицинского центра в Бетесде в сопровождении медицинской сестры Джиллиан Бордмэн. Он отстаивал и сейчас отстаивает свое право на свободу. Если ваши подчиненные сообщили вам что-либо другое, то либо они лгут, либо я.

Дуглас задумался. Кто-то невидимый что-то сказал ему. Наконец он выговорил:

— Даже если вы говорите правду, доктор, вы не имеете права выступать от имени молодого Смита. Он подопечный государства.

— Это не так,— покачал головой Джубал.— Вспомните решение по делу Ларкина.

— Послушайте, я адвокат, и я вас уверяю...

— А я, как член коллегии адвокатов, должен отстоять свое мнение и права клиента.

— О, вы тоже член коллегии? Я думал, вы просто поверенный...

— Да, я поверенный Смита, а, кроме того, имею право выступать в Верховном Суде.

Джубал услышал глухой стук и принялся оглядываться. Ларри прошептал:

— Это в парадную дверь, босс. Спуститься посмотреть? — Джубал покачал головой.

— Господин Секретарь, время идет. Ваши люди — хулиганы из Особой Службы — ломятся ко мне в дом. Остановите их, пожалуйста, иначе нам придется продолжить разговор в суде, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Генеральный Секретарь опять посоветовался с кем-то невидимым.

— Вас пытаются арестовать, доктор? Это новость для меня.

— Если вы прислушаетесь, сэр, вы услышите, как они топают по лестнице. Майк! Энн! Идите сюда.

Джубал отодвинул кресло, чтобы Майка и Энн можно было видеть на экране.

— Господин Генеральный Секретарь — Человек с Марса,— представил Харшоу. Белое одеяние Энн говорило само за себя.

Дуглас посмотрел Смиту в глаза. Тот смутился.

— Джубал...

— Погоди, Майк. Господин Секретарь, ваши люди ворвались в мой дом. Вот они уже стучат в дверь кабинета,— Джубал отвернулся от экрана.— Ларри, открой. Майк, не волнуйся.

— Я не волнуюсь, Джубал. Я знаю этого человека.

— Он тоже тебя знает,— и через плечо: — Сержант, входите.

Сержант Особой Службы с автоматом в руках стоял на пороге. Он крикнул в коридор:

— Майор! Они здесь!

— Я сам поговорю с их офицером, если вы позволите, доктор,— сказал Дуглас.

Джубал почувствовал облегчение, когда увидел, что у майора застегнута кобура: Майк уже сделал охотничью стойку на автомат сержанта. Джубал не испытывал особой любви к солдатам Особой Службы, но не хотел, чтобы Майк демонстрировал свои способности. Майор огляделся.

— Вы Джубал Харшоу?

— Да. Проходите. С вами хочет говорить ваш босс.

— Хватит фокусов. Я пришел за вами. Мне нужны еще...

— Идите сюда! С вами будет говорить Генеральный Секретарь.

Майор вздрогнул, вошел в кабинет, приблизился к экрану, глянул и вытянулся, взяв под козырек.

Дуглас кивнул.

— Имя, звание, должность.

— Сэр, майор К.Д. Блох, Особая Служба, рота Черио, Энклейв Бэррэкс.

— Доложите, что вы делаете?

— Сэр, это довольно затруднительно. Я...

— Говорите, майор, не стесняйтесь.

— Я прибыл сюда, сэр, во исполнение приказа. Видите ли...

— Не вижу.

— Сэр, два часа назад сюда был выслан отряд для осуществления ряда задержаний. Когда связь по радио с ним прервалась, меня отрядили на помощь.

— Кто вас послал?

— Комендант базы, сэр.

— Вы нашли первый отряд?

— Нет, сэр. Абсолютно никаких следов.

— Доктор, вы видели первый отряд? — обратился Дуглас к Харшоу.

— Я не обязан следить за вашими служащими, господин Секретарь.

— Вы не ответили на мой вопрос.

— Это правда, сэр, но я не на допросе. Я допущу над собой допрос только в судебном порядке. Я защищаю права клиента, а не служу нянькой при этих... ребятах в форме. Однако на основании того, что я видел, я предполагаю, что вы их не найдете.

— М-м-м... пусть так. Майор, соберите людей и возвращайтесь на базу.

— Есть, сэр,— майор взял под козырек.

— Минутку! — вступил Харшоу.— Эти люди ворвались в мой дом. Я требую предъявить ордер.

— Майор, покажите доктору ордер.

Майор Блох побагровел.

— Сэр, ордера были в первом отряде.

— Молодой человек! — Дуглас выпучил глаза.— Вы говорите мне, что вошли в дом гражданина *без ордера*?

— Нет, сэр! Вы не поняли. Ордера есть. Они у капитана Хейнрика.

На лице Дугласа было отвращение.

— Возвращайтесь на базу и сдайтесь под арест. Я с вами еще поговорю.

— Есть, сэр.

— Подождите,— снова вмешался Харшоу,— я намерен осуществить свое право на арест граждан. Я помещу его в местную тюрьму за вооруженное вторжение в частные владения.

— В этом есть необходимость? — заморгал Дуглас.

— Я полагаю, что есть. Ваши ребята такие неуловимые. Мне бы не хотелось его упускать. Кроме юридической стороны дела существует еще и материальная.

— Можете не сомневаться, сэр, мы полностью возместим вам убытки.

— Спасибо, сэр. Но как удержать очередного олуха в форме от того, чтобы он опять ворвался ко мне в дом. Моя твердыня разрушена и открыта новому вторжению. Господин Секретарь, если бы не мои крепкие двери, меня выволокли бы из дома, не дав поговорить с вами. И вы слышали: он намекает на какого-то другого, у которого, якобы, есть ордера.

— Доктор, мне ничего об этом неизвестно.

— Речь шла о порядке задержаний. Пожалуй, здесь лучше употребить термин «секретные инструкции».

— О, это серьезное обвинение.

— Однако и дело очень серьезное.

— Доктор, я ничего не знаю ни о каких ордерах. Но я даю слово, что сейчас же начну разбираться; выясню, на каком основании ордера были выпущены,— если они были выпущены — и в дальнейшем буду поступать согласно закону. Чего больше?

— Сэр, я вправе ожидать большего. Я объясню вам, на каком основании были выпущены ордера. Кто-то из ваших помощников, в избытке рвения, уговорил податливого судью выпустить их, чтобы получить возможность схватить меня и моих гостей и тайно допросить. Тайно! Я согласен, сэр, отвечать на ваши вопросы по этому делу, но я не допущу, чтобы меня допрашивал этот...— Джубал указал большим пальцем в сторону майора,— где-нибудь в комнате без окон. Сэр, я надеюсь на вашу справедливость. Если же эти ордера не будут немедленно признаны недействительными, если мне не дадут гарантий, что я,

Человек с Марса и сестра Бордмэн восстановлены в правах и обладаем свободой передвижения, мне придется искать другого защитника. Есть люди и партии, заинтересованные в Человеке с Марса.

— Вы мне угрожаете?

— Нет, сэр. Я прошу о помощи. Мы хотим начать переговоры, но не можем это сделать, пока нас травят. Я прошу, сэр, отзовите ваших гончих.

Дуглас глянул вбок.

— Ордера, если таковые существуют, предъявляться вам не будут. Немедленно по обнаружении они будут отменены.

— Спасибо, сэр.

Дуглас посмотрел на майора Блоха.

— Вы продолжаете настаивать на его аресте?

— Бог с ним, он всего лишь олух в форме. Убытки тоже забудем. У нас есть более важные проблемы.

— Вы свободны, майор,— офицер поспешно вышел.— Господин адвокат, вопросы, которые вы затронули, нельзя урегулировать по телефону.

— Согласен с вами, сэр.

— Я приглашаю вас и вашего, гм, клиента во дворец. Я пришлю за вами свою яхту. Вы сможете добраться за час?

Харшоу покачал головой.

— Спасибо, господин Секретарь, не беспокойтесь. Мы переночуем у себя, соберемся не спеша, а транспорт я найду сам.

Мистер Дуглас нахмурился.

— Доктор, вы сами говорили, что беседа будет официальной. Следовательно, я должен оказать вам официальное гостеприимство.

— Видите ли, сэр, мой клиент по горло сыт официальным гостеприимством. Все неприятности начались, когда он решил от него освободиться.

Лицо Дугласа напряглось.

— Сэр, вы хотите сказать...

— Я ничего не хочу сказать. Смит перенес много волнений и еще не привык к официальным церемониям. Он будет крепче спать дома. Как, впрочем, и я. Я немолодой человек, сэр, я привык к своей постели. А что, если переговоры сорвутся, и моему клиенту придется искать другого защитника? Мы не сможем злоупотреблять вашим гостеприимством.

— Опять угрозы,— нахмурился Генеральный Секре-

тарь.— Я считал, что вы мне доверяете, сэр. Не вы ли говорили, что готовы вести переговоры?

— Я доверяю вам, сэр («с таким же успехом можно сказать, что я китайский мандарин»), и мы действительно готовы вести переговоры. Только я понимаю слово переговоры в его изначальном смысле, который шире, чем просто примирение. Могу заверить вас, что лишнего мы не потребуем. Однако мы не можем начать переговоры немедленно. Нужно подождать, но я не знаю, как долго.

— В чем дело?

— Нам нужно время, чтобы подобрать делегацию; вы можете использовать это время в тех же целях.

— Хорошо, только пусть ваша делегация не будет слишком многочисленной. С нашей стороны также не будет много участников. Чем меньше народу, тем лучше.

— Безусловно. В нашу группу войду я, Смит, Свидетель...

— Неужели...

— Беспристрастный Свидетель не помешает. И еще двое, один из которых по неизвестной причине отсутствует. Клиент считает необходимым присутствием на переговорах Бена Кэкстона, которого я не могу найти.

Сколько пришлось пережить, чтобы получить возможность сказать эти слова: Джубал ждал, Дуглас молчал. Наконец он спросил:

— Вы имеете в виду этого бульварного сплетника Бена Кэкстона?

— Кэкстон, о котором я говорю, ведет колонку в одном из агентств печати.

— *Об этом не может быть и речи*!

— Значит, переговоры не состоятся,— покачал головой Харшоу,— мне не позволено обходиться без него или кем-либо заменить. Простите, что побеспокоил вас и отнял столько времени,— он протянул руку, делая вид, что хочет выключить аппарат.

— Погодите! Я не закончил разговор.

— О, покорнейше прошу прощения, господин Генеральный Секретарь!

— Ничего страшного, доктор. Вы читаете то, что пишет Кэкстон в своем разделе?

— Нет.

— Вот именно. Мне тоже не хочется это читать. Я не могу позволить, чтобы на переговорах присутствовал журналист подобного толка. Это крайне непорядочный

человек. Он получает деньги за то, что копается в чужом грязном белье.

— Господин Секретарь, наша сторона не возражает против присутствия прессы, и даже напротив, настаивает на этом.

— Это смешно!

— Возможно, но я обслуживаю клиента согласно его требованиям и собственным критериям качества. Если результат наших переговоров окажется губительным для Человека с Марса и его планеты, я обязан оповестить об этом каждого жителя нашей планеты. Точно так же я обязан сообщить согражданам и о своем успехе. Я не хочу переговоров с погонами.

— Ах, оставьте! Погоны не самый большой позор. Просто я хотел, чтобы все было тихо-мирно, без выкручивания рук.

— В таком случае, пусть присутствуют репортеры. Тем более что мы в ближайшие дни выступим по стереотелевидению и объявим о своем желании вести открытые переговоры.

— Что? Вы не должны сейчас выступать по стереовидению, да и по другим каналам. Это противоречит только что достигнутой договоренности.

— Не вижу никакого противоречия. Вы хотите сказать, что гражданин, прежде чем выступать по каналам массовой информации, должен спросить вашего разрешения?

— Нет, конечно, но...

— Боюсь, что уже поздно. Я почти договорился с продюсерами. Остановить меня может только машина с солдатами. Вы можете предварить мое выступление сообщением о том, что Человек с Марса вернулся из Эквадора и отдыхает в Поконосе. Чтобы никто не подумал, что правительство можно застать врасплох. Вы понимаете?

— Понимаю.— Генеральный Секретарь несколько секунд смотрел на Харшоу.— Подождите, пожалуйста,— он исчез с экрана.

Харшоу поманил к себе Ларри. Закрыв рукой микрофон, он прошептал:

— От нашего передатчика толку не добьешься. Я не знаю, когда он пустит новости, и пустит ли вообще. Может, он пошлет новых легавых. Ты потихоньку выйди, позвони Тому Маккензи и скажи, пусть включает технику, иначе пропустит величайшую сенсацию со времен падения Трои. Будь осторожен: в саду могут сидеть легавые.

— Как звонить Маккензи?

— Спроси у Мириам,— на экране вновь появился Дуглас.

— Доктор Харшоу, я принимаю ваше предложение. Сообщение будет в основном звучать так, как вы его сформулировали, с небольшими дополнениями,— Дуглас улыбнулся, это он умел.— Я добавил, что Человек с Марса открыто обсудит с представителями правительства некоторые вопросы межпланетных отношений, когда отдохнет от путешествия.

Улыбка Секретаря стала холодной, он не был больше старым добрым Джо Дугласом.

Харшоу восхитился: как ловко старый вор превратил поражение в победу!

— Отлично, господин Секретарь. Именно об этом мы собирались объявить.

— Спасибо. Теперь об этом вашем Кэкстоне. Переговоры будут открытыми, но он туда допущен не будет. Пусть смотрит стереовизор. Ему этого хватит, чтобы сочинять сплетни. Он не должен присутствовать в зале переговоров.

— Тогда не будет переговоров.

— Вы меня, кажется, не поняли, господин адвокат. Присутствие этого человека оскорбляет меня. У меня есть личные привилегии.

— Вы правы, сэр, они у вас есть.

— Значит, не будем больше об этом говорить.

— Сэр, вы меня не поняли. Личные привилегии есть и у Смита.

— Что?

— Вы вольны подбирать членов своей делегации, зовите хоть самого Вельзевула — мы не имеем права возражать. Смит имеет такое же право подбирать членов своей делегации. Если на переговорах не будет Кэкстона, мы от них откажемся. Мы будем говорить с кем-нибудь другим, кто станет возражать против вашего присутствия, даже если вы скажете, что вы переводчик с хинди.

Харшоу верно рассчитал, что Дуглас уже не в том возрасте, чтобы вспылить. Дуглас долго не отвечал, наконец заговорил, обращаясь к Человеку с Марса: Майк стоял тихо и неподвижно, как Беспристрастный Свидетель.

— Смит, почему вы настаиваете на этом смехотворном условии?

Поспешно вмешался Харшоу.

— Не отвечай, Майк,— и, обернувшись к Дугласу.— Т-с-с, господин Секретарь! Нельзя! По закону вы не имеете права спрашивать моего клиента, почему он дал мне то или иное распоряжение. Тем более, что мой клиент только недавно научился изъясняться по-английски, а вы не можете обратиться к нему на его родном языке.

Дуглас нахмурился.

— Я могу спросить вас, на какие законы вы ссылаетесь. Но мне некогда. Мне нужно руководить правительством. Я уступаю, но не надейтесь, что я стану здороваться за руку с этим вашим Кэкстоном.

— Как пожелаете, сэр. Вернемся же к исходным позициям. Я не могу разыскать Кэкстона.

Дуглас рассмеялся.

— Вы выговорили себе привилегию, осуществление которой я считаю для себя оскорблением. Я согласен: приводите кого хотите. Только собирайте их сами.

— Вполне справедливо, сэр. Однако я надеюсь, вы сможете оказать Человеку с Марса милость?

— Какую же?

— Мы уже договорились о том, что переговоры не начнутся, если на них не будет присутствовать Кэкстон. Этот вопрос не подлежит дальнейшему обсуждению. Но я не могу найти Кэкстона. Я всего лишь частное лицо.

— Что вы хотите этим сказать?

— Я неуважительно отзывался об офицерах и солдатах Особой Службы — припишите это раздражению старика, которому помяли клумбы и выломали дверь. На самом деле я признаю, что они достойно выполняют свои обязанности. Кроме того, с ними повсеместно сотрудничает полиция. Господин Секретарь, если бы вы позвонили Коменданту Особой Службы и сказали бы ему, что вам нужно найти человека, он отыскал бы его в течение часа.

— Ради чего я должен поднимать на ноги всю полицию? Чтобы найти какого-то скандалиста?

— Сэр, я прошу вас об этом, как о милости для Человека с Марса.

— Это абсурд, но я это сделаю,— Дуглас посмотрел на Майка,— как одолжение Смиту. Надеюсь, что в ответ на это вы тоже пойдете мне навстречу — во время переговоров.

— Могу вас уверить, что ваш шаг значительно разряжает ситуацию.

— Но я ничего не могу гарантировать. Вы говорите, что Кэкстон пропал. Он мог попасть под машину, а я не умею воскрешать из мертвых.

— Я надеюсь, что этого не случилось, иначе все пропало.

— Что вы имеете в виду?

— Я уже говорил моему клиенту о возможности такого исхода, но он и слушать не хочет,— вздохнул Харшоу.— Если мы не найдем Кэкстона, переговорам грозит полный провал.

— Что ж... я постараюсь, доктор, но не ждите чудес.

— Сэр, я вас понимаю. Я не верю в чудеса. Но мой клиент воспитан на Марсе — у него другая точка зрения. Будем же уповать на чудо.

— Если что-нибудь выяснится, я дам вам знать. Больше ничего обещать не могу.

Харшоу, не вставая, поклонился.

— Ваш покорный слуга, сэр.

Когда экран погас, Харшоу поднялся — и очутился в объятиях Джиллиан.

— Джубал, вы великолепны!

— Рано радоваться, девочка.

— Больше, чем вы сделали, сделать было невозможно,— она поцеловала его.

— Отпусти меня! Ты еще на свет не родилась, а я уже зарекся целоваться! Прояви уважение к старости! — тут Джубал сам поцеловал Джилл.— Это, чтобы забить вкус Дугласа — до ужаса тошнотворный тип. А теперь поцелуй Майка, он заслужил: мужественно терпел мое вранье.

— С удовольствием! — Джилл отпустила Харшоу и обняла Человека с Марса.— Вы прекрасно врали, Джубал! — и поцеловала Майка.

Джубал наблюдал, как Майк отвечает на поцелуй: торжественно, но довольно привычно. Харшоу оценил на отлично старание и на посредственно результат.

— Сынок,— сказал он,— ты меня удивляешь. Я, признаться, думал, что ты испугаешься и уйдешь в себя.

— В первый раз так и было,— серьезно ответил Майк.

— Прекрасно! Джилл, прими мои поздравления! Представь подробный отчет об эксперименте.

— Джубал, вы вредина, но я вас все равно люблю и не разозлюсь. В первый раз Майк действительно немножко расстроился, но теперь все в порядке — сами видите.

— Да,— подтвердил Майк,— это хорошо. Это сближение братьев по воде. Я тебе покажу,— он отпустил Джилл.

— Нет,— жестом остановил его Джубал.— Это хорошо, когда брат по воде — молодая хорошенькая женщина, как Джилл. Я тебя разочарую.

— Правильно ли ты говоришь, брат мой Джубал?

— Я говорю совершенно правильно. С девушками можешь целоваться, сколько душе угодно. Это как карты: попробуешь — не остановишься.

— Прошу прощения?

— Это помогает сближаться с ними. Гм...— Джубал оглянулся.— Интересно, повторится ли эффект первого поцелуя. Доркас, мне нужна твоя помощь научного эксперимента.

— Идите к черту, босс. Я не морская свинка!

— К черту я оправлюсь, когда придет время. А ты не будь упрямой девчонкой. Майк не заразный, иначе я не позволил бы ему плавать в бассейне. Кстати, Мириам, когда вернется Ларри, скажи ему, что бассейн можно почистить — пора выводить всех на чистую воду. Ну, Доркас!

— Вы уверены, что это будет наш первый поцелуй?

— Проверим. Майк, ты когда-нибудь целовал Доркас?

— Нет, Джубал. Я только сегодня узнал, что она мой брат по воде.

— Она тоже?

— Да. И Энн, и Мириам, и Ларри — твои братья, брат мой Джубал.

— Ну что ж, в сущности, правильно.

— Да. Сущность — не в разделении воды, а во вникновении. Я правильно говорю?

— Совершенно правильно.

— Они твои братья,— Майк задумался, подбирая слова.— Значит, по свойству транзитивности, они мои братья,— Майк взглянул на Доркас.— Для братьев сближение — хорошо.

— Ну, Доркас,— подстегнул Джубал.

— О Господи! Босс, вас хлебом не корми, дай кого-

нибудь подразнить. А Майк все воспринимает серьезно, бедняга.

Доркас подошла к Майку, поднялась на цыпочки, протянула руки:

— Майк, поцелуй меня!

Майк поцеловал. Несколько секунд они «сближались».

Доркас потеряла сознание.

Джубал подхватил ее на руки. Джилл пришлось прикрикнуть на Майка, чтобы он не ушел в себя. Доркас очнулась и заверила Майка, что чувствует себя хорошо и готова к дальнейшему сближению. Вот только надо отдышаться:

— Ф-фу!

У Мириам были круглые глаза:

— Я тоже хочу попробовать.

— Сначала я, по праву старшей. Босс, я вам больше не нужна как Свидетель? — сказала Энн.

— Пока нет.

— Держите плащ. Хотите сделать ставку?

— На что?

— Десять долларов против одного, что не потеряю сознание.

— Идет.

— Майк, милый... давай сблизимся.

Энн не хватило воздуха. Майк, благодаря марсианской выучке, мог бы продержаться без воздуха еще столько же. Энн судорожно вдохнула и сказала:

— Я плохо подготовилась, босс. Дайте мне еще одну попытку.

Она повернулась было к Майку, но ее похлопала по плечу Мириам:

— Ты выбыла, голубушка.

— Не торопись, успеешь.

— Я сказала, выбыла! Не жульничай!

— Черт с тобой,— Энн отступила.

Мириам подошла к Майку, улыбнулась и ничего не сказала. Они сблизились и продолжали сближаться.

— Ближняя!

Мириам оглянулась.

— Босс, вы видите, я занята!

— Хорошо, но дай хотя бы мне пройти к телефону.

— Я не слышала, честное слово!

— Еще бы! Однако давайте соблюдать приличия. Вдруг это звонит Генеральный Секретарь?

Звонил Маккензи.

— Джубал, что происходит? Чертовщина какая-то!

— Что случилось!

— Позвонил ваш человек и сказал все бросить и бежать к вам снимать что-то страшно срочное. Я отрядил к вам съемочную группу...

— Она здесь не появлялась.

— Я знаю. Они заблудились к северу от вас. Наш диспетчер их выправил, они должны скоро быть на месте. Мы ничего интересного не пропустили?

— Пока ничего.—«Черт возьми, надо было посадить кого-нибудь за болтовилку. Может, Дуглас только сделал вид, что согласился, а сам послал новый отряд легавых, пока мы тут экспериментируем? Стареешь, Джубал».— Слушай, за последний час по стереовидению не передавали ничего экстренного?

— Нет, впрочем, погоди: передавали, что Человек с Марса вернулся и отдыхает в По... Джубал! Не у вас ли он гостит?

— Минутку! Майк, иди сюда! Энн, надевай плащ!

— Надела, босс!

— Познакомьтесь, мистер Маккензи — Человек с Марса.

У Маккензи отвисла челюсть.

— Не отключайтесь! Дайте, я наведу камеру! Запишем с телефона и сразу же пустим в эфир. Джубал, это не шутка? Вы можете поручиться?

— Том, здесь Беспристрастный Свидетель! И потом, не хочешь — не снимай. Мы свяжемся с Аргусом или Транс-Плэнет.

— Это нечестно, Джубал!

— Ладно, не буду, хотя мы договаривались всего лишь о том, что вы начнете снимать по моему сигналу и, если материал окажется достойным опубликования, вы его обнародуете. Я не обещал не давать интервью другим программам. Правда, ты мне здорово помог, Том. Я тебе чрезвычайно признателен.

— Это вы о мадам Везан?

— Точно! Только не будем об этом говорить по телефону. Расскажу как-нибудь потом, с глазу на глаз.

— Стоит ли об этом говорить? Лучше будем молчать. Не отодвигайтесь...

— И еще: отдай мне сообщения, которые мы заготовили.

— Что? Ах, да, хорошо. Они у меня в столе. Я уже готов. Можно начинать?

— Вперед!

— Этот выпуск я сделаю сам,— Маккензи отвернулся, очевидно, к камере.— Экстренные новости! Самые свежие новости всегда у Нью Уорлд Нетворкс! Нам позвонил Человек с Марса. Он будет говорить с вами. Стоп. Вставьте несколько слов благодарности спонсору. Джубал, о чем можно спрашивать?

— Только не о Южной Америке. Его лучше спрашивать о плавании, меня — о его планах на будущее.

— Конец заставки. Вступаем. Друзья! Перед вами Валентайн Майкл Смит, Человек с Марса. Как уже сообщалось, мистер Смит только что вернулся с Анд. Поприветствуем его! Поприветствуйте друзей, мистер Смит.

— Помаши рукой перед экраном, сынок, и улыбнись,— шепнул Харшоу.

— Спасибо, Валентайн Майкл Смит! Мы рады видеть вас здоровым и загоревшим! Что помогло вам набраться сил? Наверное, плавание?

— Босс, кто-то идет!

— Стоп. После слова «плавание». Джубал, что там такое?

— Сейчас гляну. Джилл, следи за Майком. Наверное, полиция.

Это приземлялась заблудившаяся съемочная группа — опять на розы! — и топали по лестнице Ларри и Дюк. Маккензи решил закончить свой выпуск побыстрее — дальше пусть работает съемочная группа. Люди Маккензи, а вместе с ними Ларри и Дюк принялись проверять оборудование. Майк ответил на несколько пустых вопросов; на те, которых он не понял, пришлось отвечать Харшоу. Маккензи попрощался со зрителями, заверив их, что через некоторое время они увидят цветное, объемное и более содержательное интервью.

— Оставайтесь на нашей волне! — и стал ждать отчета о состоянии оборудования.

Старший группы немедленно представил отчет.

— Вся техника в порядке, мистер Маккензи.

— Почему же она не работала, когда это потребовалось?

Старший покосился на Ларри и Дюка.

— Техника работает лучше, когда к ней поступает питание. Рубильник был выключен.

Дюк и Ларри принялись выяснять отношения. Джубал примирил их. Ему было безразлично, кто виноват, в том что рубильник остался выключенным; сейчас он получил еще одно подтверждение тому, что техника достигла вершины своего развития, когда по земле поехал первый автомобиль Форд модели Т. С тех пор, по твердому убеждению Джубала, техника только деградировала. Началась объемная цветная передача. Майк передал привет друзьям с «Чемпиона», в том числе несколько слов для Махмуда на душераздирающем марсианском языке.

Наконец все кончилось, Джубал отключил телефон на два часа, растянулся в кресле и почувствовал ужасную усталость. «Неужели старею?»

— Где обед? Чья сегодня очередь готовить? Мерзавки! Вы развалили мое хозяйство!

— Сегодня моя очередь,— ответила Джилл, но...

— Каждый раз они находят оправдания!

— Босс! — вмешалась Энн.— Как мы могли готовить, если вы весь день держали нас в кабинете под замком?

— Меня это не касается,— мрачно сказал Харшоу.— Даже если здесь случится второе пришествие, я имею право получить горячий обед. Более того...

— Более того,— заключила Энн,— сейчас без двадцати восемь. До восьми обед будет готов двадцать раз. Перестаньте хныкать, не маленький.

— Без двадцати восемь? Боже, мне кажется, что я уже сто лет ничего не ел. И вы не даете возможности выпить аперитив!

— Бедняжка!

— Кто-нибудь, дайте выпить. Все можете выпить. К черту обед! Уж я-то без него обойдусь! Энн, у нас есть продукты для шведского стола?

— Сколько угодно!

— Накроем шведский стол, и пусть каждый ест, когда захочет! О чем тут спорить?

— В самом деле, не о чем,— согласилась Джилл.

Энн поцеловала Харшоу в лысину.

— Босс, вы поступили благородно. Сейчас мы вас напоим, накормим и даже в постель уложим. Джилл, я тебе помогу.

— Можно, я тоже помогу? — предложил свои услуги Смит.

— Конечно, Майк. Ты будешь носить подносы. Босс, сегодня жарко, давайте поставим стол у бассейна.

— Разумеется.

Когда женщины ушли, Харшоу спросил Дюка:

— Где тебя черти носили?

— Я думал.

— Этот день я тебе не оплачу. Недоволен? Что надумал?

— Пусть Майк ест, что хочет.

— Поздравляю! Человеческая мудрость на восемьдесят процентов заключается в умении не совать нос в чужие дела.

— Вы первый всюду суете нос.

— Я не претендую на мудрость.

— Джубал, если я предложу Майку стакан воды, он не откажется?

— Думаю, что нет. Единственная человеческая черта у Майка — это желание всем нравиться. Я хочу, чтобы ты понял, насколько это у него серьезно. Я согласился стать ему братом по воде, когда я еще этого не понимал — и вот, мне пришлось решать все его проблемы. Если ты хочешь побрататься с Майком, ты должен подумать, способен ли ты не лгать ему, не учить его дурному, не оставить его в беде. Хорошо подумай.

— Именно этим я занимался весь день. Скажите, Джубал, чем вас Майк приворожил, почему вы захотели ему помочь?

— Невинностью. Честностью. Тебе, наверное, еще не приходилось встречать честных людей? Майк еще не вкушал плодов от древа познания Добра и Зла... и мы не знаем, чем он дышит. Я думаю, ты не пожалеешь, что побратался с Майком. Мы, кажется, собирались выпить.

— Не могу найти штопор.

— Опять техника... Возьми стаканы — они стоят за «Анатомией меланхолии».

— Знаю.

— Пропустим по стаканчику перед тем, как начать серьезно пить.

Дюк достал стаканы, Джубал налил и провозгласил.

— Выпьем за алкогольное братство, более привычное трепетной человеческой душе, чем всякое другое!

— Ваше здоровье!

Джубал опустошил стакан и крякнул:

— Э-э-х, хорошо! Предложи Майку брудершафт, Дюк, пусть узнает, как хорошо быть человеком. Стакан вина — и ты уже Бог! Ближняя! Почему эти девчонки исчезают именно тогда, когда они мне нужны? Ближняя!

— Я ближняя,— сказала Мириам с порога,— но...

— Мы остановились на словах «мой мальчишеский характер».

— Я закончила этот рассказ, пока вы болтали с Генеральным Секретарем.

— Тогда ты больше не Ближняя. Отправь его в редакцию.

— Может, прочитаете? Я все равно буду его переделывать — после того, как мы с Майком сблизились, я получила новое видение событий.

Джубал поморщился:

— Дитя мое, такие вещи и писать-то грешно, не то что переделывать в угоду прозе жизни. Девочка, правдивый рассказ должен быть выдуманным до последней буквы.

— О'кей, босс. Энн зовет всех во двор закусить.

— О, это очень кстати. Джентльмены, вы не против?

Общество дружно принялось пить, заедая спиртное рыбой и всякими скандинавскими штучками. Джубал предложил Майку бренди. Тот выпил и вскоре почувствовал возбуждение. Проанализировав причины возбуждения, Майк добавил к этиловому спирту кислород и получил воду с глюкозой.

Джубал, наблюдавший за воздействием спиртного на организм Человека с Марса, увидел, что тот сначала опьянел, а затем очень скоро полностью протрезвел. Джубал удивился и предложил Майку еще бренди, от которого Майк не мог отказаться: брат предлагает. Майку пришлось выпить внушительное количество бренди, прежде чем Джубал понял, что напоить Человека с Марса допьяна невозможно.

Чего нельзя было сказать о самом Харшоу, хоть он был опытный выпивоха. Экспериментируя с Майком, он не забывал и о себе и к концу эксперимента стал соображать не так живо, как обычно. Желая выяснить, почему Майк не пьянеет, Джубал задал двусмысленный вопрос, и Майк, решив, что его спрашивают об исчезновении солдат Особой Службы, в котором он чувствовал себя виновным, начал восстанавливать события и извиняться. Когда до Харшоу дошло, о чем парень толкует, он поспешил остановить Майка.

— Сынок, я ничего не хочу знать. Ты все сделал правильно,— Джубал моргал, как сова.— Только не надо мне этого рассказывать. И никому не надо рассказывать.

— Не рассказывать?

— Ни в коем случае. Все было сделано великолепно, и объяснения ни к чему.

— Я не вникаю...

— Я тоже. Поэтому давай выпьем.

Стали прибывать репортеры; Джубал принимал их вежливо, приглашал выпить, закусить и отдохнуть, но к Человеку с Марса не подпускал и сам от ответов на вопросы уклонялся. Самых назойливых Ларри и Дюк бросали в бассейн. Некоторые обижались и уходили, а другие отряхивались и снова подступали к Джубалу с вопросами; их опять бросали в воду.

Уже стемнело, когда к Харшоу подошла Доркас и шепотом сообщила:

— Босс, к телефону.

— Спроси, что передать, и запиши.

— Поговорите лучше сами, босс.

— Ух, как я сейчас поговорю!

— Босс, это человек, с которым вы днем беседовали целый час.

— Что же ты сразу не сказала?

Джубал затопал по лестнице, пнул ногой дверь в кабинет и поспешил к телефону. На экране был какой-то чиновник, но, как только Харшоу вошел, показался Дуглас.

— Долго же вы идете к телефону!

Господин Секретарь, это мой собственный телефон. Хочу — вовсе не подхожу.

— Похоже, это часто случается. Почему вы мне не сказали, что Кэкстон алкоголик?

— Алкоголик?

— Отъявленный. Его нашли мертвецки пьяного в кутузке где-то в Соноре.

— Рад слышать, что его нашли. Спасибо, сэр.

— Его арестовали за бродяжничество. Судить его мы, так и быть, не станем. Отдадим вам.

— Я ваш должник, сэр.

— О, это не одолжение, это урок. Я хочу, чтобы вы посмотрели на него, небритого и грязного, и понюхали, как от него пахнет.

— Когда его ждать, сэр?

— Машина вышла из Ногалеса минут десять назад. Скоро будет в Мэче, а еще через некоторое время у вас. Дадите пилоту расписку в получении.

— Обязательно.

— А теперь, господин адвокат, я умываю руки. Настала ваша очередь действовать. Я вас жду.

— Когда?

— Завтра в десять.

И правда, чем скорее, тем лучше.

Джубал спустился во двор и позвал:

— Джилл! Иди сюда, детка!

Она прибежала в сопровождении репортера. Джубал жестом велел ему отойти, добавив:

— У нас частный разговор, семейный.

— О, у вас уже семья?

— Я тебе сказал, подонок: отстань.

Репортер осклабился и ушел. Харшоу наклонился к уху Джилл и сказал:

— Он жив и здоров.

— Бен?

— Кто же еще? Скоро будет здесь.

— Ах, Джубал! — Джилл заплакала.

Харшоу обнял ее за плечи.

— Перестань. Отправляйся в дом и не выходи, пока не успокоишься.

— Слушаюсь, босс.

— Поплачь в подушку, потом умоешься.

Харшоу вышел к бассейну и провозгласил:

— Всем молчать! У меня важное сообщение. С вами было очень весело, большое спасибо! А теперь все по домам!

— О-о-о!

— Бросьте его в воду. Я старый человек, мне нужен отдых. Моей семье тоже. Дюк, закрывай бутылки! Девочки, убирайте посуду!

Поднялся шум, кто-то ворчал, кто-то урезонивал. Через десять минут двор опустел.

Еще через двадцать минут привезли Кэкстона. Пока Харшоу ставил подпись и печать в сопроводительном документе, Джилл бросилась Бену на шею и разрыдалась.

Харшоу посмотрел на Кэкстона.

— Бен, я слышал, ты целую неделю кутил.

Бен выругался, продолжая гладить Джилл по спине:

— Я пьян, но чем угодно поклянусь: капли в рот не брал.

— Что же случилось?

— Я не знаю. Не знаю, черт возьми!

Харшоу промыл Бену желудок, сделал уколы, нейтрализующие действие алкоголя и барбитуратов, велел вымыть, выбрить и одеть его. Потом Бена познакомили с Человеком с Марса и накормили, попутно посвящая в события.

Кэкстон ничего не соображал. Для него прошедшая неделя выпала из жизни. Он потерял сознание в Вашингтоне, а пришел в себя в Мексике.

— Я понимаю, что случилось. Меня напичкали наркотиками и сунули в какой-то чулан, а потом вытащили. Но я ничего не докажу. В Мексике найдется деревня, жители которой подробно расскажут, как буянил этот гринго, напившись в баре. И я ничего не смогу сделать.

— Значит, не делай,— посоветовал Джубал.— Расслабься и отдыхай.

— Черта с два! Я этого...

— Тихо, тихо! Скажи спасибо, что ты еще жив. А этот уже готов делать то, что мы от него хотим.

— Расскажи подробнее. Мне кажется...

— Мне кажется, что тебе пора спать. Растворишь в стакане молока пилюлю доктора Харшоу для подпольных пьяниц, выпьешь — и в постель.

Вскоре Кэкстон захрапел. Джубал отправился к себе в спальню и по дороге встретил Энн. Он удивленно вскинул брови:

— Ты до сих пор не спишь? Уже утро.

— И не буду: не хочу проспать день. Ложитесь, босс.

— Сию минуту. Объясни мне, пожалуйста, что ты чувствовала, когда целовалась с Майком.

Энн задумалась, потом кокетливо улыбнулась.

— А вы сами попробуйте.

— Я стар и не собираюсь менять привычки. Просто мне интересно все, что касается Майка. Есть что-нибудь особенное в его поцелуе?

Энн помолчала.

— Да, он весь выкладывается.

— Ах ты, крыса! Я тоже выкладываюсь: выкладывался, когда был моложе.

— Нет,— Энн покачала головой.— Мне приходилось целоваться с мастерами этого дела. Они не могли вложить в поцелуй всего себя. Как бы они ни отдавались поцелую, часть их существа была занята чем-то еще. Кто-то боялся опоздать на последний автобус, кто-то хотел переспать, кто-то любовался красотой своего по-

целуя. Они думали о работе, о деньгах; о том, что их увидит муж, папа, соседи. Майк не умеет целоваться, но когда он целует, он не занят ничем другим. Ты заменяешь ему Вселенную, а мгновение поцелуя вечно, потому что у Майка нет планов, он никуда не спешит. Он только целует. Это, пожалуй, страшновато,— Энн передернула плечами.

— Гм...

— Не хмыкайте, старый ловелас! Вы ничего не понимаете!

— Увы, и, наверное, уже не пойму. Спокойной ночи. Кстати, я велел Майку запирать на ночь дверь.

— Собака на сене! — И она скорчила физиономию.

— Не торопи события. Он и так очень быстро все усваивает.

Глава 18

Переговоры отложили на сутки. У Кэкстона появилась возможность отдохнуть, выслушать, что произошло за неделю, и «сблизиться» с Человеком с Марса: Майк вник, что Бен и Джилл — братья, посоветовался с Джилл и торжественно поднес Бену стакан воды.

Джилл проинструктировала Бена, как вести себя с Майком, и Кэкстону стало не по себе. Ему не давали покоя тесные отношения между Майком и Джилл. Его холостяцкие убеждения сильно поколебались за последнюю неделю; он снова сделал Джилл предложение, как только они остались наедине.

Джилл отвела взгляд.

— Бен, давай поговорим об этом в другое время.

— В чем дело? У меня есть работа, я здоров — буду здоров, когда поправлюсь,— а пока из меня не выветрились эти «правдогенные» наркотики, я испытываю потребность говорить правду. Я тебя люблю, хочу на тебе жениться и по вечерам растирать твои бедные усталые ножки. Может, я слишком стар? Или ты решила выйти за кого-то другого?

— Нет, ни то, ни другое. Бен, милый, я тебя люблю, но сейчас я не могу говорить о замужестве. У меня есть... некоторые обязанности.

Она так и не смягчилась.

Бен в конце концов понял, что Человек с Марса ему

не соперник: он пациент Джилл, а человек, который хочет жениться на сестре милосердия, должен смириться с тем, что она будет сестрой и матерью своим пациентам. Если бы Джиллиан не была прирожденной сестрой милосердия, он и не полюбил бы ее. Дело было не в восьмерке, по которой ходил ее тугой зад, и не в пышных формах: Бен не инфантильный самец, выбирающий самку по величине молочных желез. Он любил ее сущность.

Черт возьми, нельзя же ревновать к каждому пациенту! Майк хороший парень, честный и чистый, Джилл правду сказала. А он, Бен, что может дать Джилл? Замужем за газетчиком — не то что у Христа за пазухой. Он может неделями не ночевать дома. Не всякая это стерпит, а Джилл стерпит.

Придя к такому выводу, Бен с легким сердцем принял из рук Майка воду.

Джубал использовал этот день для составления планов на дальнейшее.

— Когда ко мне заявились Джилл и Майк, я сказал, что палец о палец не ударю ради так называемых прав парня. Потом я передумал. Нельзя позволить правительству завладеть его наследством.

— Особенно такому правительству, как наше!

— Да никакому. Следующее будет не лучше. Ты недооцениваешь Джо Дугласа.

— Он дешевый политик.

— К тому же некомпетентный, это я утверждаю с точностью до шести десятичных знаков. Но это не мешает ему быть неплохим правителем мира, лучшим, чем мы заслуживаем. Я с удовольствием сыграл бы с ним в покер. Он не жульничал бы и с приятной улыбкой выплачивал проигрыши. Дуглас — довольно честный малый.

— Провалиться мне на этом месте, если я понимаю, что ты говоришь. Ты сам сказал, что Дуглас чуть меня не убил. Ты едва не вывернулся наизнанку, выручая меня. Я до конца жизни твой должник. Как же я могу забыть, что он меня топил? И в том, что я жив, нет его заслуги.

— И все-таки забудь.

— Черта с два!

— Ну и дурак! Ты ничего не докажешь. И не нужно становиться моим должником. Я не позволю возложить

такое бремя на мои старые плечи. Я тебя вытаскивал не ради тебя самого.

— Как так?

— Я это сделал для девочки, которая собиралась бить в колокола и кричать, что ты пропал. Она пришла под мой кров с просьбой о помощи, и мне пришлось заменить ей отца. Она рвалась в бой, как тигрица; как я мог выпустить ее, наивную, против такой мясорубки, как наше правительство? Но ты-то закоренелый грешник и циник, ты должен знать, как работает мясорубка. Если бы никто, кроме меня, не видел, как тебя туда затягивает, я не стал бы бороться с твоей кармой.

— Черт дернул тебя с ней бороться! Может, ее и нет у меня.

— Спорный вопрос. Крайности сходятся. В любом случае, не в моих правилах будить человека, спящего в сточной канаве. Делать добро — все равно, что лечить гемофилию: лечение заключается в том, чтобы не дать человеку истечь кровью... и позволить ему наплодить новых гемофиликов.

— Их можно стерилизовать.

— Какое право я имею на это? Я не Бог. Мы уклоняемся от темы. Дуглас не приказывал тебя убить.

— Кто сказал?

— Я — непогрешимый Джубал Харшоу. В нашей стране убийство никогда не было государственной политикой. Если шериф избивает заключенного до смерти, шерифу чаще всего нездоровится. Убийство замалчивают лишь в том случае, если это легче сделать, чем возбуждать дело.

— Я сейчас перечислю тебе десяток сокрытых убийств.

Джубал нетерпеливо отмахнулся:

— Я тебе сказал, это — исключения из правила. Неугодных убивали и будут убивать. Но это не возводится в ранг государственной политики, именно поэтому ты жив. Тебя тихо сцапали и так же тихо прикончили бы, если бы не босс, который не любит грубой работы. Если бы он только узнал, что его ребята забавляются подобными штучками, они поплатились бы работой, если не головой. Харшоу остановился передохнуть.

— Эти вышибалы всего лишь орудие в чьих-то руках; это тебе не легионы Цезаря. А кто наш Цезарь? Адвокатишка Джо, который не понимает, что наша

страна уже не прежняя свободная нация, а сатрап, правящий разноязыкими народами. Дуглас, которого тошнит при виде крови? И ты хочешь его свергнуть, а на его место посадить человека из другой страны, где жизнь не стоит и цента, а убийство так же привычно, как насморк? Давай, свергай, только после этого не ходи один по темным переулкам.

Кэкстон молчал.

— Как я уже говорил, Особая Служба — это инструмент. Всегда и везде найдутся люди, которые за хорошие деньги будут делать грязную работу. Представь, какой грязной она станет, если ты отберешь у Дугласа его несчастное большинство?

— Джубал, ты хочешь сказать, что я не должен критиковать администрацию?

— Что ты! Разумная критика полезна. Но прежде чем свергать правителя, нужно хорошо подумать, кто может прийти ему на смену. Демократия — слабая система; единственное, что можно сказать в ее пользу: она раз в пять сильнее других систем. Самым главным недостатком демократии является то, что лидеры выражают настроения масс, толпы, но в этом суть системы. Посмотри на Дугласа: невежественный, глуповатый, самодовольный — типичный американец, чуть выше среднего уровня. Сравни его с человеком, который сменит его на посту.

— Почти никакой разницы.

— Ошибаешься! Есть разница между понятиями «плохой» и «хуже», а она сильнее, чем между «хороший» и «лучше».

— Что же мне делать?

— Ничего,— ответил Харшоу.— Я сделаю все сам. Надеюсь, ты не станешь клевать Джо Дугласа за решение, которое он примет под моим руководством. Стоит даже похвалить его за государственную мудрость...

— Прекрати! Меня сейчас стошнит!

— Подставь шляпу. Я рассказываю тебе, что я собираюсь делать. Чтобы проехать верхом на тигре, нужно держать его за уши.

— Не надувайся. Приступай, наконец, к делу.

— Не капризничай. Выслушай меня, наконец. Майк имел несчастье оказаться наследником состояния, о котором не мечтал и Крез. Кроме того, он имеет право на осуществление политической власти над планетой —

по аналогии с одним из самых абсурдных судебных решений в нашей истории. Я не хочу делать Майка принцем. Я не считаю также, что унаследованное богатство принадлежит ему: Майк его не создавал. А даже если бы нажил... Идея собственности не так уж очевидна и естественна...

— Что, что?

— Отношения собственности — это мистические отношения, сложная абстракция, которую наши законники усложнили еще больше. Я не представлял всей сложности проблемы, пока не познакомился с позицией марсиан. У них нет права собственности... даже на собственные тела.

— Погоди, Джубал. Даже у животных есть собственность, а марсиане — не животные. Они цивилизация, они строят города.

— Ну да. Лисы роют норы, птицы вьют гнезда. Никто не понимает «мое — твое» лучше, чем цепная собака. У марсиан нет собственности, кроме коллективной собственности миллионов и миллиардов старших граждан на всю планету.

— Слушай, Джубал, кто такие эти Старшие Братья?

— Тебе нужна официальная версия?

— Нет, твое мнение.

— Мне кажется, это набожная болтовня, суеверие, которое парню вдолбили в мозги в далеком детстве.

— Джилл говорит о них достаточно серьезно.

— В присутствии Майка я тоже буду говорить о них серьезно. Обычная вежливость. Одна моя добрая знакомая верит в астрологию. Я не позволю себе обидеть ее, высказав все, что думаю об ее увлечении. Способность человека верить в невероятное — например, в то, что дети должны быть лучше родителей,— вряд ли отомрет. Вера — это леность ума, но вера Майка в Старших Братьев не более иррациональна, чем представление о том, что молитвой можно вызвать дождь.

— Знаешь, Джубал, я исповедую гипотезу о бессмертии души, однако я рад, что меня не посещает привидение моего дедушки. У деда был несносный характер.

— У моего деда тоже был отвратительный характер. У меня такой же, но это не значит, что стоит отнимать у гражданина его неотъемлемые права только потому, что он умер. В округе, где я родился, очень уважали усопших предков и всегда выделяли большие деньги на

содержание кладбища. У Майка не может быть на Марсе собственности, потому что все находится в собственности Старших Братьев. Я не могу ему объяснить, что ему принадлежат акции Лунар Энтерпрайзез, Лайл-Драйв, недвижимость. Их первоначальных владельцев нет в живых — тем хуже: они стали Старшими Братьями, а Майк никогда не станет спорить со Старшими Братьями.

— Выходит, он неправоспособен?

— Вот именно. Майку не нужна собственность, потому что он не понимает, что это такое. Даже свою зубную щетку он вряд ли считает своей. Если ты ее заберешь, он решит, что так велели Старшие Братья,— Джубал развел руками.— Он неправоспособен, и на правоспособность не стоит претендовать, так как неизвестно, кого назначат опекуном.

— Очень даже известно: Дугласа или кого-то из его марионеток.

— Ой ли? Ты знаешь, кто заседает в Верховном Суде? Они могут назначить какого-нибудь Саввонавонга, Нади или Кима.

— И то верно.

— В этом случае Майк не доживет до старости или доживет на какой-нибудь закрытой даче, откуда не так легко сбежать, как из Бетесды.

— Что же ты собираешься делать?

— Отказаться от номинального наследства. Оно слишком опасно.

— Ты можешь отказаться от таких денег?

— Не могу. Но отказ от наследства изменит соотношение сил. Любая претензия на наследство вызовет проверку правоспособности Майка. Нам же выгоднее заставить тигра бежать, если мы уже схватили его за уши. Сейчас я изложу тебе план действий; твоя задача — изо всех сил придираться и находить слабые места в нем по политической части. Юридическую часть я отработаю сам. Нам необходимо проделать следующее...

Глава 19

Назавтра дипломатическая делегация Марса отправилась во Дворец Министров. Первому в истории Марса претенденту на Марсианский престол Майку Смиту не было дела до цели поездки: он наслаждался самой

поездкой. Майк сидел между Джилл и Доркас в положенном по протоколу дипломатическом летучем автобусе, слушал болтовню девушек и обозревал окрестности. Сиденье было рассчитано на двоих; сидя втроем, они очаровательно сближались. Майк обнимал девушек за плечи, смотрел, слушал и был счастлив больше, чем в воде.

Майк впервые видел земную цивилизацию. Сходя с «Чемпиона», он был не в состоянии что-либо увидеть; из окна такси по дороге из Бетесды он мало успел рассмотреть и ни во что не сумел вникнуть. В последующие десять дней его мир был ограничен забором, внутри которого находились дом Харшоу, бассейн, розы, трава, деревья.

За эти десять дней Майк поумнел: он уже узнавал окна. Он понял, что прозрачные стены сделаны специально для того, чтобы сквозь них смотреть. Он догадался, что нагромождения диковинных предметов — это города. Девушки помогли ему сориентироваться по движущейся карте, приветливо поблескивавшей на специальном пульте. Майк лишь недавно узнал, что люди тоже пользуются картами; тогда ему впервые захотелось домой. Та первая карта была неподвижной и мертвой по сравнению с картами, которые Майк видел дома, но тем не менее она ему понравилась. Пусть она была несовершенной по исполнению, но сама идея была марсианской. Они пролетели почти двести миль, и каждый дюйм этого пути Майк пытался впитать и полюбить. Он был поражен величиной человеческих городов и их кипучей жизнью, совершенно не похожей на жизнь его народа. Майк удивился, что города не вымирают. Разве под силу кому-нибудь, кроме Старших Братьев, созерцать такие массы событий и вникать в такие толщи настроений? Дома ему приходилось бывать в брошенных городах, это было потрясающе, но учителя ему это очень быстро запретили, так как вникли, что он еще не созрел для таких переживаний.

Задав несколько вопросов Джилл и Доркас, Майк определил возраст города, в который они приехали: чуть больше двух земных столетий. Земные единицы измерения времени не имели для Майка физического смысла, поэтому он перевел полученное число в марсианские и вышло сто восемь марсианских лет.

Невероятно! Этот город давно пора оставить, иначе он умрет, не выдержав напряжения мыслей и эмоций своих жителей. А по годам он всего лишь яйцо!

Майк подумал, что обязательно вернется в Вашингтон через сто лет, к тому времени люди уже должны уйти из города. Он будет бродить по его пустынным улицам, вслушиваться и вникать в его бесконечную красоту и боль. Если к тому времени Майк будет достаточно взрослым и сильным, он растворится в этом городе, сольется с ним.

Водитель свернул на восток, и Майк увидел море. Джилл сказала, что это вода. Доркас уточнила, что это Атлантический океан, и показала на карте береговую линию. Еще дома Майку сказали, что на третьей от Солнца планете очень много воды, планета почти вся покрыта влагой жизни, а народ этой планеты относится к своему богатству чрезвычайно небрежно. На Марсе даже церемония братания обходилась без воды. Вода служила символом бытия, прекрасным, и чаще всего недоступным.

Сейчас Майк понял, что знать теоретически и видеть воочию — не одно и то же. При виде Атлантического океана он преисполнился благоговейного ужаса, и Джилл пришлось приструнить его:

— Майк, возьми себя в руки!

Майк подавил волнение и попытался подсчитать, сколько в океане воды, но запутался в цифрах.

Когда они приземлились, Джубал предупредил:

— Девочки, вы помните свои обязанности? Вы должны окружить Майка и вовремя наступать каблуками на слишком ретивые ноги и толкать локтями слишком ретивые животы. Энн, тебя это тоже касается, хоть ты и Свидетель. Может быть, ты скажешь, что Свидетель не имеет права наступать людям на ноги в толпе?

— Босс, вокруг Свидетеля никто не толпится, но я все же надела туфли с острыми каблуками, а вес у меня от природы внушительный.

— О'кей. Дюк, пусть Ларри поскорей за нами приезжает.

— Понял, босс. Не волнуйтесь.

— Я имею право волноваться, когда захочу. Пойдемте.

Харшоу, вслед за ним Кэкстон, затем Майк в окружении женщин вышли из автобуса, который сразу же поднялся в воздух. На посадочной площадке было много народу. Навстречу делегации поспешил человек.

— Вы доктор Харшоу? — вежливо осведомился он.— Я Том Брэдли, старший адъютант Генерального Секре-

таря. Вас приглашают в апартаменты мистера Дугласа. Он хочет побеседовать с вами до начала официальных переговоров.

— Нет.

— Вы не поняли,— удивленно заморгал Брэдли.— Вас приглашает сам Генеральный Секретарь. Он сказал, что вы можете взять с собой мистера Смита — Человека с Марса.

— Нет. Мы идем прямо в конференц-зал. Пусть нас проводят. А вам я дам поручение. Мириам, письмо!

— Но, доктор Харшоу...

— Я сказал: нет. Будьте добры, отнесите это Генеральному Секретарю и сразу же доставьте мне ответ,— Харшоу расписался в конверте, который ему подала Мириам, поверх подписи поставил отпечаток большого пальца и вручил конверт Брэдли.— Передайте Генеральному Секретарю, что я прошу его прочитать письмо немедленно — пока не начались переговоры.

– Генеральный Секретарь желает...

— Генеральный Секретарь желает прочитать мое письмо. Молодой человек, я провидец. Обещаю вам, что вы потеряете место, если будете сейчас терять время.

Брэдли сказал:

— Джим, проводи,— и ушел, унося письмо.

Джубал вздохнул. Над этим письмом пришлось попотеть. Они с Энн написали чуть не десяток черновиков. Харшоу хотел, чтобы переговоры завершились подписанием честного соглашения, но не хотел, чтобы это явилось для Дугласа неожиданностью.

В молодом человеке, которому велено было их проводить, Джубал сразу распознал великого мастера держать нос по ветру; такие мастера есть в свите любого правителя. Молодой человек с улыбкой представился:

— Меня зовут Джим Сэнфорт, доктор. Я выполняю обязанности пресс-секретаря при мистере Дугласе. Во время переговоров я буду сопровождать вас — устраивать пресс-конференции и все такое прочее. Вынужден вас огорчить: мы еще не готовы к переговорам; в самую последнюю минуту мы решили перенести их в более просторное помещение. Я думаю...

— Я думаю, что нам следует пройти именно в это помещение.

— Доктор, вы не поняли. Там сейчас устанавливают аппаратуру, тянут провода, там полно репортеров.

— Очень хорошо. Мы с ними поговорим.

— Доктор, это невозможно. Я получил распоряжения...

— Юноша, можете их смело забыть. Мы прибыли сюда с единственной целью — участвовать в открытых переговорах. Если вы еще их не подготовили, мы поговорим с представителями прессы в конференц-зале.

— Позвольте...

— Не держите Человека с Марса на ветру,— Харшоу повысил голос.— Здесь есть кто-нибудь, у кого хватило бы ума пригласить нас в помещение?

— Пойдемте, доктор,— сдался Сэнфорт.

В конференц-зале кишмя кишели репортеры и технический персонал, но в центре уже стоял большой овальный стол, были стулья и столы поменьше. Майка сразу же заметили; попытки Сэнфорта сдержать толпу оказались тщетными. Тут кстати пришлись женщины: они благополучно эскортировали Майка к столу. Джубал усадил его за стол, по бокам сели Доркас и Джилл, за спиной Майка — Беспристрастный Свидетель и Мириам. Харшоу не стал отгораживаться от объективов и вопросов. Он заранее предупредил Майка, что люди будут делать странные вещи, но не нужно их за это выбрасывать, если Джилл не даст такого распоряжения.

Смиту было не по себе в такой суматохе, но Джилл взяла его за руку и ему стало легче.

Харшоу было на руку, что его снимают: чем больше, тем лучше; что до вопросов, то Джубал их не боялся. За неделю общения с Майком он понял, что без квалифицированной помощи ни один репортер не вытащит из парня и слова толкового. Репортеры не были готовы к тому, что Майк понимает все буквально и отвечает только на вопросы, заданные в явной форме, поэтому они ничего от него не услышали, кроме «Не знаю» и «Прошу прощения?».

Корреспондент агентства Рейтер предчувствовал драку за наследство и решил первым проверить правоспособность Майка. Он спросил:

— Мистер Смит, что вы знаете о законах наследования?

Майк до сих пор не мог вникнуть в человеческие идеи собственности, а особенно завещания и наследования — он знал за собой такую слабость. Поэтому он обратился к книге, которую прочел в библиотеке Джубала.

Майк стал пересказывать трактат о наследовании и

завещаниях, страницу за страницей, с точностью до запятой, совершенно бесстрастным голосом. Корреспондент разинул рот. Постепенно в зале воцарилась тишина.

Джубал не останавливал Майка, пока тот не сообщил всем присутствующим, что такое вдовья часть наследства и пожизненные права вдовца на имущество жены, кровное и единоутробное родство и наследование равными долями.

Наконец Харшоу сказал:

— Достаточно, Майк.

— Это еще не все,— удивленно взглянул на него Майк.

— Позже закончишь. У кого-нибудь есть вопросы на другую тему?

Выскочил корреспондент «Лондон Санди Пейпер»:

— Мистер Смит, мы слышали, вам нравятся девушки. Вы когда-нибудь целовались с девушкой?

— Да.

— Вам понравилось?

— Да.

— А что именно вам понравилось?

Майк объяснил:

— Целовать девушек очень приятно. Это как карты: попробуешь — не остановишься.

Майк испугался, когда загремели аплодисменты. Однако он увидел, что Доркас и Джилл не боятся, а изо всех сил стараются сдержать то шумное проявление удовольствия, которому он так и не научился. Майк преодолел страх и стал ждать, пока шум стихнет.

От дальнейших вопросов Майка избавило появление в толпе знакомого лица.

— Брат мой доктор Махмуд! — воскликнул Майк и от волнения перешел на марсианский.

Махмуд, переводчик с «Чемпиона», помахал Майку рукой, улыбнулся и поспешил к нему, произнося что-то по-марсиански. Они продолжали говорить на непонятном для окружающих языке. Майк — стремительно, Махмуд — помедленнее. Слушателям казалось, что носорог бодает металлический забор.

Репортеры некоторое время терпели, те, у кого был магнитофон, записывали, потом кто-то не выдержал:

— Доктор Махмуд, о чем вы говорите?

Махмуд ответил на оксфордском английском:

— В основном, я говорю — «Тише, мой мальчик, пожалуйста, тише».

— А что *он* говорит?

— О, это личное, и вам будет не интересно. Мы старые друзья, и просто здороваемся,— и продолжал болтать по-марсиански.

Майк рассказал брату о том, что произошло за время их разлуки: разделенное знание сближает братьев. События последних дней Майк воспринял по-марсиански, и рассказывать ему было не о чем, кроме, как о новых братьях: о нежности Джилл и глубине Энн, о том, что он никак не мог вникнуть в Джубала: сегодня он Старший Брат, завтра — яйцо, но на самом деле ни то, ни другое.

Махмуду и вовсе нечего было рассказать о себе (с марсианской точки зрения): обильное возлияние в честь Диониса, которым вряд ли стоит хвастаться, да день в мечети, который Махмуд пролежал ничком на полу и в смысл которого еще не вник. Новых братьев он за это время не приобрел.

Наконец Махмуд остановил Майка и протянул руку Харшоу.

— Вы доктор Харшоу? Майк рассказал мне о вас, а по марсианским правилам это равносильно представлению.

Пожимая Махмуду руку, Харшоу оглядел его. Этакий лощеный британец, одетый со скромностью миллионера. Смуглая кожа и нос с горбинкой выдавали левантинское происхождение. Джубалу, который предпочитал натуральную кашу синтетическому мясу, не понравилась такая подделка под джентльмена. А Майк встречает его как друга, значит, он друг, пока не проявил себя как враг.

Махмуду Харшоу показался тем, что называется «янки» — вульгарным, слишком небрежным в одежде, шумным, невежественным и провинциальным. Ко всему этому врач! Доктор Махмуд был другого мнения об американских врачах. Он не встречал среди них культурных людей и хороших специалистов. Узколобые шарлатаны. Махмуд вообще не любил американцев. Какое месиво они сотворили из религий, какая у них кухня (если это можно назвать кухней!), а их манеры, их архитектура (эклектика, доведенная до абсурда), их худосочное искусство! Их слепая наглая вера в превосходство над всем миром, не признающая факта, что их звезда давно закатилась... А женщины! Больше всего Махмуд не любил американских женщин, нескромных,

напористых, тощих — чуть ли не бесполых, которые тем не менее напоминали ему гурий. Четыре гурии сгрудились сейчас возле Майка — это на исключительно мужских переговорах!..

И этих людей, в том числе женщин, Валентайн Майкл с гордостью представляет как своих новых братьев, связывая их с Махмудом более сильными узами, чем человеческое братство. Махмуд наблюдал жизнь марсиан и знал, как передаются и называются такие отношения, ему не нужно было выдумывать неадекватные формулировки вроде «транзитивности» или «величин, равных друг другу вследствие их равенства какой-то третьей». Он видел, что марсиане бедны материально (по земным меркам) и богаты духовно, он вник в значение, которое марсиане придавали межличностным отношениям.

Делать нечего — он пил воду с Валентайном Майклом и должен оправдать его доверие. Может быть, эти янки не совсем деревенщина. Поэтому Махмуд приветливо улыбался.

— Да, да. Валентайн Майкл рассказал мне, очень этим гордясь, что вы все приходитесь ему,— тут он вставил что-то по-марсиански.

— Что?

— Братьями по воде. Вы меня понимаете?

— Да, вникаю.

Махмуд в этом сильно усомнился, но очень вежливо продолжал:

— Поскольку я нахожусь в той же степени родства с ним, прошу считать и меня членом семьи. Вас, доктор, я знаю. Это, надо полагать, мистер Кэкстон. Мистер Кэкстон, я видел вашу фотографию в газете — в вашей колонке. Теперь давайте разберемся с дамами. Это, по-видимому, Энн.

— Да, но она при исполнении обязанностей Свидетеля.

— О, конечно, я засвидетельствую ей почтение после.

Харшоу представил Махмуда остальным. Джилл удивила переводчика, когда обратилась к нему с марсианским приветствием, принятым между братьями по воде. Она произнесла его на три октавы выше, чем это сделал бы марсианин, но без ошибок и без акцента. Это была фраза из того десятка фраз, которые она могла произнести, хотя начала понимать уже около сотни. Приветствие Джилл выучила хорошо, так как слышала и произносила его по нескольку раз на день.

Доктор Махмуд поднял брови: о, эти люди не окончательные варвары, у его юного друга неплохая интуиция. Махмуд поцеловал Джилл руку и произнес ответное приветствие.

Джилл видела, что Майк в восторге оттого, что ей удалось прокаркать самую короткую из девяти формул, которой брат может приветствовать брата. Она не понимала всего смысла этой фразы, а если бы понимала, то никогда не сказала бы ее мужчине, которого видит впервые.

Махмуд воспринял истинное — марсианское — значение фразы и должным образом ответил. Джилл не поняла: ответ был за пределами ее познаний.

Но к ней пришло вдохновение. На столе стояли графины, каждый с выводком стаканов. Джилл схватила стакан, налила в него воды из графина и сказала, глядя Махмуду в глаза:

— Выпей. Наше гнездо всегда твое,— она коснулась воды губами и протянула стакан Махмуду.

Он ответил по-марсиански, увидел, что она не понимает, и перевел:

— Кто разделяет воду, разделяет все.

Махмуд отпил глоток и хотел вернуть стакан Джилл, потом спохватился и протянул его Харшоу. Джубал сказал:

— Я не умею говорить по-марсиански, сынок, но спасибо тебе за воду. Пусть тебе никогда не придется испытать жажду,— он выпил треть стакана и передал его Бену.

Кэкстон взглянул Махмуду в глаза и произнес:

— Пусть влага жизни сблизит нас,— пригубил воду и вручил стакан Доркас.

Доркас колебалась, хотя церемония была ей не в новинку. Наконец она спросила:

— Доктор Махмуд, вы понимаете, насколько серьезно это для Майка?

— Понимаю, мисс.

— Это также серьезно и для нас. Вы понимаете? Вникаете?

— Полностью вникаю... иначе не стал бы пить.

— Ну что ж, пусть твоя вода всегда будет глубокой. Пусть наши яйца живут в одном гнезде,— по щекам ее побежали слезы, она сделала глоток и поспешно отдала стакан Мириам.

Та прошептала:

— Возьми себя в руки, девочка!

Вслух, обращаясь к Майку, Мириам произнесла:

— Мы рады новому брату.

И Махмуду:

— Гнездо, вода, жизнь. Ты наш брат,— и вернула ему стакан.

Махмуд допил и сказал по-арабски:

— Если ты участвуешь в их делах, они твои братья.

— Аминь! — подытожил Джубал.

Махмуд бросил на него быстрый взгляд, но не решился спросить, понимает ли Харшоу арабский. Не время и не место раскрывать душу. И все же на сердце потеплело, как всегда после братания через воду, хотя это и еретический обряд.

Появился запыхавшийся помощник церемониймейстера.

— Вы доктор Махмуд? Пойдемте со мной, доктор, вы должны сидеть на противоположной стороне.

Махмуд улыбнулся:

— Нет, я уже принадлежу к этой стороне. Доркас, можно я сяду между вами и Валентайном Майклом?

— Разумеется, доктор. Я подвинусь.

Помощник церемониймейстера нервничал.

— Доктор Махмуд, я вас прошу! По протоколу вы должны сидеть по другую сторону стола. Сейчас придет Генеральный Секретарь, кроме того, здесь полно репортеров и Бог знает кого еще! Я просто не знаю, что делать.

— Значит, ничего не делайте,— посоветовал Харшоу.

— Что? Да кто вы такой? Вы хоть в списке значитесь? — он зашуршал бумагами.

— А вы кто такой? — возмутился Харшоу.— Метрдотель? Я Джубал Харшоу, если меня в вашем списке нет, можете его порвать. Слушайте, любезный, Человек с Марса хочет, чтобы доктор Махмуд сидел с ним. Вам этого мало?

— Он не должен здесь сидеть! Все места распределены согласно должностям и званиям. Я не могу никого пересадить. Доктор Махмуд должен сидеть даже не за столом, а позади Генерального Секретаря и переводить ему. Вы ведь не сможете переводить.

— Я могу оказать помощь другого рода,— Джубал выхватил из рук чиновника бумагу.— Давайте посмот-

рим. Человек с Марса сядет напротив Генерального Секретаря. Вот здесь,— тут Джубал взял карандаш.— Эта половина стола наша — от сих до сих,— он провел толстую линию и стал зачеркивать имена участников, которым предназначались отчеркнутые места.— Я сделал за вас половину работы. Занимайтесь своей стороной, а на своей я сам всех рассажу.

Чиновник лишился дара речи. Он произносил какие-то нечленораздельные звуки. Джубал доброжелательно смотрел на него.

— Что-то не так? Ах, да! Совсем забыл! — и подписал свои художества: «От имени В. М. Смита — Дж. Харшоу».

— Беги к своему командиру, сынок, покажи ему это и скажи, пусть внимательно читает правила организации официальных приемов для гостей с других планет.

Чиновник так и ушел с открытым ртом. Он вернулся в сопровождении более высокого чина. Последний веско сказал:

— Доктор Харшоу, я старший церемониймейстер Ларю. Вам действительно нужна половина стола? Мне казалось, что ваша делегация не так многочисленна.

— Это никого не касается.

— Посмею возразить: это касается меня. Мне негде рассаживать участников. Должны присутствовать почти все высшие государственные деятели. Если с вашей стороны будет кто-то еще — хотя вы об этом не предупреждали,— я распоряжусь поставить еще один стол позади вас и мистера Смита.

— Нет.

— Прошу прощения, боюсь, что да.

— Боюсь, что просить прощения придется мне. Если Марсу не предоставят половину главного стола, мы уходим. Доложите Генеральному Секретарю, что вы сорвали переговоры, проявив неуважение к Человеку с Марса.

— Простите, мне это не послышалось?

— Отнюдь.

— Оригинальная шутка.

— Мне не до шуток, сынок. Смит либо правитель другой планеты, прибывший с официальным визитом к правителю нашей планеты и получающий все положенные почести, либо он просто турист и таковых не получает. Как хотите. Оглянитесь, посчитайте государ-

ственных деятелей высшего уровня, разве все они явились бы на прием к туристу?

Ларю пробормотал:

— В истории не было прецедента...

— Вот вошел глава делегации Республики Луна. Попробуйте сказать ему, что в истории не было прецедента. Не забудьте пригнуться: у него вспыльчивый характер и молниеносный хук. Сынок, я старый человек, я плохо сплю и не мне учить тебя твоему делу. Передай мистеру Дугласу, что мы поговорим с ним в другой раз, когда он будет готов оказать нам достойный прием. Пойдем, Майк.— Харшоу стал выбираться из-за стола.

— Что вы, что вы, доктор,— поспешно остановил его Ларю,— мы сейчас освободим вашу половину. Я что-нибудь придумаю.

— Так-то лучше,— все не садился Харшоу.— А где марсианский флаг? И как насчет почестей?

— Боюсь, что я вас не понял.

— На каком языке мне с вами разговаривать? Смотрите: за спиной Генерального Секретаря поставили Знамя Федерации. Почему на нашей стороне ничего нет?

Ларю заморгал.

— Должен признаться, вы меня захватили врасплох. Я не знал, что у Марса есть флаг.

— У Марса действительно нет флага. Но есть же у планеты какой-то другой символ государственности. («Что у них там есть, я сам не знаю, но к делу это не относится».) Я облегчу вам работу. Мириам, лист бумаги,— Харшоу начертил прямоугольник, внутри — традиционное изображение Марса — кружок со стрелкой, направленной в правый верхний угол.— Фон сделайте белым, изображение Марса — красным. По-хорошему это следовало бы вышить шелком по шелку, но за недостатком времени сделайте это скаутским методом: краской по простыне. Вы были скаутом?

— Да, очень давно.

— Отлично, значит вы знаете девиз скаутов. Как же насчет почестей? Вы будете играть гимн, когда войдет Секретарь?

— Конечно.

— Тогда следом за гимном вы должны сыграть что-нибудь в честь Марса.

— Что же? Даже если у марсиан есть гимн, мы его не знаем. Не требуйте невозможного, доктор Харшоу!

— Я никогда этим не занимался, сынок. Мы пришли на скромную конференцию, которую вы превратили в балаган. А в балагане должны быть клоуны и слоны. Я понимаю, что вы не умеете играть марсианскую музыку. Значит, сыграйте что-нибудь на космическую тему, например, «Симфонию девяти планет». Возьмите оттуда тему Марса. Можете не полностью, достаточно того, чтобы присутствующие узнали, какое произведение звучит.

Ларю задумался.

— Пожалуй, это возможно. Но, доктор, могу ли я позволить себе такую импровизацию в ночестях правителю? Я боюсь, что у меня нет на это полномочий.

— И смелости,— горько заключил Харшоу.— Что ж, нам не нужен балаган. Передайте мистеру Дугласу, что мы придем, когда он не будет так занят. Мне было приятно с тобой побеседовать, сынок. Буду рад поговорить с тобой в следующий раз, если тебя к тому времени не уволят.— Харшоу опять стал выбираться из-за стола, делая вид, что он настолько стар и слаб, что не может встать со стула.

— Доктор, не уходите, пожалуйста,— взмолился Ларю.— Генеральный Секретарь не придет, пока я не сообщу ему, что все готово. Пожалуйста, подождите, пока я все устрою. Ладно?

— Ладно,— проворчал Харшоу.— И последнее, пока вы здесь. Я краем уха слыхал, что астронавты с «Чемпиона» хотят присутствовать на конференции. Они друзья Смита, поэтому пропустите их, пожалуйста. На нашей половине достаточно места, чтобы их посадить. Харшоу вздохнул и потер поясницу.

— Хорошо, сэр,— неохотно согласился Ларю и ушел.

Мириам прошептала:

— Босс, уж не стойками ли на руках вы повредили себе спину?

— Замолчи, девчонка, не то побью!

Джубал с удовлетворением оглядывал зал, в котором все прибывало высокопоставленных особ. Он специально сказал Дугласу, что «хотел бы провести спокойную беседу в неофициальной обстановке». Он знал, что на это заявление, как мухи на сладкое, слетятся власть имущие и жаждущие власти. Теперь (Джубал был уверен) все эти набобы будут смотреть на Майка как на правителя суверенной державы и ловить каждое его

слово. А после этого пусть они попробуют усомниться в его правах!

Тем временем Сэмфорт пытался выгнать репортеров, а несчастный помощник церемониймейстера бегал, как клуша, которая не может сосчитать цыплят. Народу в зале становилось все больше, и Джубал решил, что Генерального Секретаря ждать раньше одиннадцати часов не стоит. Очевидно, в течение этого часа Генеральный Секретарь хотел провести предварительную встречу, от которой Харшоу отказался. Впрочем, задержка была на руку Джубалу.

Вышел лидер Восточной Коалиции. Сегодня мистер Кунг не возглавлял свою делегацию; согласно протоколу, он являлся ее рядовым членом, но Джубал не удивился, увидев, что помощник церемониймейстера все бросил и поспешил усадить политического противника Дугласа на соседнее с оставленным для Генерального Секретаря место. Джубал укрепился во мнении, что Дуглас не дурак.

Вошли Нельсон и ван Тромп с «Чемпиона». Майк захлебывался восторгом. Джубал обрадовался, что парень повел себя естественно и не сидит перед камерами, как чучело. Харшоу использовал замешательство, чтобы пересадить членов своей делегации. Он посадил Майка напротив стула Генерального Секретаря, а сам сел слева от Майка, чтобы подсказывать ему, что делать. Поскольку у Смита были весьма туманные представления о том, как вести себя в обществе, Джубал договорился с ним об условных сигналах, вроде тех, которые подают лошадям. Правда, Майк был умнее, чем лошадь, и выучил все сигналы за пять минут.

Махмуд отошел от товарищей по экипажу и обратился к Харшоу:

— Доктор, капитан и доктор Нельсон также приходятся братьями нашему брату. Валентайн Майкл хотел закрепить наше братство исполнением ритуала. Я попросил его подождать. Вы согласны?

— Конечно. Не здесь же распивать воду,— «Черт, сколько у Майка братьев?» — Может, после конференции поедем ко мне? Перекусим, поговорим?

— Вы оказали мне честь, спасибо. Я думаю, капитан и доктор не откажутся от вашего предложения.

— Превосходно. Доктор Махмуд, вы не знаете, есть ли у Майка еще братья?

— Не знаю. Во всяком случае, на «Чемпионе» у него больше нет братьев,— Махмуд решил воздержаться от встречного вопроса.— Пойду, передам ваше приглашение Свену и Старику.

Вошел папский нунций, его усадили за главный стол. Да, в официальности переговоров сомневаться не приходится.

Кто-то похлопал Харшоу по плечу.

— Здесь заседает Человек с Марса?

— Да,— подтвердил Джубал.

— Я Том Бун, то есть сенатор Бун. У меня послание к нему от Верховного Епископа Дигби.

Джубал включил мозги на аварийную скорость.

— Меня зовут Джубал Харшоу, сенатор,— он сделал Майку знак встать и подать сенатору руку.— Познакомьтесь, это мистер Смит. Майк, это сенатор Бун.

— Здравствуйте, сенатор Бун,— сказал Майк, как на уроке хороших манер.

Он взглянул на сенатора с интересом. Смит уже выяснил, что «сенатор» не значит «Старший Брат», хотя общее в этих словах есть; тем не менее ему любопытно было посмотреть на сенатора. Майк не увидел в сенаторе ничего особенного.

— Здравствуйте, мистер Смит, я не отниму у вас много времени, тем более, что переговоры, кажется, уже начинаются. Мистер Смит, Верховный Епископ Дигби поручил мне пригласить вас на отправление религиозной службы в молельню Архангела Фостера.

— Прошу прощения?

— Сенатор, Человеку с Марса многое на Земле незнакомо,— вмешался Джубал.— Однако мистеру Смиту случилось посмотреть вашу передачу по стереовидению.

— Это не то.

— Я знаю. Он заинтересовался и задал мне много вопросов, а я не на все сумел ответить.

Сенатор благожелательно посмотрел на Харшоу.

— Вы не разделяете нашу веру?

— Должен признаться, нет.

— Присоединяйтесь к нам. Не лишайте себя шанса очиститься от греха.

— Спасибо, с радостью. (Еще бы! Так я и пустил к вам Майка одного!)

— Приходите в следующее воскресенье. Я предупрежу Епископа Дигби.

— Мы придем, если к тому времени нас не посадят в тюрьму.

Бун усмехнулся.

— А вы сообщите мне или Верховному Епископу, и вас быстренько отпустят,— он огляделся.— Здесь, кажется, не хватает стульев. Простому сенатору и приткнуться негде.

— Окажите честь, сенатор, сядьте на нашей стороне,— предложил Джубал.

— Спасибо, сэр. Не возражаете, если я займу этот стул?

— Конечно, нет. Но лучше не садитесь, если боитесь себя этим скомпрометировать. Я не хочу ставить вас в неловкое положение.

— Что вы! — Бун не испытывал неловкости.— Между нами, Епископ проявил большой интерес к этому молодому человеку.

— Отлично. Садитесь. Рядом с вами сидит капитан ван Тромп; вы, наверное, его знаете.

— Ван Тромп? Конечно, старый знакомый,— сенатор Бун кивнул Смиту и прошел на свое место.

Новые гости входили все реже. Вспыхнула ссора из-за места. Джубал, чем дальше смотрел, тем больше нервничал. Наконец он не вытерпел и решил прекратить безобразие. Харшоу переговорил с Майком, убедился, что тот понял, что от него требуется, хотя не понял, зачем.

— Спасибо, сынок,— сказал Джубал и встал.

Он приблизился к участникам ссоры, которых было трое: помощник церемониймейстера, глава уругвайской делегации и какой-то растерянный человек. Уругваец говорил:

— ...посадить его, вы должны найти место для лидеров государств — членов Федерации. Мы равноправные члены Федерации, и ни одно государство не должно иметь преимуществ перед другим. Если же делаются исключения...

Джубал прервал его тираду, обратившись к третьему:

— Сэр,— он сделал паузу, чтобы привлечь внимание.— Человек с Марса поручил мне просить вас об одолжении. Будьте любезны, сядьте на нашей стороне стола, если ваше присутствие не требуется в другом месте.

Человек сначала испугался, потом широко улыбнулся:

— Спасибо, меня это вполне устраивает.

Помощник церемониймейстера и уругваец запроте-

стовали, но Джубал не стал их слушать. Отвернувшись от них, он сказал:

— Давайте поторопимся, сэр, переговоры вот-вот начнутся.

В зал уже внесли подставку, как под рождественскую елку, и затрапезную скатерть, испачканную красным,— очевидно, марсианский флаг. Майк поднялся навстречу Джубалу и гостю. Джубал сказал:

— Сэр, позвольте представить вам Валентайна Майкла Смита. Майкл, познакомься с президентом Соединенных Штатов.

Майк низко поклонился. Президента посадили справа от Майка, сзади водрузили импровизированный флаг. Зазвучала музыка, все встали. Раздался голос:

— Генеральный Секретарь!

Глава 20

Сначала Джубал решил, что Майк может не вставать, когда войдет Дуглас, но потом передумал. Ему не нужно было ставить Майка выше Дугласа, он хотел доказать, что происходит встреча равных. Поэтому, когда все встали, Харшоу сделал и Майку знак встать. С первыми звуками гимна открылись огромные двери в дальней стене и вошел Дуглас. Он подошел к своему месту и собрался сесть.

Джубал тут же сделал Майку знак сесть, и вышло так, что Майк и Генеральный Секретарь сели одновременно, а после почтительной паузы сели остальные. Джубал затаил дыхание. Неужели Ларю не сделал? Правда, он не обещал твердо.

Раздались звуки «Симфонии...»; звучала тема Марса — бога войны, впечатляющая даже для осведомленной публики. Глядя Дугласу в глаза, Джубал встал, как солдат по стойке смирно. Поднялся и Дуглас, не очень охотно, но быстро.

Майк не встал: Джубал не дал ему сигнала. Он сидел, нисколько не смущаясь тем, что все опять вскочили, когда поднялся Генеральный Секретарь. Майк ничего не понимал и добросовестно выполнял то, чего от него хотел брат по воде.

А Джубал, заказав музыку в честь Марса, долго думал, поднимать ли Майка, если заказ выполнят. Ответ зависел от роли Майка в этой комедии.

Музыка стихла. По знакам Джубала Майк встал, быстро поклонился и сел, почти одновременно со всеми. Все постарались сесть побыстрее, так как заметили, что Майк во время исполнения «Симфонии...» сидел.

Джубал с облегчением вздохнул: отделался! В молодости ему довелось увидеть, как одна из последних на Земле августейших особ принимала парад. Он заметил, что после исполнения гимна королева поклонилась, то есть выразила признательность за почтение, оказанное ее монаршему величеству.

А правитель демократического государства пусть стоит во время исполнения своего гимна — не такая он важная птица.

Третьего не дано, как справедливо заметил Джубал. Либо Майк частное лицо, и тогда эта камарилья не собралась бы вовсе; либо, по аналогии с делом Ларкина, парень является монархом. Джубал оглядывался: ага, папский нунций понял, в чем дело — лицо серьезное, а глаза смеются.

Дуглас заговорил:

— Мистер Смит, вы оказали нам честь и подарили радость, став нашим гостем. Мы надеемся, что на Земле вы будете чувствовать себя как дома, поскольку ваша родная планета Марс, наш сосед, наш добрый сосед...— и полились круглые фразы, из которых невозможно было понять, кого приветствовал Дуглас: монарха, туриста или путешественника, вернувшегося домой.

Джубал вглядывался в Дугласа, стараясь понять, читал ли тот его письмо. Но Дуглас на Харшоу не смотрел. Он закончил речь, как всегда: говорил-говорил, а ничего не сказал.

— Ну, Майк, давай,— скомандовал Джубал.

Майк заговорил по-марсиански, потом перешел на английский, произнес: «Господин Генеральный Секретарь Федерации Свободных Наций планеты Земля» — и снова по-марсиански.

По-английски: «Мы благодарны вам за гостеприимство. Мы передадим Старшим Братьям на Марс добрые пожелания от вас».

Дальше опять по-марсиански.

Идею макаронической речи подала Джилл. Эта идея себя оправдала: скучная протокольная речь превратилась в произведение искусства сродни операм Вагнера.

Для Майка не имело значения, на каком языке говорить.

Он без труда выучил бы речь и по-английски. Майк был счастлив, когда ему удавалось сделать приятное братьям.

Кто-то коснулся плеча Харшоу, сунул ему конверт и шепнул:

— От Генерального Секретаря.

Джубал поднял глаза, увидел Брэдли, тот поспешил уйти. Джубал открыл конверт, заглянул внутрь. Там была записка из одного слова ДА, подписанная Дж. Э. Д.

Харшоу поднял голову, встретился глазами с Дугласом. Харшоу кивнул, и Дуглас тотчас отвернулся. Конференция была окончена: осталось лишь оповестить о ней мир.

Майк дочитывал речь. Джубал услышал:

— ...сблизиться, получив от этого обоюдную выгоду... согласно природе и характеру каждого народа...

Дуглас коротко, но тепло поблагодарил Человека с Марса. Джубал поднялся.

— Господин Генеральный Секретарь...

— Слушаю, доктор Харшоу.

— Мистер Смит выступает перед нами в двух ролях. С одной стороны, он монарх другой планеты, преодолевший бесконечные просторы космоса, чтобы принести нам привет и добрые пожелания своего народа. С другой стороны, он человек и гражданин Соединенных Штатов Америки и Федерации, что дает ему определенные права и налагает на него определенные обязанности, и нелегкие. Будучи адвокатом мистера Смита как человека и гражданина, я долго думал о его делах и, несмотря на все старания, не сумел составить полный перечень его имущества. Не знаю, как быть с налогами,— Джубал остановился и долго сморкался.— Я старый человек и боюсь, что не успею закончить порученное мне дело. Вы должны понимать, что мой клиент плохо разбирается в делах такого рода: на Марсе они решаются по-другому. Но он очень способный молодой человек, его родители были гениями, и я надеюсь, их гены проявятся. Я не сомневаюсь, что через несколько лет молодой человек разберется со своим наследством самостоятельно, без помощи дряхлого адвоката. Но, к сожалению, дела не ждут. А мистер Смит с большей охотой изучает историю, культуру и искусство нашей планеты, ставшей ему вторым домом, чем наши законы. И я считаю, что он сделал правильный выбор. Мистер Смит от природы

наделен мудростью, которая удивляет всех, кто с ним знакомится, и продолжает удивлять меня. Когда я поделился с ним своими опасениями, он посмотрел на меня ясным взглядом и сказал: «Не мучайся, Джубал, спроси у мистера Дугласа».— Джубал выдержал паузу и с волнением в голосе попросил.— Я хотел бы обсудить с вами некое частное дело. Давайте поговорим наедине, а дам и господ отпустим по домам!

— Выкладывайте свое дело, доктор Харшоу,— ответил Дуглас,— оставим протокольные формальности. Кто хочет, может уйти.

Никто не ушел.

— Ну что ж,— сказал Джубал,— я изложу все в двух словах. Мистер Смит хотел бы назначить вас своим адвокатом, с полным правом распоряжаться всеми делами.— Дуглас, казалось, был поражен.

— Это слишком большая ответственность, доктор!

— Я знаю, сэр. Я говорил мистеру Смиту, что вы самый занятой человек на нашей планете и у вас не будет времени заниматься его делами,— Джубал покачал головой и улыбнулся,— но мои слова не произвели на него никакого впечатления. На Марсе от человека тем больше требуют, чем больше он занят. Мистер Смит сказал: «Давай попросим его» — и вот, я вас прошу. Разумеется, мы не требуем немедленного ответа: у марсиан так не принято. Они никогда не спешат и никогда не усложняют дело. Мы обойдемся без ревизии и долговых обязательств, просто подпишем назначение. Майклу даже этого не нужно, он готов доверить вам свое имущество сию минуту под честное слово. Это в характере марсиан. Если марсианин доверяет вам, то доверяет во всем. Да, я не сказал главного: мистер Смит обращается с просьбой не к Генеральному Секретарю, а к Джозефу Эджертону Дугласу, к вам лично. Если вы уйдете с государственной службы, вы все равно останетесь адвокатом мистера Смита. Ваш преемник на государственном посту не сможет вмешаться в дела мистера Смита, поскольку это право доверено лично вам, а не человеку, занимающему Октагон.

— Я еще не дал ответа, но я благодарен за оказанное доверие,— кивнул Дуглас.

— Если вы откажетесь от обязанностей адвоката мистера Смита сейчас или в дальнейшем, эти обязанности будут переданы Бенджамину Кэкстону. Встань, Бен,

пусть тебя увидят. Если ни вы, ни мистер Кэкстон не захотите или не сможете взять на себя указанные обязанности, они будут переданы... кому, мы сообщим в случае необходимости. Главное, пусть будет ясно, что всегда найдется замена. Где проект? — Джубал, казалось, растерялся.— Я не привык говорить без опоры на документы. Мириам, где записи?

Джубал взял из рук Мириам лист бумаги.

— Дай-ка мне остальные документы,— Мириам передала ему толстую пачку.

— Вот пакет документов, которые мы заготовили для вас, сэр, или для Кэкстона — словом, для того, кто согласится стать адвокатом мистера Смита. Здесь право на получение вознаграждения за работу. Сумма определяется самим поверенным, установлен весьма значительный нижний предел, впрочем, разглашать это не стоит. Далее, право помещать доходы в банк... Впрочем, мистер Смит не хотел связывать вас строгими инструкциями. Ваши права не ограничиваются ничем и в любой момент могут быть вами сложены, как, впрочем, и отозваны у вас. Читать все это я не хочу, потому и записал,— Джубал с рассеянным видом посмотрел по сторонам.— Мириам, будь умницей, отнеси документы Генеральному Секретарю. А эти экземпляры останутся у нас. Они еще могут понадобиться. Один экземпляр Бену. Кажется, все... Господин Секретарь, вы не хотите ничего нам сказать?

— Несколько слов. Мистер Смит!

— Слушаю вас, мистер Дуглас.

— Вы действительно этого хотите? Вы в самом деле хотите, чтобы я выполнил то, что написано в этих бумагах?

Джубал затаил дыхание. Он боялся взглянуть на своего клиента. Майка готовили к такому вопросу, но нельзя было предугадать, как именно будет сформулирован вопрос и как его истолкует Майк.

— Да, мистер Дуглас,— раздался голос Майка, на всю планету.

— Вы поручаете мне вести ваши дела?

— Да, мистер Дуглас, пожалуйста. Это будет очень хорошо. Спасибо.

— Что ж, все сказано однозначно. Доктор, я обещаю подумать и в ближайшее время дать вам ответ.

— Спасибо, сэр, от меня и от моего клиента.

Дуглас встал, чтобы уйти, но в этот момент раздался голос Кунга.

— Минутку! А как же дело Ларкина?

Джубал быстро сориентировался.

— Ах да, дело Ларкина. Я слышал о нем не раз, но в основном от некомпетентных людей. Так что же дело Ларкина?

— Я спрашиваю об этом у вас. Или у вашего клиента. Или у Генерального Секретаря.

— Можно мне ответить, господин Секретарь? — спросил Джубал.

— Да, пожалуйста.

— Превосходно,— Джубал вынул из кармана носовой платок и долго трубно сморкался. Потом заговорил, глядя Кунгу в глаза.— Сэр, я обращаюсь к вам лично, потому что нехорошо обращаться к члену правительства в присутствии Генерального Секретаря. Давным-давно, когда я был мальчишкой, я с другим мальчишкой организовал клуб. В каждом клубе должны быть свои правила, и первым правилом, которое мы приняли (единогласно), был уговор называть наших матерей Ворчуньями. Глупо, конечно, но мы тогда были очень молоды... Мистер Кунг, вы понимаете, что я хочу сказать?

— Нет, доктор.

— Я применил наше решение о Ворчуньях всего один раз, чего было достаточно, чтобы мой приятель его уже не применял. Все, что я получил в результате применения решения о Ворчуньях,— это трепка от матери. Решение о Ворчуньях пришлось отменить,— Джубал прокашлялся.— Я предвидел, что кто-нибудь обязательно вспомнит о решении по делу Ларкина, и попытался объяснить моему клиенту суть дела. Он никак не мог взять в толк, как можно владеть Марсом. Ведь Марс населен древним и мудрым народом, который гораздо древнее нашего. Когда же мистер Смит понял, в чем дело, он просто рассмеялся. В детстве я поставил под сомнение право матери наказывать непослушание. Тогда я дешево отделался. А сейчас я не могу позволить, чтобы наша планета оказалась в положении зарвавшегося юнца перед другой планетой. Прежде чем раздавать земли, не принадлежащие нам, следовало бы узнать, какими розгами нас могут угостить марсиане.

Кунг не сдавался.

— Доктор Харшоу, если исходить из того, что решение по делу Ларкина — детский каприз, то на каком основании мистеру Смиту были оказаны почести, которых удостаиваются только монархи?

— Это вопрос к правительству, а не ко мне,— пожал плечами Харшоу,— но я могу высказать свою точку зрения. Эти почести можно расценить как элементарную вежливость по отношению к старейшинам Марса.

— Я вас не понял.

— Мистер Кунг, почести, оказанные мистеру Смиту, не были бездумной данью решению по делу Ларкина. Человеческому разуму трудно это понять, но мистер Смит — сама планета Марс.

— Прошу объяснить подробнее.

— В лице мистера Смита нам нанесли визит старейшины Марса — Старшие Братья. Почести Смиту — почести Старшим Братьям. Оскорбление Смиту — оскорбление Старшим Братьям. Это следует понимать буквально, как это ни трудно человеческому сознанию. Проявление почтения — всегда мудрый поступок, а известное нам решение по делу Ларкина не имеет ничего общего с мудростью. Решение по делу Ларкина применимо к необитаемой планете, и ни один здравомыслящий человек не станет применять его к обитаемой,— Джубал глянул вверх, словно ища поддержки у небесных сил.— Будьте уверены, мистер Кунг: правители Марса видят, как мы встречаем их посланника. Мы поступили верно, почтив их в его лице. Я нахожу, что правительство нашей планеты поступило мудро, не пожалев для мистера Смита королевских почестей. Вы это тоже скоро поймете.

— Доктор,— ответил Кунг,— вы стараетесь меня запугать, но стараетесь напрасно.

— Я не пытаюсь никого запугать. И, к счастью для жителей нашей планеты, ваше мнение на ней не главное,— Харшоу обернулся к Дугласу.— Мне уже давно не приходилось произносить таких длинных речей. Я устал. Нельзя ли сделать перерыв, прежде чем вы объявите нам о своем решении?

Глава 21

Было решено сделать перерыв. Джубал пожалел, что пригласил на свою сторону сенатора Буна и Президента Америки. Оба понимали, что, сидя на марси-

анской стороне стола, привлекли к себе внимание всего мира. К ним начали подходить люди. Джубал предложил:

— Господин Президент, Сенатор! Мы идем завтракать, не желаете ли присоединиться к нам? — Харшоу верно рассудил, что лучше пригласить этих двоих в ресторан, чем отдать себя на растерзание своре политиков и репортеров.

К великому облегчению Харшоу, у обоих были другие дела. Джубал обещал, что приведет Майка и на фостеритскую службу и в Белый дом; подумаешь, всегда можно сделать вид, что парень заболел.

— Девочки, по местам!

Майка повели на крышу. Энн в своем белом плаще, прекрасная и грозная, как Валькирия, шла впереди. Перед ней все расступались. Джубал, Бен и астронавты с «Чемпиона» прикрывали Майка с тыла. На крыше стоял автобус, в котором их ждал Ларри, и через несколько минут они высадились на площадке отеля «Нью Мэйфлауэр». Там к ним подбежали репортеры, но девушки доблестно отбивались, и вскоре делегация спустилась в номер, снятый Дюком. Глядя на Мириам и Доркас, Джубал подумал, что, пожалуй, кошка не защищает котят так яростно. В коридоре стояла охрана, у дверей номера дежурил офицер Особой службы. Джубал возмутился, но тут же смягчился, догадавшись, что таким образом Дуглас выполняет один из пунктов договора, предложенного в письме. Джубал просил его позаботиться о безопасности Майка.

— Джилл! Следи за Майком! Все в порядке! — крикнул Джубал.

— Есть, босс!

Офицер взял под козырек, Джубал обернулся к нему.

— Ба! Привет, майор! Больше не взламываем двери?

Майор Блох покраснел и не ответил. Харшоу подумал, не в наказание ли его сюда поставили. В номере сидел Дюк.

— Садитесь, господа,— пригласил Джубал.— Как дела, Дюк?

— Записывающей аппаратуры я не обнаружил,— пожал плечами Дюк,— но это не значит, что ее здесь нет.

— Да я не об этом, пусть себе слушают. Я о еде. Я голоден и привел троих гостей.

— Ах, вы об этом! Какой вы подозрительный, босс. Продукты выгружали при мне.

— Доживешь до моих лет, будешь еще хуже.

— Не доживу. Надоест.

— Дело вкуса. Мне до сих пор не надоело. Девочки, пошевеливайтесь. Кто первый принесет мне выпить, на один раз освобождается от обязанностей Ближней. Но сначала напоите гостей. Садитесь, госпюда. Свен, какое зелье вы любите? Аквавит? Ларри, сбегай, купи пару бутылочек. И джину для капитана.

— Не нужно, Джубал,— сказал Нельсон,— я с удовольствием выпью скотч.

— Я тоже,— поддержал ван Тромп.

— Этого добра у нас хватит на полк солдат. Доктор Махмуд, если вы предпочитаете более слабые напитки, то мы вас не обидим. У девочек наверняка есть.

Махмуд замялся в нерешительности.

— Да, пожалуй...

— Ну-ка, посмотри на меня,— Джубал заглянул ему в лицо.— Сынок, ты перенервничал. У меня нет брома, придется заменить его девяностопроцентным этиловым спиртом; боюсь, что даже двойной дозой. Можно капнуть туда что-нибудь для запаха.

— Спасибо, доктор,— улыбнулся Махмуд.— Позвольте мне грешить на свой манер. Я пью чистый джин или водку и запиваю водой.

— Не слушайте его, Джубал,— вмешался Нельсон.— Он пьет даже медицинский спирт. Вонючка у нас пьет все подряд, а потом кается.

— Я действительно каюсь,— серьезно сказал Махмуд.— Напиваться грешно.

— Не дразните его, Свен,— попросил Джубал.— Если человеку нравится усугублять свои грехи раскаянием — на здоровье. Каждому свое. Слушай, Вонючка, а как насчет еды? Энн натолкала полную сумку ветчины, наверняка есть что-то еще запрещенное. Мне проверить?

— Не надо, я не ортодокс. Эти запреты устарели. Когда-то они действительно отвечали требованиям времени, но время переменилось.

Джубал вдруг погрустнел.

— Да-а... и к лучшему ли? Впрочем, и наше время пройдет. Ешь, что хочешь, брат мой. Бог простит.

— Спасибо, но я обычно не ем в середине дня.

— Лучше поешь, иначе действие этилового спирта

окажется сильнее, чем нужно. Кроме того, мои девочки замечательно готовят, хотя порой пишут с ошибками.

В это время вошла Мириам с подносом, на котором стояли стаканы.

— Босс,— возмутилась она,— это официальное заявление?

— Негодница! — завопил Харшоу.— Останешься после уроков и напишешь тысячу раз: «Я не буду вмешиваться в чужие разговоры».

— О'кей, босс. Это вам, капитан... вам, Нельсон... вам, доктор Махмуд. Вода отдельно.

— Спасибо, Мириам.

— А это вам, босс.

— Ты разбавила!

— Энн так велела. Вы устали, не стоит пить крепкого.

Джубал обвел всех страдальческим взором.

— Посмотрите, что они со мной делают, господа! Женщин нельзя допускать к власти. Мириам, напишешь это тысячу раз на санскрите.

— Обязательно, босс,— она погладила его по затылку.— Пейте и напивайтесь. Вы заслужили. Мы вами гордимся.

— Иди в кухню, женщина! У всех есть, что выпить? Где Бен?

— Бен взял свой стакан и пошел звонить в газету.

— Хорошо, можешь идти. Пришли сюда Майка. Господа, me ke aloha pau ole! — Все выпили.

— Майк помогает нам готовить. Он, наверное, станет поваром, когда вырастет.

— Мириам, ты еще здесь?! Все равно, пришли мне Майка. Доктор Нельсон хочет его осмотреть.

— Я успею, Джубал,— сказал Нельсон.— Великолепный скотч, но скажите, за что мы пили.

— Простите. Это по-полинезийски. «Пусть наша дружба будет вечной». Подойдет к церемонии с водой. Кстати, господа, Дюк и Ларри тоже братья Майку. Я надеюсь, вас это не смущает? Они, правда, не умеют готовить, зато с ними не страшно пройти вечером по темной улице.

— Если вы ручаетесь за них, Джубал, пусть войдут, и закроем двери,— сказал ван Тромп.— А пока давайте выпьем за женщин. Свен, помнишь, ты говорил хороший тост?

— За красивых женщин всей Вселенной? Нет, не хочу. Давайте выпьем только за наших четверых,— они

выпили за своих братьев женского пола, и Нельсон спросил: — Джубал, где вы их нашли?

— Вырастил у себя на клумбе. Стараешься, воспитываешь, учишь, а потом приходит какой-нибудь ловкач и женится на них. Это очень убыточное дело.

— Понимаю,— сочувственно проговорил Нельсон.

— Я надеюсь, господа, вы все женаты?

Оказалось, что Махмуд не женат. Харшоу взглянул на него с опаской.

— Сделайте милость, дематериализуйтесь. Так и быть, не на голодный желудок, а после еды.

— О, я совершенно безопасен. Закоренелый холостяк.

— Знаем мы холостяков! А кто с Доркас перемигивался?

— Я вас уверяю...— Махмуд хотел было сказать, что никогда не женится на женщине другой веры, но решил, что это недипломатично и перевел разговор на другую тему.— Кстати, Джубал, не делайте подобных предложений Майку. Он не вникнет, что вы шутите, и на самом деле дематериализуется. Я не уверен, что у него это получится, но лучше не рисковать.

— У него получится,— сказал Нельсон.— Доктор, то есть, Джубал, вы не замечали ничего необычного в его обмене веществ?

— Что вы! Я не замечал ничего обычного!

— Точно сказано!

Джубал обернулся к Махмуду.

— Не беспокойтесь, я не стану приглашать Майка к самоубийству. Я уже вник, что он не понимает шуток,— Джубал подмигнул.— Но я не вник, что значит «вникать». Вонючка, ты говоришь по-марсиански?

— Немного.

— Ты хорошо говоришь, не прибедняйся. Ты вникаешь, что такое «вникать»?

Махмуд задумался.

— Нет. Это самое важное слово в их языке. «Вникать» — лишь приблизительный перевод. Настоящее значение гораздо шире. Мне кажется, что и через годы я не буду его знать. Чтобы «вникать», что такое «вникать», нужно думать по-марсиански. Вы уже, наверное, заметили, что у Майка странноватый подход ко многим явлениям?

— Кто-кто, а я заметил!

— Ну вот.

— А вот и закуска! — объявил Джубал.— Женщины, поставьте еду в пределах досягаемости и соблюдайте почтительную тишину. Продолжайте, доктор. Может, вам мешает присутствие Майка?

— Абсолютно не мешает,— Махмуд обратился к Майку по-марсиански.

Майк что-то сказал в ответ, радостно улыбнувшись. Потом лицо марсианина сделалось бесстрастным и он принялся за еду.

— Я пересказал наш разговор, и Валентайн Майкл нашел мой ответ правильным. Если бы я был неправ, Майк заметил бы это и сказал мне. Впрочем, он мог и не заметить: он думает по-марсиански и, следовательно, видит другую картину мира. Вы понимаете?

— Да, я вникаю,— сказал Джубал.— Язык формирует мышление.

— Вы правы, доктор. Кстати, вы говорите по-арабски?

— Что? А-а, говорю, но плохо,— скромно сказал Джубал.— Я был военным врачом в Северной Африке, там и научился. Но я читаю по-арабски, чтобы постигать слова Пророка в оригинале.

— Совершенно верно, Коран нельзя переводить. Даже самый лучший перевод искажает строй мыслей. Теперь вы понимаете, как мне было трудно выучить английский. Не только потому, что грамматика моего родного языка проще: сам строй мыслей моего народа иной. Английский язык — один из сложнейших в мире. Его грамматическая и лексическая избыточность, сложность идиоматических ассоциаций позволяют описывать явления, которые невозможно описать ни на каком другом языке. Я чуть не сошел с ума, пока научился думать по-английски, а когда научился, стал видеть мир по-другому, гораздо подробнее, чем в детстве. Однако есть вещи, которые можно сказать по-арабски и нельзя по-английски.

— Поэтому я продолжаю читать по-арабски,— кивнул Джубал.

— А марсианский еще сложнее, чем английский. Более того, у марсиан другая система абстрактного мышления, настолько отличная от земной, что на фоне этого различия не будет заметна разница между мышлением араба и англичанина. На преодоление этой разницы у человека уходит несколько лет. Но я не уверен, что нам хватит вечности на то, чтобы научиться думать

по-марсиански. Говорить мы научимся — говорят же китайцы на пиджин-инглиш. Возьмем слово «вникать». Я подозреваю, что его значение уходит корнями в далекие времена, когда марсиане только-только начинали сознательную жизнь. Оно означает что-то вроде погружения в воду или наоборот, принятия воды в себя.

— Постойте, Майк никогда не говорил «вникнуть», когда речь шла о том, чтобы выпить воды.

— А мы сейчас проверим,— Махмуд обратился к Майку по-марсиански.

Майк слегка удивился.

— Вникнуть значит выпить,— подтвердил он.

Махмуд продолжал:

— Майк согласился бы, назови я еще сотню английских слов, которым в нашем мышлении соответствуют разные, порой даже противоположные понятия. Вникнуть для Майка значит и любить, и бояться, и ненавидеть. Да, и ненавидеть, потому что, по марсианским понятиям, ненавидеть можно только то, во что ты вник, что ты познал настолько, что оно сливается с тобой, а ты с ним. Только тогда можно ненавидеть. Мне кажется, что вследствие этого марсианская ненависть настолько сильное чувство, что самая черная человеческая ненависть в сравнении с ней покажется легкой неприязнью.

Махмуд еще подумал.

— Вникнуть — значит сравняться. Человеческая мысль «мне это больнее, чем тебе» имеет марсианский оттенок. Марсиане инстинктивно сознают то, что мы усвоили на основе многолетнего опыта: что наблюдатель в процессе наблюдения взаимодействует с объектом наблюдения. Вникнуть — значит понять объект наблюдения до такой степени, что становится возможным слияние, уравнение с ним. Вникнуть — это цель того, что мы называем религией, философией, наукой. Для нас это слово почти ничего не значит, как для слепого цвет,— Махмуд помолчал.— Джубал, если бы я изрубил вас на куски, сделал жаркое и съел, тогда мы вникли бы друг в друга; ничего из того, что нам принадлежит, не было бы утеряно, и было бы все равно, кто кого съел.

— Мне бы не было все равно,— запротестовал Джубал.

— Потому что вы не марсианин.

Махмуд снова заговорил с Майком по-марсиански. Майк кивал.

— Ты говоришь правильно, брат доктор Махмуд. Я бы тоже так говорил. Ты есть Бог.

— Ну вот,— развел руками Махмуд,— вы видите: все, чего я добился — богохульство. Мы не можем думать по-марсиански.

— Ты есть Бог,— продолжал свое Майк.— Бог вникает.

— Давайте оставим этот разговор! Джубал, во имя нашего братства, позвольте мне выпить еще порцию джина.

— Сейчас принесу,— отозвалась Доркас.

Обстановка в номере напоминала семейный пикник. И хозяин, и гости были люди неспесивые, опытные, признанные и потому не страдали глупым честолюбием. Даже доктор Махмуд, державшийся холодно с людьми другой веры, сейчас потеплел. Ему чрезвычайно польстило, что Джубал уважал и читал в оригинале учение Пророка... Да и женщины у Джубала работают не такие уж бестелесные, как показалось с первого взгляда. Эта черненькая — он тут же отогнал мысль: нельзя, он здесь гость.

Махмуд оценил, что женщины не болтали, не вмешивались в серьезные мужские разговоры, а быстро и радушно подавали еду и питье. Он был шокирован непочтением Мириам к хозяину — такие вольности дозволены только кошкам и детям-любимчикам.

Джубал объяснил, что за едой и приятной беседой легче скоротать время.

— Если Генеральный Секретарь согласится, он даст об этом знать. Останься мы во Дворце, он начал бы торговлю. А сюда он уж точно торговаться не придет.

— О чем торговаться? — спросил ван Тромп.— Он получил все, чего только мог желать.

— Не все. Дуглас наверняка желает, чтобы мы не имели права снять с него его обязанности. Представляете: мы снимаем с него обязанности, а с ними и права, и передаем их человеку, которого он ненавидит — этому негодяю с честными глазами, нашему брату Бену. И другие стали бы торговаться — тот же будда Кунг. Я ведь у него кусок изо рта вырвал. Кстати, именно из-за него мы не едим и не пьем ничего из того, что нам привезли.

— Джубал, неужели вы серьезно? — спросил Нель-

сон.— Я подумал, что вы просто гурман и не признаете чужой кухни. В этом отеле нас не могут отравить.

Джубал печально покачал головой.

— Свен, вас действительно никто не собирается травить. Но ваша жена может получить за вас страховку только потому, что вы ели за одним столом с Майком.

— Вы на самом деле так думаете?

— Свен, я могу позвать прислугу и заказать для вас что хотите. Но я сам этого в рот не возьму и Майку не дам. Всем известно, где мы; времени было достаточно, чтобы состряпать что-нибудь пикантное. Я имею все основания подозревать, что полдесятка здешних официантов получают зарплату у Кунга. Пока мы не обезвредим силы, которые представляет Кунг, главная задача — сохранить Майку жизнь.

Джубал нахмурился.

— Возьмем к примеру паука «Черная Вдова». Это тишайшее, полезнейшее и очень красивое существо, самое симпатичное из паукообразных. Единственный недостаток бедняжки — его сила, несоразмерная с величиной. В результате каждый считает своим долгом убить «Черную Вдову».

— Как же иначе? Они очень ядовитые!

— А Майку и того хуже: он не такой красивый.

— Как можно, Джубал! — вмешалась Доркас.— Это нетактично и, более того, неверно.

— Девочка, это не главное. Суть в том, что он не может избавиться от своего богатства, а владеть этим богатством равносильно смерти. Неприятностей нужно ждать со всех сторон — не только от Кунга. Верховный Суд не столь политически независимое учреждение, как кажется... хотя Верховный Суд Майка не убьет, а всего лишь заточит в темницу, как графа Монте-Кристо. Есть еще масса организаций и частных лиц, которым выгодно, чтобы Майк оказался почетным гостем на своих похоронах.

— Босс, к телефону!

— Энн, ты из Филадельфии кричишь?

— Нет, из Далласа!

— Скажи, что я занят.

— Это Бекки.

— Что ж ты сразу не сказала? — Джубал выбежал в другую комнату.— Бекки! Рад тебя видеть, дорогая!

— Привет, док! Видела ваше выступление.

— Как впечатление?

— Никогда в жизни не видела более тонкой работы. Америка потеряла величайшего адвоката, когда ваша мать не родила двойню.

— Это высокая оценка, Бекки. Спасибо. Ты много сделала для того, чтобы спектакль состоялся. Называй цену.

— Вы меня обижаете, док! — Мадам Везан нахмурилась.

— Бекки, соловья баснями не кормят. Я старый, но могу поцеловать и обнять так, что ребра затрещат.

— Я хорошо помню, что вы можете,— улыбнулась она.— Помните, как вы шлепали меня, уверяя, что Профессор будет жить?

— Что ты? Разве я мог так непрофессионально работать?

— Еще как!

— Значит, в тот момент тебе была показана шлепотерапия. И все-таки, назови цену. Хорошенько посчитай нули.

— Док, я знаю другие способы делать деньги. Вы смотрели биржевые новости?

— Нет, и не рассказывай. Лучше приходи к нам выпить рюмочку.

— Увы, я занята. Обещала очень важному клиенту, что буду дома.

— Понимаю. Твои звезды, случайно, не говорят, что для всех будет лучше, если сделка будет заключена без проволочки?

— Нужно посмотреть.

— Пожалуйста. И приходи к нам. Майк тебе понравится. Он странноватый, но очень милый.

— Спасибо, док. Я постараюсь.

Они попрощались. Джубал вернулся к гостям и застал Нельсона за осмотром Майка. Нельсон был обескуражен.

— Доктор,— сказал он,— я видел пациента десять дней назад. Откуда такие мускулы?

— О, мы вырезали купон из журнала «Для мужчин», и нам прислали комплекс упражнений. И вот, слабачок весом в девяносто фунтов превратился...

— Доктор, мне не до шуток!

— Спросите самого пациента.

Нельсон спросил. Майк ответил:

— Я их вымыслил.

— Правильно,— подтвердил Джубал,— он их вымыслил. Когда я его впервые увидел, он был невероятной размазней. Бледный, как из подземелья. Так, наверное, и было. Я велел ему набираться сил. Вот он и набрался.

— Делал упражнения? — с сомнением спросил Нельсон.

— Плавал...

— За десять дней нельзя наплавать такие мускулы. Впечатление такое, как будто он не один год потел с гантелями,— Нельсон нахмурился.— Я знаю, что Майк управляет сердечной мышцей, которой большинство людей управлять не может. Но этому есть прецеденты...

— Доктор,— мягко предложил Джубал,— не лучше ли смириться с тем, что мы в это явление не вникаем?

— Да, пожалуй. Одевайся, Майк,— вздохнул Нельсон.

Джубал стал посвящать астронавтов в свои планы, уже почти выполненные.

— Моя цель была проста: «связать» деньги, чтобы за них не было драки, даже если Майк погибнет. Я специально оговорил возможность смерти Майка и постановил, что в этом случае права Дугласа теряют силу. Ходили слухи, что права Дугласа бессрочны, а мне это было невыгодно. Если бы это было в моих силах, я лишил бы Майка последнего пенни этого чертова наследства!

— Почему, Джубал?

— Капитан, у вас есть деньги? Я хотел сказать, вы богаты?

— Нет, конечно,— фыркнул капитан.— Получаю зарплату, состарюсь — буду получать пенсию. У меня две девочки в колледже, а дом заложен. Я не прочь бы стать богатым.

— Вы сами не знаете, что говорите. Богатство не сделало бы вас счастливым.

— Если бы ваши дети учились в колледже, вы бы так не говорили.

— У меня четверо детей, и все учились в колледже. Я тогда был в долгах как в шелках. Старшая дочь мастер своего дела... Она широко известна под фамилией мужа. Вместо дочернего почтения — только черная неблагодарность. Остальные помнят день моего рождения, а в другие дни не беспокоят. Образование им не

повредило. Я вспоминаю о своих отпрысках затем, чтобы доказать вам: мне известно, что отцу часто нужно больше денег, чем у него есть... Вы можете найти фирму, которая заплатит вам больше, чем вы получаете сейчас?

— Об этом не может быть и речи,— отчеканил капитан.— Я профессионал.

— Вы хотите сказать, что ни за какие деньги не откажетесь от вождения космических кораблей?

— Я хотел сказать, что не возражаю быть богатым.

— Это не поможет. Дочери всегда тратят на десять процентов больше, чем может честно заработать отец. Это, если хотите, закон Харшоу. Богатство, капитан,— я имею в виду настоящее богатство, когда нужен десяток бухгалтеров, чтобы не запутаться в налогах,— свело бы вас в могилу скорее, чем отставка.

— Чепуха! Я бы вложил его в акции и стриг бы купоны!

— Вы бы этого не сделали. Большое богатство нетрудно нажить. Нужно всего-то посвятить этому жизнь. Ни одна балерина так не вкалывает, как человек, преумножающий богатство. Это не ваш стиль, капитан. Вам не нужно делать деньги, вам нужно их тратить.

— Совершенно верно, сэр! Поэтому я не понимаю, зачем лишать Майка богатства.

— Затем, что большое богатство — это величайшее проклятие, если, конечно, сам процесс накопления богатства не доставляет вам удовольствия. Даже тогда богатство имеет серьезные недостатки.

— Фу-ты, ну-ты! Джубал, вы как охранник гарема, убеждающий нормального мужчину, что хорошо быть евнухом.

— Возможно,— согласился Джубал.— Человек обладает огромной способностью превозносить свои недостатки, и я не исключение. Поскольку мы, сэр, нуждаемся в деньгах лишь затем, чтобы тратить их, мы не сумеем стать богатыми. С другой стороны, нам нетрудно будет наскрести грошик-другой для удовлетворения своих грешных потребностей. Но большое богатство! Вы видели этот фарс. Вы считаете, что я мог назваться адвокатом Майка, то есть владельцем всего его добра и пообещать что-то Дугласу, чтобы он уступил мне? Майк мне верит: я его брат по воде. Я должен был украсть его состояние?

— Черт возьми, да!

— Я, конечно, мог так сделать. Нашему Генеральному Секретарю деньги нужны не больше, чем нам с вами. Ему нужна власть — колокол, звон которого мне не слышен. Если бы я пообещал (а я бы с легким сердцем пообещал), что буду выделять средства на поддержку его администрации, он бы с таким же легким сердцем оставил мне все имущество.

Джубал передернул плечами.

— Но когда я это вообразил, я испугался! Капитан, вы не представляете себе, что такое большое богатство. Его владельца со всех сторон осаждают, как нищие в Бомбее, всяческие просители и требователи. Одному вложи капитал, другому просто подари. С богатым человеком никто не дружит бескорыстно, и он становится подозрительным. Люди, которые могли бы с ним дружить, слишком горды и утонченны, чтобы переносить такую подозрительность. Хуже того, семья богатого человека постоянно находится в опасности. Капитан, вам приходило в голову, что ваших дочерей могут похитить?

— Что? Не дай Бог! Не приходило.

— Если бы вы были так богаты, как Майк, вам пришлось бы приставить к дочкам охрану, и все равно вы не могли бы спать спокойно: а вдруг охрану перекупят? Припомните последние похищения, во всех соучаствовала прислуга и очень немногие похищенные остались в живых. Можно ли за деньги купить что-то такое, ради чего не жалко сунуть в петлю голову дочери?

Ван Тромп задумался.

— Согласен. Остаюсь бедным.

— Аминь! Я хочу жить, как я хочу, спать в своей постели, и спать спокойно. Ради Майка я чуть было не согласился провести остаток жизни в бухгалтерии, но меня вовремя осенило: пусть болит голова у Дугласа. Я не боюсь, что он будет красть: только третьесортные политики охочи до денег. Дуглас все же высший сорт. Не кривись, Бен, а молись, чтобы он не отказался. Переложив всю ответственность на Дугласа, я могу спокойно заняться своими розами... Труднее было обойти решение по делу Ларкина.

— Мне кажется, здесь ты перегнул палку, Джубал,— вмешался Кэкстон.— Майк мог отписать Дугласу свое имущество, даже оставаясь королем Марса.

— Бен, мальчик мой,— нежно проговорил Харшоу,— тебя еще можно иногда читать...

— Спасибо.

— ...но в политике ты неандерталец.

Кэкстон облегченно вздохнул.

— Слава Богу! Я думал, ты подобрел.

— Когда со мной это случится, пожалуйста, пристрели меня. Капитан, сколько человек вы оставили на Марсе?

— Двадцать три.

— Каков их статус, согласно решению по делу Ларкина?

— Я не имею права говорить,— хмуро сказал ван Тромп.

— Тогда не говорите,— посоветовал Джубал,— мы вычислим это сами.

Доктор Нельсон сказал:

— Я уже гражданский человек, капитан, и могу говорить, что хочу.

— И я,— подхватил Махмуд.

— А меня отправят в отставку! Ладно, я скажу. Только, Бен, обещайте, что это не появится в печати.

— Может, мне уйти?

— Нет, послушайте. Все колонисты отписали свои права по делу Ларкина правительству. Присутствие Майка на Марсе путало карты. Я не юрист, но понял, что если Майк откажется от своих прав, то Марс окажется государственной колонией.

— Что толку в этой колонии? — спросил Кэкстон.— Я никоим образом не собираюсь умалять ваших достижений, капитан, но общеизвестно, что Марс особой ценности для человека не представляет. Может быть, там нашли что-то настолько ценное и настолько стратегическое, что поставили на нем гриф «смертельно секретно»?

— Нет, все отчетные документы прошли без грифа,— покачал головой ван Тромп.— И Луна казалась бестолковым булыжником, когда мы туда прилетели.

— Признаю свою ошибку,— сдался Бен.— Жаль, что не мой дедушка купил Лунар Энтерпрайзез! Но Марс-то населен.

— Населен,— с несчастным видом согласился ван Тромп.— Вонючка, объясни ему.

— Бен,— сказал Махмуд,— на Марсе достаточно места, чтобы организовать колонию, и, насколько я могу судить, марсиане не стали бы на нее нападать. Можно лететь на Марс хоть сейчас, и вывешивать там флаги,

но мы будем иметь статус муравейника под стеклом в школьном живом уголке. Я не знаю, на каком мы свете.

— И я не знаю,— кивнул Джубал.— Я вообще ничего не знал, кроме того, что администрация суетится вокруг этих так называемых прав; решил, что администрация тоже не в курсе дела, и пошел напролом. Нахальство — второе везение.

Джубал ухмыльнулся и продолжал:

— Когда я заканчивал школу, я выиграл диспут, процитировав указ Британской колониально-торговой комиссии. Мне никто ничего не смог возразить, потому что такой комиссии никогда на свете не было. Сегодня утром меня вынудили поступить так же бесстыдно. Администрации позарез нужны были Майковы права на Марс, и Дуглас боялся, как бы мы не продали их кому другому. А я сыграл на его жадности и страхе и продемонстрировал всему миру глупость решения по делу Ларкина,— Джубал был доволен.

— И поставил себя в дурацкое положение.

— Бен,— с упреком произнес Харшоу,— они короновали Майка, исходя из своей же логики. Стоит ли напоминать, что лучше быть явным королем, чем тайным претендентом? Старая скатерть и несколько аккордов музыки сослужили Майку хорошую службу. Его положение стало определенным, но не простым. Если ты соверен Марса — будь любезен, предоставляй — кому концессию, кому анклав. Владеть землей еще хлопотнее, чем владеть деньгами. Значит, снова отказываться от своих прав в пользу Дугласа? Этого я не хотел, как не хотел делать своего клиента заложником его так называемых прав. Поэтому нужно было аннулировать решение по делу Ларкина по отношению к Марсу.

Джубал ухмыльнулся.

— Вот и пришлось изворачиваться. Сначала я добился для Майка почестей. А почести оказываются либо монарху, либо его второму «я» — послу. Я стал убеждать публику, что Майк не карточный король (каким он является по пресловутому решению), а посланник великого марсианского народа! — Джубал передернул плечами.— Это был блеф чистейшей воды, но я рассчитывал на то, что ни Дуглас, ни Кунг не осведомлены в этом деле. Я сильно рисковал: рядом сидели вы — братья Майка. Если бы вы выступили против, мне не удалось бы убедить публику, что Майк — посол Марса.

— Я не воспринял ваше выступление как ложь,— сказал капитан ван Тромп.

— Значит, я случайно угадал правду.

— Не совсем,— капитан «Чемпиона» замялся,— Майк не столько посол, сколько лазутчик.

У Кэкстона отвисла челюсть. Харшоу потребовал:

— Объясните, сэр.

— Сию минуту,— сказал ван Тромп.— Мне кажется, что Старшие Братья послали Майка на Землю в разведку. Не поймите меня плохо — я не меньше вашего люблю парня. Однако у него нет причин быть лояльным по отношению к нам, то есть к Земле.

Капитан нахмурился и продолжал:

— Все думают, что человек, выросший на Марсе, обеими руками ухватится за идею вернуться «домой». Ничего подобного! Свен: не дай соврать.

— Майк не хотел на Землю,— подтвердил Нельсон.— Он боялся нас и даже близко не подпускал. Когда же марсиане велели лететь ему с нами, он подчинился, как солдат, для которого лучше погибнуть в бою, чем не выполнить приказ.

— Минутку! — перебил Кэкстон.— Вы хотите сказать, что марсиане пошли на нас войной? Это так же нелепо, как нам воевать с Юпитером! У нас гравитация в два с половиной раза сильнее, чем на Марсе, а на Юпитере в два с половиной раза сильнее, чем у нас. Аналогичны различия в атмосферном давлении и температуре. Марсиане не выдержат наших условий, как мы не выдержим условий на Юпитере.

— Вы недалеки от истины,— заметил ван Тромп.

— Какой же смысл нам нападать на Юпитер? А марсианам на нас?

— Бен, вы слышали о плацдарме на Юпитере?

— Слышал и знаю, что дальше проектов дело не пошло. Это нереально.

— Это было нереальным несколько лет назад. Современная техника дает человеку возможность высадиться на Юпитере. Почему вы думаете, что марсиане глупее нас? Вы бы видели их города!

— И тем не менее мне непонятно, зачем им воевать с нами.

— Капитан, позвольте и мне высказать кое-какие возражения. Вы знаете о делении цивилизаций на аполлинарные и дионисические?

— Что-то слышал.

— Так вот, даже культура Зуни показалась бы марсианам дионисической. Вы были на Марсе, а я много слышал о нем от Майка. У марсиан аполлинарная культура, они не должны быть агрессивными.

— Я не стал бы на это полагаться, капитан,— заговорил Махмуд,— мне кажется, доктор Харшоу прав. Я сужу о культуре по языку, а в языке марсиан я не нашел слова со значением «война». Я не встречал также понятий «оружие» и «борьба». Если же в языке отсутствует какое-то слово, то, следовательно, в культуре отсутствует соответствующее ему явление.

— Что за чепуха, Вонючка! Собаки дерутся и при этом прекрасно обходятся без слов!

— Собаки вообще обходятся без слов,— настаивал Махмуд.— Говорящие же культуры обязательно обозначают все свои понятия словами. Появилось новое понятие — для него сразу же подбирается либо новое слово, либо определение из имеющихся в языке слов. Нервная система, способная к вербализации понятий, никогда без нее не обходится. Если марсиане знают, что такое «война», у них должно быть такое слово.

— Давайте проверим,— предложил Харшоу,— позовем Майка.

— Обойдемся пока без него,— возразил ван Тромп.— Я давно убедился, что со специалистами не стоит спорить: они по большей части правы. В то же время я могу назвать сотни специалистов, совершавших роковые ошибки. Прошу прощения, Вонючка.

— Вы правы, капитан, но мне кажется, я тоже прав.

— Майк может и не знать, есть ли у марсиан слово «война». Двухлетний ребенок может сказать вам, что в английском языке нет слова «компьютер». Давайте опираться на факты. Свен, расскажем об Эгню?

— Расскажите, капитан,— ответил Нельсон.

— Эгню был на «Чемпионе» вторым врачом. Свен считал его способным парнем. Одна беда — терпеть не мог марсиан. Когда я увидел, что марсиане не проявляют враждебности, я приказал выходить без оружия. Эгню не выполнил приказ. Мы не смогли отыскать его пистолет. Люди, которые в последний раз видели Эгню, сказали, что пистолет был при нем. В бортовом журнале мы записали: «Пропал без вести, считать погибшим». Двое наших людей видели, как Эгню вошел в ущелье между

двумя скалами. Потом туда же вошел марсианин. Ребята побежали за ним в надежде предотвратить стычку. Они услышали выстрел. Бежавший первым говорит, что, заглянув в ущелье, увидел Эгню, который тут же пропал из виду. Подбежавший чуть позже видел марсианина, спокойно выходящего из ущелья. Марсианин прошел мимо, не обратив на них внимания, а ущелье было пусто.

Вот так, господа. Можно предположить, что Эгню от страха перепрыгнул через скалу, тем более, что на Марсе слабая гравитация. Я пробовал прыгать — ничего не вышло. Я надеялся, что Эгню все-таки появится, и предвкушал, какую закачу ему взбучку за ношение оружия. Я даже грешил подозрением, что у ребят были галлюцинации от недостатка кислорода... Эгню больше не появился.

С тех пор я стал осторожно относиться к марсианам, хотя с их стороны никаких выступлений не было. По просьбе Вонючки они давали нам все, что было необходимо... Я постарался замять происшествие. Конечно, скрыть отсутствие Эгню было невозможно, но я сказал, что он, скорее всего, заблудился в скалах и умер от недостатка кислорода. Нельзя бросаться в панику, когда до дома сто миллионов миль. Я надоел всем ребятам напоминаниями о том, что надо ходить группами, проверять кислородные баллоны и регулярно связываться по радио с кораблем. Парню, который видел, как исчез Эгню, я намекнул, что не стоит об этом распространяться, мол, все равно никто не поверит и даже товарищ не подтвердит. Поэтому победила официальная версия.

— Я склонен и в дальнейшем ее придерживаться,— сказал Махмуд.

— Умница,— кивнул ван Тромп,— а я просыпаюсь среди ночи и думаю: «*Что же случилось с Эгню*?».

Харшоу молча слушал. Не рассказала ли Джилл Бену о том, как исчезли Берксвит и его подручный, как его там... Джонсон? Не проболтался ли кто-нибудь о сражении в саду? Не должны: все слышали разговор с Генеральным Секретарем и знают официальную версию. Никакого отряда, никакого капитана Хейнрика и никаких ордеров не было. Только молчать и не давать парню расправляться с неприятными субъектами!

От мрачных мыслей отвлекла Энн.

— Босс, пришел мистер Брэдли, старший адъютант Генерального Секретаря.

— Ты его впустила?

— Нет, мы говорили по домофону. Он сказал, что пришел к вам с какими-то документами и будет ждать ответа.

— Пусть передаст в окошко для почты. Вход на территорию посольства закрыт.

— Я не могу держать человека в коридоре.

— Хорошие манеры не всегда дают хороший результат. Мы не уступим ни дюйма нашей территории, пока не добьемся своего.

— О'кей.

В пакете оказался единственный документ, но во множестве экземпляров. Харшоу раздал каждому по экземпляру и объявил:

— За каждую обнаруженную двусмысленность или ловушку даю по конфете!

Все углубились в чтение. Первым заговорил Джубал.

— Дуглас честный политик.

— Похоже,— согласился Кэкстон.

— Есть другие мнения? — все молчали.

— Отлично. Теперь заверим каждый экземпляр. Мириам, неси печать. Погоди, позови Брэдли, пусть тоже распишется, да налей ему чего-нибудь. Дюк, скажи администратору, что мы освобождаем номер, и вызови автобус. Мы покидаем этот Содом, как Лот, не оглядываясь! Свен, капитан, Вонючка! Поехали с нами! У нас сад, бассейн, домашняя кухня, тишина и спокойствие!

Капитан и Нельсон, обремененные семейными обязанностями, отказались, Махмуд принял приглашение. Подписание документов растянулось надолго: Майк священнодействовал, с восторгом вырисовывая каждую буковку своего имени. Уже были собраны вещи, администратор прислал счет, а Майк все писал.

Харшоу ознакомился со счетом (набежала кругленькая сумма), написал на нем: «Принято к оплате. От имени В. М. Смита — Дж. Харшоу» и вручил Брэдли.

— Пусть ваш шеф займется...

— Сэр! — возмутился Брэдли.

— Спросите вашего церемониймейстера, он подтвердит, что платит ваша сторона.

Брэдли принял счет.

— Хорошо,— медленно проговорил он,— я отдам это Ларю.

— Спасибо, мистер Брэдли. Спасибо вам за все.

ПЛОДЫ ЭКСЦЕНТРИЧНОГО ВОСПИТАНИЯ

Глава 22

В одном из крайних витков спиралевидной галактики, неподалеку от звезды, известной некоторым как Солнце, зажглась новая звезда. До Марса ее свет дойдет через 799 лет (1370 земных лет). Старшие Братья отметили это событие как полезное и продолжили обсуждение эпоса о Пятой планете.

Отлет «Чемпиона» они зафиксировали без всякой оценки. За птенцом-чужаком, отправленным на родину, установлено наблюдение, остается ждать, пока накопится достаточный для вникновения объем информации.

Оставшиеся на Марсе люди боролись с суровым климатом, впрочем, менее суровым, чем в Антарктике. Один из них дематериализовался в результате болезни, называемой «тоска по дому». Старшие Братья приняли его раненую душу и отослали куда следует, подлечиться. В иные контакты с землянами они не вступали.

Земные астрономы новую звезду не заметили, поскольку самым быстрым сигналом, доступным их восприятию, является свет. Человек с Марса несколько раз упоминался в печати. Лидер правительственного меньшинства Федерации призвал к осуществлению нового подхода к проблемам перенаселения и голода в Юго-Восточной Азии. Он предложил давать денежное пособие семьям, имеющим более пяти детей. Синтия Дачесс объявила, что получит совершенного во всех отношениях ребенка от специально подобранной пары родителей. Осталось только рассчитать момент зачатия, который бы гарантировал ребенку гениальность в музыке, живописи и политике. В интервью журналистам Синтия сказала, что за развитием ребенка будет наблюдать сама и

регулировать его гормональными препаратами. Верховный Епископ Дигби назвал ее Блудницей Вавилонской и запретил фостеритам наниматься к ней в доноры. Агнесс Дуглас высказалась о ней так: «Я не знакома с мисс Дачесс, но восхищаюсь ею. Пусть ее пример вдохновляет матерей всего мира».

Джубал Харшоу вырезал фотографию Синтии из журнала и повесил в кухне; фотография вскоре исчезла. Джубал, обнаружив это, посмеялся. В остальном веселого было мало. Репортеры оставили Майка в покое, но им на смену пришла общественность. Дуглас, как и обещал, оберегал Майка от непрошеных посетителей. Вдоль забора ходили патрули Особой Службы, над домом кружила машина, не давая никому приземлиться. Джубал страдал.

Телефон пришлось оборудовать автоматикой, которая пропускала звонки лишь от ограниченного круга людей.

Приходили горы писем. Харшоу сказал Джилл, что Майку пора взрослеть и самому разбирать почту.

— Помоги ему, если нужно, но, ради Бога, пусть все это не касается меня.

Писем было так много, что Джилл с Майком не успевали их даже сортировать. Харшоу позвонил сначала местному почтмейстеру — безрезультатно; затем связался с Брэдли, и почта на имя Майка начала приходить в отдельных мешках, разложенная по классам. Почту второго и третьего классов, не читая, использовали в хозяйстве: сначала как теплоизоляционный материал при строительстве погреба, потом для борьбы с овражной эрозией в саду.

Много хлопот доставляла почта четвертого класса. Какая-то посылка взорвалась прямо на почте, уничтожив подшивку объявлений «Разыскивается преступник» за несколько лет. Благо, почтмейстер в этот момент отлучился выпить кофе, а его напарница, пожилая дама с больными почками, сидела в уборной. Джубал хотел уже просить у Дугласа придворного сапера, но тут выяснилось, что можно обойтись собственными силами: Майк отлично «чуял» взрывоопасные посылки. Почту четвертого класса сваливали у ворот, Майк с почтительного расстояния осматривал ее, уничтожал бомбы, и Ларри тащил оставшиеся пакеты в дом. Майк любил вскрывать посылки, даже если содержимое оказывалось для него безынтересным. То, что не могло пригодиться

в хозяйстве, шло на свалку. Туда же отправлялись присланные лакомства, поскольку Джубал не был уверен, что чутье Майка распространяется на яды. Когда-то Майк выпил проявочный раствор, который Дюк поставил в холодильник, а потом сказал, что у «холодного чая» был неприятный привкус.

Джубал позволил Джилл оставлять себе все, что понравится, и запретил за что-либо платить, благодарить или что-либо возвращать отправителю. Попадались подарки, но больше товаров, присланных наложенным платежом, которых никто не заказывал. Джубал квалифицировал их как провокацию и постановил, что их отправители не заслуживают ни благодарности, ни вознаграждения.

Присылали даже кошек и собак, которых Джубал советовал возвращать, чтобы не устраивать в саду зверинец.

Больше всего хлопот было с почтой первого класса. Просмотрев мешок-другой, Харшоу разбил ее на такие категории.

А. Письма-прошения — на засыпку оврагов.

Б. Угрожающие письма — придерживать; по получении двух и более писем из одного источника передавать в Особую Службу.

В. Деловые письма — пересылать Дугласу.

Г. «Сумасшедшие» письма просматривать, потом — на засыпку оврагов.

Д. Дружественные письма — отвечать, если приложен конверт с обратным адресом и маркой. Заготовить стандартные ответы за подписью Джилл. (Собственноручный и содержательный ответ Майка, по мнению Харшоу, спровоцировал бы дальнейшую переписку.)

Е. Сквернословные письма — передавать Харшоу для ознакомления (Джубал заключил пари с самим собой, что не вычитает из них ничего для себя нового) и дальнейшего использования — засыпки оврагов.

Ж. Брачные предложения и приглашения к сожительству — собирать.

З. Письма из научно-исследовательских и учебных учреждений — как Д.

И. Письма от знакомых (астронавтов, Президента США и др.) — пусть Майк отвечает, упражнения в эпистолярном искусстве и в искусстве общения пойдут ему на пользу. Нужна консультация — давать.

В результате работы значительно поубавилось. Джилл приходилось отвечать на одно-два письма в день, а Майку — и того меньше. Сортировка занимала часполтора. После конференции было много писем категории Ж, потом их стало меньше. Харшоу предупредил Джилл, чтобы она ничего не утаивала от Майка: то, что адресовано ему, ему и принадлежит.

На третий день после внедрения упомянутой классификации Джилл принесла Харшоу письмо категории Ж. Авторы таких писем обычно вкладывали в конверты фотографии, часто рассчитанные на то, чтобы адресат не утруждал себя работой воображения. Автор этого письма слегка перегнул палку: при взгляде на фотографию воображение начинало рисовать сладостные картины. Джилл сказала:

— Босс, вы только посмотрите на это!

Джубал прочитал письмо.

— Что говорит Майк?

— Он еще не видел...

Джубал скользнул взглядом по фотографии.

— Аппетитная дама и знает, чего хочет. Ни в ее половой принадлежности, ни в способностях сомневаться не приходится. Зачем ты показываешь это мне? Я видел лучше.

— Я не знаю, что делать. Письмо безграмотное, а фотография... Можно мне ее порвать?

— Что написано на конверте?

— Ничего: наш адрес и обратный.

— Читай!

— Хм... Валентайну Майклу Смиту, Человеку с...

— По-моему, это письмо адресовано не тебе.

— Конечно нет, но...

— Давай разберемся. Ты Майку не мать и не нянька. Если ему хочется читать письма, которые ему пишут, пусть читает, даже такую дрянь.

— Ему и без этого письма хватит, да и зачем ему показывать эту грязь? Он невинный мальчик.

— Да-а? А сколько народу он отправил к чертям?

Джилл страдальчески скривилась.

Джубал продолжал:

— Если ты действительно желаешь ему добра, лучше объясни, что в нашем обществе косо смотрят на убийство. Если он выйдет в мир до того, как это усвоит, ему будет несладко.

— По-моему, Майк не очень хочет выходить в мир.

— А я хочу выбросить его из гнезда, как только он оперится. Я не собираюсь держать его всю жизнь в оранжерее, да и не могу: я умру раньше. А что до невинности, ты права... Сестра, вы слышали о лаборатории стерильности в Нотр-Даме?

— Читала.

— Так вот, туда помещают самых здоровых особей, и они там чахнут. Майку пора, наконец, узнать «грязь» и выработать против нее иммунитет. Ведь рано или поздно он встретит эту деваху или такую же и... Да с его популярностью и внешностью он всю жизнь может прыгать из постели в постель. И мы с тобой не сможем его остановить. Более того, я не стану его останавливать: это не в моих правилах, хотя для себя я не избрал бы такой образ жизни. Каждый день одно и то же — скучно! Как ты считаешь?

Джилл покраснела.

— Тебе не надоедает? Впрочем, это не мое дело. Если ты не хочешь, чтобы первые три десятка баб, которые попадутся Майку на улице, загнали его насмерть, не перехватывай его письма. Пусть читает и ума набирается. Сунь это письмо в общую кучу, а когда он начнет что-то спрашивать, объясни и постарайся не краснеть.

— Босс, когда вы начинаете рассуждать логически, вы становитесь невыносимым.

— Оскорбление — не аргумент в споре.

— Хорошо, я дам Майку это письмо, а потом порву.

— Ни в коем случае!

— Отдать его вам?

— Боже сохрани! Такими картинками увлекается Дюк. Не понравится Майку — отдашь Дюку.

— Дюк собирает эту гадость? А с виду такой порядочный.

— Он такой и есть.

— Мне это непонятно.

— Объясняй, не объясняй — ты все равно не поймешь,— Джубал вздохнул.— Дорогая моя, есть вопросы, на которые представители разных полов никогда не дают единодушного ответа. Только самые одаренные иногда вникают во мнение своего сексуального антипода. Здесь не помогут слова. Поверь мне, Дюк благороднейший человек, хотя и увлекается подобными картинками.

— Я сама это Дюку не понесу. Он еще не так поймет.

— Фу-ты, ну-ты! Что еще пишут?

— Ничего особенного. Как обычно. Угрозы, аферы... Один тип просит пятилетнюю монополию на торговлю сувенирами.

— А что? Неплохая идея!

— Босс, вы серьезно?

— Разумеется, нет. Но ты подала мне идею рассказа. Ближняя!

Майк заинтересовался «грязной» фотографией. Он вник в смысл письма (теоретически) и стал разглядывать фотографию с восторгом, с каким обычно разглядывал бабочек. Бабочки и женщины возбуждали в нем жгучее любопытство. Майк понимал суть механических и биологических процессов, о которых говорилось в письмах, но ему было неясно, зачем торопить размножение и к чему возводить акт размножения в ранг ритуала, подобного церемонии с водой. Земным братьям недоставало чувства времени, они спешили там, где нужно было подождать. В угоду им Майк научился ускорять ожидание; иногда это получалось у него так хорошо, что людям казалось: он спешит.

Майк пообещал Джилл не отвечать на подобные письма, но для себя решил, что будет выполнять обещание лишь до тех пор, пока не кончится ожидание. Майк не возражал, когда Джилл предложила отнести фотографию Дюку. Он и сам собирался это сделать. Он уже бывал у Дюка в гостях и видел его коллекцию. Майку запомнилось, как Дюк сказал: «Лицо у нее так себе, но ты посмотри на ноги, брат!». Майку понравилось, что Дюк назвал его братом, но в ногах он ничего особенного не нашел, кроме того, что их было две, а не три, как у марсиан.

Что же до лиц, то самое красивое на свете было у Джубала. Неповторимое лицо. А у женщин из коллекции Дюка, можно сказать, вообще не было лиц. Да все молодые женщины на одно лицо — а как же иначе?

Только лицо Джилл Майк не путал ни с каким другим. Джилл была первой женщиной, которую он увидел, его первым братом женского пола. Майк запомнил каждую морщинку на ее лице, каждую ресничку; он их много раз перебирал в счастливых раздумьях. Сейчас он знает лица Энн, Мириам и Доркас, но вначале

различал этих женщин по росту, по цвету волос, по голосу. Когда все три, сидя в одной комнате, молчали (случалось и такое), то Энн была большая, Доркас маленькая, а Мириам средняя. Если не было Энн или Доркас, то Мириам можно было узнать по цвету волос, который назывался «рыжий», если речь шла о волосах, и «оранжевый», если о других предметах... Сейчас Майку нетрудно вспомнить лицо Энн и мысленно пересчитать все ее морщинки. В сущности, даже яйцо — это неповторимый мир, непохожий на другие. Так и каждая женщина потенциально имеет свое лицо, как бы слабо оно поначалу ни отличалось от других.

Майк отдал фотографию Дюку и обрадовался, доставив ему удовольствие. Смит ничем не жертвовал: он запомнил фотографию навсегда и в любой момент мог восстановить ее по памяти — даже лицо, искаженное сладким страданием. Он выслушал от Дюка изъявления благодарности и вернулся к себе.

Майка не раздражало обилие корреспонденции; он купался в потоке писем, наслаждаясь деловыми и брачными предложениями и объявлениями. Поездка во дворец открыла Майку глаза на поразительное разнообразие нового мира, и он дал себе слово во все вникнуть. Ему нужно расти, расти и расти, на это уйдут века, но куда спешить? Майк знал, что вечность — то же самое, что переменчиво-прекрасное настоящее.

Он решил больше не перечитывать Британскую Энциклопедию: почта давала более живое представление о мире. Майк читал, вникал, а непонятное запоминал, чтобы обдумать ночью, когда все стихнет. Ему казалось, что он начинает вникать в смысл слов «бизнес», «купля», «продажа» и в другие немарсианские понятия. Энциклопедия не давала такой возможности; Майк понял, почему: она исходила из того, что читателю известны некоторые основные понятия, которые в действительности были Майку незнакомы.

Однажды пришел пакет от Генерального Секретаря мистера Джозефа Эджертона Дугласа: чековая книжка и какие-то бумаги. Брат Джубал долго объяснял, что такое деньги и как ими пользоваться. Майк не понимал, хотя Джубал несколько раз показал, как выписывать чек, обменял чек на деньги и пересчитал их.

И вдруг пришло озарение, такое ослепительное, что Майк задрожал. Он вник, что такое деньги! Эти краси-

вые картинки и яркие бляшки — не деньги, это символы идеи, которая правит людьми и их миром. Деньги — не вещи, как близость — не вода. Деньги — это идея, такая же отвлеченная, как мысли Старших Братьев; деньги — это управляющая, уравновешивающая, сближающая сила.

Майк был поражен величием денег. Он проникся уважением к Старшим Братьям этого племени, выдумавшим такую стройную, всеобъемлющую идею, отразившую весь мир. Если бы можно было встретиться хоть с одним из них!

Джубал подстрекал Майка тратить деньги, и Майк стал тратить, с робкой готовностью невесты, которую ведут к брачному ложу. Харшоу предложил ему для начала купить подарки друзьям, Джилл помогла ограничить расходы разумной суммой.

Майк понял, что тратить деньги нелегко. Кругом было столько вещей, прекрасных и незнакомых!

— Нет,— говорила Джилл,— Дюку не нужен трактор.

— Дюку нравятся тракторы.

— У него уже есть один, хватит. Можно было бы купить вот этот бельгийский велосипед, он бы его целыми днями разбирал и собирал, но это дорого. Майк, милый, подарок не должен быть дорогим. Разве что девушке, на которой хочешь жениться, можно покупать дорогие вещи. По подарку должно быть видно, что ты помнишь и уважаешь вкусы друга. Это должно быть что-то такое, что человеку понравится, но чего он сам себе не купит.

— Как это?

— Сейчас объясню. Постой, в сегодняшней почте есть кое-что для примера,— она вышла и вскоре вернулась с ярким листком.— Слушай: «Живая Афродита» — подарочный набор фотографий для мужчин! Сочные цвета, лучшие фотографы! Примечания: заказы принимаются из штатов.. м-м-м... Пенсильвании в списке нет, но мы постараемся как-нибудь заказать. Дюку это должно понравиться...

Альбом был доставлен на виллу Харшоу патрульной машиной Особой Службы. На упаковке красовалась надпись: «По специальному заказу — Человеку с Марса». Майк расцвел, Джилл поморщилась.

Выбрать подарок для Джубала оказалось нелегко. Даже Джилл не могла придумать, что купить человеку, у которого есть все, чего он хочет. Золотую рыбку? Висячие сады Семирамиды? Он не хочет заводить соба-

ку, потому что если умрет собака, он будет тосковать, а если умрет он, будет тосковать собака. Спросили у домашних. Дюк сказал:

— Привет, вы не знаете, что босс любит статуи?

— Правда? — удивилась Джилл.— Я не видела здесь ни одной скульптуры.

— То, что ему нравится, редко продается. А то, что продается, ему не нравится. Босс говорит, что современные скульптуры не будут смотреться рядом с розами.

— Дюк верно говорит,— подтвердила Энн.— Пойдем, я покажу тебе фотографии.

В кабинете Харшоу Энн сняла с полки три книги, самые потрепанные.

— Ага,— сказала она,— босс любит Родена. Майк, что бы ты выбрал? Мне нравится эта — «Вечная весна».

Майк перевернул несколько страниц.

— Вот эту.

— Что? — Джилл передернула плечами.— Какой ужас! Дай мне Бог умереть лет на пятьдесят раньше, чем я начну так выглядеть!

— Это красота,— твердо сказал Майк.

— Майк,— запротестовала Джилл,— у тебя извращенный вкус. Ты еще хуже, чем Дюк!

В других обстоятельствах подобное заявление заставило бы Майка замолчать и провести ночь в поисках вины. Сейчас он был уверен в себе. Изображенная на фотографии фигура была как привет из дома. Хотя это была земная женщина, Майку казалось, что ее создал марсианский Старший Брат.

— Это красота,— настаивал Майк.— У нее есть свое лицо. Я вникаю.

— Джилл,— медленно произнесла Энн,— Майк прав.

— Энн, неужели тебе это нравится?

— Мне на нее страшно смотреть. Но книга открывается сама собой в трех местах, причем на этой странице — легче всего. Майк угадал любимую скульптуру Джубала.

— Я ее куплю,— решительно заявил Майк.

Энн позвонила в музей Родена в Париже, и только галльская вежливость удержала директора от смеха. Продать работу Мастера? Моя дорогая леди, их нельзя не только продавать, но даже копировать!.. Non, non, non! Quelle idee!*

---

* Нет, нет, нет! Что за идея! (*фр.*)

Пришлось звонить Брэдли; через два дня он сообщил, что правительство Франции сделает Человеку с Марса подарок — полноразмерную точную копию скульптуры «Та, что была когда-то прекрасной Ольмиер». Единственное условие: подарок не должен выставляться.

Джилл помогла выбрать подарки для Энн, Мириам и Доркас, а когда Майк спросил, что купить для нее самой, сказала: «Ничего не нужно». Майк уже понял, что даже если все братья говорят правильно, то одни иногда говорят правильнее, чем другие. Он решил спросить совета у Энн.

— Она отказалась, потому что так полагается. А ты все равно что-нибудь подари. Например...— Энн выбрала странный подарок: Джилл и без него имела запах.

Когда подарок доставили, Майк совсем разочаровался: он был маленький, невзрачный и издавал слишком сильный запах, непохожий на запах Джилл.

Но Джилл, увидев подарок, пришла в восторг и бросилась Майку на шею. Когда она его поцеловала, он понял, что подарил именно то, что нужно, и подарок приблизил их друг к другу.

За обедом Майк обнаружил, что от Джилл еще более восхитительно пахнет Джилл, чем обычно. Он удивился, когда Доркас поцеловала его и шепнула на ухо:

— Майк, солнышко, ты подарил мне роскошный пеньюар, но, может быть, когда-нибудь подаришь и духи?

Майк не мог взять в толк, зачем ей духи. Доркас пахнет не так, как Джилл, значит духи ей не подойдут. И к чему Доркас пахнуть, как Джилл? Доркас должна пахнуть, как Доркас...

Выручил Джубал.

— Дайте человеку спокойно поесть! Отстань, Доркас, ты и без духов порядочная кошка.

— Не лезьте не в свое дело, босс!

Странно: от Джилл еще сильнее пахнет Джилл, Доркас хочет, чтобы от нее тоже пахло Джилл, а от нее пахнет ею самой. Джубал говорит, что от Доркас пахнет кошкой... В доме был кот (не домашний, а полузависимый), время от времени он появлялся и снисходительно принимал пожертвования. Они с Майком прекрасно в друг друга вникали. Майк находил плотоядные настроения кота созвучными своим. Он обнаружил, что зовут кота не по-кошачьи (Фридрих Вильгельм Ницше), но

никому этого не говорил, потому что кошачьего имени кота произнести не мог, а только ощущал. От кота пахло совсем не так, как от Доркас.

Дарить подарки было приятно и полезно: Майк узнал цену деньгам. Однако он не забывал и о других вещах, которые хотел узнать. Джубал уже дважды откладывал визит к сенатору Буну, ничего не говоря Майку. Тот не заметил: для него «следующее воскресенье» ничего не значило. Но тут пришло письменное приглашение: на Буна давил Епископ Дигби, и Бун решил нажать на Харшоу.

Майк принес письмо Джубалу.

— Майк! Зачем тебе к ним идти? Давай пошлем их к черту!

В ближайшее воскресенье присланный Буном автобус с живым водителем (Джубал не доверял роботам) доставил Майка, Джилл и Харшоу в молельню Архангела Фостера.

Глава 23

Всю дорогу Джубал предостерегал Майка; от чего, Майк не понял. Он старался слушать, но за окном автобуса было столько интересного! В конце концов Майк, глядя в окно, стал запоминать, что говорит Джубал.

— Смотри, мальчик, фостеритам нужны твои деньги и твое имя. Шутка ли, Человек с Марса в лоне фостеритской церкви! Они станут тебя обрабатывать — не поддавайся!

— Прошу прощения?

— Черт возьми, ты не слушаешь?

— Извини, Джубал...

— Ладно, давай по-другому. Религия для многих является убежищем, и можно допустить, что какая-то религия владеет Абсолютной Истиной. Но религиозная вера — обратная сторона самодовольства. Вера, в которой я был воспитан, утверждала, что я, ее приверженец, лучше других. Я «благословен», другие «прокляты»; я в царстве добра, они в царстве греха. И брат Махмуд попадает в царство греха. Деревенские мужики, которые мылись раз в месяц, претендовали на знание Абсолютной Истины. Они сверху вниз смотрели на людей, которые не пели вместе с ними хвастливых гимнов

о том, на какой мы короткой ноге с Господом, как он нас любит и какую устроит всем остальным взбучку в Судный День...

— Джубал,— перебила Джилл,— он не вникает!

— Извини... Мои родители хотели, чтобы я стал проповедником. Очевидно, они кое-чего добились.

— Многого.

— Не смейся. Из меня вышел бы неплохой проповедник, не заведи я дурную привычку читать книги. Если бы у меня было чуть больше уверенности в себе и чуть меньше знаний, я стал бы выдающимся евангелистом. И балаган, в который нас пригласили, называл бы молельней Архангела Джубала.

Джилл брезгливо поджала губы:

— Джубал, такие вещи нельзя говорить после завтрака.

— Я не шучу. Образованный человек понимает, когда он лжет; это ограничивает его возможности. А настоящий шаман должен верить в то, что говорит, тогда его возможности безграничны и вера заразительна. Мне не хватило веры в свою непогрешимость, я не дотянул до пророка, оставшись критиком,— Джубал нахмурился.— Фостериты искренни в своей вере, поэтому я их боюсь. Майка можно легко подкупить искренностью.

— Как вы думаете, что они станут делать?

— Сначала обратят в свою веру, потом выманят деньги.

— Я думала, вы устроили все так, что никто не сумеет отнять у Майка деньги.

— Против его воли никто. Даже по своей воле он не откажется от состояния без разрешения правительства. Но если он захочет отдать деньги правительственной церкви — тут ему никто помешать не может.

— Почему?

— Милая моя, над церковью не властен никакой закон. Церкви дозволено все, что не дозволено никому другому. Церковь не платит налогов, ни перед кем не отчитывается, никем не контролируется. Церковь — это все то, что только можно назвать церковью. Когда-то делались попытки разграничить религии и культы, но это оказалось невозможным... Если Майк станет фостеритом, завещает имущество церкви, а сам решит как-нибудь на рассвете взойти на небеса, все будет совершено законно, как церковная служба в воскресенье.

— Господи! Я думала, что Майк уже в безопасности.

— Дорогая моя, по эту сторону могилы не ищи безопасности.

— Что же вы будете делать, Джубал?

— Ничего. Злиться.

Майк запомнил их разговор, даже не стараясь в него вникнуть. Предмет разговора, такой понятный на родном языке, на английском становился неуловимым. Даже брат Махмуд не понял Майка, когда услыхал простейшую формулу «Ты есть Бог». Поэтому Майк решил подождать; скоро брат Джилл выучится его языку, тогда он ей все объяснит. Они вникнут друг в друга, и она поймет.

Сенатор Бун ждал их на посадочной площадке.

— Привет, люди! Благослови вас Господь! Рад вас видеть, мистер Смит! И вас, доктор,— он вынул изо рта сигару и посмотрел на Джилл.

— Маленькая леди, я вас, кажется, тоже видел во Дворце?

— Да, сенатор. Меня зовут Джиллиан Бордмэн.

— Так я и думал. Вы верующая?

— Пожалуй, нет, сенатор.

— О, это никогда не поздно. Мы будем рады, если вы посетите службу для новообращенных. Вас проводят. А мы с мистером Смитом и доком пойдем в святилище.

— Сенатор!

— Да, док?

— Если мисс Бордмэн нельзя в святилище, мы тоже туда не пойдем, а отправимся на службу для новообращенных. Мисс Бордмэн — сестра милосердия при мистере Смите.

— Мистер Смит нездоров? — встревоженно спросил Бун.

Джубал пожал плечами.

— Мистер Смит еще не вполне акклиматизировался на нашей планете. Я сопровождаю его в качестве врача и привык работать в паре с сестрой. Можем узнать мнение мистера Смита на этот счет. Майк, тебе нужна Джилл?

— Нужна.

— О'кей, мистер Смит.

Бун снова вынул изо рта сигару, сунул в рот два пальца и засвистел. Прибежал мальчик-подросток, одетый херувимом: лосины, детские сандалии, длинная

широкая рубаха, на спине крылышки, как у голубка. У него были золотистые кудри и лучезарная улыбка. «Сфотографировать бы его для рекламы ячменного пива»,— подумала Джилл.

Бун приказал:

— Лети в офис и скажи дежурному, что мне нужен еще один значок пилигрима. Пароль — «Марс».

— Марс,— повторил мальчик и взлетел над толпой.

Джилл поняла, почему у него такая широкая рубаха: под ней спрятано устройство для передвижения прыжками.

— Приходится держать значки на строгом учете,— посетовал Бун.— Вы не представляете себе, сколько грешников хотят вкусить Божью Благодать, не искупив своих грехов. Мы тут покрутимся да поглазеем, пока принесут третий значок.

Они протолкались сквозь толпу и вошли в молельню — высокий просторный зал. Бун остановился.

— Заметьте,— сказал он,— торговля присутствует везде, даже в деяниях Господа. Всякий гость, посетил он службу для новообращенных или нет, приходит сюда. Что же он видит? — Бун показал на игровые автоматы. Счастливый шанс. Бар и закусочная находятся в дальнем конце. Редкий грешник дойдет туда, не попытав счастья. Но нельзя сказать, что мы берем у него деньги и ничего не даем взамен. Смотрите.

Бун протолкался к автомату, потеснил игравшую женщину.

— Дочь моя, позволь...

Она оглянулась, досада на ее лице тут же уступила место радости.

— Прошу вас, Епископ...

— Благослови тебя Господь. Видите,— Бун бросил в прорезь четверть доллара,— даже если грешник ничего не выиграет, он получает в награду благословение и небольшой священный текст на память.

Автомат заурчал. Когда он остановился, в окошке высветилось: БОГ ВИДИТ ТЕБЯ.

— А вот и сувенир,— Бун оторвал полоску бумаги, высунувшуюся из автомата.— Сохраните его, милая леди, и почаще думайте над ним.

Джилл сунула бумажку в кошелек, но сначала пробежала ее глазами. «Но брюхо грешника набито грязью. Н.О.XXII 17»,— значилось там.

— Обратите внимание,— продолжал Бун,— что выигрыш выдается не в виде денег, а в виде жетонов. За баром находится казна, туда и можно делать пожертвования. Обычно грешники сдают туда выигранные жетоны в обмен на благословения и новые поучительные тексты. Очень многие наши прихожане вступили на путь веры именно в казне.

— Я не сомневаюсь,— сказал Джубал.

— Особенно здорово бывает, когда срывают банк. За это полагается не просто благословение, а три Всевидящих Ока. Когда грешник видит три глаза, глядящие прямо в душу, он начинает думать. Некоторые падают в обморок.

Бун положил Майку на ладонь жетон.

— Попробуйте!

Майк колебался. Джубал отобрал у него жетон (не стоит подпускать парня к однорукому грабителю) и сунул его в автомат.

Майк растянул чувство времени и попытался вникнуть, что происходит внутри автомата. Он еще не решался играть.

Тут закрутились цилиндры и Майк увидел глаза, нарисованные на них. Интересно, что такое «сорвать банк»? Майк синхронизировал движение цилиндров, так чтобы к концу игры в окошке оказались три глаза.

Зазвенели колокола, хор запел осанну, автомат замигал огоньками и принялся выплевывать жетоны. Бун рассыпался в поздравлениях.

Майку стало любопытно, отчего это все происходит, и он опять подогнал глаза на одну линию. Все повторилось, с той лишь разницей, что высыпалась не куча жетонов, а один.

— Черт меня возьми! Этого не может быть,— испугался Бун и бросил в автомат жетон, чтобы автомат не стоял пустой.

Майк так и не понял, что такое «сорвать банк», и еще раз выстроил глаза в ряд. У Буна отвисла челюсть. Джилл сжала руку Майка и шепотом приказала:

— Перестань!

— Джилл, я хотел посмотреть...

— Без разговоров! Прекрати! Дома все объясню.

— Я бы не спешил называть это чудом,— протянул Бун.— Мне кажется, здесь обычная авария. Херувим! Попробуем еще раз,— и бросил жетон.

Без вмешательства Майка автомат выдал: ФОСТЕР ЛЮБИТ ТЕБЯ.

Прибежал херувим.

— Добрый день. Что случилось?

— Три банка подряд,— сказал Бун.

— Три?!

— А ты глухой? Музыки не слышал? Мы будем в баре, принесешь туда деньги. И проследишь, чтобы отремонтировали автомат.

— Есть, Епископ.

— Пойдемте-ка от греха подальше,— заторопил всех Бун.— Неровен час, вы нас разорите. Вам всегда так везет, док?

— Всегда,— важно заявил Харшоу.

Он уже понял, что без Майка тут не обошлось, и молил (Бога?), чтобы это был последний на сегодня фокус.

Бун подвел гостей к стойке с табличкой «Занято» и спросил:

— Расположимся здесь или маленькая леди предпочитает сидеть за столиком?

— О, спасибо, не стоит беспокоиться. («Еще раз назовешь маленькой леди — натравлю Майка!»)

Подошел бармен.

— Добрый день! Вам как всегда, Епископ?

— Двойную порцию. Доктор, мистер Смит, что будете пить? Не стесняйтесь, вы гости Верховного Епископа!

— Спасибо. Бренди, воду отдельно.

— Спасибо. Бренди, воды не нужно.

Во-первых, церемония возможна и без воды, а во-вторых, Майку просто не хотелось пить здесь воду.

— О-о-о! Мы серьезные люди! Что будет пить маленькая леди? Кока-колу? Молоко?

— Сенатор,— Джилл изо всех сил сдерживалась,— вашего гостеприимства хватит на мартини?

— Ну, разумеется. У нас лучший в мире мартини! Вместо вермута мы льем благословения. Двойной мартини для маленькой леди. Поторопись, сын мой, Господь тебя благослови! У нас мало времени. Засвидетельствуем почтение Архангелу Фостеру — и в Святилище, слушать Верховного Епископа Дигби.

Принесли напитки и деньги в обмен на жетоны. Бун произнес тост-благословение и вручил Джубалу триста долларов. Джубал оставил деньги в сосуде для пожертвований.

Бун одобрительно кивнул.

— Это благородный жест, доктор! Мы помолимся о спасении вашей души. Выпьем еще?

Джилл надеялась, что кто-нибудь из мужчин скажет да; мартини был слабый, и ей захотелось еще. Но все молчали, и Бун повел гостей прочь из бара. Они поднялись по лестнице и остановились перед дверью. Бун объявил:

— Епископ Бун и три пилигрима — гости Епископа Дигби.

Дверь открылась. Коридор привел их в большую, роскошно обставленную комнату, вроде приемной серьезного бизнесмена. Звучала рождественская музыка, смешанная с африканскими ритмами. Джилл захотелось танцевать.

Одна стена была прозрачная, потом оказалось, что ее просто нет. Бун сказал:

— Мы на месте — в Присутствии. На колени становиться не обязательно, но если хотите, можете стать. Почти все пилигримы становятся. А вот и Он — такой же, каким был, когда Его призвали на небеса.

Бун указал куда-то сигарой.

— Правда, естественно выглядит? Он святой, и тело не поддалось тлению. В этом кресле он сидел, когда писал свои послания. Прямо оттуда его забрали на небо. Мы не сдвигали его с места— построили молельню вместо старой маленькой церкви, в которой он сидел.

В глубине комнаты, в кресле, похожем на трон, сидел старик. Он был как живой и напоминал Джилл старого козла, которого она в детстве видела на ферме у бабушки. Ей стало не по себе, по коже побежали мурашки.

Майк спросил по-марсиански:

— Брат мой, это Старший Брат?

— Не знаю, Майк, говорят, да.

— Я не чувствую в нем Старшего Брата.

— Я же сказала, не знаю.

— От него исходит зло.

— Майк! Ты обещал.

— Не буду, Джилл.

— Маленькая леди,— заинтересовался Бун,— о чем вы говорите? Мистер Смит, о чем вы спросили?

— Это мы о своем,— поспешно ответила Джилл.— Сенатор, можно мне выйти? Мне дурно...

Она вновь взглянула на тело. Над ним клубились тучи. Луч солнца пробился сквозь них и упал на лицо Архангела, глаза которого при этом заблестели, как живые.

Бун успокоительно сказал:

— Понимаю, это впечатляет. Но вы еще не были внизу, в галерее для новообращенных. Они смотрят на Архангела снизу и под другую музыку — тяжелый рок с инфразвуком. Это помогает вспомнить о грехах. Мы же находимся в Комнате Счастливых Дум; она предназначена для заслуженных деятелей церкви. Когда у меня плохое настроение, я прихожу сюда развеяться.

— Сенатор, я вас прошу!

— Да, конечно. Подождите за дверью, дорогая. Мистер Смит, вы можете оставаться здесь, сколько хотите.

— Сенатор, не лучше ли нам всем отправиться на службу,— предложил Джубал.

Все повернули к выходу. Джилл на самом деле было нехорошо: она боялась, что Майк сделает что-нибудь с этим мерзким чучелом и их линчуют.

У входа в Святилище двое часовых, перекрестив копья, преградили им путь. Бун с упреком сказал:

— Вот новости! Эти пилигримы — гости Верховного Епископа. Где их значки?

Появились значки и входные номера.

— Сюда, Епископ,— сказал привратник и повел их в бельэтаж.

Бун продемонстрировал хорошие манеры:

— Только после вас, маленькая леди.

Вежливость сенатора объяснялась тем, что он хотел сесть рядом с Майком, но Джубал вынудил Буна оставаться вежливым до конца и поместил Майка между собой и Джилл.

Обстановка в бельэтаже была роскошная: откидные сиденья, пепельницы, столики для закусок. Они сидели над толпой прихожан, футах в восьмидесяти от престола. Молодой пастор подогревал толпу, притопывая под музыку и подергивая мускулистыми руками. Его густой бас заглушал хор.

— Оторвите свои задницы от скамеек! Шевелитесь, не давайте дьяволу усыпить вас!

Толпа, как огромная змея, переползла мимо алтаря из правого нефа в центральный. Люди пританцовывали под музыку. Бум-бум, мя-яу! Бум-бум, мя-яу! Джилл

почувствовала, что ее захватывает этот ритм и ей хочется влиться в танцующую толпу, как вливались все новые и новые люди, повинуясь голосу молодого пастора.

— Способный парень,— с одобрением заметил Бун.— Я работал с ним в паре — доводит толпу до белого каления. Преподобный отец Джеккерман. Вы должны его знать: он играл левым полузащитником у Рэмз.

— Увы, я не увлекаюсь футболом,— признался Джубал.

— Не может быть! В сезон наши прихожане остаются в церкви после службы и смотрят матчи. Еду берут с собой. Стена за алтарем отодвигается, а за ней стоит большой аппарат стереовидения. Качество изображения и стереоэффект такие, что кажется: сидишь на футбольном поле. Да еще когда вокруг толпа — море удовольствия! Херувим! — Бун свистнул.

Прибежал привратник.

— Слушаю, Епископ.

— Сын мой, ты убежал так быстро, что я не успел отдать тебе приказ.

— Прошу прощения, Епископ.

— На извинениях в небеса не взлетишь. Спрячь свою дурацкую пружину и ходи ногами. Выпьем еще по одной, ребята? — Он заказал напитки и добавил:— Принеси мне из бара моих сигар.

— Иду, Епископ.

— Благослови тебя Господь! Постой! — голова змеи находилась как раз под ними. Бун перегнулся через перила, сложил руки рупором и крикнул.— Дон! Эй, Дон!

На крик обернулась женщина, Бун поманил ее к себе, она улыбнулась и отделилась от толпы.

— Принеси еще порцию виски с лимонным соком. Лети.

И новая гостья, и напитки прибыли быстро. Бун опустил еще одно сиденье.

— Познакомьтесь, ребята, с мисс Дон Ардент. Дорогая, это мисс Джиллиан Бордмэн, а это — знаменитый доктор Джубал Харшоу.

— Сам доктор Харшоу? Доктор, у вас божественные рассказы!

— Спасибо.

— В самом деле. Один из них я записала на магнитофон и каждый вечер слушаю перед сном.

— Для писателя нет похвалы выше,— сказал Джубал с каменным лицом.

— Хватит об этом, Дон. Молодой человек между ними — Валентайн Майкл Смит, Человек с Марса.

— Силы небесные! — она вытаращила глаза.

— Благослови тебя Господь,— зарычал Бун.

— Вы действительно Человек с Марса? — спросила Дон.

— Да, мисс Дон Ардент.

— Называйте меня просто Дон. О, Господи!

Бун похлопал ее по плечу.

— Дочь моя, ты помнишь, что сомневаться в словах Епископа грешно? Дорогая моя, будь добра, помоги Человеку с Марса увидеть свет нашей веры.

— О, с радостью!

«Еще бы ты отказывалась, сучка!» — подумала Джилл. Она с первого взгляда почувствовала неприязнь к мисс Ардент. Мисс Ардент была одета в плотное платье с длинными рукавами и глухим воротом, которое, тем не менее, ничего не скрывало. Оно было трикотажное, телесного цвета и под ним — Джилл показалось — отсутствовало белье. И зачем белье, если есть такое тело? Впрочем, по сравнению с другими прихожанками мисс Ардент выглядела скромницей: у них были такие платья, что, танцуя, женщины едва не выскакивали из них.

У Джилл сложилось впечатление, что мисс Ардент только что вылезла из постели и ей не терпится залезть туда вновь, с Майком. «Да перестань же ты совать ему в лицо свой бюст, дешевая девка!»

Бун сказал:

— Я поговорю об этом с Верховным Епископом. А сейчас возвращайся на место. Преподобному отцу без тебя не обойтись.

— Слушаюсь, Епископ. Была рада с вами познакомиться, доктор и мисс Броуд. Мистер Смит, надеюсь увидеться с вами еще. Я помолюсь за вас,— и понесла волнующие телеса прочь.

— Милая девочка,— сказал Бун.— Вы видели, как она работает?

— Пожалуй, нет. А что она делает?

— Как! Вы не знаете?

— Увы.

— Вы не слышали ее имени? Это ведь Дон Ардент — самая высокооплачиваемая мастерица стриптиза во всей

Байя Калифорниа. Она работает в радужном свете, а когда раздевается до туфель, освещенным остается только лицо. Знаете, это производит впечатление. Она одна из наших лучших прихожанок. Разве скажешь, глядя ей в глаза, что она была крайне аморальной женщиной?

— Ни в коем случае.

— А это так. Спросите — она вам расскажет. А еще лучше, пойдемте в исповедальню, узнаем, когда она собирается исповедоваться. После ее исповедей другие женщины охотнее рассказывают о своих грехах. Она ничего никогда не утаивает — всегда рада помочь людям. Очень искренне верит. Каждую неделю после субботнего шоу прилетает сюда, в Воскресную школу. Ведет Урок Счастья у молодых людей. С тех пор, как она начала преподавать, посещаемость повысилась в три раза.

— Вполне вероятно,— заметил Джубал.— А сколько лет этим молодым людям?

Бун засмеялся.

— Ах вы, проказник! Вам уже, наверное, кто-то сказал девиз ее урока: «Молодым быть никогда не поздно!».

— Честное слово, никто.

— Посещать Воскресную школу вам можно будет только после того, как вы увидите свет веры и очиститесь от греха. Наша церковь — единственная Божья церковь, пилигрим, в отличие от вертепов Сатаны, объявляющих себя церквями и завлекающих людей в грех идолопоклонства и другие страшные грехи. К нам нельзя войти, чтобы переждать дождь, сначала нужно очистить душу... О, съемка началась! — в углах зала замигали огни.— Преподобный уже завел публику. Сейчас вы увидите настоящую службу!

Танцующих все прибавлялось. Люди, оставшиеся сидеть, подпрыгивали на скамьях и отбивали ритм, топая ногами и хлопая в ладоши. Херувимы поднимали упавших — в основном женщин, бившихся в истерике. Их несли к алтарю, где они продолжали дергаться, как рыбы на песке. Бун указал сигарой на рыжеволосую женщину лет сорока, в изорванном платье.

— Вот уже год, как в нее регулярно — на каждой службе — вселяется Святой Дух. Иногда Архангел Фостер говорит нам ее устами. Когда это случается, ее держат четверо прислужников. Она уже готова к восше-

ствию на небо и может сделать это в любой момент. Кому еще налить? Когда начинается съемка, бар уже не работает.

Майк позволил еще раз наполнить свой стакан. Он не разделял отвращения Джилл по отношению к происходящему. Его покоробило, что Старший Брат оказался куском гнилого мяса, но он отложил этот факт для дальнейшего осмысления и упивался творящимся внизу бедламом. Настроение службы было настолько марсианским, что Майк одновременно испытывал и тоску по дому, и иллюзию того, что он дома. Внешне все было не по-марсиански, но Майк вникал, что внизу происходит сближение, как через воду, такое сильное и массовое, какого здесь ему не приходилось видеть. Ему нестерпимо хотелось, чтобы кто-нибудь пригласил его присоединиться к танцу. Он чувствовал, как подергиваются мышцы на ногах.

Майк увидел мисс Дон Ардент; может быть, она позовет. Ему не пришлось вычислять ее по росту и фигуре, которыми она была очень похожа на брата Джилл: у мисс Ардент было собственное лицо, на котором читалась доброта, печаль и мудрость. Может быть, когда-нибудь она согласится разделить с Майком воду? Сенатор Бун Майку не нравился, хорошо, что Джубал оттер его подальше. А сидеть рядом с мисс Дон Ардент было бы неплохо.

Мисс Дон Ардент так и не взглянула на Майка. Людской поток понес ее дальше.

Человек на возвышении поднял руки. В зале стало тише. Вдруг он уронил руки вниз.

— Кто из вас счастлив?

— МЫ ВСЕ СЧАСТЛИВЫ!

— Отчего?

— БОГ... ЛЮБИТ НАС?

— Откуда вы знаете?

— ТАК СКАЗАЛ ФОСТЕР!

Пастор упал на колени и поднял к небу кулак.

— Так услышим же львиный РЫК!

Толпа зарычала, завопила, завизжала. Звук то усиливался, то ослабевал; переходил с бархатных тонов на пронзительные. У Майка захватило дух, он готов был уйти в себя, но Джилл запретила; Майк остался со всеми и купался в волнах их крика.

Пастор поднялся с колен.

— Наш первый гимн,— сказал он отрывисто,— посвящается компании «Манна Бейкериз», производящей священный хлеб! Братья и сестры! Завтра по всей стране начнется продажа изделий компании «Манна Бейкериз» по сниженным ценам! Хлеб будет продаваться в пакетах с портретом Верховного Епископа. Некоторым из вас в хлебе попадутся выигрышные билеты, которые можно обменять на деньги в ближайшей церкви Нового Откровения. Пусть ваши дети пойдут в школу с полной сумкой священного хлеба, пусть делятся им с детьми грешников и приближают их к нашей вере! Оживим же ее свет священными словами нашего гимна «Смелее, фостериты!» Три, четыре:

Смелее, фостериты,
В атаку на врагов!
С нами вера в Бога,
Фостера любовь.

— Второй куплет, три, четыре:

Нет пощады грешникам,
Бей их, что есть сил!

Майк был так очарован, что даже не пытался вникать в смысл слов. Он понял, что суть не в словах, а в сближении, которое они несут людям. Прихожане вновь замаршировали по залу, на ходу выкрикивая слова гимна.

После гимна пастор читал объявления, послания ангелов и архангелов, что-то еще рекламировал, разыгрывал призы по входным номерам. Второй гимн («Поднимем счастливые лица») посвящался торговой фирме Даттельбаум Департмент Сторез. После гимна пастор подошел к краю сцены и приложил руку к уху.

— Что-что?

— Хотим... видеть... Дигби!

— Кого-кого?

— Хотим — видеть — ДИГБИ!!!

— Громче! Он не слышит!

— ХО-ТИМ ДИГ-БИ!!! Хлоп-хлоп, топ-топ!

ХО-ТИМ ДИГ-БИ!!! Хлоп-хлоп, топ-топ!

Начали шататься стены. Джубал наклонился к уху епископа и прошептал:

— Еще немного, и мы повторим подвиг Самсона.

— Не волнуйтесь, наш цемент замешан на вере.

А если серьезно, раскачивание заложено в проекте. Производит впечатление, нагнетает атмосферу.

Погас свет, опустились шторы. На сцене в круге ослепительного света появился Верховный Епископ Дигби. Он потрясал над головой сплетенными в замок руками.

Толпа встретила его львиным рыком и воздушными поцелуями. Епископ подошел к одержимым, которые бились в судорогах, и поцеловал каждую. Рядом с рыжеволосой он стал на колени и протянул руку за спину. Ему вложили в руку микрофон, который епископ приблизил к губам женщины.

Майк не понял, что она говорила; ему даже показалось, что она говорит не по-английски. В паузах между ее рыданиями Верховный Епископ переводил:

— Архангел Фостер с нами...

— Он доволен тобой. Поцелуй сестру, стоящую справа...

— Архангел Фостер любит тебя. Поцелуй сестру, сидящую слева...

— Он хочет сказать кое-что одному из нас...

Женщина сказала что-то еще. Дигби не расслышал.

— Что? Громче, прошу вас.

Она что-то забормотала и забилась в рыданиях.

Дигби выпрямился и улыбнулся.

— Архангел передал послание пилигриму с другой планеты, Человеку с Марса Валентайну Майклу Смиту. Где ты, Валентайн Майкл? Встань!

Джилл хотела остановить Майка, но Джубал буркнул:

— Лучше не сопротивляться. Пусть встанет. Помаши им рукой, Майк. Садись.

Майк помахал рукой и сел, удивленный тем, что люди начали скандировать: «Человек с Марса! Человек с Марса!». Майку было неловко: он не понимал многих славословий, его смущал шум. Наконец служба в честь Человека с Марса прекратилась, верховный Епископ передал бразды правления молодому пастору и ушел. Бун поднялся.

— Пора идти, ребята. Лучше выйти, пока вся толпа не повалила.

Они шли через замысловатое сплетение арок. Джубал спросил:

— Мы идем на стоянку? Я велел водителю подождать нас.

— Мы идем на аудиенцию к Верховному Епископу.

— Что? Нам пора домой!

— Как вам не стыдно, доктор,— возмутился Бун.— Нужно ведь засвидетельствовать почтение человеку, который пригласил вас в гости!

Джубал сдался.

— Там хоть народу не будет? Парень и так перегружен впечатлениями.

— Только Верховный Епископ Дигби.

Бун втолкнул их в лифт; через минуту они вошли в приемную Дигби. Открылась дверь, Дигби поспешил навстречу гостям.

— Простите, что заставил вас ждать. Принимал душ. Вспотел, сражаясь с Сатаной. Так вот он какой, Человек с Марса! Благослови тебя Господь, сын мой. Добро пожаловать в дом Господа. Архангел Фостер просил тебя быть как дома. Он наблюдает за тобой.

Майк не отвечал. Джубал с удивлением отметил, что Дигби очень низенький. Наверное, к прихожанам выходит на каблуках. А может, дело в освещении. Епископ напоминал Джубалу торговца подержанными машинами: сердечная улыбка, радушные манеры. Мешала только козлиная бородка а-ля Фостер. Нет, он похож на кого-то конкретного. Ах, да! Саймон Магус, давно почивший муж Бекки Вези. Джубал сразу же почувствовал к священнику расположение. Саймон был очаровательный человек.

Дигби уже очаровывал Джилл.

— Не становись на колени, дочь моя. Мы говорим, как друзья.

Послушав еще, Джилл поразилась: он почти все о ней знает.

— Я преклоняюсь перед твоим призванием, дочь моя. Архангел Фостер завещал нам избавлять тело от страданий, чтобы душа могла предаваться поискам истины. Я знаю, что ты еще не вошла в нашу семью, но твое дело освящено Господом. Мы спутники в дороге на небеса.

Епископ обратился к Харшоу.

— Вы также наш друг и попутчик, доктор. Архангел Фостер говорит, что Господь велит нам быть счастливыми. Очень часто я, в минуту усталости или тяжких раздумий, обращаюсь к вашим книгам. Они возвращают мне душевное равновесие.

— Благодарю вас, Епископ.

— Ваши произведения дарят людям счастье. Я велел выяснить ваше предназначение. Я понимаю, что вы неверующий, но даже Сатана имеет определенное место в Великом Плане, начертанном Господом. Вам еще не пришло время уверовать. Но из своих страданий и печалей вы ткете счастье для других. Впрочем, довольно. Я пригласил вас не за тем, чтобы вести теологические споры. Мы ни с кем не спорим. Мы ждем, пока человек сам увидит свет веры, и принимаем его в ее лоно. Давайте посидим и побеседуем, как добрые друзья.

Джубалу пришлось признать, что этот жулик — хороший хозяин. Кофе, коньяк, закуска — все было высшего качества.

Майк нервничал, особенно, когда Дигби отвел его в сторону, чтобы поговорить наедине. Но, в конце концов, парню нужно учиться общаться с людьми.

Бун показывал Джилл ковчег с фостеритскими святынями; Джубал наблюдал за ними, намазывая на хлеб паштет из печенки. Где-то рядом щелкнул замок, Харшоу оглянулся: ни Епископа, ни Майка в комнате не было.

— Где они, Сенатор?

— Кто, доктор?

— Епископ Дигби и мистер Смит.

Бун указал на дверь в стене.

— Они удалились в комнату для частных аудиенций. Разве Верховный Епископ вам ее не показывал?

— Ах, да,— вспомнил Харшоу,— это комната со стулом на подставке, то бишь троном, и скамеечкой для коленопреклонения.

Интересно, подумал он, кто будет сидеть на троне, а кто — стоять на коленях? Если Епископ заведет с Майком разговор о религии, ему придется снова принимать душ.

— Надеюсь, они скоро вернутся.

— Вероятно. Мистер Смит имеет право сказать Епископу пару слов наедине. Я велю водителю вашего автобуса подъехать прямо к выходу из покоев Епископа. Это сэкономит вам добрых десять минут.

— Очень мило с вашей стороны.

— Поэтому не стоит торопить мистера Смита, если он хочет излить душу. Я выйду, позвоню,— Бун ушел.

— Джубал, мне это не нравится,— встревожилась Джилл.— Они специально развели нас в разные стороны, чтобы поймать Майка одного.

— Очевидно.

— Какое право они имеют! Я сейчас ворвусь к ним и скажу Майку, что пора идти.

— Пожалуйста, если хочешь быть похожей на клушу. Если Дигби вздумал обратить Майка, то выйдет как раз наоборот. Убеждения Майка трудно поколебать.

— Все равно мне это не нравится.

— Расслабься. Жуй.

— Я не хочу есть.

— Если бы я отказался бесплатно пожевать, меня бы выгнали из Лиги писателей,— Харшоу поддел вилкой кусок ветчины, положил его на хлеб, намазанный маслом, добавил зелень и впился в бутерброд зубами.

Прошло десять минут, Бун не возвращался. Джилл решительно встала.

— Джубал, я забираю Майка.

— Вперед.

Джилл подошла к двери.

— Заперто.

— Разумеется.

— Что делать? Выбить?

— Будь здесь команда крепких парней с тараном, можно было бы попробовать. Не в каждом банке есть такая дверь.

— Что же делать?

— Постучи, если хочешь. Я гляну, что делает Бун.

Джубал выглянул в коридор и увидел, что Бун возвращается.

— Извините,— сказал Бун,— водителя на месте не было, посылал херувима его искать. Он завтракал в Комнате Счастья.

— Сенатор,— попросил Джубал,— нам пора идти. Будьте добры, скажите об этом Епископу Дигби.

— Я не имею права входить в комнату частных аудиенций, но если вы настаиваете, я позвоню.

— Пожалуйста, позвоните.

Буну не пришлось звонить: дверь открылась и вышел Майк.

Джилл взглянула ему в лицо и вздрогнула.

— Майк, ты в порядке?

— Да, Джилл.

— Я скажу Епископу, что вы уходите.— Бун вошел в комнату для личных аудиенций и тут же вышел.

— Верховного Епископа нет, вероятно, ушел к себе.

Как коты или повара, Верховные Епископы уходят, не прощаясь. Шутка. Он говорит, что лишнее «до свидания» не делает человека счастливее. Не обижайтесь.

— Что вы! Спасибо за интересную экскурсию. Провожать не нужно, мы выберемся сами.

Глава 24

На улице Джубал спросил:

— Майк, что ты об этом скажешь?

— Я не вник,— нахмурился Майк.

— Не ты один, сынок. Что говорил тебе Епископ?

Майк долго думал, наконец сказал:

— Брат мой Джубал, мне нужно подумать, прежде чем я вникну.

— Ну-ну.

— Джубал,— спросила Джилл,— как это получается? Не церковь, а сумасшедший дом!

— Увы, Джилл, это церковь. Концентрированное выражение нашего времени.

— Что-что?

— Новое Откровение — ерунда. Ни у Фостера, ни у Дигби нет оригинальных идей. Они собрали старые уловки, подкрасили их новыми красками и наладили бизнес. Процветающий бизнес, должен сказать. Не хотел бы я дожить до того времени, когда их религия станет обязательной для всех.

— О, нет!

— О, да! Гитлер начал с мелочей и в результате заработал ненависть. Дигби умнее: он торгует счастьем, причем оптом. А я приторговываю в розницу,— Джубал поморщился.— Я должен его возненавидеть, но он напомнил мне, что мы союзники, и я его полюбил. Он знает, что нужно человеку: счастье. Мы пережили столетие страха и нечистой совести, а Дигби говорит, что бояться нечего, ни сейчас, ни потом: Бог велит быть счастливыми. Изо дня в день он талдычит: не волнуйтесь, будьте счастливы.

— Но он много работает...

— Ха! Он много играет.

— Нет, у меня создалось впечатление, что он искренне верит, что он посвятил жизнь...

— Не смеши! Из всей чепухи, которой нам запудри-

вают мозги, самая вредная — альтруизм. Люди всегда делают только то, что хотят. Если человеку трудно сделать выбор, если шаг в какую-нибудь сторону выглядит, как жертва, будь уверена: страдания человека в этот момент ничуть не благороднее, чем муки жадности. Они происходят от необходимости отказаться от одной из двух желаемых возможностей. Работяга всегда страдает, когда у него появляется лишний доллар: выпить на него пива или купить конфет детям. Он сделает то, что более приятно и менее затруднительно. По большому счету и негодяй, и святой ведут себя одинаково. Дигби тоже. Святой он или негодяй — он сам это выбрал, потому что это ему приятно.

— И все же, он святой или негодяй?

— Не все ли тебе равно?

— Ах, Джубал! Не старайтесь быть циничнее, чем вы есть!

— Пожалуй, ты права. Будем надеяться, что негодяй, потому что святой в своей святости может наделать еще больше бед. Опять скажешь, что я циник? Скажи лучше, что тебе не понравилось в их службе?

— Абсолютно все. Не называй это безобразие службой.

— Ты хочешь сказать, что их служба не похожа на то, что ты видела в своей церкви в детстве? Мусульманская служба на это тоже не похожа. И иудейская, и буддистская.

— Конечно, но то, что делают фостериты, вообще ни на что не похоже. Игровые автоматы, бар... Это недостойно!

— А что достойно? Храмовая проституция?

— ?!

— Восьминогий и двухголовый зверь в церкви так же неприличен, как и везде. Церковь, отвергающая секс, долго не существует. У танцев в честь Бога долгая история. Религиозному танцу не нужно быть красивым: церковь — не Большой Театр; он должен быть страстным... Следуя твоей логике, нужно объявить неприличным индусский танец дождя.

— Это другое дело...

— Безусловно. Мы не в Индии. Теперь об игровых автоматах. Разве ты не видела, что в церкви играют в бинго?

— Видела. В нашем приходе это делали, чтобы

выкупить заложенное имущество, но играли только по пятницам, и не во время службы.

— Ты напоминаешь мне одну женщину, которая изменяла мужу только тогда, когда он был в отъезде, и ужасно гордилась своей добродетелью.

— Джубал, это не одно и то же!

— Возможно. Аналогия еще более скользкая вещь, чем логика. Но, маленькая леди...

— Не издевайтесь!

— Шучу. Джилл, что грешно в воскресенье, грешно и в пятницу, по крайней мере, я так вникаю и надеюсь, что Человек с Марса со мной согласится. Единственное, что отличает фостеритскую церковь от других,— это отказ от священных текстов.

— У фостеритов есть тексты. Вот, взгляните.

— Я видел.

— Это просто подделка под библейский стиль. А по смыслу — либо сальности, либо чепуха, либо просто мерзости.

Джубал долго молчал, потом спросил:

— Джилл, ты читала индусские священные книги?

— Боюсь, что нет.

— А Коран? Или изложение какого-нибудь другого вероучения? Я бы процитировал тебе парочку сальностей или мерзостей из Библии, но не хочу оскорблять твое религиозное чувство.

— Я готова выслушать оскорбление.

— Что ж, возьмем Ветхий Завет. Критика в его адрес обычно легче воспринимается верующими. Ты знаешь случай с Содомом и Гоморрой? Какой ценой оттуда спасся Лот?

— Конечно, знаю. Его жена превратилась в соляной столб.

— Мне это всегда казалось чересчур жестоким наказанием. Но мы говорили о Лоте. Петр характеризует его как человека богопослушного, справедливого и добронравного, которого даже упоминание о грехе возмущало. Святой Петр, наверное, имеет право судить, что есть добродетель, а что грех, если ему даны ключи от Царства Небесного. Тем не менее трудно понять, почему он счел Лота образцом добродетели. Лот сбежал из города, спасая свою шкуру. Он приютил и накормил двоих странников, зная, что они влиятельные люди. А между тем его гостеприимство (согласно, например,

Корану и моим понятиям) стоило бы больше, если бы он думал, что они нищие. Есть в Библии еще одно доказательство добродетели Лота. Прочитай главу 19, стих 8 в Книге Бытия.

— Что там сказано?

— Ты прочитай, я ведь могу и соврать.

— Джубал, вреднее вас я никого не встречала.

— А ты очень хорошенькая девушка, поэтому я прощаю твое невежество. Я скажу, но ты все равно прочитай. Соседи Лота пришли к его дому и стали просить двух странников. Что они хотели с ними сделать, сама прочитаешь. Лот не спорил, а пошел на сделку. Он предложил толпе для той же цели своих дочерей, девственниц, умолял сограждан удовлетвориться девушками, но не ломать ему двери.

— Джубал... В Библии действительно так написано?

— Не совсем так, я модернизировал стиль, но смысл таков. Лот предложил толпе мужчин, «молодых и старых», говорит Библия, познать двух девственниц, а взамен — не ломать ему дверь. Какой я дурак,— Джубал просиял.— Надо было мне так сделать, когда ко мне в дом ломились ребята из Особой Службы. Может, и меня пустили бы за это в рай? — тут он нахмурился.— Нет, я не знаю, кто из вас virgo intacta* и кого предлагать.

— Я не скажу.

— Впрочем, Лот мог ошибаться насчет дочерей... но неважно; он обещал, что они окажутся девственницами, и уговаривал толпу их попробовать. И этого подонка Библия называет праведником.

— В воскресной школе нам этого не рассказывали,— медленно проговорила Джилл.

— Поверь, это не единственная неожиданность для человека, который начинает читать Библию. Возьми Елисея. Он был такой святой, что прикосновение к его мощам воскрешало мертвых. А сам — лысый старый осел, как я. Однажды дети стали смеяться над его лысиной, как вы иногда смеетесь над моей. Тогда Бог послал медведей, которые разорвали детей в клочки. Вторая глава второй Книги Царств.

— Босс, я никогда не смеялась над вашей лысиной.

— А кто заказал средство для восстановления волос? Не ты? Кто это сделал, пусть остерегается медведей.

---

* Девственница (*лат.*).

В Библии много таких мест. Оказывается, самые отвратительные преступления совершаются с разрешения Бога. Более того, в ней начисто отсутствуют здравый смысл и разумные правила поведения в обществе. Я не уничижаю Библию. Я не стану осуждать и индусов за то, что они освятили порнографию. Я допускаю, что такая мифология может быть Словом Божиим, что Бог — параноик, и потому приказал разорвать в клочки детей, оскорблявших его пророка... Фостериты ничем не хуже других. Просто их хозяин — наш добрый приятель Джо, он и заказывает музыку. Ему хочется, чтоб люди были счастливы не только на небесах, но и на земле. Ему не нужно, чтобы ты умерщвляла плоть, зачем? Это неделовой подход. Хочешь пить, играть, развратничать — пожалуйста, но только вместе со всеми, под присмотром. Приходи в церковь и веселись. Бог не против. Пусть твоя совесть успокоится! Будь счастлив!

Джилл не прочитала счастья на лице Джубала.

— Конечно, у тебя есть и обязанности,— продолжал он.— Фостеритский Бог тоже хочет, чтобы его почитали и благодарили. А каждый, кто глуп настолько, что отказывается быть счастливым под его эгидой, достоин всяческих неприятностей. Это правило, общее для всех богов. Не будем же осуждать Фостера и Дигби. У них действительно праведная вера.

— Босс, вас уже обратили!

— Это невозможно. Я не люблю хороводов, презираю толпу и терпеть не могу, когда дураки мне указывают, куда пойти в воскресенье. Я просто добиваюсь, чтобы ты не критиковала то, что не подлежит критике. Литературные достоинства фостеритского Писания выше среднего, потому что их тексты — плагиат. Что же до внутренней логики, то светские правила неприменимы к священным писаниям. Впрочем, и здесь Новое Откровение стоит выше других: оно достаточно последовательно. Попробуй увязать Ветхий Завет с Новым или буддистскую доктрину с буддистскими же апокрифами. С точки зрения морали фостеризм есть фрейдизм, подслащенный для людей, неспособных воспринимать психологию в натуральном виде; хотя я сомневаюсь, что старый развратник, сочинявший Новое Откровение, то есть предавший его от Бога людям, знал это. Он просто шел в ногу со временем. Все устали от страха и чувства вины. Как можно было это пропустить?.. Все, замолчи, я устал.

— Я и так молчу.

— «Женщина ввела меня в искушение...» — Джубал закрыл глаза.

Дома они застали Кэкстона и Махмуда. Бен огорчился, что не увидел Джилл, и решил развеять огорчение в обществе Энн, Мириам и Доркас. Махмуд, приезжая, всегда говорил, что приезжает к Майку и доктору Харшоу, но он получал видимое удовольствие не только от общения с ними, а и от обедов и выпивок за столом Харшоу, от прогулок в его саду в компании его одалисок. Вот и сейчас Мириам делала ему массаж, сидя на спине, а Доркас расчесывала волосы.

— Можешь не вставать,— сказал Махмуду Джубал.

— Я не могу встать: на мне сидят. Привет, Майк!

— Привет, брат мой Вонючка доктор Махмуд!

Майк торжественно приветствовал Бена и, извинившись, сказал, что пойдет к себе.

— Иди, сынок,— отпустил его Харшоу.

— Майк, ты не хочешь есть? — удивилась Энн.

— Нет, я не голоден, спасибо,— и ушел в дом.

Махмуд повернулся к Харшоу, едва не повалив Мириам.

— Джубал, что тревожит нашего брата?

— Его, кажется, тошнит,— сказал Бен.

— Пусть отдохнет. Он сегодня объелся религией,— и Джубал вкратце описал утренние события.

Махмуд нахмурился.

— Стоило ли оставлять его наедине с Дигби? Прости меня, брат, но это не слишком мудрый поступок.

— Вонючка, ему рано или поздно пришлось бы с этим столкнуться. Майк мне говорил, что ты ему что-то проповедовал. Почему Дигби не имеет права проповедовать свое? Ответь как ученый, а не как мусульманин.

— Я на все вопросы отвечаю как мусульманин.

— Понимаю, но согласиться не могу.

— Джубал, я употребил слово «мусульманин» в его точном смысле, а не в том значении, которое вкладывает Марьям в термин «магометанин».

— И будешь магометанином, пока не научишься произносить правильно мое имя! Не вертись!

— Больше не буду, Марьям. Ой! У женщин не должно быть мускулов! Джубал, как ученый я считаю Майка венцом своей карьеры. Как мусульманин я вижу в нем желание подчиниться воле Бога, и я рад за него,

хотя здесь нас ожидают трудности, потому что он еще не вник в смысл английского слова «Бог». Или арабского «Аллах». А как человек и раб Божий, я люблю парня и не хочу, чтобы он попал под дурное влияние. Вы согласны?

— Браво! — зааплодировал Бен,— Вонючка, ты мне нравишься! Скоро я куплю ковер и начну учить арабский.

— Я польщен. Ковер разрешаю не покупать.

— Я согласен,— Джубал вздохнул.— Пусть лучше Майк начнет курить марихуану, чем его совратит Дигби. С другой стороны, его не так просто совратить: тут мало получасовой беседы. И твоему хорошему влиянию Майк тоже не уступит. Убеждения и интеллект у него одинаково сильные. Мухаммед не выдержал бы конкуренции с Майком.

— На все воля Аллаха.

— Что исключает дальнейший спор.

— Пока вас не было, мы говорили о религии,— вступила Доркас.— Босс, вам известно, что у женщин есть души?

— Неужели? Первый раз слышу.

— Вонючка сказал, что есть.

— Марьям хотела знать, почему магометане считают, что души есть только у мужчин,— объяснил Махмуд.

— Мириам, это вульгарное заблуждение, подобное идее о том, что евреи замешивают мацу на крови христианских младенцев. В Коране говорится, что целые семьи попадают в рай: и мужчины и женщины. Возьмем стих 70, «Украшения из золота». Правда, Вонючка?

— «Войдите в сад, вы и ваши жены, и радуйтесь»,— приблизительно так это переводится,— подтвердил Махмуд.

— Я слышала, что в раю магометане развлекаются с гуриями. Куда же они девают жен? — спросила Мириам.

— Гурии,— начал объяснять Джубал,— это особые существа. Кстати, есть гурии мужского пола. Им не нужны души, они сами духи — бессмертные, неизменные и прекрасные. Им не нужно зарабатывать право на вход в рай, они предусмотрены его штатным расписанием. Они разносят еду, напитки, от которых не бывает похмелья, поют и танцуют по заказам гостей. А души жен не работают: едят, пьют и развлекаются. Я правильно говорю, Вонючка?

— Близко к истине, но достаточно оригинально в смысле стиля,— он неожиданно сел, сбросив на пол Мириам.— У ваших женщин все-таки нет душ.

— Возьми свои слова назад, неблагодарный! Иноверец!

— Успокойся, Марьям. Если у тебя нет души, значит, ты бессмертна. Джубал, может ли случиться, что человек умрет и не заметит этого?

— Не знаю, не пробовал.

— А вдруг я умер на Марсе, и сейчас мне только кажется, что я вернулся домой. Посмотрите вокруг! Сад, которому позавидовал бы сам Пророк, четыре прекрасных гурии в любое время подают яства и вина. Разве это не рай?

— Нет, налоги я плачу далеко не райские.

— Меня это как-то не затрагивает.

— Теперь о гуриях. Даже если допустить, что они одинаково красивы, достаточно ли они красивы для гурий?

— Они достаточно красивы для меня.

— Остается еще одно качество, присущее гуриям.

— Не будем углубляться в этот вопрос. Допустим, что это не физическое качество, а состояние души.

— В этом случае я утверждаю, что перед вами — не гурии.

— Ну что ж,— вздохнул Махмуд,— придется кого-нибудь из них превратить.

— Почему кого-нибудь? Давай уж сразу всех четырех.

— Нет, брат мой. Хотя Пророк позволяет иметь четырех жен, счастливым можно быть только с одной.

— Тем лучше для меня. Кого берешь?

— Сейчас увидим. Марьям, хочешь, воспитаю из тебя гурию?

— Иди к черту!

— Джилл, как ты?

— Джилл оставь для меня,— запротестовал Бен.

— Ладно... Энн?

— Не могу. У меня свидание.

— Доркас, ты моя последняя надежда!

— Я постараюсь ею остаться.

У себя в комнате Майк лег на кровать, принял позу зародыша, закатил глаза, проглотил язык и замедлил сердцебиение. Джилл сердилась, если он делал это днем, но смирялась, если это было не при всех. Есть масса вещей, которые нельзя делать при всех, но Джилл

сердилась только за это. А ему так хотелось сосредоточиться и подумать.

Он совершил поступок, который Джилл не одобрила бы.

У Майка возникло человеческое желание сказать самому себе, что его вынудили так поступить, но марсианское воспитание не позволяло воспользоваться этой лазейкой. Он достиг критической точки, требовалось правильное действие, и он сделал выбор. Он вникал, что этот выбор — правильный. Тем не менее брат Джилл запрещает так поступать. Значит, возможности выбора нет. Получается противоречие: в критической точке должна быть возможность выбора. Лишь совершая выбор, дух может расти.

Может быть, не стоило выбрасывать пищу? Впрочем, нет, компромиссного варианта Джилл тоже не принимает.

В эту минуту существо, несущее в себе человеческие гены в марсианское сознание, существо, до сих пор не отдававшее предпочтения ни тому, ни другому, завершило одну из стадий роста: оно перестало быть птенцом. Майк по-человечески остро ощутил всю глубину пучины одиночества, в которую ввергает человека возможность и необходимость совершать свободный выбор, и по-марсиански спокойно и даже радостно стал впитывать горечь открытия, соглашаться с его последствиями. С горьким наслаждением он понял, что последний выбор он совершил сам, без помощи Джилл. Брат по воде может учить, предупреждать, направлять, но он не может разделить твой выбор. Выбор — это твоя собственность, ты владеешь ею без права продажи, передачи или залога. Собственность и собственник составляют единое целое. Ты есть действие, которое ты предпринимаешь в критический момент.

Осознав свою самостоятельность, Майк мог глубже вникнуть в братьев, погрузиться в них, не растворяясь. Он стал перебирать в памяти многочисленных марсианских братьев и немногочисленных земных, чтобы полюбить их по-новому, отыскать в каждом ту неповторимую самостоятельность, которую он открыл в себе.

Майк еще долго оставался в трансе: во многое нужно было вникнуть, многое обдумать с точки зрения взрослого человека (марсианина?). Все, что он видел, слышал, пережил в Молельне Архангела Фостера (до момента, когда он остался один на один с Дигби), было непонятно. Почему Епископ Сенатор Бун вызывал у него неприязнь,

почему мисс Ардент, не будучи братом, ощущалась как брат, почему от танцующей и кричащей толпы исходило добро, а... и что такое говорил Джубал? Слова Джубала тревожили сильнее всего. Майк вслушивался в них снова и снова, сравнивал их с тем, чему его учили в родном гнезде... Очень трудным было слово «церковь», которое Джубал без конца повторял. В марсианском языке не было соответствующего понятия, было понятие широкое, всеобъемлющее, покрывающее странные человеческие слова «конгрегация», «служба», «Бог». Оно выливалось в формулировку, которую никто не воспринимал: ни Джубал, ни Махмуд, ни Дигби — «Ты есть Бог».

Теперь Майк глубже вникал в смысл этой английской фразы и видел, что в ней нет той неизбежности, категоричности, безысходности, наконец, которая присуща соответствующему марсианскому слову. Он произносил английскую фразу, а продумывал марсианское слово, и вникал все глубже...

Около полуночи Майк ускорил сердце и дыхание, развернулся и сел на постели. Усталости не было и следа, голова была ясная, душа жаждала действия.

Его вдруг потянуло к людям, так же неудержимо, как несколько часов назад тянуло от всех скрыться. Он вышел в гостиную и ужасно обрадовался, встретив брата.

— Привет!

— Привет, Майк! О, да у тебя уже бодрый вид!

— Я себя отлично чувствую. А где все?

— Спят. Бен с Вонючкой уехали, и все пошли спать.

— Жаль,— Майку очень хотелось сообщить Махмуду о своем открытии.

— И я уже собиралась ложиться, но захотелось перекусить. Ты хочешь есть?

— Конечно, хочу.

— Пойдем в кухню, там есть холодная курица.

Они спустились в кухню и нагрузили полный поднос.

— Пойдем на улицу, здесь жарко.

— Отличная мысль,— согласился Майк.

— Еще совсем тепло, купаться можно. Настоящее бабье лето. Стой, надо включить свет.

— Не надо. Я сам понесу поднос.

Майк мог видеть почти в полной темноте. Джубал объяснял это тем, что Майк вырос в полумраке, но сам Майк считал, что в большей степени обязан своей

способностью урокам приемных родителей. Что же до погоды, то он мог бы спокойно сидеть нагишом на Эвересте, и сейчас ему было все равно, тепло на улице или холодно. Он уже ждал зимы, чтобы походить босиком по снегу.

Тем не менее теплая погода была ему приятна, а еще приятнее — общество брата.

— Держи. Я все-таки включу подводный свет, чтобы мимо рта не пронести.

— Отлично,— Майку нравилось смотреть на подсвеченную воду.

Они поели у бассейна, потом легли на траву и стали смотреть на звезды.

— Майк, смотри, вот Марс. Или это Антарес?

— Марс.

— Что там делается?

Майк помолчал. Даже для английского языка это был слишком общий вопрос.

— На южном полушарии сейчас весна, братья учат растения расти.

— Учат растения расти?

— Ларри тоже учит растения расти. Я помогал ему. Но мой народ, то есть марсиане (теперь вы — мой народ), учат растения по-другому. На северном полушарии холодает, и куколки, оставшиеся в живых, переходят жить в гнезда. Люди, оставшиеся жить на экваторе, грустят. Один из них дематериализовался.

— Да, по стереовидению передавали.

Майк пропустил эту передачу. Он ничего не знал о смерти колониста, пока его не спросили, что делается на Марсе.

— Они зря грустят. Мистеру Букеру Т. В. Джонсу, технологу первого класса по приготовлению пищи, теперь хорошо. Старшие Братья вылечили его душу.

— Ты его знал?

— Да. у него было собственное лицо, черное и красивое. Но он тосковал по дому.

— Бедняжка... Майк, а ты тосковал по дому? По Марсу?

— Сначала да,— ответил Майк.— Мне все время было одиноко. А теперь нет,— он перекатился по траве и обнял ее.— И больше никогда не будет одиноко.

— Майк, мой милый,— они поцеловались.

Потом брат сказал:

— Сегодня, как в первый раз...
— Тебе хорошо, брат?
— Да, очень. Поцелуй меня еще.
Прошла вечность. Она сказала:
— Майк, ты понимаешь?
— Понимаю. Это сближение. Мы сейчас сблизимся.
— Я... мы... давно этого ждем... Повернись, я помогу.
Когда они слились, познавая друг друга, Майк сказал нежно и торжествующе:
— Ты есть Бог!
Она ответила не словами. А потом, когда они совсем сблизились и Майку показалось, что он сейчас дематериализуется, она отозвалась:
— Да... Ты есть Бог. Мы вникаем в Бога.

Глава 25

На Марсе люди строили дома для новых колонистов, которые должны были прибыть со следующим кораблем. Строительство шло быстрее, чем намечалось: помогали марсиане. Часть сэкономленного времени потратили на первые расчеты долгосрочного плана высвобождения кислорода из песков Марса с тем, чтобы планета была более благосклонной к будущим поколениям людей.

Старшие Братья не помогали, но и не препятствовали этому плану: еще не пришло время действовать. Они обдумывали решение, от которого зависела дальнейшая судьба марсианского искусства. На Земле тем временем происходили выборы, какой-то передовой поэт опубликовал небольшой сборник стихотворений, состоящих исключительно из знаков препинания и пробелов. Журнал «Тайм» в рецензии на сборник заметил, что язык стихотворений, скорее, подходит для правительственных известий.

Открылась колоссальная кампания по продаже органов размножения растений. Газеты «В тени Великих» цитировали миссис Джозеф Дуглас: «Я скорее сяду обедать без салфетки, чем без цветов». Тибетский лекарь из Палермо, Сицилия, провозгласил в Бэверли Хилз вновь открытый метод дыхания по системе йогов, который привлекая энергию космоса, способствует взаимному притяжению полов. Гуру потребовал от учеников надеть домотканые одежды, принять позу матсиенд-

ра и слушать, как он будет читать Риг-Веды. В это время ассистент гуру проверял кошельки учеников. Ничего украдено не было: йоги имели дальние планы.

Президент Соединенных Штатов Америки объявил первое воскресенье ноября Национальным Днем Бабушек и призвал Америку встретить праздник цветами. Фостеритские епископы собрали конклав, после которого объявили о чуде: Верховный Епископ Дигби был во плоти призван на небеса и произведен в чин Архангела. Оставалось только дождаться божественного подтверждения назначения нового Верховного Епископа. Кандидатом на этот пост после двукратной жеребьевки стал Хью Шорт, соперник Буна.

«Унита» выступила с разгромной статьей, «Обсерваторе Романо» и «Кристиан Сайенс Монитор» проигнорировали событие. «Таймс оф Индиа» опубликовала ироническую заметку, а «Манчестер Гардиан» — нейтральную: в Англии фостеритов насчитывалось немного, но они были очень воинственными.

Сам Дигби не обрадовался повышению. Человек с Марса не дал довести ему дело до конца, а этот идиот Шорт все испортит. Фостер слушал с ангельским терпением, пока Дигби договорит, а потом сказал:

— Послушай, мальчик, ты теперь ангел и потому забудь об этом. Вечность — не время для мышиной возни. Ты тоже был идиотом до того, как отравил меня. Потом ты исправился. Теперь, когда Шорт стал Верховным Епископом, он не может не сделать все как нужно. То же самое и с папами. Многие из них вышли из ничтожества. Один — точно. Ну, давай — здесь никакой профессиональной зависти.

Дигби успокоился, но попросил Фостера об одолжении.

— Нет,— покачал нимбом Фостер,— не трогай его, не надо даже пытаться. Ты, конечно, можешь подать наверх требование еще на одно чудо, если хочешь выставить себя дураком, но говорю тебе, его все равно не удовлетворят. Ты еще не понял систему. У марсиан свои, отличные от наших, законы, и пока этот парень им нужен, мы не сможем его тронуть. В каждом монастыре свой устав. Вселенная бесконечно разнообразна, а вы, линейные работники, часто забываете об этом.

— Вы хотите сказать, что я должен терпеть с его стороны такое непочтение?

— Я стерпел то же самое, разве нет? А теперь

помогаю тебе, не так ли? Послушай, у нас очень много работы. Босс хочет от нас шоу. Если тебе нужен выходной, чтобы прийти в себя, отправляйся в мусульманский рай и отдыхай. А нет — расправь нимб и крылья, и за работу. Чем скорее ты начнешь поступать как ангел, тем быстрее ты себя почувствуешь им. Будь счастлив, юниор!

Дигби вдохнул небесный эфир.

— О'кей, Архангел, я счастлив. Каковы мои обязанности?

Джубал не сразу узнал об исчезновении Дигби, а когда узнал, не слишком этим обеспокоился. Если Майк и приложил к этому руку, то с поличным его не поймали, а что было — быльем поросло. Судьбы Верховных Епископов Харшоу не волновали.

Гораздо больше его беспокоил разлад в собственном доме. Джубал понял, что произошло, но не знал, с кем,— а спрашивать ему не хотелось. Майк находился в совершеннолетнем возрасте и был в состоянии защитить себя в затруднительных обстоятельствах.

Джубал не мог восстановить картину преступления по тому, как вели себя девушки, так как детали постоянно не сходились — A, B и C ссорились с D, потом B, C и D ссорились с A... или A и B ссорились с C и D, или A и D с C и B, ведь четыре женщины могли как угодно напасть друг на друга. Все это продолжалось целую неделю, Майк лежал в своей комнате, находясь в таком глубоком трансе, что если бы Джубал не видел это раньше, то объявил бы, что Майк умер. Он бы не обращал на это никакого внимания, если бы все пошло вверх дном. Казалось, львиную долю времени девчонки бегали смотреть, все ли в порядке у Майка и были больше заняты готовкой, нежели своими прямыми обязанностями. Даже Энн, непоколебимая Энн... Черт подери, Энн вела себя хуже всех! То задумается, то заплачет. А Джубал был готов дать руку на отсечение, что доведись ей присутствовать при втором пришествии, она, глазом не моргнув, запомнит дату, время, ход событий, всех участников и атмосферное давление.

В четверг утром Майк вернулся к жизни и девушки тотчас же были к его услугам.

Они вновь выполняли свою работу, так что Джубал больше не волновался... но все же одна мысль не давала ему покоя — если он потребует раскрыть карты, Майк

может послать Дугласу открытку и увеличить их заработную плату в пять раз; а девчонки с той же готовностью будут его поддерживать.

Так как домашний покой был восстановлен, Джубал не обращал внимания на то, что его королевством управляет мэр. Обед снова поспевал вовремя и был отменного качества, девушка, являвшаяся на зов «Ближняя!» прибегала с сияющими глазами, счастливая и готовая к работе. Если так, то какая разница, кто с кем спит?

Кроме всего прочего, любопытная перемена произошла и с Майком. До визита к фостеритам был таким покладистым, что Джубал считал его ненормальным. Теперь он преисполнился уверенности в себе, которую, если бы не его вежливость и рассудительность, можно было бы назвать нахальством.

Майк стал казаться старше своих лет, внимание девушек он принимал как должное. Голос его огрубел, и теперь он говорил решительно, а не робко, как раньше. Майк стал человеком, решил Джубал, можно исключить его из списка пациентов.

За исключением (напомнил себе Джубал) одной вещи: Майк все еще не смеялся. Он мог улыбнуться шутке и порой не просил объяснять ее. Майк был бодр и даже весел, но никогда не смеялся.

В конце концов Джубал решил, что это неважно. Пациент здоров, находится в здравом уме — и он стал человеком. Джубал был достаточно скромен, чтобы потребовать кредит, да и девушки сделали для этого гораздо больше. Или будет правильнее сказать «девушка»?

С самого начала Джубал каждый день говорил Майку, что он желанный гость в его доме... но однажды ему надо выйти из дома и посмотреть на мир, как только он почувствует, что способен на это. Джубал не должен был удивиться, когда Майк объявил за завтраком, что уходит. Но Джубал был удивлен, более того, он был огорчен и попытался скрыть это, без надобности схватив салфетку.

— Да? Когда же?

— Мы едем сегодня.

— Мы? Ты хочешь сказать, что мы с Ларри и Дюком будем сами готовить для себя обед?

— Я об этом подумал,— ответил Майк.— Мне нужен товарищ. Я еще не все знаю и часто делаю ошибки.

Лучше всего отпусти со мной Джилл: она хочет и дальше изучать марсианский язык. Но если ты не можешь обойтись без одной из девушек, отпусти Ларри или Дюка.

— Я еще имею право выбирать?

— Конечно. Решение за тобой.

(Вероятно, сынок, это твоя первая ложь. Сомневаюсь, что смогу удержать даже Дюка, если ты уже все решил.)

— Пусть с тобой едет Джилл. Но помните, дети — это ваш дом.

— Мы знаем это и вернемся. И вновь разделим воду.

— Обязательно, сынок.

— Да, отец.

— Как ты сказал?

— Джубал, у марсиан нет слова «отец», но недавно я понял, что ты мой отец. И отец Джилл.

Джубал покосился на Джилл.

— Мм-да... Берегите себя.

— Конечно. Пойдем, Джилл.— И они уехали еще до того, как Джубал встал из-за стола.

Глава 26

Это был обычный шапито — сладкая вата, крикливые билетеры, незамысловатая программа. Лекция по половому вопросу свелась к критике дарвинизма, а за ней следовал парад красавиц, одетых в угоду цензуре. Потом бесстрашный Фентон прыгал с вышки, затем выступали маг (вместо ясновидящего), полумужчина-полуженщина (вместо бородатой женщины), глотатель огня (вместо глотателя шпаг) и татуированная заклинательница змей. Она вышла под конец программы «совершенно голая, одетая лишь в экзотические рисунки, кто найдет на ее теле ниже шеи хоть квадратный дюйм свободного места, получает двадцать долларов».

Приз не достался никому. Миссис Пайвонски стояла совершенно голая на табурете, между ножками которого ползало полтора десятка кобр. То, на что смотреть считалось непристойным, закрывал своим телом боа констриктор. Освещение было слабое.

Однако миссис Пайвонски вела честную игру. Ее покойный муж — мастер татуировки,— держал в Сан-Педро ателье. Когда клиентов не было, они украшали

друг друга. В конце концов на теле Патриции Пайвонски не осталось ни кусочка белой кожи, кроме шеи и лица. Она гордилась тем, что была самой разукрашенной женщиной в мире, и считала мужа величайшим художником.

Патриции Пайвонски удавалось общаться с жуликами и другими грешниками и оставаться чистой. Ее и мужа принимал в лоно церкви сам Фостер; где бы она ни оказалась, она везде считала своим долгом посетить местную церковь Нового Откровения. Сейчас она с большим удовольствием выступила бы без боа и при хорошем освещении, потому что ее кожа была выдающимся произведением искусства. Когда они с Джорджем увидели свет веры, на теле Патриции оставалось около трех квадратных футов свободного места. До того как умереть, он успел изобразить картины жизни Фостера, начиная с колыбели с парящими вокруг ангелами, до того славного дня, когда он занял назначенное ему место.

К сожалению, цензура требовала прикрывать места, на которых размещались священные картины. Но Патриция могла демонстрировать их на закрытых службах Счастья в церквях, которые она посещала, если позволял пастырь, что он почти всегда и делал. Патриция не умела ни петь, ни проповедовать, ей никогда не давались языки,— но она была живым свидетелем света.

Миссис Пайвонски выступала предпоследней. Это давало ей время отложить в сторону свои фотографии и выглянуть из-за кулис на сцену.

Там выступал маг, доктор Аполло. Он взял в руки несколько стальных колец и пригласил зрителей убедиться в том, что кольца сплошные. Потом Аполло велел добровольцам держать кольца так, чтобы они перекрывались. Доктор притронулся волшебной палочкой к тем местам, где кольца соприкасались и они срослись в крепкую цепь.

Он принял кастрюлю с яйцами из рук своей помощницы и начал жонглировать шестью из них, но не привлек к себе особого внимания,— все взгляды были устремлены на его помощницу. На ней было надето немного больше, чем на юных красотках из шоу. Зрители с трудом заметили, что шесть яиц в руках жонглера превратились в пять, потом в четыре... в три, два — и наконец доктор Аполло подбросил в воздух одно яйцо. Он сказал:

— Куры нынче нестись перестали,— и бросил яйцо в толпу. Аполло отвернулся и, казалось, никто не заметил, что оно так и не долетело до цели.

Доктор Аполло вызвал на сцену мальчика.

— Я знаю, что ты думаешь, сынок. Ты считаешь, что я ненастоящий волшебник. Вот тебе за это доллар,— он вручил мальчику долларовую бумажку, которая тут же исчезла.

— Вот незадача! Дадим тебе еще один шанс. Держи! И беги скорей домой, спать пора.

Мальчишка убежал, зажав в руке доллар.

Маг нахмурился.

— Что будем делать дальше, мадам Мерлин?

Помощница что-то шепнула ему на ухо. Он покачал головой.

— Но не при всех же!

Она шепнула что-то еще. Он вздохнул.

— Друзья, мадам Мерлин желает лечь в постель. Джентльмены, может кто-нибудь из вас поможет ей?

Он смотрел на поднявшуюся сутолоку.

— О, слишком много! Кто-нибудь из вас служил в армии?

Добровольцев все еще было много. Доктор Аполло выбрал двух и сказал:

— Там, под сценой есть складная армейская кровать, просто поднимите занавес — теперь, будьте любезны, поставьте ее на сцену. Мадам Мерлин, посмотрите сюда, пожалуйста.

Пока мужчины ставили кровать, доктор Аполло делал в воздухе пассы руками.

— Спать, спать... вы спите. Друзья, она в глубоком трансе. Джентльмены, приготовившие кровать, положите на нее девушку. Осторожнее...

Прямую, как в столбняке, девушку положили на кровать.

— Спасибо, джентльмены,— маг взял волшебную палочку, висевшую все время в воздухе, указал ею на стол, что стоял в самом конце сцены. С четырех шестов поднялась простыня и прилетела к нему.

— Накройте мадам с головой. Нехорошо смотреть на леди, когда она спит. Благодарю вас. Будьте любезны удалиться... Прекрасно, Мадам Мерлин... вы слышите меня?

— Да, доктор Аполло.

— Сон сковал вас. Теперь вы становитесь легче. Вы спите на облаках. Вы плывете по воздуху,— накрытое простыней тело поднялось над кроватью на фут.— Эй! Куда? Не так быстро!

Какой-то мальчик шепотом объяснял:

— Когда они накрыли ее простыней, она через потайной ход спустилась под сцену. А это — проволочный каркас. Он сейчас снимет простыню, а каркас упадет. Кто угодно так может.

Доктор Аполло сделал вид, что ничего не слышит.

— Выше, мадам Мерлин, выше! Хватит.

Тело висело в шести футах над сценой.

— Каркас поднимается на стальном шесте,— продолжал тот же юный голос.— Они его прикрывают углом простыни.

Доктор Аполло пригласил желающих убрать шест.

— Ей не нужны шесты, она спит на облаках,— он обернулся к мадам и сделал вид, что прислушивается.— Громче, пожалуйста. О! Она говорит, что ей не нужна простыня.

— Сейчас каркас упадет.

Маг сдернул с мадам простыню, простыня исчезла, но этого никто не заметил: все смотрели на мадам Мерлин, спящую на облаках.

Приятель мальчика, крайне осведомленного в вопросах магии, спросил:

— Где же твой шест?

— Ты не туда смотришь,— ответил тот,— они направляют свет так, чтобы глаза слепило и ты поневоле отворачиваешься.

— Довольно, моя фея,— сказал доктор Аполло.— Дайте руку, проснитесь,— он опустил ее на сцену.

— Видишь, куда она поставила ногу? Оттуда шел шест. Обыкновенный трюк.

Маг продолжал:

— А теперь, друзья, позвольте ученому лектору профессору Тимошенко сказать вам несколько слов.

— Не расходитесь,— вступил лектор.— Только на этом представлении при содействии Совета Университетов и Отдела Безопасности этого прекрасного города, мы предлагаем вам совершенно бесплатно двадцатидолларовый билет,— и бросил его в толпу.

Началась свалка.

«Профессор» отошел от края.

— Смитти, не уходи,— он вручил магу конверт и продолжал.— Мне очень неприятно говорить это,— но вы и ваша жена не едете в Падьюку.

— Знаю.

— Слушай, против тебя я ничего не имею, но нужно думать о репертуаре. Мне тут предложили чтение мыслей и френологию... я ведь не на сезон тебя брал.

— Я знаю,— повторил маг,— я не обижаюсь, Тим.

— Спасибо,— профессор замялся,— Смитти, можно, я дам тебе совет?

— Конечно, я с радостью его приму,— сказал волшебник.

— Ну хорошо, Смитти, у тебя хорошие трюки, но не только трюки нужны для того, чтобы быть волшебником. Да и вообще это не так делается. Ты ведешь себя как шут — хотя и занимаешься своим делом, не отбиваешь хлеб у другого и всегда готов помочь. Но ты ведь не шут! Ты не имеешь ни малейшего представления о том, что делает зрителя зрителем. Настоящий волшебник может заставить этих зевак сидеть с открытыми ртами и следить за тем, как он из воздуха достает 25 центов. Та левитация, которую ты демонстрируешь... я в жизни ничего лучшего не видел, но только это не греет. Никакой психологии! А теперь возьми меня — я не могу даже достать монетку из воздуха. Я не делаю ничего лишнего. Я знаю зевак. Знаю, чего они жаждут, даже если они сами этого не знают. Это шоу-бизнес, парень, будь ты политиком, проповедником, бьющим кулаком по кафедре, или волшебником. Выясни, чего хочет толпа и ты добьешься успеха и с более дешевыми трюками.

— Ты прав, Тим.

— Еще бы не прав! Толпа жаждет секса, крови и денег. Кровь мы не показываем, но мы оставляем им надежду, что глотатель огня или метатель ножей ошибется. Мы не даем денег, но берем немного и потворствуем скупости. Нет у нас и секса, как такового, но есть парад красавиц. И зритель уходит счастливым.

Чего еще хочет толпа? Тайны! Ей хочется думать, что мир — это романтическое место, который, черт его дери, им не является. Это твоя работа... только ты не знаешь, как и что. Сынок, зеваки знают, что все твои трюки — полная чушь... Они просто хотят верить в то, что эти штуки реальны. И именно ты должен им помочь. А этого ты и не можешь.

— Как это сделать, Тим?

— Вот дьявол! Ты сам должен этому научиться. К примеру, ты хотел написать в афишах, что ты Человек с Марса. Нельзя предлагать публике то, что она не может проглотить. Все видели Человека с Марса на фотографиях и в стерео. Ты на него немного похож, но даже если бы ты был его близнецом, зритель не поверил бы. Это все равно, что объявить глотателя шпаг Президентом Соединенных Штатов. Публика хочет верить, но не позволяет себя дурачить. Даже у дураков есть какие-то мозги.

— Я учту.

— Что-то я стал много говорить, амплуа не отпускает. С детишками все в порядке? А как твоя грымза? Дьявол! Я не должен был говорить всего этого,— слушай, может, тебе денег одолжить?

— Спасибо. Мы не обижаемся.

— Ну, ладно. Береги себя. Пока, Джилл.— И он поспешно удалился.

Из-за кулис вышла Патриция Пайвонски в платье.

— Ребята! Тим расторг контракт?

— Мы и сами собирались уходить, Пэт.

— Вот свинья! Я откажусь выступать.

— Не надо, Пэт, он прав. Я не артист.

— Я буду скучать без вас. Пойдем ко мне, посидим.

— Лучше пойдем с нами, Пэтти,— сказала Джилл.

— Подождите, сбегаю за бутылкой.

— Не надо,— остановил ее Майк.— У нас есть то, что ты любишь.

— Вы остановились в «Империале»? Я приеду через полчасика, только удостоверюсь, что с малышами все в порядке и скажу, что уеду. Я поймаю машину.

Они сели в такси, Майк занял место за пультом управления. Городишко был маленький, в нем ходили старомодные такси без роботов. Майк вел машину на предельной скорости, ловко лавируя между другими машинами. Он делал это без видимых усилий. Джилл так еще не умела. Майк растягивал ощущение времени, то есть, замедлял ход событий — и свободно жонглировал яйцами или несся по перегруженной дороге. А всего несколько месяцев назад он не мог завязать шнурки.

Ехали молча: трудно разговаривать, когда ощущаешь время не так, как собеседник. Джилл стала вспоминать месяцы, проведенные в цирке. Всю жизнь, пока не

встретила Майка, Джилл жила по расписанию. Школа, колледж, больница — везде царствовали часы.

В цирке было по-другому. Несколько раз в день принарядиться и выйти на сцену — вот и вся работа. Майку было безразлично, сколько раз в день он ест — один или шесть. У него не было особых требований к ведению домашнего хозяйства. Жили они в небольшой каморке. Часто они даже не выходили за пределы циркового городка, с момента приезда и до самого отъезда. Цирк был уютным гнездом, отгороженным от мира.

Вернее, каждый цирковой городок, просто кишел зеваками — но она выучилась воспринимать их как надо; зеваки — не люди, они ничтожества, годные только на то, чтобы выжимать из них деньги.

Балаган был замечательным домом. Их жизнь изменилась в лучшую сторону с того дня, когда они впервые покинули дом, чтобы продолжить образование Майка. Их постоянно узнавали, а иногда им приходилось спасаться бегством и не только от журналистов, но и от бесконечных людей, которые, казалось, считали себя вправе требовать что-то от Майка.

Майк внушил себе более солидную внешность и внес еще кое-какие перемены. Вдобавок к этому, они часто приезжали в те места, где менее всего ожидали появления человека с Марса,— и их оставили в покое.

Однажды, когда Джилл звонила домой, чтобы сообщить новый адрес для писем, Джубал предложил другое прикрытие. Через несколько дней Джилл прочла в газете, что Человек с Марса удалился в один из тибетских монастырей.

На самом деле они удалились в гриль-бар в каком-то захолустном городке; Джилл официанткой, а Майк посудомойкой. Когда хозяин не смотрел, Майк мыл посуду с молниеносной скоростью. Через неделю Майк и Джилл уехали в другое место. Они кочевали по стране, подрабатывая, когда кончались деньги. С тех пор как Майк обнаружил, что существуют публичные библиотеки, они стали ходить в библиотеку чуть не каждый день. Майк сделал это открытие в Акроне — раньше он думал, что в библиотеке Харшоу есть все книги мира — и они просидели в этом городе месяц. Джилл ходила по магазинам и хлопотала по хозяйству: с книгой в руках Майк забывал обо всем на свете.

Потом они прибились к цирку. Золотое время! Джилл вспоминала, как однажды арестовали парад красавиц. Власти поступили нечестно; менеджер всегда заранее договаривался, как проводить парад: в бюстгальтерах или без, в приглушенном свете или в ярком — и никогда не нарушал уговора. Тем не менее красавиц вызвали в суд, и, кажется, собирались посадить. На слушание пришел весь цирк и толпа зрителей, которым хотелось посмотреть на «бесстыдных женщин». Майк и Джилл пристроились в уголке.

Джилл уговаривала Майка никогда не устраивать ничего из ряда вон выходящего там, где это могли заметить, но он уже принял решение.

Шериф с наслаждением клеймил «публичное распутство», как вдруг, и он, и судья оказались совершенно голыми.

Джилл и Майк улизнули из зала, когда поднялась страшная суматоха. Обвиняемые тоже сбежали. Цирк быстро свернул представление и переехал в более добропорядочный город. А то, что произошло, с Майком никак не связывали.

Джилл никогда не забыть, какое выражение лица было у шерифа. Она мысленно обратилась к Майку, призывая посмеяться над шерифом; марсианин не мог понять, что такое «смешной», Джилл объяснить не сумела. В последнее время они стали обмениваться мыслями на марсианском языке. «Да, Джилл?» — отзывался он. «Потом» — говорила она.

Подъехали к отелю, Майк припарковал машину и вернулся к нормальному видению времени. Джилл предпочитала жить в цирковом городке, единственным, что ей не хватало — была ванна. С душевыми было все в порядке, но ничто не сравнится с большой ванной, наполненной теплой водой, забирайся — и блаженствуй! Поэтому иногда они останавливались в отеле и брали напрокат машину. Майк не разделял ее ненависти к грязи, он был не так воспитан, но держал себя в чистоте, потому что Джилл так хотела. Чтобы быть чистым, ему не нужно было мыться, точно так же, как ему не нужен был парикмахер; когда Джилл захотелось, чтобы волосы выросли подлиннее. Погружение в ванну он воспринимал как священнодействие.

«Империал» представлял собой старую обшарпанную гостиницу, но ванна в номере для молодоженов оказа-

лась превосходной. Джилл, как только вошла, стала набирать туда воду. Она не удивилась, когда увидела, что уже раздета. Майк знал, что она любит новые вещи и поощрял их приобретение, выбрасывая старые, надоевшие. Он делал бы так каждый день, если бы Джилл не запретила, сказав, что люди заметят и насторожатся.

— Спасибо, милый! Иди купаться.

Майк был уже голый. Джилл решила, что он не отправил вещи в перпендикулярное пространство, а разделся по-людски: Майк равнодушно относился к покупке новой одежды. Он считал одежду средством защиты от окружающей среды, причем сам в такой защите необходимости не испытывал.

Они сели в ванну, Джилл зачерпнула рукой воду, коснулась губами и предложила Майку. Это было необязательно, просто Джилл было приятно вспомнить о том, что и так не нуждалось в напоминании. Потом она сказала:

— Когда мы ехали в такси, я вспомнила, как смешно выглядел раздетый шериф.

— Смешно?

— Конечно!

— Объясни, почему смешно? Я не понимаю, в чем заключается шутка.

— Ну... боюсь, что я не могу. Это не шутка — пойми, это не игра слов, которую можно объяснить.

— Я не увидел в них ничего смешного,— сказал Майк,— наоборот, от них исходило зло. И от шерифа, и от судьи. Я бы их самих отправил прочь, но знал, что ты будешь сердиться.

— Майк, хороший мой,— она погладила его по щеке,— лучше было сделать именно так. Они это запомнят на всю жизнь. В этом городе по крайней мере пятьдесят лет никого не будут судить за публичный показ обнаженного тела. Ладно, давай поговорим о чем-нибудь другом. Мне жаль, что наш номер провалился. Я столько сил вложила в сценарий... я ведь тоже не сценарист.

— Здесь моя вина, Джилл. Тим правду сказал: я не вникал, чего хотят болваны. Но я скоро вникну, я многому научился у цирковых. И я все больше стал вникать в этих зевак.

— Ты не должен называть их зеваками или толпой, тем более, что мы ушли из цирка. Они просто люди, а не зеваки.

— Я вникаю, что они зеваки.

— Ты прав, милый, но это невежливо.

— Я запомню.

— Ты надумал, что делать дальше?

— Нет еще. Придет время, я буду знать.

Джилл могла не беспокоиться: так и будет. Сделав первый самостоятельный выбор, Майк становился все увереннее и сильнее. Мальчик, которому трудно было удержать в воздухе пепельницу, превратился в мужчину, который держит на весу одновременно и ее, и Джилл, и другие предметы. Джилл вспомнила, как однажды их грузовик завяз в грязи. Двадцать мужчин безуспешно пытались его вытащить. Подошел Майк, подтолкнул плечом (сделал вид), и колесо освободилось. Он был уже не так прост, чтобы демонстрировать свои чудеса открыто. Майк наконец понял, что неодушевленному предмету, например, платью, не нужно быть «недобрым», чтобы его можно было отправить в никуда. Для этого может существовать другая причина, которую взрослый человек, а не птенец, может определять по своему усмотрению.

Каков будет следующий этап роста? Джилл было любопытно, но она не беспокоилась: Майк был такой положительный и благоразумный.

— Вот было бы здорово, если бы с нами сейчас оказались Энн, Доркас, Мириам! И отец Джубал, и все ребята — вся семья.

— Нужна большая ванна...

— И в этой поместились бы. Майк, когда мы поедем домой?

— Я вникаю, что скоро.

— По-марсиански или по-нашему «скоро»? Не сердись, понимаю: поедем, когда придет время. Кстати, тетя Пэтти обещала приехать «скоро». Ну-ка, намыль меня поживее,— Джилл встала, мыло выскочило из мыльницы, поерзало по ее телу, улеглось на место. Сама собой образовалась пена.— Ой! Щекотно!

— Тебя облить?

— Нет, я окунусь,— Джилл присела, встряхнулась и выскочила из ванны.

И вовремя: в дверь стучали.

— Вы готовы?

— Минутку, Пэт!— крикнула Джилл.— Майк, высуши, пожалуйста.— На Джилл не осталось ни капельки воды.

— Не забудь одеться: Пэтти у нас леди — не то, что я.
— Не забуду.

Глава 27

Джилл накинула пеньюар и поспешила в гостиную.

— Заходи, дорогая. Мы купались. Майк сейчас выйдет. Я налью тебе рюмочку — вторую ты выпьешь в ванной. Целая ванна горячей воды!

— Я приняла душ, когда уложила спать малютку Бун,— хотя ванна, это действительно прекрасно. Но Джилл, детка, я пришла сюда не ванну принимать, я пришла сюда потому, что мне очень больно, что вы уезжаете, ребята.

— Мы еще вернемся,— Джилл готовила напитки.— Тим прав: нам с Майком нужно доработать номер.

— У вас хороший номер. Ну, разве что шуточек добавить... Привет, Смитти,— она протянула ему руку в перчатке.

За пределами циркового городка миссис Пайвонски всегда ходила в перчатках, платье с глухим воротом и чулках. Она выглядела, да и была, респектабельной вдовой средних лет с хорошо сохранившейся фигурой.

— Я как раз говорила Джилл, что у вас хороший номер.

Майк улыбнулся.

— Оставь, Пэт. Номер отвратительный.

— Что ты, милый! В нем нет изюминки, это правда. Добавьте две-три шутки, подберите Джилл более открытый наряд. У тебя отличная фигура, милочка.

— Дело не в фигуре,— покачала головой Джилл.

— Я знала волшебника, который наряжал свою напарницу в костюм конца девятнадцатого века. Даже туфель не было видно из-под юбки. Он ее постепенно раздевал. Болванам очень нравилось. Не пойми меня плохо, все было очень пристойно. Когда номер закончился, на ней было столько же, сколько на тебе сейчас.

— Пэтти, я бы выступала голой, если бы за это не сажали.

— Ни в коем случае! Болваны устроили бы бунт. Но если у тебя есть фигура, ею нужно пользоваться. Чего бы стоила моя татуировка, если бы я не снимала с себя все, что можно?

— Кстати, об одежде,— сказал Майк.— Мне кажется, что тебе не очень удобно, Пэт. В этой конуре не работает кондиционер, а температура уже подбирается к 90°. Он был одет в легкий халат, что не считалось дурным тоном среди цирковых артистов. Жары он почти не замечал, просто ему иногда нужно было подрегулировать свой обмен веществ. Но их подруга чувствовала себя комфортно в любых условиях, а выходя на публику, использовала лишь имитацию одежды, чтобы прикрыть свою татуировку.

— Почему бы не устроиться поудобнее? Разве здесь есть кто-нибудь кроме нас, цыпочки? — Последняя фраза была шуткой, подходящей для того, чтобы подчеркнуть, что здесь собрались близкие друзья — так ему объяснял Джубал.

— Конечно, Пэтти,— согласилась Джилл.— Если у тебя нет нижнего белья, я дам тебе что-нибудь накинуть.

— Ну, в общем... я влезла в один из костюмчиков.

— Тогда не церемонься с друзьями. Я принесу тебе тапочки.

— Нет. Я лучше останусь в чулках и туфлях.— Она продолжала говорить, думая о том, как бы незаметно перейти к разговору о религии. Благослови их Господь, дети готовы были к обращению, она в этом не сомневалась,— но хотела сама на протяжении всего сезона вести их к свету.

— Все дело в том, Смитти, что нужно понимать публику. Если бы ты был настоящим волшебником — я не хочу сказать, что ты не мастер, у тебя блестящая техника,— Джилл принесла шлепанцы, и Патриция, сняв чулки, сунула их в туфли,— но публика знает: это не потому, что ты продал душу дьяволу. Техникой их не возьмешь. Ты когда-нибудь видел, чтобы глотатель огня выступал с хорошенькой девушкой? Нет, потому что она только все испортила бы. Ведь публика ждет, что он загорится,— тут она сняла платье и осталась в одном из своих костюмов. Джилл взяла платье и расцеловала ее.

— Вот теперь ты выглядишь естественно, тетя Пэтти. Пей, я налью еще.

— Минутку, дорогая.—«Укрепи меня, Господи! Мои картины будут говорить сами за себя, именно для этого Джордж их и делал».— Вот, видите, что у меня есть для этих зевак? Вы когда-нибудь видели, я имею в виду по-настоящему видели, мои картинки?

— Нет,— сказала Джилл,— мы не хотели рассматривать тебя, как пара зевак.

— Так смотрите, дорогие, ведь не зря Джордж, упокой, Господи, его душу, трудился! Смотрите, изучайте. Вот здесь, в центре изображено рождение нашего пророка, святого Архангела Фостера. Он тут невинный младенец, не ведающий, что Ему уготовано небесами. А вокруг нарисованы ангелы, которые все знали заранее. Здесь Джордж запечатлел первое чудо, совершенное пророком. Еще мальчиком пророк застрелил из рогатки птичку, потом устыдился, поднял ее, погладил; она ожила и улетела. Сейчас я повернусь к вам спиной,— миссис Пайвонски объяснила, что когда Джордж начинал богоугодную работу, ее тело уже не было чистым холстом. Поэтому Джорджу пришлось превратить «Нападение на Пирл-Харбор» в «Армагеддон» и «Небоскребы Нью-Йорка» в «Священный город».

— К сожалению, Джорджу удалось изобразить лишь основные вехи в жизни пророка. Вот Фостер проповедует на ступенях отвергшей его духовной семинарии. С тех пор его начали преследовать. А вот он громит идолопоклоннический храм... А вот он в тюрьме, и от него исходит священный свет. Его освободили из тюрьмы приверженцы веры...

(Преподобный Фостер понял, что, одобряя свободу религии, кастеты, клубы и готовность ввязаться в дрязги с полицией, перевесил пассивное сопротивление. Он с самого начала был воинствующим верующим. Однако он был и тактиком; он вступал в битвы только тогда, когда на стороне Господа воевала тяжелая артиллерия.)

— А судью, который посадил его в тюрьму, вымазали дегтем и вываляли в перьях. Вот здесь — вам не видно, лифчик закрывает. Безобразие...

— «Майкл, чего она хочет?»

— «Ты сама знаешь. Скажи ей».

— Тетушка Пэтти,— мягко сказала Джилл,— ты хочешь, чтобы мы увидели все картины?

— Да. Тим говорит, что Джордж использовал эти места, чтобы не оставить рассказ незаконченным.

— Если Джордж трудился над картиной, надо думать, он рассчитывал, что на нее будут смотреть. Сними костюм. Я говорила, что могла бы работать голой, а здесь даже не работа, а встреча друзей... куда ты пришла со святой целью.

— Ну, если вы так хотите,— она торжествовала. Аллилуйя! С помощью Фостера и Джорджа она обратит ребят.

— Помочь тебе расстегнуться?

«Джилл!»

«Майкл, что ты задумал».

«Подожди, увидишь».

Миссис Пайвонски была просто поражена, когда обнаружила, что ее унизанные блестками трусики и бюстгальтер исчезли. Джилл не удивилась, когда пропал ее пеньюар, но немножко изумилась, когда и на Майке исчез халат; она расценила это как обходительность.

Миссис Пайвонски ахнула.

Джилл обняла ее:

— Пэтти, не волнуйся, все в порядке. Майк, объясни...

— Хорошо, Джилл. Пэт...

— Да, Смитти?

— Ты не верила, что я продал душу дьяволу. Ты хотела снять костюм — я помог.

— Как ты это сделал? И где костюм?

— Там же, где наши халаты. Его нет.

— Пэтти, не волнуйся, мы заплатим,— вмешалась Джилл.— Не стоило этого делать, Майк.

— Извини, Джилл. Я думал, ничего страшного.

— В самом деле, ничего,— цирковая гордость не позволяла тетушке Пэтти признаться, что она испугалась.

Костюма ей было не жаль, наготы она не смущалась. Миссис Пайвонски была озабочена теологической стороной происшествия.

— Смитти, это настоящее чудо?

— Можно сказать, что настоящее,— согласился он, отчетливо произнося слова.

— Это, скорее, колдовство.

— Как хочешь.

— Смитти,— Патриция не боялась. Она ничего не боялась, с нею была вера,— посмотри мне в глаза,— ты не продал душу дьяволу?

— Нет, Пэт.

— Кажется, ты говоришь правду,— она не отводила взгляда.

— Он не умеет лгать, тетушка Пэтти.

— Значит, это чудо. Смитти, да ты святой человек.

— Не знаю...

— Архангел Фостер до двадцати лет тоже не знал, хотя уже творил чудеса. Ты святой человек, я чувствую. Все время чувствовала, с тех пор, как впервые увидела тебя.

— Не знаю, Пэт.

— Вполне вероятно, Пэтти,— сказала Джилл,— но он этого в самом деле не знает. Майкл, придется раскрыться до конца.

— Майкл? — воскликнула Пэтти.— Да ведь это архангел Михаил, посланный к нам в человеческом обличье!

— Пэтти, не надо! Если даже он ангел, он этого не знает.

— Ему не нужно знать. Бог творит чудеса, ни перед кем не отчитываясь.

— Тетушка Пэтти, послушай меня, пожалуйста!

Тут миссис Пайвонски узнала, что Майк — Человек с Марса. Она согласилась признать его человеком — хотя на его счет и на счет того, почему он оказался на Земле, у нее было свое собственное мнение — Фостер тоже был человеком, пока жил на Земле, но при этом оставался архангелом. Если Джилл и Майк решительно отказываются от спасения души, она будет воспринимать их так, как они этого хотят — пути Господни неисповедимы.

— Если тебе так нравится, зови нас «искателями веры»,— сказал ей Майк.

— Этого достаточно, дети! Я уверена, что вы уже спасены; когда Фостер был маленький, его тоже обратили в веру. Я помогу вам!

В следующем чуде приняла участие и Патриция. Все сели на ковер, Джилл мысленно предложила Майку чудо. Миссис Пайвонски, затаив дыхание, смотрела, как Джилл поднимается в воздух.

— Пэт,— попросил Смит,— ляг на спину.

Она повиновалась с такой готовностью, будто перед ней сидел сам Фостер. Джилл оглянулась на Майка.

— Может, меня опустишь?

— Не беспокойся, я выдержу.

Миссис Пайвонски ощутила, что медленно отрывается от пола. Она не испугалась, а почувствовала религиозный экстаз: из чресел к сердцу поднялось тепло, из глаз полились слезы. Такого сильного чувства она не испытывала с тех пор, как ее коснулся сам святой Фостер. Майк подвинул Патрицию к Джилл, женщины обнялись.

Он опустил их на ковер и обнаружил, что не устал. Майк забыл, когда в последний раз уставал.

— Майк, нужна вода,— сказала Джилл.

«???»

«Как всегда»,— мысленно ответила Джилл.

«Обязательно?»

«Конечно. Ты думаешь, зачем она пришла?»

«Я знаю. Просто не был уверен, что ты знаешь и хочешь».

Майк отправил стакан в ванную, там налил в стакан воды и стакан прилетел в руки к Джиллиан. Патриция наблюдала с интересом. Она уже перестала удивляться. Джилл обратилась к ней:

— Тетушка Пэтти, это как крещение или венчание. Марсианский обычай. Это значит, что ты веришь нам, а мы верим тебе и можем рассказать любой секрет и ты тоже. Нарушать клятву нельзя. Если ты ее нарушишь, мы умрем, даже если наши души будут спасены. Если мы нарушим... но мы не нарушим. Не хочешь породниться с нами — можешь не пить, останемся друзьями. Я не заставляю тебя поступать вопреки вере, если вера запрещает родство с нами. Мы не принадлежим к твоей церкви и вряд ли будем принадлежать. Ты можешь назвать нас просто искателями веры, Майк?

— Джилл говорит правильно,— подтвердил Майк.— Пэт, если бы ты понимала по-марсиански, мы сумели бы лучше объяснить тебе, что это значит. Это даже больше, чем венчание. Мы предлагаем воду от чистого сердца, и если в твоей душе или религии что-то восстает против этого — *тогда не пей!*

Патриция Пайвонски глубоко вздохнула. Она приняла решение. Джордж не должен ее осудить. Кто она такая, чтобы отказывать святому человеку и его избраннице?

— Я согласна,— решительно сказала она.

Джилл сделала глоток.

— Мы стали еще ближе,— и передала стакан Майку.

— Спасибо за воду, брат,— Майк отпил.— Пэт, я даю тебе влагу жизни. Пусть твоя вода всегда будет глубокой.

Патриция приняла стакан.

— Спасибо, дорогие... Влага жизни! Я люблю вас обоих! — и выпила до дна.

«Джилл?»

«Давай!»

Валентайн Майкл Смит вник, что физическая человеческая любовь — сугубо физическая и сугубо человеческая — это не просто ускорение процесса размножения и не просто ритуал, символизирующий сближение. Это сущность сближения. Теперь он пользовался каждой возможностью, чтобы познать всю полноту любви. Ему больше не было неловко оттого, что он испытал экстаз, неведомый даже Старшим Братьям. И он погружался в души своих земных братьев, не испытывая ни перед кем вины и неприязни.

Его человеческие учителя, нежные и щедрые, обучили его искусству любви, не оскорбив его невинности. Результат получился таким же уникальным, как и он сам.

Джилл не удивилась, что Патриция приняла как должное то, что за старинным марсианским ритуалом разделения воды следует древний человеческий ритуал разделения любви. Она удивилась чуть позже, когда Пэт спокойно отнеслась к чудесам, которые Майк творил в любви. Джилл не знала, что Патриции уже приходилось встречаться со святым человеком и от святого Пэт ожидала даже большего. Джилл была рада, что Пэт избрала правильное действие в критический момент, и счастлива, когда пришла ее очередь сближаться с Майком.

Потом они отправились в ванну. Джилл попросила Майка намылить Патрицию способом телекинеза. Та визжала и хохотала. В первый раз Майк сделал так ради шутки, потом это стало семейной традицией, которая — Джилл знала — понравится Пэт. Джилл с любопытством наблюдала за выражением лица Пэтти, когда ту скребли невидимые руки и высушивала неведомая сила.

— После всего, что было, я без выпивки не обойдусь,— сказала Патриция.

— Конечно, дорогая.

— Кроме того, вы не досмотрели мои картины.

Они вернулись в гостиную, и Пэтти стала на ковер.

— Сначала посмотрите *на меня*, на меня, а не на мои картинки. Что вы видите?

Майк мысленно снял с Пэт татуировки и стал смотреть, каков его новый брат без украшений. Татуировки ему нравились: они выделяли Пэт из общей массы и делали ее чем-то похожей на марсианина. Она была лишена человеческой безликости. Майк подумал, что

обязательно украсит и себя картинами, как только решит, что изобразить. Можно нарисовать жизнь Джубала, заменившего ему отца. Может, и Джилл захочет сделать себе татуировку? Какие картины будут ей к лицу? Нужно подумать.

Без татуировок Пэт нравилась Майку меньше: женщина как женщина. Майк до сих пор не вник, зачем Дюку коллекция женщин. Он знал, что у женщин разные формы, размеры, цвета кожи и любовные ухищрения. Приемные родители научили Майка замечать мельчайшие детали, но они же научили его не преувеличивать значение мелочей. Нельзя сказать, что женщины не возбуждали в нем желания; они его возбуждали, но не видом своего тела. Запах и прикосновение значили для Майка больше: именно так возбуждался аналогичный марсианский рефлекс.

Когда на Патриции не осталось картин, Майк обратил внимание на ее лицо, красивое лицо, над которым уже поработала жизнь. Это было более «собственное» лицо, чем у Джилл, и чувство к Пэт, которое Майк еще не называл любовью, стало сильнее.

У нее был собственный запах и собственный голос. Майку нравилось слушать ее сипловатый голос и вдыхать мускусный запах, которого она набралась от змей. Майк любил змей и умел с ними обращаться. Дело было не только в том, что он успевал уклоняться от их укусов. Они вникали друг в друга. Майк упивался их невинной беспощадностью; змеи напоминали ему о доме. Боа констриктор, любимец Патриции, кроме нее, признавал только Майка.

Майк вернул образу Патриции татуировки.

А Джилл думала, зачем тетушке Пэтти татуировки? Она была бы очень милой, если бы не превратила себя в страницу комикса. Но Джилл любила Пэтти, что бы на ней ни было нарисовано, тем более, что Пэтти этим зарабатывает... пока. Как постареет, никому ее картины не будут нужны, хоть бы их создавал сам Рембрандт. Наверное, Пэтти откладывает что-то на черный день. Впрочем, она теперь брат Майка и наследник его состояния. Эта мысль согрела Джилл.

— Ну, что вы видите? — повторила миссис Пайвонски.— Майкл, сколько мне лет?

— Не знаю, Пэт.

— Угадай.

— Не могу.

— Давай, давай!

— Пэтти,— вступилась за него Джилл,— Майк правда не умеет определять возраст. Он совсем недавно прилетел на Землю и считает по-марсиански. Когда приходится иметь дело с цифрами, я ему помогаю.

— Ладно, тогда ты угадай. Только говори правду.

Джилл оглядела Патрицию: тело, руки, шею, глаза; вопреки просьбе, сбросила пять лет и сказала:

— Тридцать лет, год туда, год сюда...

Миссис Пайвонски усмехнулась.

— Вот плоды Истинной Веры, дорогие мои! Джилл, мне скоро пятьдесят!

— Не может быть!

— Вот что дает человеку Счастье, моя милая. После первых родов я располнела. Живот торчал, как на шестом месяце, грудь отвисла. Пластическую операцию я не хотела делать: погибли бы мои картины. И вот тогда я увидела свет! Нет, я не голодала и не изнуряла себя упражнениями, до сих пор ем, как лошадь. Я познала счастье, счастье в Боге через благостного Фостера.

— Потрясающе,— сказала Джилл. Насколько она знала свою тетушку Пэтти, та никогда не делала упражнений и не ограничивала себя в еде. Джилл приходилось видеть последствия пластических операций; Пэтти не лгала, утверждая, что не делала их.

Майк решил, что Пэт внушила себе то тело, какое ей было нужно, а Фостер тут ни при чем. Майк обучал Джилл такому внушению, но пока ничего не выходило. Он, как обычно, не спешил: всему свое время.

Пэт продолжала:

— Я хочу, чтобы вы знали, что может Вера. Это еще не все: главная перемена внутри. Я счастлива. Я не мастер говорить, но я постараюсь. Сначала вы должны понять, что все другие церкви — это вертепы дьявола. Наш дорогой Иисус проповедовал Истинную Веру, и Фостер сказал: «Я верую!». Но во времена средневековья его слова были искажены, и Иисус не узнал их. И Фостер был послан проповедовать Новое Откровение и разъяснять его.

Патриция Пайвонски напустила на себя важный вид и превратилась в проповедницу, облеченную святостью и тайной.

— Бог хочет, чтобы мы были счастливы. Он напол-

нил мир вещами, которые бы сделали нас счастливыми. Разве бог позволил бы виноградному соку бродить и превращаться в вино, если бы не хотел, чтобы мы пили и радовались? Он мог бы оставить сок соком или сделать из него уксус, и никому не досталось бы ни капельки счастья. Конечно, Он против того, чтобы мы напивались, как свиньи, и буянили, забывая о наших детях. Он подарил нам блага жизни, чтобы мы ими пользовались, но не злоупотребляли. Если тебе хочется выпить или заняться любовью с приятелями, которые, как и ты, видят свет; и ты танцуешь и благодаришь Бога за то, что Он это позволил, что тут плохого? Бог создал вино, Бог создал твои ноги, которые могут танцевать — танцуй и будь счастлив!

Пэт перевела дыхание.

— Налей еще, дорогая. До чего тяжелая работа — проповедь! Так вот, если бы Бог не хотел, чтобы на женщин смотрели, Он сделал бы их уродливыми. По-моему, логично. Бог хочет, чтобы мы были счастливы, и Он указывает нам путь к счастью. Он говорит: «Любите друг друга! Возлюбите змею, если она нуждается в любви. Отказывайте в любви лишь прислужникам Сатаны, которые хотят столкнуть вас с пути к счастью». А под любовью он подразумевает не вздохи старой девы, которая боится оторвать глаза от молитвенника, чтобы не поддаться соблазну плоти. Если бы Бог не любил плотские радости, он не создал бы их в таком количестве. Неужели Бог, который сотворил Гранд Каньон, кометы, циклоны, землетрясения,— испугается, если девчонка нагнется, а парень заглянет ей в вырез и увидит грудь? Когда Бог велел нам любить, Он не лицемерил, а в самом деле хотел, чтоб мы любили. Да ты сама это знаешь. Женщина любит младенца, а потом любит мужчину, чтобы появился новый младенец, которого можно любить. Но это не значит, что, имея бутылку, ты должна нализаться, выскочить на улицу и трахаться с кем попало. Нельзя продать любовь и купить счастье; ни то, ни другое не имеет цены. Если ты определил цену любви — перед тобой врата ада. Но если ты с чистым сердцем и помыслами берешь и даешь то, что дает тебе Бог, грех не коснется тебя. Что деньги? Ты стала бы пить с кем-нибудь воду за деньги, за миллион? За десять миллионов без налога?

— Нет, конечно. «Майк, ты вникаешь?»

«Не совсем. Еще длится ожидание».

— Ты понимаешь меня, дорогая? Я знала, что в вашей воде любовь. Вы очень близки к свету. Я стала вашей сестрой, и потому скажу вам то, что нельзя говорить тем, кто еще не увидел света.

Преподобный Фостер, посвященный в сан Богом или сам себя посвятивший, чувствовал пульс времени лучше, чем любой цирковой чувствует публику. В душе Америки творился полный разлад. Пуританские законы и раблезианские обычаи. Аполлинарные религии и дионисические секты. Ни в одной стране мира в двадцатом веке (земной христианской эры) секс не подавлялся так яростно, как в Америке, и нигде им так сильно не интересовались люди.

У Фостера было два качества, необходимых религиозному лидеру: личный магнетизм и сексуальные способности выше средних. Религиозный лидер должен быть либо аскетом, либо развратником. Фостер аскетом не являлся. Его жены и последовательницы придерживались тех же взглядов. Обряд принятия в лоно церкви Нового Откровения располагал к сближению.

По ходу земной истории такие обряды практиковались во многих культах, но в Америке до Фостера применения не нашли. Фостера неоднократно изгоняли из разных городов, пока он не усовершенствовал сей обряд настолько, что последний прижился в Америке. Фостер без зазрения совести воровал идеи у массонов, католиков, коммунистов, точно так же, как обокрал все священные писания, сочиняя Новое Откровение.

Он учредил «внешнюю» церковь, которую мог посетить каждый. Существовала еще «средняя» церковь, которая для непосвященных и являлась собственно «Церковью Нового Откровения». Те, кто уже спас свою душу, наслаждались там бесконечным карнавалом Счастья, Счастья, СЧАСТЬЯ. Им простили прошлые грехи, а новых они совершить не могли, если не отказывались от дарованного им счастья и добросовестно осуждали грешников. Новое Откровение не поощряло разврат откровенно, но придерживалось оригинальных воззрений по некоторым вопросам полового поведения. «Средняя церковь» формировала боевые отряды. Эту идею Фостер позаимствовал у профсоюза индустриальных рабочих мира, существовавшего в начале двадцатого столетия.

Если фостеритов начинали притеснять, они громили во всей округе тюрьмы и ломали ребра полицейским. Если начинались судебные преследования, Фостер следил за тем, чтобы ни один фостерит не был осужден как фостерит.

И, наконец, была «внутренняя» церковь, к которой принадлежали немногие полностью посвященные, апостолы новой веры. Фостер отбирал их тщательно, многих даже лично. Он искал мужчин таких, как он сам, и женщин таких, как его подруги: решительных, убежденных, упорных, свободных (или способных освободиться) от чувства ревности — потенциальных сатиров и нимф, потому что «внутренняя» церковь исповедовала тот самый дионисический культ, которого так недоставало Америке. Супругов брали в апостолы только парами. Неженатые или незамужние кандидаты должны были иметь привлекательную внешность и быть сексуально агрессивными. Число мужчин должно было превышать число женщин. Неизвестно, знал ли Фостер о том, что подобные культы ранее зарождались в Америке. Если не знал, то интуитивно угадывал, что они были уничтожены ревностью. Фостер никогда не жалел своих женщин для других мужчин.

Кроме того, он не стремился увеличивать число апостолов. Для удовлетворения страстей толпы существовала «средняя» церковь. Если приход давал одну-две супружеские пары, годных в апостолы, Фостер был более, чем доволен. Если нет, он бросал в почву новые семена и ждал, когда они прорастут.

Испытывать кандидатов ему помогала какая-нибудь из подруг. После беседы с четой кандидатов Фостер посылал соратницу в атаку на супруга.

В ту пору Патриция Пайвонски была молодой, красивой и счастливой. Она жила с ребенком и любимым мужем, который был намного старше ее. Джордж Пайвонски был человеком великодушным и добрым, но имел слабость, которая не позволяла ему быть великодушным к жене после рабочего дня. Пэтти считала себя счастливой женщиной. Подумаешь, ну, понравилась Джорджу клиентка, ну, выпьет он с ней, ну и что? Пэтти проявляла терпимость; у нее тоже были клиенты, с которыми можно выпить...

Патриция имела и свои слабости. Все началось с того, что клиент подарил ей змею. Пэтти и Джордж поселили ее у себя в витрине под вывеской «Не наступай!», и

очень скоро такая татуировка стала популярной. Патриция не боялась змей и со временем устроила в доме настоящий серпентарий.

Родители Патриции принадлежали к разным верам, поэтому у нее не было никакой. К тому времени как Фостер пришел с проповедями в Сан-Педро, она уже искала спасения в церкви Нового Откровения. Она и Джорджа несколько раз водила в церковь, но он не увидел света веры. Свет принес Фостер, к которому они пришли исповедоваться. Он вернулся в Сан-Педро через полгода и, увидев их ревностное служение вере, обратил на супругов более пристальное внимание.

— С того момента, когда Джордж увидел свет, я горя не знала,— говорила Патриция Майку и Джилл.— Он по-прежнему пил, но понемногу и только в церкви. Когда наш святой вождь вернулся в Сан-Педро, Джордж уже работал над своими шедеврами. Мы решили показать их Фостеру,— миссис Пайвонски запнулась.— Этого нельзя рассказывать.

— Значит, не рассказывай,— горячо сказала Джилл.— Пэтти, милая, мы не заставляем тебя делать то, что тебе в тягость. Братство по воде не должно быть обременительным.

— Но я хочу рассказать! Помните, это тайна целой церкви, вы никому не должны рассказывать того, что услышите. А я никому не скажу о вас.

Так вот, вы знаете, что все фостериты носят татуировки? Я имею в виду посвященных в тайну внутренней церкви. Конечно, они не сплошь покрыты рисунками, но видите это? На сердце? Это святой поцелуй Фостера. Джордж искусно вписал его в картину, так что никто не догадывается. Это настоящий поцелуй Фостера, он сам запечатлел его на мне,— у Пэт был гордый вид.

— И правда,— сказала Джилл, разглядывая указанное место,— будто кто-то поцеловал и осталось пятнышко помады. А я думала, что это кусочек заката.

— Правильно, Джордж специально так сделал, потому что нельзя показывать поцелуй Фостера тому, на ком его нет. Я до сих пор не показывала. Я верю, что когда-нибудь и вы удостоитесь святого поцелуя, тогда я сделаю вам татуировки.

Джилл удивилась.

— Как Фостер может нас поцеловать, Пэтти? Ведь он давно в небесах.

— Правильно. Но поцелуем Фостера вас может наградить кто-нибудь из посвященных во внутреннюю церковь. Поцелуй означает, что Бог внутри вас. Он всегда в вашем сердце.

Майк вдруг напрягся.

— Ты есть Бог.

— Как ты сказал, Майк? В такой форме я этого не слышала, но это верно. Бог в тебе, Он с тобой, и ты недоступен дьяволу.

— Да,— согласился Майк,— ты вникаешь в Бога.

Впервые он слышал такое точное выражение марсианской формулы на английском языке.

— Смешное слово — «вникать», но точное. Бог вникает в тебя, и ты по Святой Любви обручаешься с его церковью для вечного Счастья. Тебя поцелует кто-нибудь из посвященных, и поцелуй запечатлевается навсегда с помощью татуировки. Татуировка не обязательно должна быть большой — у меня она сделана по размеру благословенных губ Преподобного,— и наносится она на любое скрытое от взглядов место. Показывать ее нужно, входя в Собрания Счастья, которые устраивают посвященные.

— Я слышала об этих собраниях,— сказала Джилл,— но не знаю, на что они похожи.

— Собрание собранию рознь,— наставительно продолжала миссис Пайвонски.— Собрания простых верующих — это просто вечеринка с молитвами и, может быть, намеком на любовь. Там следует быть очень осторожным на предмет с кем и как, чтобы не посеять раздор между братьями. Церковь очень строго следит, чтобы все было к месту и вовремя.

Собрания посвященных — другое дело, там можно забыть об осторожности, потому что среди посвященных невозможны грех и раздор. Если ты хочешь напиться и отключиться — пожалуйста; все знают, что это по воле Бога, иначе ты не захотел бы. Ты хочешь помолиться или запеть, или разорвать на себе одежду — пожалуйста: это тоже воля Бога. Никто ни в чем не усматривает ничего дурного.

— Похоже на обычную дружескую вечеринку.

— Точно. И все преисполнены божественной благодати. Если ты просыпаешься утром с одним из посвященных братьев, ты знаешь: Бог захотел, чтобы вы с ним были счастливы. Все, кого поцеловал Фостер, могут

принадлежать тебе, а ты — им всем,— она задумалась.— Это как ваше разделение воды. Ты понимаешь, Майк?

—Вникаю,— согласился Майк.

«Майк!!»

«Подожди, Джилл. Подожди, и ты поймешь».

— Одной татуировки мало, чтобы попасть на Собрание, особенно в чужую церковь,— продолжала Пэтти.— Я, узнав маршрут цирка, рассылаю по церквям тех городов, где буду выступать, отпечатки своих пальцев. Их должны опознать по картотеке посвященных. Я лучше пропущу день в цирке, но обязательно пойду на Собрание Счастья или на воскресную службу. Очень часто я просто стою на собрании, а все рассматривают мои непревзойденные священные картины. Каждая секунда такого выступления — блаженство. Иногда мы с боа разыгрываем Еву и Змия, тогда приходится маскировать татуировку. Кто-нибудь из братьев играет Адама, нас изгоняют из рая, и проповедник объясняет, что это значит на самом деле, а не врет, как католики. И мы у всех на глазах вновь обретаем невинность, и все следуют нашему примеру.

Всем нравится мой поцелуй Фостера, потому что меня поцеловал именно Фостер, который вот уже двадцать лет на небесах. Подлинность поцелуя тоже засвидетельствована. Иногда я рассказываю, как это было.

Миссис Пайвонски, после недолгого колебания, начала рассказывать, и весьма подробно, историю поцелуя. Джилл поймала себя на том, что разучилась краснеть. Потом она вникла, что Пэтти похожа на Майка, они оба невинны, в их деяниях просто не может быть греха. Ей вдруг захотелось, ради счастья Пэтти, чтобы Фостер на самом деле оказался святым, который навеки спас душу Пэтти от греха.

А Фостер-то! Боже правый!

Джилл вспомнила комнату со стеклянной стеной и мертвые глаза Фостера, казавшиеся живыми. Она подумала, что вряд ли захотела бы принять его поцелуй, и даже вздрогнула. Джилл поскорей прогнала воспоминание, но Майк его перехватил. Она почувствовала, что он улыбается.

Джилл поднялась.

— Пэтти, к которому часу тебе нужно быть в цирке?

— Да уже пора.

— Уже. Отправление в девять тридцать.

— Малыши скучают. Ревнуют к обществу.

— Сказала бы им, что идешь на Собрание Счастья.

Патриция рассмеялась и обняла Джилл.

— Я ложусь спать,— продолжала Джилл,— когда тебя завтра будить?

— Так: если я приеду к восьми, то успею проверить, как погрузили малышей. Буди в семь.

— Завтракать будешь?

— Нет, а то в дороге нечего будет делать. С удовольствием выпью кофе.

— Я приготовлю. Ладно, воркуйте. Майк по ночам не спит.

— Совсем?

— Совсем. Он думает.

— Вот тебе еще один знак. Я знаю, Майк святой, и он сам скоро это поймет. Твое время еще придет, Майк!

— Может быть,— сказала Джилл.— Майк, я засыпаю на ходу. Отнеси меня, пожалуйста, в постель.

Джилл поднялась в воздух и поплыла в спальню. Постель раскрылась, Джилл опустилась на нее и сразу же заснула.

В семь часов она проснулась и выглянула в соседнюю комнату. Свет был погашен, шторы опущены, но Майк и Пэт не спали. Джилл услышала, как Майк произнес с нежной уверенностью:

— Ты есть Бог.

— Ты есть Бог,— откликнулась Патриция странным голосом, как в трансе.

— Джилл есть Бог.

— Да, Майк. Джилл есть Бог.

— И ты есть Бог.

— ТЫ есть Бог. Ну же, Майк!

Джилл тихонько прошла в ванную и принялась чистить зубы. Умывшись, она сообщила Майку, что уже не спит. Он принял сообщение. Когда Джилл вернулась в гостиную, шторы были подняты, в окна светило солнце. Джилл расцеловала друзей.

— Ты есть Бог,— сказала Пэтти.

— Да, Пэтти. И ты есть Бог. Бог во всех нас.

Джилл посмотрела на Пэтти и даже в ярком утреннем свете не обнаружила на ее лице следов усталости. Она знала, что это такое. Если Майку ночью нужно было общество Джилл, он помогал ей бодрствовать всю ночь. У Джилл возникло подозрение, что ее вчерашняя

сонливость была делом рук Майка. Майк мысленно подтвердил.

— Кофе готов, дорогие мои. Есть еще банка апельсинового сока.

Счастливые, все уселись завтракать. Патриция задумалась.

— Что с тобой?

— Ребята, что вы собираетесь делать дальше? У тетушки Пэтти тугой кошелек, и я подумала...

Джилл засмеялась.

— Извини, дорогая, это невежливо с моей стороны. Разве ты не знаешь, что Человек с Марса — богат? Наверняка знаешь!

Миссис Пайвонски смутилась.

— Думаю, да. Я слышала по стерео, но разве можно верить новостям?

— Пэтти, ты просто прелесть! Мне можно поверить: мы братья по воде. Общее гнездо — не просто поэзия. Если тебе будут нужны деньги, говори. Любая сумма. В любое время. Пиши, звони. Лучше мне: Майк с деньгами обращаться не умеет. У меня на счету сейчас есть пара тысяч. Тебе не нужно?

— Что ты! — испугалась миссис Пайвонски.— Мне не нужны деньги.

— Будут нужны — не стесняйся. Майк тебе что хочешь подарит, даже яхту.

Миссис Пайвонски покачала головой.

— Все, что мне нужно от вас, дорогая,— это любовь.

— Это у тебя есть.

— Я не вникаю, что такое любовь, но Джилл всегда говорит правильно,— сказал Майк.— Если у нас есть любовь, она твоя.

— А еще я хочу, чтобы вы спасли свои души. Но об этом я больше не беспокоюсь. Майк сказал мне, что вы в поре ожидания, и объяснил почему. Ты меня понимаешь, Джилл?

— Вникаю. Я уже забыла, что такое нетерпение.

— У меня есть кое-что для вас,— дама в татуировке открыла сумочку и достала оттуда книгу.— Дорогие мои, этот экземпляр Нового Откровения подарил мне Фостер в ту самую ночь, когда поцеловал меня. Пусть он останется у вас.

На глазах Джилл показались слезы.

— Тетушка Пэтти! Пэтти, брат! Мы не можем принять такой подарок. Мы купим новую книгу.

— Нет. Это вода, которую я предлагаю вам во имя нашего братства.

— О, спасибо! — Джилл поцеловала ее.

— Отойди, жадина! Моя очередь,— Майк отодвинул Джилл.

Сначала Человек с Марса поцеловал нового брата в губы, потом в то место, куда когда-то поцеловал Фостер. Потом подумал — по земным меркам, совсем недолго — и поцеловал в то же место на другой стороне. При этом он замедлил время, чтобы успеть захватить капилляры. Казалось, он просто коснулся губами кожи, но Джилл почувствовала его усилие.

— Пэтти, смотри.

Миссис Пайвонски опустила глаза. На коже ярко-красным пятном отпечатались губы Майка. Патриция чуть не упала в обморок, но ее поддержала вера.

— О, Майк!

Вскоре дама с татуировкой стала чинной домохозяйкой в платье с высоким воротом и в перчатках.

— Я не стану плакать и прощаться. В вечности не существует «до свидания». Я буду ждать,— она поцеловала Майка и Джилл и ушла не оглядываясь.

Глава 28

— Богохульство какое!

— Что случилось, юниор?

— Вы только посмотрите, это невероятно? Взгляните через Всевидящее Око!

— Мальчик мой, в мире нет ничего невероятного,— тем не менее патрон бывшего епископа Дигби переключил часть своего ангельского внимания на происшествие, так возмутившее Дигби.

Простые смертные — две женщины и мужчина — говорили о вечном. Ничего особенного.

— Ну и что?

— Вы слышали, что она сказала? «Архангел Михаил»!

— Ну и что?

— Господи! Как это «ну и что»?

— Очень может быть, что она права.

— Фостер, вы плохо смотрели,— от возмущения у Дигби дрожал нимб.— Она имела в виду этого инфантильного развратника, который меня сюда зашвырнул. Посмотрите внимательно.

Фостер посмотрел внимательно; увидел, что практикант говорит правильно, увидел кое-что еще и улыбнулся ангельской улыбкой.

— Юниор, а откуда ты знаешь, что он не Архангел Михаил?

— Что-о?

— В последнее время Майк не появлялся в клубе; его вычеркнули из списка участников турнира солипсистов. Значит, он в длительной командировке, иначе без него не обошлись бы.

— Какое непотребство!

— Ты удивишься, если узнаешь, сколько у босса непотребных идей. Вернее, наоборот, ты не должен удивляться, проработав столько лет на линии. «Непотребство» — это нулевое понятие, оно не имеет теологического смысла. Для чистых все чисто.

— Но...

— Не перебивай. Помимо того, что наш брат Михаил в данное мгновение вечности отсутствует, эта татуированная дама, произнесшая пророческие слова, не должна ошибаться. Она из очень святых смертных.

— Кто это сказал?

— Я. Я ее знаю,— Фостер вновь улыбнулся.— «Патриция, малышка! Немного сдала, но по-прежнему привлекательна. Так и светится изнутри добротой».

С мирским чувством гордости Фостер заметил, что Джордж завершил свою работу. Картина вознесения на небо очень недурна! Нужно разыскать Джорджа, поблагодарить его и сказать, что видел Патрицию... А где его искать? В картотеке художников? А, Бог с ним, посмотрю в основной: тысяча лет туда, тысяча сюда...

Ах, Патриция! Какая она была аппетитная! Побольше бы ей уверенности и поменьше покладистости, можно было бы сделать из нее Жрицу. Но Патриция понимала Бога по-своему... Что-то она сейчас делает? Фостер хотел посмотреть, но воздержался: работы много.

— Отключи Всевидящее Око, юниор. Я хочу с тобой поговорить.

Дигби повиновался.

Фостер потеребил краешек нимба — в последнее время завелась вредная привычка — и сказал:

— Ты ведешь себя как-то не по-ангельски.

— Прошу прощения.

— Забудь свои земные замашки. Ты слишком много внимания уделяешь молодому человеку, который может оказаться (или не оказаться) нашим братом Михаилом. Кроме того, ты не вправе судить Инструмент, с помощью которого тебя призвал Господь. Во-вторых, дело не в нем, а в брюнетке-секретарше, от которой тебя оторвали. Она заслужила мой поцелуй еще до того, как тебя призвали. Я не ошибся?

— Я не успел ее испытать.

— В таком случае ты будешь рад узнать, что Верховный Епископ Шорт довел до конца начатое тобою дело. Он испытал ее весьма квалифицированно и во всех отношениях — я тебе говорил, что из него выйдет толк,— и теперь она наслаждается счастьем, которого заслужила. Пастырь должен черпать наслаждение из своей работы, и повышение по службе также должно доставлять ему наслаждение. У нас открывается новый участок, которому нужен смотритель. Эта должность, правда, ниже твоего звания, зато позволяет приобрести практический опыт ангельской работы. Вверяемая тебе планета — можно считать это небесное тело планетой — населена трехполым племенем. Я имею сведения сверху, что сам Дон Жуан не сумел почувствовать интереса ни к одному из этих трех полов. Он пожил там немного, а потом стал плакать и проситься в свой прежний одиночный ад.

— Хотите послать меня в Зазеркалье, чтобы я ничего не понимал и ни во что не мог вмешаться?

— Чур тебя! Ты и так не имеешь права во что-либо вмешиваться, я это тебе с самого начала говорил. Все: лети прочь, не мешай работать.

Фостер углубился в дела. На чем он остановился? Ах да, не бедной душе, временно носящей имя Этнес Дуглас. Трудно быть стимулом, но она с честью выполнила свое предназначение. И заслужила отдых. Правда, сначала из нее следует изгнать беса, который добросовестно помогал ей в работе. Она будет метаться, кричать и извергать эктоплазму из всех отверстий... Да, Этнес Дуглас была исключительно надежным линейным работником, бралась за любое поручение, даже не слишком благородное, и выполняла его на высоком профессиональном уровне. Фостер не удержался и украдкой взглянул на миссис Пайвонски. Ах, Патриция, душечка! Какой верный соратник и лакомый кусочек!

Глава 29

Когда за Патрицией закрылась дверь, Джилл спросила:

— Что теперь, Майк?

— Едем. Джилл, ты читала что-нибудь по патопсихологии?

— Да, но гораздо меньше, чем ты.

— Ты знаешь, что означает любовь к змеям и татуировкам?

— Конечно. По Пэтти все видно с первого взгляда.

— А я это понял только тогда, когда мы стали братьями. Физическая близость помогает глубже познать человека, правда, лишь в тех случаях, когда она — результат близости духовной. Мне кажется, что если бы мы сблизились физически, не сблизившись душой, то... нет, я бы так не мог.

— Вот именно. За это я тебя и люблю.

— Я еще не вник, что такое «любовь». И что такое «люди». Но я не хочу, чтобы Пэт ушла.

— Догони ее и задержи.

«Еще не кончилось ожидание, Джилл».

«Я чувствую».

— Я не уверен, что мы можем дать ей все то, что ей необходимо. Ей нужно постоянно отдавать себя каждому новому человеку. Ей мало Собрания Счастья, змей и зрителей. Она готова возложить себя на алтарь для каждого из живущих в мире и сделать всех счастливыми. Кто-то понимает Новое Откровение по-другому, а Пэт понимает именно так.

— Ты прав, Майк. Я тебя люблю.

— Пора в путь. Возьми деньги и выбери себе платье. Я уберу все лишнее.

Джилл раздумывала, что же надеть. Майк не брал в дорогу багаж. Джилл это вполне устраивало.

— Вот это, голубое.

Платье взлетело, Джилл подняла руки, и оно само на нее наделось. Сама собой застегнулась молния. Подбежали к ногам туфли.

— Я готова.

Майк перехватил ее мысль, которую понял не до конца: уж очень она немарсианская.

— Джилл, может быть, нам стоит пожениться?

— Сегодня воскресенье, мэрия не работает.

— Значит, завтра. Мне кажется, ты этого хочешь.

— Нет, Майк. Мы уже не станем ближе, ведь у нас общая вода. Это верно и по-английски, и по-марсиански.

— Это правда.

— И я не хочу, чтобы Доркас, Мириам, Энн и Пэтти думали, что я отнимаю тебя у них.

— Они так не думают.

— Все равно, не нужно. Мы с тобой поженились вечность тому назад, в больничной палате,— она задумалась.— Но кое-что ты еще можешь для меня сделать.

— Что, Джилл?

— Ты можешь давать мне ласковые имена, как я тебе.

— Согласен, какие?

— Майк, самый милый и самый невыносимый человек на двух планетах! Называй меня иногда маленьким братцем. Мне это очень приятно, даже сердце замирает.

— Хорошо, маленький братец.

— Ох! Едем, иначе я снова затащу тебя в постель. Встретимся внизу: я пойду оплачивать счет.

Они сели в первый попавшийся автобус. Через неделю были дома, посидели там несколько дней и, не прощаясь, уехали. Майк прощался только с чужими людьми: этот земной обычай ему претил.

Вскоре они остановились в Лас-Вегасе. Майк пробовал играть, а Джилл убивала время на сцене ночного клуба. Она не умела ни петь, ни танцевать. В этом Вавилоне Запада для нее была одна подходящая работа: вышагивать в неправдоподобной высокой шляпе. Если Майк работал, Джилл предпочитала не сидеть дома, а тоже чем-то заниматься.

Казино были открыты круглые сутки, поэтому Майк был занят почти все время. Он играл осторожно, не выигрывая слишком много. Раскрутив очередное казино на пару тысяч, Майк считал своим долгом что-нибудь и проиграть. Вскоре он устроился крупье. Шарик бежал по кругу, а Майк всматривался в людей, стараясь вникнуть, почему они играют. Мотив их поведения показался ему сексуальным, но нечистым.

Ресторанная публика, перед которой выступала Джилл, состояла из таких же болванов, как цирковая. Но удивительно: несмотря на презрение к публике, Джилл с удовольствием выходила к ней и демонстрировала себя. Майк уже передал ей толику марсианской

честности, и она попыталась проанализировать свои чувства. Ей и раньше нравилось, когда не нее с восхищением смотрел мужчина, которого она считала достойным себя. Ее самолюбие было немного уязвлено тем, что вид ее тела ничего не значил для Майка, хотя она знала, что Майк предан ей, как можно только мечтать, если он чем-нибудь не занят. Но и тогда он был великодушен: по ее зову выходил из транса и уделял ей необходимое внимание.

Такая у него была странность, и не единственная. Он по-прежнему не умел смеяться.

Поначалу Джилл решила, что ей нравится демонстрировать свое тело чужим мужчинам потому, что Майк им не восхищался. Чем дальше, тем Джилл становилась честней перед собой, и вскоре она отказалась от первоначального предположения. Мужчины, перед которыми она выступала, в основном были слишком старые, жирные и лысые, чтобы она могла считать их привлекательными. Джилл не презирала стариков — Джубал мог смотреть на нее, говорить разные словечки, но у нее не возникало чувства, что он хочет зажать ее в уголке. Джилл презирала «старых похотливых кобелей», как сама их называла. И вот она обнаружила, что «старые похотливые кобели» ее больше не раздражают. Напротив, их восторженные и томные взгляды доставляли ей тайное удовольствие. Раньше она осуждала эксгибиционизм. Теперь, обнаружив его у себя, Джилл решила, что либо это форма нарциссизма не является патологией, либо у нее патология психики. Однако она не чувствовала себя ненормальной, наоборот, никогда еще она не была такой нормальной. Да и кто взял бы ее в медсестры, если бы она не была и физически, и психически абсолютно здорова?

Что ж, если здоровой женщине нравится, когда на нее смотрят мужчины, то здоровые мужчины должны получать удовольствие, глядя на женщин. Джилл поняла, зачем Дюку его коллекция.

Джилл завела об этом разговор с Майком, но он не мог понять, почему ее вообще волнуют чьи-то взгляды. Другое дело — прикосновение. Майк не любил, чтобы к нему прикасались чужие люди (он старался даже не здороваться за руку), и мог понять, что этого не любят другие. Прикосновения он терпел только от братьев. Джилл боялась, что это может привести к гомосексуаль-

ным связям. Она объяснила Майку, что такое гомосексуализм (Майк читал, но не понял), и как от него уберечься. Майк был хорошенький, и к нему вполне могли пристать. По совету Джилл он придал своим чертам больше мужественности, но она не была уверена, что Майк отверг бы домогательства, скажем, Дюка, если бы тот имел слабость к мужчинам. К счастью, все мужчины-братья Майка были вполне мужчинами, а женщины — вполне женщинами. Джилл подозревала, что Майк усмотрел бы «зло» в человеке с гомосексуальными наклонностями и не предложил бы ему (или ей) воду.

Майк не мог понять, почему Джилл нравится, когда на нее смотрят. Их мнения на этот счет совпадали в тот недолгий период, когда они работали в цирке и Джилл стала равнодушной к взглядам. Джилл поняла, что именно в цирке зародилось ее теперешнее самосознание: уже тогда она была не совсем равнодушна к мужским взглядам. Под влиянием Человека с Марса она утратила то ханжество, которое из нее не вытравила профессия медицинской сестры. И тут поняла, что раньше была ханжой. Она, наконец, смогла признать, что так же бесстыдна, как кошка на солнцепеке. Джилл попыталась объяснить это Майку, используя понятия нарциссизма и визионизма.

— Понимаешь, Майк, я балдею, когда на меня смотрят мужчины... Хоть один, хоть много. Я вникла, зачем Дюку сексуальные картинки. Это не значит, что я хочу лечь в постель с кем-то из зрителей или что Дюк ляжет в постель со своими фотографиями. Но, когда на меня смотрят и говорят — думают,— что я желанна, мне становится как-то тепло,— она нахмурилась.— Надо сфотографироваться понеприличнее и отослать фотографию Дюку, чтобы он понял, что я уже не считаю его увлечение постыдной слабостью.

— Хорошо. Поищем фотографа.

— Нет,— покачала головой Джилл,— лучше не надо. Я просто извинюсь перед Дюком. Он никогда не имел на меня видов и я не хочу, чтобы он меня неправильно понял.

— Как? Ты не хочешь Дюка?

Джилл забыла, что Дюк ей брат по воде.

— Хм... я об этом как-то не думала. По старой привычке боялась тебе изменить. Нет, я не отвергну Дюка, если что... и мне будет хорошо с ним. Что ты на это скажешь?

— Это правильно,— серьезно сказал марсианин.

— Мой галантный марсианин, земные женщины любят, чтобы их хоть чуточку ревновали, но я боюсь, что ты никогда не вникнешь в ревность. Милый, что будет, если кто-то из зрителей начнет ко мне приставать?

— Боюсь, что его недосчитаются.

— С одной стороны, это правильно, но с другой, ты обещал мне не делать этого без крайней нужды. Если ты услышишь, что я кричу, или почувствуешь, что я боюсь, тогда действуй. Но я строила мужчинам глазки, еще когда ты был на Марсе, и могу тебя уверить: если женщину изнасиловали, в девяти случаях из десяти в этом большая часть ее вины. Поэтому не торопись.

— Я запомню это. А фотографию Дюку все-таки следует отослать.

— Зачем, милый? Если я захочу пристать к Дюку — тем более, что ты разрешаешь,— я просто обниму его за плечи и скажу: «Дюк, ты не против?». Мне не хотелось бы поступать, как те глупые женщины, которые тебе писали. Но если ты хочешь, я сфотографируюсь и отошлю.

Майк нахмурился.

— Если ты хочешь отослать Дюку неприличную фотографию, пожалуйста. Не хочешь — не отсылай, я не могу тебя заставить. Просто хотелось посмотреть, как делают неприличные фотографии. И что такое «неприличная» фотография?

Майка смущала как сама коллекция Дюка, так и перемена отношения к ней Джилл. Бледное марсианское подобие бурной человеческой сексуальности не давало ему возможности вникнуть в нарциссизм или визионизм, в скромность или бесстыдство.

— «Неприличная» значит «не совсем хорошая», а мне кажется, что ты не чувствуешь в этом ничего нехорошего.

— Неприличная или приличная — зависит от того, кто на эту фотографию смотрит. Если я преодолела предрассудок, мне это уже не кажется неприличным. Трудно объяснить словами, что это такое. Я лучше покажу. Закрой, пожалуйста, окна.

Шторы опустились.

— Отлично. Вот такая поза немножко неприличная, любая девушка может так стоять. Эта чуть более неприличная, не всякая на нее решится. Эта уже точно

неприличная, а эта еще хуже, а эта такая неприличная, что я не согласилась бы так позировать с открытым лицом, разве что ты попросишь.

— Зачем смотреть, если закрыто лицо?

— Спроси у Дюка, он объяснит.

— Я не вижу здесь ни хорошего, ни плохого,— он добавил марсианское слово, обозначающее нулевое состояние.

Поскольку Майку не все было понятно, разговор пришлось продолжить. Где это было возможно, Джилл и Майк пользовались марсианским языком, в котором очень тонко определены и разграничены эмоции. Вечером Майк пошел смотреть выступление Джилл. Она вышла на сцену, улыбаясь всему залу, но в первую очередь Майку. Джилл обнаружила, что присутствие Майка в зале усиливает радостное чувство; ей казалось, что она светится в темноте.

Когда девушки образовали на сцене живую картину, Джилл оказалась в нескольких шагах от Майка. Уже на четвертый день директор поставил ее примадонной.

— Я не знаю, в чем тут дело, малышка,— сказал он.— У нас есть девушки и пофигуристей, но в тебе есть что-то, на что смотрят посетители.

Джилл мысленно спросила Майка:

«Что-нибудь чувствуешь?»

«Вникаю, но не во всей полноте».

«Посмотри туда, куда смотрю я. На того низенького. Он дрожит. Он жаждет меня».

«Я вникаю в его жажду».

«Ты его видишь?»

Джилл уставилась посетителю в глаза, чтобы одновременно усилить его интерес и позволить Майку видеть ее глазами. Джилл уже неплохо думала по-марсиански и они с Майком стали настолько близки, что могли «одалживать» друг другу глаза, как это заведено на Марсе. Майк свободно пользовался глазами Джилл, она же могла смотреть его глазами только с его помощью.

«Мы вместе вникаем в него. Великая жажда по маленькому братцу».

«!!!»

«Да. Прекрасная агония».

Музыка переменилась. Джилл пошла по сцене, двигаясь важно и томно и чувствуя, как в ответ на жажду Майка и посетителя в ней разгорается желание. Обходя

сцену, Джилл приближалась к посетителю и не отрывала от него взгляда.

Происходило что-то необъяснимое: Майк не говорил, что такое возможно. Она воспринимала чувства другого человека, дразня его глазами и телом, и передавала их Майку. Вдруг она увидела себя глазами посетителя и ощутила всю силу примитивного голода, который тот испытывал к ней.

Джилл споткнулась, едва не упала, но Майк поддержал и вел ее, пока она не овладела собой.

За кулисами девушка, шедшая сзади, спросила:

— Что случилось, Джилл?

— Зацепилась каблуком.

— Как ты удержалась, ума не приложу. Как будто кто-то тебя подхватил.

«Так и было!»

— Попрошу мастера проверить это место. Там, наверное, доска отстала.

Весь вечер Майк, стараясь не пугать Джилл, показывал ей, как она выглядит глазами того или иного посетителя. Джилл удивилась: все воспринимали ее по-разному. Один смотрел на ноги, другой очарован покачиванием торса, третий замечал лишь величественный бюст. Майк показал ей и других девушек. Джилл с облегчением отметила, что он воспринимает их так же, как и она, только острее.

И с удивлением: ее возбуждение росло, когда она видела других девушек глазами Майка.

Майк ушел, не дождавшись конца шоу. Джилл не рассчитывала застать его дома, потому что знала: он отпросился с работы, чтобы посмотреть шоу. Но еще не входя в свой номер, она почувствовала его. Дверь открылась перед ней и закрылась, впуская ее.

— Здравствуй, дорогой! Как хорошо, что ты дома!

Он улыбнулся.

— Я понял, что такое неприличные позы,— одежда Джилл исчезла.— Ну-ка, стань в неприличную позу!

— Пожалуйста,— Джилл проделала все профессиональные ухищрения. Майк показывал ей, как она выглядит в его глазах. Она смотрела и вникала в его чувства, и в ней поднималась ответная волна. Наконец она приняла самую неприличную позу, на которую была способна.

— Неприличные позы — это хорошо,— сказал Майк очень серьезно.

— Правда? Чего же мы ждем?

Они бросили работу и стали посещать сеансы стриптиза. Джилл поняла, что вникнуть в неприличные позы она может, если посмотрит на них мужскими глазами. Когда Майк смотрел на сцену, ей передавались его ощущения, если же его внимание отвлекалось, то модель превращалась в обычную женщину. Слава богу, решила Джилл, не хватало еще стать лесбиянкой.

Тем не менее ей было забавно смотреть на девушек глазами Майка и знать, что так же он смотрит и на нее.

Джилл с Майком переехали в Пало-Альто, где Майк попытался проглотить библиотеку Гувера, но не справился. Он понял, что поглощает информацию быстрее, чем можно переработать, даже если думать без перерыва все те часы, когда библиотека закрыта.

Облегченно вздохнув, Джилл предложила поехать в Сан-Франциско.

Там Майк начал читать организованно.

Однажды Джилл вернулась домой и увидела, что Майк сидит в растерянности, обложившись книгами. Джилл пробежала взглядом названия: Талмуд, Кама Сутра, разные версии Библии, Книга Мертвых, Книга Мормонов, Новое Откровение (подаренное Патрицией), Коран и священные писания еще десятка религий.

— Какие проблемы, милый?

— Джилл, я не вникаю...

«Подожди, Майк, понимание приходит после ожидания».

— Боюсь, что ожидание ничего не даст. Я знаю, в чем дело: я марсианин, вставленный в тело неправильной формы.

— Дорогой, для меня ты человек и мне очень нравится форма твоего тела.

— Джилл, ты знаешь, о чем я говорю. Я не вникаю в людей. Я не понимаю, зачем им так много религий. У моего народа...

— У *твоего* народа?

— Прости, Джилл. Я хотел сказать, у марсиан только одна религия. Ты ее знаешь. «Ты есть Бог».

— Да... но по-английски так сказать нельзя. Я не знаю, почему.

— На Марсе, когда мы хотели что-нибудь узнать, мы спрашивали у Старших Братьев, и они всегда давали

правильный ответ. Джилл, неужели у нас, у людей, нет Старших Братьев, нет души? Неужели ничего не остается, когда мы умираем? Может быть, мы потому и живем в таком невежестве, что наша жизнь занимает лишь краткий миг? Скажи, Джилл! Ты ведь человек.

— Майк,— улыбнулась Джилл,— ты сам научил меня видеть вечность, ты уже не отнимешь ее у меня. Ты не можешь умереть, ты можешь только дематериализоваться,— она обеими руками указала на себя.— Это тело, которое ты любишь, которое я вижу твоими глазами, умрет. А я не умру. Я есть то, что я есть. Ты есть Бог, я есть Бог, мы все Бог, и так будет всегда. Не знаю, где я буду после смерти и буду ли я помнить, что когда-то была Джиллиан Бордмэн, которая радостно меняла простыни под больными и так же радостно выступала полуголая перед толпой мужчин. Мне нравится это тело...

С непривычным нетерпением на лице Майк сбросил с нее одежду.

— Спасибо, милый. Так вот, это тело нравится нам обоим, но когда я с ним расстанусь, то не буду о нем скучать. Надеюсь, ты съешь его, когда я дематериализуюсь.

— Конечно, съем, если не дематериализуюсь раньше.

— Вряд ли. Ты так хорошо контролируешь свое тело, что должен прожить лет двести-триста, если сам не захочешь дематериализоваться раньше.

— Может быть. Джилл, в каких церквах мы побывали?

— В Сан-Франциско обошли все. Даже у фостеритов были.

— Это исключительно для Пэт. Она обиделась бы, если бы мы не зашли к ним.

— Нужно было сходить: я не могу врать тетушке Пэтти, а ты не знаешь, что нужно врать.

— Фостериты наворовали идей у всех остальных и перевернули все с ног на голову. Они такие же дилетанты, каким я был в цирке. Они никогда не исправят свои ошибки.

— Ты прав, но Пэтти этого не понимает. Она чистый человек. Она есть Бог и ведет себя соответственно. Правда, Пэтти сама не понимает, что она такое.

— Нет,— возразил Майк,— понимает, когда я ей говорю. Джилл, в мире есть три области приложения сил. Первая — наука. Но я еще птенцом знал об устройстве Вселенной больше, чем знают ваши ученые сейчас. С ними нельзя поговорить даже о такой элементарной

вещи, как левитация. Я их не принижаю, просто называю вещи своими именами. Они ищут не то, что я: пустыню не познаешь, пересчитывая песчинки. Вторая — философия. Предполагается, что она объясняет все. А так ли это? Все философы кончают тем, с чего начинают. Кроме тех, которые занимаются самообманом и доказывают собственные предположения собственными доказательствами, как Кант и другие любители гоняться за собственным хвостом. Значит, ответ должен быть здесь,— он кивнул на груду книг,— но его здесь нет. Попадаются правильные кусочки, но нет системы. А если есть, от тебя требуют большую ее часть принять на веру. Вера! Какое грязное слово! Почему ты не научила меня ему, когда учила словам, которые нельзя говорить в приличном обществе?

— Майк, ты научился шутить,— улыбнулась Джилл.

— Даже не собирался. И то, что я сказал, не смешно... Я не умею смеяться и никак не научусь. Вместо этого ты разучиваешься смеяться. Но я становлюсь человеком, а ты становишься марсианкой.

— Что ты, милый! Ты просто не замечаешь, когда я смеюсь.

— Я все время старался это замечать. Я думал: научусь смеяться и пойму людей. Сумею помочь кому-нибудь вроде Пэт...

— Кстати, почему бы нам с ней не встретиться? Цирковой сезон кончился, она должна быть дома. Отправимся вместе на юг. Там тепло, а я всю жизнь мечтала увидеть Байя Калифорниа.

— О'кей!

— Позволь мне одеться,— Джилл поднялась.— Тебе нужны эти книги? Их можно отправить Джубалу.

Майк щелкнул пальцами, и все книги, кроме подарка Пэт, исчезли.

— Эту мы возьмем с собой, чтобы Пэт не обижалась. Джилл, я хочу сходить в зоопарк.

— Пожалуйста.

— Я плюну в верблюда и спрошу его, почему он такой сердитый. Может быть, верблюды — Старшие Братья на этой планете, и отсюда все ее беды?

— Вторая шутка за сегодняшний день.

— Почему-то никто не смеется. Даже верблюд. Может быть, он знает, почему. Тебя устраивает это платье? Чулки наденешь?

— Да, пожалуйста. Уже холодно.

— Поехали,— он приподнял ее над полом.— Трусики. Чулки. Пояс. Туфли. Теперь вниз и подними руки. Лифчик? Нет, он тебе не нужен. Платье. Вполне прилично и очень не дурно. Если из меня ничего больше не выйдет, стану камеристкой. Ванна, массаж, прическа, макияж, одевание. Я умею даже маникюр делать. Что вам угодно, мадам?

— Ты великолепная камеристка, дорогой.

— Без лишней скромности скажу, что да. Мне так нравится моя работа, что я, пожалуй, все с тебя сниму и сделаю массаж. Сближающий.

— Давай!

— А я-то думал, что ты уже научилась ждать, как марсианка. Сначала ты сводишь меня в зоопарк и купишь мне арахиса.

— Хорошо, Майк.

На улице было холодно, но Майк умел, а Джилл почти научилась не мерзнуть. Тем не менее ей было приятно отдохнуть в теплом обезьяньем доме. Сами обезьяны ей не нравились: уж очень они были похожи на людей. У Джилл не осталось ханжества, она научилась находить прекрасное в самых прозаических вещах. Ее не смущало, что обезьяны спариваются и испражняются у всех на глазах. Они не виноваты: их выставили на всеобщее обозрение. Дело было в другом: каждое движение, каждая ужимка, каждый испуганный и озабоченный взгляд напоминал ей о том, что она не любила в своем племени.

В львятнике было гораздо лучше. Воинственные львы, вальяжные львицы, царственные бенгальские тигры, молниеносные леопарды, мускусный запах, с которым не справлялся кондиционер. Майк разделял симпатии и антипатии Джилл; они, бывало, часами простаивали в львятнике или в серпентарии, а порой наблюдали за тюленями. Однажды Майк сказал, что на этой планете лучше всего быть морским львом.

Впервые увидав зоопарк, Майк огорчился. Джилл велела ему ждать, пока придет понимание, и запретила уничтожать клетки. Вскоре он согласился, что животные не смогут жить на том месте, где он собирался их освободить. Зоопарк был своего рода гнездом. Майк пришел к этому после долгих раздумий и больше не грозился снять стены и решетки. Он объяснил Джилл, что решетки служат, скорее, для того чтобы защищать

животных от людей, а не наоборот. С тех пор Майк не пропускал ни одного зоопарка.

В тот день даже мизантропы-верблюды не развлекли Майка. Не помогли и обезьяны. Майк и Джилл стояли у клетки с капуцинами. Те ели, спали, нянчили детей, флиртовали, бесцельно метались туда-сюда. Джилл бросила им горсть орехов.

Ближе всех был молодой самец, но ему не досталось ни одного орешка: все забрал себе большой самец, да еще и побил маленького. Тот не стал преследовать обидчика, а в бессильной ярости застучал кулаками по полу. Майк молча наблюдал.

Вдруг обиженная обезьяна метнулась в другой угол клетки, схватила меньшую обезьяну и задала ей трепку похлеще, чем получила сама. Скуля, третий капуцин отполз в сторону. Остальные не обращали на происходящее внимания.

Майк закинул голову и засмеялся. Он смеялся и никак не мог остановиться. Ему не хватало воздуха, он стал оседать на пол.

— Майк, перестань!

Майк все хохотал. Подбежал служитель.

— Нужна помощь?

— Вызовите, пожалуйста, такси. Наземное, воздушное, любое. Нужно увезти его скорее. Ему плохо.

— Может, скорую? У него, кажется, припадок.

— Что угодно.

Через несколько минут они сели в пилотируемое воздушное такси. Джилл дала водителю адрес и занялась Майком.

— Майк, успокойся! Ты слышишь меня?

Майк перестал хохотать, но продолжал хихикать; из глаз у него текли слезы, всю дорогу Джилл их вытирала. Дома она заставила его лечь в постель.

— Если хочешь, можешь отключиться, милый.

— Не хочу, мне хорошо.

— Как ты меня напугал!

— Прости, маленький братец. Я тоже испугался, когда в первый раз услышал смех.

— Что произошло, Майк?

— Джилл, я вник в людей.

«???»

«Я говорю правильно, маленький братец. Я вник».

— Я понял, что такое люди, Джилл, маленький братец, моя дорогая... мой ласковый распутный чертенок с шустрыми ножками и резвой попкой, с нежным голоском и мягкими ладошками, моя малышка...

— Что ты такое говоришь, Майк?

— Я знал слова, но я не знал, когда и зачем их говорить. Я люблю тебя, дорогая, я знаю теперь, что это такое.

— Ты и раньше знал. Я тоже тебя люблю, обезьяна этакая.

— Точно: обезьяна. Иди ко мне, положи мне голову на плечо и расскажи анекдот.

— Анекдот?

— Ну да! Такой, которого я не знаю. И посмотришь, рассмеюсь ли я в нужном месте. Вот увидишь — засмеюсь. И поясню, почему. Джилл, я вник, что такое люди.

— Как это у тебя получилось, милый? Расскажи. Здесь нужен марсианский обмен мыслями?

— Ничего не нужно. Я вник в людей, я человек и все могу объяснить по-человечески. Я понял, почему люди смеются. Они смеются, когда больно, чтобы не было больно.

— Если так, то я не человек,— удивилась Джилл.— Я тебя не понимаю.

— Правильно, для тебя это само собой разумеется; ты никогда об этом не задумывалась. Ты выросла среди людей, а я рос, как комнатная собачка, которая не может стать такой, как ее хозяйка, но уже перестала быть собакой. Мне нужно было учиться быть человеком. Меня учил брат Махмуд, брат Джубал, многие другие... Ты — больше всех. Сегодня я сдал экзамен — засмеялся. Эти капуцины...

— Что ты нашел в них смешного? Злобные твари.

— Джилл, дорогая не будь марсианкой. Да, конечно, происшествие в клетке было не смешным, а трагичным. Именно поэтому нужно было смеяться. Я посмотрел на толпу обезьян, на их подлые, жестокие и нелогичные поступки и вспомнил, что мои марсианские учителя говорили: так живут люди. И тут мне стало так больно, что я засмеялся.

— Майк, дорогой, смеяться нужно, когда хорошо, а не когда больно.

— Разве? Вспомни Лас-Вегас: смеялся кто-нибудь, когда ты выходила на сцену?

— Н-нет...

— А ведь людям было приятно смотреть на тебя и других девушек. Если бы они смеялись, вам было бы больно. Но они смеялись, когда клоун спотыкался и падал или когда случалось еще что-то нехорошее.

— Не все над этим смеются.

— Не все? Наверное, я еще не полностью вник... Ладно, расскажи мне что-нибудь смешное: анекдот, случай из жизни,— над которым ты хохотала, а не просто улыбалась. Мы поищем в нем грустное и посмотрим, над чем ты больше смеешься: над веселым или над грустным. Мне кажется, когда обезьяны научатся смеяться, они станут людьми.

— Возможно,— Джилл задумалась.

Нет, анекдоты — это враки. Джилл принялась вспоминать смешные случаи из жизни и обнаружила, что Майк прав: они не смешные, а грустные. А уж как шутят врачи — их надо в клетки посадить за такие шутки. У Эльзы Мэй когда-то пропали трусики... Эльзе тогда было совсем не смешно.

Джилл угрюмо проговорила:

— Ты прав: человек смеется, когда его ближний падает и разбивает нос. Чувство юмора не украшает человеческое племя.

— Напротив! Я думал, то есть, мне говорили, что смешное — это хорошее. Это не так. Человеку, с которым случается «смешное», не смешно. Голый шериф не смеялся. Хорошее — это сам смех. Я вникаю, что смех — это мужество, это помощь в борьбе с болью, стыдом и неудачами.

— Но, Майк, смеяться над теми, кому больно, нехорошо!

— Конечно. Я смеялся не над маленькой побитой обезьянкой, а над нами — людьми. А когда я понял, что смеюсь, что я человек, я уже не мог остановиться,— он помолчал.— Это трудно объяснить: ты не жила на Марсе. Там *не над чем* смеяться. На Марсе запрещено или вообще невозможно то, над чем люди смеются. На Марсе нет того, что ты называешь «свобода», там все распланировано Старшими Братьями. Там есть вещи, над которыми люди смеялись бы, но марсиане над ними не смеются. Это, например, смерть.

— Что смешного в смерти?

— Почему же о ней так много анекдотов? Для нас, людей, смерть так страшна, что мы должны над ней смеяться. Религии противоречат друг другу по всем вопросам, кроме одного: они пытаются помочь человеку не бояться смерти и накануне ее смеяться над нею.

Майк замолчал, и Джилл почувствовала, что он на грани транса.

— Джилл, может быть, я неправильно к ним подходил? Может быть, все религии правы?

— Это невозможно. Если права какая-то одна, все остальные неправы.

— Покажи мне кратчайший путь вокруг Вселенной! Куда бы ты ни показала, всегда покажешь кратчайший путь, и всегда на себя.

— Майк, ты мне ничего не докажешь. Ты уже дал мне ответ на все вопросы. Ты есть Бог.

— И ты есть Бог, моя дорогая. Все религии с этим согласны, значит, все они правы.

— Если они все правы, то почему бы не воздать почести, например, Шиве? Прямо сейчас.

— Язычница! Тебя выгонят из Сан-Франциско.

— А мы и так едем в Лос-Анджелес, там на это не обращают внимания. Ты есть Шива!

— Танцуй, Кали, танцуй!

Ночью Джилл проснулась и увидела, что Майк стоит у окна.

«Что случилось, брат?»

Он обернулся.

— Почему они такие несчастные!

— Поедем домой, милый. Тебе вредно жить в большом городе.

— Я и дома буду их чувствовать. Боль, голод и вражда — зачем им такая жизнь? Это так же глупо, как драка обезьян в клетке.

— Милый, ты в этом не виноват!

— Виноват!

— Майк! Так живут пять миллиардов людей. Ты не сумеешь всем помочь.

— Почему не сумею? Надо подумать.

Он отошел от окна и сел рядом с ней.

— Я понял их и могу с ними говорить на их языке. Мы сделаем такой номер, что болваны животики надорвут от смеха. Я уверен.

— И правда, давай сделаем. Пэтти будет рада. И я. Мне очень нравилось в цирке, а теперь, когда Пэтти наш брат, мы будем там, как дома.

Майк не отвечал. Джилл настроилась на него и почувствовала, что он что-то обдумывает. Она ждала.

— Джилл, что нужно сделать для обращения в веру?

ГОЛОВОКРУЖИТЕЛЬНАЯ КАРЬЕРА

Глава 30

На Марс прибыла первая смешанная группа колонистов. Шестеро из двадцати трех первопроходцев, оставшиеся в живых, отправились домой. Вновь прибывшие проходили специальную подготовку на высокогорной базе в Перу. Президент Аргентины, захватив два чемодана, бежал в Монтевидео. Новый президент обратился в Верховный Суд с просьбой вернуть если не предшественника, то хотя бы унесенные им чемоданы. Состоялись похороны Эгнес Дуглас. Средства массовой информации отмечали твердость, с которой Генеральный Секретарь перенес постигшую его утрату. Лошадь по кличке Инфляция выиграла дерби в Кентукки при ставке пятьдесят четыре к одному. Двое постояльцев «Колони Аэротель» дематериализовались: один добровольно, другой — вследствие сердечного приступа. В Соединенных Штатах вышло подпольное издание книги «Дьявол и Преподобный Фостер». Все экземпляры, обнаруженные властями, были сожжены, а набор уничтожен. Ходили слухи (ложные), что один экземпляр первого издания в Британском музее, а второй (что соответствовало действительности) — в Ватикане, но выдается лишь ученым-богословам.

В Теннесси выдвинули законопроект, в котором предлагалось считать число «пи» равным трем. Автором законопроекта выступал комитет народного образования. Нижняя палата сената приняла его без возражений, верхняя замяла. В Арканзасе межцерковная фундаменталистская группа открыла офис и стала собирать пожертвования для отправки миссионеров на Марс. Доктор Джубал Харшоу сделал пожертвование, но отправил его

на имя и адрес редактора журнала «Новый гуманист», который был его хорошим знакомым и закоренелым атеистом.

Больше Джубалу нечем было развлечься: разговоров о Майке было много, а сам он дома не появлялся. Джубал радовался, когда Джилл и Майк приезжали, живо интересовался делами Майка, но такая возможность редко ему выпадала.

Джубал не огорчился, когда Майка изгнали из Теологической Семинарии разъяренные богословы: одни потому, что верили в Бога, другие потому, что не верили. В следующий раз будет знать, что с теологами лучше не связываться, особенно если ты марсианин.

Не волновался Харшоу и тогда, когда Майк под вымышленным именем нанялся на службу в Вооруженные Силы Федерации. Он знал, что ни один сержант не успеет Майку сильно надоесть, а о судьбе Вооруженных Сил Федерации и вовсе не беспокоился. Джубал был консерватором, и, когда Вооруженные Силы Соединенных Штатов прекратили свое существование, сжег свой мундир.

Майк прослужил целых три недели и — удивительно — не наделал большого шума. Он всего лишь стал проповедовать отказ от силы. В самом деле, зачем оружие, если избыток населения можно ликвидировать с помощью каннибализма? Он предложил себя в качестве мишени для любого оружия и пообещал доказать, что оружие бессильно против личности, организованной должным образом.

Силу личности Майка никто испытывать не стал. Его выгнали.

Дуглас позволил Харшоу ознакомиться со сверхсекретными документами, фиксирующими обстоятельства прохождения рядовым Джонсом (Человеком с Марса) воинской службы. Документы содержали весьма противоречивые отчеты о поведении рядового Джонса на стрельбище. Джубал удивился: некоторые свидетели имели мужество заявить, что оружие на их глазах исчезало.

Заключение гласило: «Рядовой Джонс является прирожденным гипнотизером и может быть полезным разведке. Использовать его в каком-либо другом роде войск возможным не представляется. Однако низкий коэффициент умственного развития и параноидальные тенден-

ции делают привлечение Джонса к какой-либо воинской службе нежелательным».

А Майк сумел получить удовольствие даже от службы в армии. Во время парада, состоявшегося в последний день его службы, командующий парадом и его свита вдруг оказались по колено в одном из продуктов человеческой жизнедеятельности, пресловутом у солдат, но нечастом на торжествах. Через несколько секунд остался лишь запах и неприятные воспоминания о массовой галлюцинации. Джубал думал, что у Майка, пожалуй, грубоватый юмор, но потом вспомнил молодость, медицинский факультет и признал, что он, Харшоу, был не лучше.

Бесславная военная карьера Майка доставила Джубалу даже радость: Джилл три недели сидела дома.

Майк и вовсе не смутился; вернувшись из армии, он хвастался, что добросовестно выполнял наказ Джилл и не отправил в перпендикулярное пространство ни одного человека, а только пару мертвых вещей. А как хотелось сделать Землю более уютной для жизни! Что за странные желания у Джилл! Харшоу не спорил: у него был длинный список людей, без которых ему на Земле стало бы уютнее.

Джубалу казались странными религиозные увлечения Майка. Преподобный доктор В. М. Смит, бакалавр искусств, доктор философии, основатель и жрец Вселенской церкви! Чушь собачья! Настоящий джентльмен должен уважать чужую личность и не имеет права лезть человеку в душу.

Самое страшное — когда Майк заявлял, что идею Вселенской церкви подсказал ему Джубал. Харшоу допускал, что мог сказать подобное, но не помнил, когда и что именно говорил.

От печальных размышлений его оторвала Мириам.

— Босс! Гости пришли.

Джубал увидел заходящую на посадку машину.

— Ларри, неси ружье! Я поклялся застрелить всякого, кто посмеет приземлиться на мои розы.

— Он садится на траву.

— Ладно, в следующий раз сядет на розы, тогда и застрелим.

— Это, кажется, Бен Кэкстон.

— Не кажется, а точно. Что будешь пить, Бен?

— Ничего, я приехал поговорить.

— Мы уже говорим. Доркас, принеси Бену стакан молока, он сегодня нездоров.

— Нальешь молоко из бутылки с тремя звездочками,— уточнил Бен.— Джубал, у меня к тебе деликатный разговор.

— Ну что ж, если ты считаешь, что нам поможет уединение в моем кабинете, милости прошу.

Бен поприветствовал всех домочадцев и вместе с Харшоу отправился наверх.

— Каков расклад? Я проиграл?

— Ты еще не видел новых комнат. Мы построили две спальни, одну ванную и галерею.

— О, да тут статуй хватит на целое кладбище!

— Бен, я уже объяснял, что статуи — это памятники усопшим политическим вождям, а у меня — скульптуры. Будь добр, говори о них почтительно, иначе я рассержусь. Здесь собраны копии лучших скульптур, созданных в этом подлом мире.

— Эту гадость я уже видел, а когда ты успел собрать остальной хлам?

Джубал обратился к Прекрасной Ольмиер.

— Не слушай его, моя дорогая. Он варвар, ничего не смыслящий в красоте,— Харшоу погладил ее по морщинистой щеке и нежно коснулся усохшей груди.— Нам с тобой недолго осталось, потерпи. А ты, Бен, будешь наказан. Ты оскорбил женщину, и я этого не потерплю.

— Да брось! Ты сам оскорбляешь женщин по десять раз на дню.

— Энн! Надевай плащ и ко мне! — закричал Джубал.

— Я бы не стал оскорблять живую женщину, которая позировала скульптору. Я только не могу понять, зачем он заставил чью-то бабушку позировать нагишом и зачем тебе на нее смотреть.

Явилась Энн в плаще.

— Энн,— обратился к ней Харшоу,— скажи, я тебя когда-нибудь оскорблял? Или еще кого-то из женщин?

— Я не имею права высказывать мнение.

— Энн, мы не в суде, в конце концов.

— Нет, Джубал, вы никого из нас не оскорбляли.

— И еще одно мнение, пожалуйста. Что ты думаешь об этой скульптуре?

Энн посмотрела на шедевр Родена и произнесла:

— Когда я увидела ее впервые, она показалась мне отвратительной. Позже я пришла к выводу, что это чуть

ли не самая красивая вещь, которую я видела в своей жизни.

— Спасибо, ты свободна.— Энн ушла.— Ну что, будешь еще спорить?

— Спорить не буду — кто же спорит с Беспристрастным Свидетелем,— но согласиться с тобой не могу.

— Слушай меня внимательно. Красивую девушку заметит каждый. Художник посмотрит на красивую девушку и увидит, какой она станет в старости. Хороший художник посмотрит на старуху и увидит, какой она была красивой в молодости. Великий художник сделает портрет старухи и заставит зрителя увидеть, какой красивой она была в молодости. Более того, он заставит зрителя верить, что эта красивая девушка еще жива, но только заточена, как в темнице, в теле старухи. Он заставит зрителя понять, что женщина, какой бы старой и безобразной она ни была, в глубине души считает себя восемнадцатилетней красавицей и хочет, чтобы все так думали. Для нас с тобой, конечно, старость не трагедия. Посмотри на нее, Бен!

Бен посмотрел. Через минуту Харшоу сказал:

— Ладно, можешь высморкаться. Приступаем к делу.

— Погоди. Растолкуй мне вот что. Это девушка, я вижу, но зачем ее свернули как крендель?

Харшоу обернулся к «Павшей Кариатиде».

— Если бы на тебя упала такая глыба, из тебя бы вышла котлета. Неужели ты не понимаешь, что дело не в кренделе, а в том, что он символизирует? Ты когда-нибудь видел распятие?

— Я не хожу в церковь.

— Все равно ты должен знать, что в большинстве церквей распятия весьма посредственные. Кровь похожа на кетчуп, а сам Христос — на гомика. А он был нормальным мужчиной, с сильными мускулами и добрым сердцем. А люди смотрят на эту пошлость, как на высокохудожественное произведение. Они не замечают недостатков, они видят символ, который будит в них сильнейшие чувства; они вспоминают, какую жертву он принес ради них.

— Джубал, я и не подозревал, что ты такой ревностный христианин.

— Для того, чтобы разбираться в человеческой психологии, не обязательно быть христианином. Я просто знаю, что даже самое топорное гипсовое распятие вызы-

вает в душе человека бурю чувств. Человеку нет дела до художественных достоинств скульптуры, потому что перед ним символ. Перед нами — тоже символ, причем высокохудожественный. В течение трех тысячелетий архитекторы строили дома, выполняя колонны в виде женских фигур. Роден первый понял, что поддерживать дом — не женское дело. Но он не вышел на площадь и не закричал: «Эй, дурачье! Балконы должны держать мужики!». Он показал это. Бедняжка Кариатида упала под тяжестью своей ноши. Посмотри ей в лицо — какая славная девочка. Она огорчена неудачей, и, ни на кого не сетуя, старается встать, чтобы дальше выполнять свою работу. Это не просто произведение искусства. Это символ женщины, взвалившей на свои плечи непосильный груз. Да не только женщины, любого человека, который без слез и жалоб борется с судьбой. Это символ всепобеждающего мужества...

— Побеждающего?

— Нет ничего выше, чем победа в поражении. Посмотри, Бен, она не сдается, а пытается поднять камень, который ее раздавил. Она отец семейства, которого пожирает рак, а он все работает, чтобы принести в дом хоть еще одну зарплату. Она двадцатилетняя девочка, ставшая матерью братишкам и сестренкам после смерти настоящей матери. Она пожарник, гибнущий в огне. Любой безымянный герой, павший, но не сдавшийся. Ты должен обнажить перед ней голову,— Бен так и сделал.— Пойдем, посмотрим еще Русалочку.

Вот она, я ее сам купил и Майку не показывал.

— Здесь все понятно. Эта вещь красивая.

— Не только. Бабочки и котята тоже красивы. В ней есть кое-что еще. Она не совсем русалка, но и не человек. Она сидит на берегу, где решила остаться, а смотрит на море, с которым рассталась, но без которого всегда будет тосковать. Ты знаешь эту сказку?

— Ганс Христиан Андерсен.

— Точно. Так вот, русалочка — это символ человека, сделавшего выбор. Она не раскаивается, она лишь сознает, что ей придется платить; за каждый выбор приходится платить. Она заплатит не только бесконечной тоской по дому. Она никогда не станет человеком. Ноги обошлись русалке слишком дорого. Каждый шаг будет для нее как шаг по осколкам стекла. Не говори Майку, но мне кажется, что он тоже ходит по битому стеклу.

— Не скажу. Я лучше посмотрю на русалочку и подумаю о чем-нибудь более приятном.

— Хорошенькая девочка, правда? Неплохо бы затащить такую в постель. Небось верткая, как угорь.

— Старый развратник!

— Увы, и с каждым годом становлюсь все старше... Ну, ладно, на сегодня хватит. Я не позволяю себе больше одной красавицы в день.

— Разумное решение... Почему таких вещей нет там, где их могли бы видеть люди?

— Потому что мир сошел с ума, а искусство должно отражать дух времени. Роден умер в самом начале всеобщего помешательства. Последователи маэстро заметили его оригинальную манеру обращения со светом, тенью, объемом и композицией и кое-что взяли на вооружение. При этом они упустили главное: каждая работа мастера — это притча. Сейчас не признают произведений искусства, в которых содержатся притчи. Все ударились в абстракцию, а старых мастеров обзывают буквалистами,— Джубал пожал плечами.— Абстрактный рисунок хорош на обоях или линолеуме, а искусство должно пробуждать в душе ужас и сострадание. Современное искусство — это псевдоинтеллектуальная мастурбация. Настоящее искусство — общение, в результате которого художник передает зрителю свое настроение. Тот, кто считает это ниже своего достоинства или не может этого сделать, теряет зрителей. Человек не купит произведение искусства, которое не затрагивает его душу. Такое искусство оплачивается принудительно — из налогов.

— А я-то думал, почему я ни черта не смыслю в искусстве? Думал, может, у меня чего-то не хватает.

— Человек должен учиться понимать искусство, а художник должен делать свое искусство понятным людям. Современные художники от слова «худо» не хотят говорить с нами на понятном нам языке. Они с большим удовольствием посмеются над нами, простофилями, которые не понимают, что они имеют в виду. Двусмысленность — отличная маска для некомпетентности. Бен, ты мог бы назвать меня художником?

— Н-не знаю. Ты не плохо пишешь, захватывающе.

— Спасибо. Я избегаю называться художником по той же причине, по которой стараюсь не называться доктором, но я на самом деле художник. То, что я пишу,

можно прочесть и забыть. Человек, который знает то, что я могу сказать, может мою писанину и вовсе не читать. Но я честный художник. Я стараюсь пробиться к сердцу читателя и поселить в нем ужас и сострадание... По крайней мере, развлечь его, когда ему скучно. Я никогда не прячусь от людей за вычурными словесами, не стремлюсь похвастаться «техникой письма» перед другими писателями. Мне нужна другая оценка — деньги, которые люди платят за мои книги, платят, потому что им приятно их читать. Фонд помощи деятелям искусства — MERDE!* Деятели искусства, живущие на подачки таких фондов,— неумелые проститутки! Ты наступил на мою любимую мозоль. Налей себе еще и выкладывай, зачем пришел.

— Джубал, у меня неприятности.

— Это не новость.

— У меня полно новых неприятностей. Даже не знаю, стоит ли об этом говорить.

— Ну, тогда поговорим о моих.

— Как! У тебя тоже неприятности? Я считал тебя человеком, у которого всегда все в порядке.

— Как-нибудь я тебе расскажу о моей супружеской жизни... Да и сейчас не все хорошо. Дюк ушел, ты слышал?

— Да, знаю.

— Ларри хороший садовник, но техника у него в руках ломается. Хороший механик сейчас редкость. А таких, как мне нужно, вовсе не бывает. Вызываю разных, когда что сломается, так они отвертку в руках удержать не могут и по глазам видно, что воры.

— Я тебе сочувствую, Джубал.

— Садовники и механики — это роскошь, а секретари — необходимость. Из моих секретарей двое беременны, а одна выходит замуж.

Бен был поражен.

— Сейчас они думают, что я утащил тебя в дом и не дал им возможности похвастаться. Поэтому, если они начнут хвастаться, сделай вид, что удивился.

— Кто выходит замуж?

— Ты не понял? Тогда я скажу, кто женится: сладкоголосый сын пустыни, наш брат Вонючка Махмуд. Я сказал ему, что если он не собирается уезжать из

---

* Дерьмо (*лат.*).

Штатов, пусть живет у меня. Махмуд заржал и заявил, что уже давно имеет на это право. Жили бы они здесь, она продолжала бы работать.

— Да, она не умеет сидеть без дела. А две другие беременны?

— Уж дальше некуда! Говорят, что будут рожать дома. Любопытно, в каком режиме мне придется работать, когда они родят? Кстати, почему ты решил, что невеста не беременна?

— Мне казалось, что Вонючка придерживается на этот счет традиционного мнения...

— От Вонючки ничего не зависит. За свою долгую жизнь я не раз убеждался, что все решает женщина, а мужчине остается лишь мириться с неизбежным.

— Ну, хорошо, кто остается без мужа и без живота? Мириам? Энн?

— Погоди, я не сказал, что невеста беременна и ее зовут Доркас. Арабский язык у нас изучает Мириам.

— Какой я осел!

— Тебе лучше знать.

— Мириам всегда нападала на Вонючку...

— И после этого тебе доверили целую колонку! Ты видел, как ведут себя школьники?

— Да, а Доркас к нему как кошка, ластилась, разве что о ноги не терлась.

— Это ее обычная манера поведения. Так вот, когда Мириам покажет тебе кольцо — кстати, редчайшей красоты и величины,— сделай круглые глаза. Я не собираюсь вычислять, кто из них ждет ребенка. Главное не это, а то, что они не считают себя обманутыми и несчастными. Не вздумай им сочувствовать, наоборот, поздравляй изо всех сил,— Харшоу вздохнул.— Я уже слишком стар, чтобы наслаждаться топотом детских ножек, но все-таки не хочу лишаться квалифицированных секретарей. Мм-да... с тех пор, как Джилл сделала Майка мужчиной, все пошло кувырком. Но я ее не осуждаю и надеюсь, что ты тоже.

— Безусловно, только почему ты думаешь, что это она?

— А кто? — удивился Джубал.

— Не знаю, но Джилл сказала, что не она. Майка соблазнила та, которая первая попалась ему на глаза, когда он решил соблазниться.

— Возможно.

— Так сказала Джилл. Зная ее логику, из этого можно сделать какие-то выводы.

— Я своей-то логики толком не знаю. А что до Джилл, то она не бралась проповедовать даже в самом влюбленном состоянии, поэтому о ее логике я не имею ни малейшего представления.

— Оставим логику, обратимся к фактам. Что можно выявить по календарю?

— Что ты сказал?

— Не кажется ли тебе, что это сделал Майк в один из наездов?

— Я не давал тебе повода так думать.

— Еще как давал! Ты сказал, что девчонки недовольны. А я знаю, как женщины относятся к этому проклятому супермену!

— Как можно, Бен! Он наш брат.

— Знаю, знаю,— Бен заговорил спокойно,— и тоже люблю его. Тем лучше я понимаю, почему они недовольны.

Джубал разглядывал стакан.

— Бен, мне кажется, ты виноват тут не меньше, чем Майк, а, может, и больше.

— Ты с ума сошел!

— Тем не менее мне трудно поверить, что человек с нормальным зрением и слухом может не совать нос в чужие дела. Я, конечно, слепой и глухой, но если по моей гостиной пройдет военный оркестр, я услышу. Ты ночевал в этом доме десятки раз. Ты хоть раз спал один?

— Негодяй! В ночь моего приезда я спал один.

— За эту ночь ты можешь ручаться, я накормил тебя снотворным. Что еще скажешь в свое оправдание?

— Не собираюсь ничего говорить.

— То-то и оно. Кстати, новые спальни я велел построить как можно дальше от моей. Звукоизоляция всегда что-нибудь да пропускает.

— Джубал, а твоей вины здесь нет?

— Что-о?

— О Дюке и Ларри я не говорю. Ходят сплетни, что ты держишь гарем, лучший со времен турецких султанов. Люди думают, что ты старый развратник, и завидуют.

Джубал побарабанил пальцами по ручке кресла.

— Бен, не в моих правилах кичиться возрастом, но в данном случае я требую почтения к своим летам.

— Прошу прощения,— сухо сказал Бен,— я думал,

мы равноправны, и твоя личная жизнь может обсуждаться также свободно, как моя.

— Бен, ты не понял! Я требую почтения от женщин.

— А-а-а...

— Ты верно подметил, что я немолод. Более того, я стар. Но я до сих пор развратник, и мне это приятно. Однако я не позволяю похоти возобладать надо мной и предпочитаю свое достоинство удовольствиям, которыми уже успел пресытиться. Кроме того, человек моего возраста, лысый и жирный, может уложить женщину в постель только за деньги или завещание. Ты можешь представить, чтобы мои девочки легли с кем-нибудь в постель за деньги?

— Нет.

— Спасибо, сэр. Я общаюсь с исключительно порядочными женщинами и рад, что вы это понимаете. Правда, иногда случается так, что молодая хорошенькая женщина ложится со стариком потому, что она его уважает, жалеет и хочет сделать ему приятное. Как ты думаешь, мои девочки на такое способны?

— Думаю, что да.

— Я тоже так думаю. Но сам я на это не способен. У меня есть гордость. Поэтому, сэр, вычеркните меня из списка подозреваемых.

Кэкстон ухмыльнулся.

— А ты мужчина с характером. Я в твоем возрасте вряд ли буду таким стойким.

— Лучше сопротивляться соблазну,— улыбнулся Харшоу,— чем поддаться ему, а потом раскаиваться. Теперь о Дюке и Ларри: я не знаю, кто из них виноват, если виноват вообще; а доискиваться не хочу. Когда в мой дом приходит человек, я ему объясняю, что у меня не тюрьма и не дом терпимости, а семья, и как во всякой нормальной семье, в моей сочетаются тирания и анархия при полном отсутствии демократии. Значит, если я ничего не поручаю, каждый делает, что хочет; если же я отдаю приказ, он не обсуждается. На личную жизнь моя власть не распространяется. Ребята всегда держали свою личную жизнь про себя... по крайней мере, до тех пор, пока не распространилось марсианское влияние. Я не видел, чтобы Ларри и Дюк таскали девушек в кусты. И визга не слышал.

— И ты решил, что это Майк.

— Да...— Джубал нахмурился.— Девчонки счастливы, и я за них не волнуюсь. Майк меня беспокоит больше.

— Мне тоже за него неспокойно.

— И с Джилл что-то еще будет?

— С Джилл ничего страшного не случится. А Майк...

— Черт, дались ему эти проповеди! Чем дома плохо?

— Джубал, он не только проповедует. Я как раз оттуда...

— Что ж ты сразу не сказал?

— Сначала мы говорили об искусстве,— вздохнул Бен,— потом занялись сплетнями.

— Предоставляю тебе слово.

— Я заехал к ним в гости по дороге из Кейптауна. Мне очень не понравилось то, что я увидел. Джубал, ты не можешь поговорить с Дугласом, чтобы он прекратил это дело?

— Майк сам вправе решать, как ему жить,— покачал головой Харшоу.

— Если бы ты видел это сам, ты бы так не говорил.

— Я ничего не могу сделать, и Дуглас тоже.

— Джубал, Майк согласится с любым твоим распоряжением насчет его денег. Он ничего в этом не понимает!

— Очень даже понимает. Он недавно написал завещание и прислал его мне для замечаний. Это хитрейший документ. Майк знает, что у него больше денег, чем могут потратить его наследники. Поэтому одну часть наследства он использовал на то, чтобы оградить от посягательств другую. Он сделал так, что до денег не доберутся ни родственники его матери, ни законного, ни фактического отца,— он, оказывается, узнал, что он незаконнорожденный,— ни родственники астронавтов с «Посланца». Чтобы отсудить себе наследство, им придется чуть ли не свергать правительство. Я не нашел, к чему придраться. Поэтому, поверь мне, его деньгами не так просто завладеть.

— Жаль.

— Это не помогло бы. Вот уже год, как Майк не снимает со своего счета ни цента. Дуглас звонил мне и сказал, что Майк не отвечает на его письма.

— Вот как! Но он много тратит.

— Значит, получает от своих теологов.

— От них много не получишь.

— Тогда откуда?

— В основном от курсов марсианского языка.

— Что ты сказал?

— Он открыл курсы марсианского языка.

— Зачем же называть это церковью?

— Почему нет? По определению подходит.

— Ну, знаешь! И каток можно назвать церковью, если какая-нибудь секта объявит катание на коньках священным ритуалом. Если в честь Бога можно петь, почему нельзя в его честь кататься на коньках? В Малайе есть храмы, в которых живут змеи. Наш Верховный Суд решил считать их церквями.

— Кстати, Майк дрессирует змей. Все в порядке.

— Он не делает ничего такого, за что его можно арестовать?

— Кажется, нет.

— Научился у фостеритов выходить сухим из воды.

— Майк во многом опередил фостеритов. Это меня и тревожит.

— Ну-ка, ну-ка...

— Я говорил тебе, что Майк разводит змей. Это можно понимать и буквально, и фигурально. У Майка в храме очень нездоровая атмосфера. Храм этот — большое здание, там есть большой зал для публичных собраний, комнаты поменьше для собраний поменьше и жилые помещения. Джилл объяснила мне, куда ехать, поэтому я с черного хода прошел прямо в жилые помещения. Они так же приспособлены к жизни, как перекресток в большом городе.

— Согласен: шумные соседи — это нехорошо, даже если ты живешь, не нарушая законов.

— Мне показалось, что в дверях был установлен аппарат для обыска, как на таможне. Я прошел три двери и вошел в лифт. Лифт управляется не пассажиром, а кем-то невидимым.

— Я современными лифтами вообще не пользуюсь.

— Это был очень удобный, тебе понравилось бы.

— Терпеть не могу техники... У Майка мать была гениальным инженером, а отец (настоящий) — хорошим инженером. Вполне возможно, что Майк усовершенствовал конструкцию современного лифта, так что этой машиной теперь можно пользоваться без ущерба здоровью.

— Может быть. Так вот, я доехал до верха и высадился без происшествий. Потом прошел еще несколько автоматических дверей и попал в большую комнату, обставленную необычно и даже как-то аскетически. Джубал, люди говорят, что ты ведешь хозяйство странно.

— Чепуха! Я стремлюсь к простоте и удобству.

— Так вот, твои странности по сравнению с Майковыми — детские игрушки. Вхожу я в комнату и глазам своим не верю. Навстречу мне выходит девица, совершенно голая и с головы до ног в татуировке. Фантастика!

— Бен, ты городской сноб. Когда-то я был знаком с дамой в татуировках. Очень милая была девочка.

— Эта девочка тоже милая,— согласился Бен,— если привыкнуть к ее раскраске и к тому, что она постоянно таскает за собой змею.

— Любопытно, не об одной ли и той же женщине мы говорим? Дамы, с головы до ног покрытые татуировками, не так уж часто встречаются. Та дама, с которой я был знаком, испытывала по отношению к змеям пошлейший страх. А я люблю змей... Познакомишь меня с ней?

— Поедешь к Майку — сам познакомишься. Она у него вроде домоправительницы. Патриция, или тетушка Пэтти.

— Джилл о ней много рассказывала и очень хорошо отзывалась. Хотя ни слова не сказала о татуировках.

— И по возрасту она тебе подойдет. Когда я сказал «девица», я передавал первое впечатление. Ей на вид под тридцать, на самом деле ее детям скоро тридцать. Так вот, она улыбается, подбегает ко мне, обнимает, целует и кричит: «Ты Бен! Здравствуй, брат! Выпьем воды!». Джубал, уж на моей-то работе я повидал всякого. Но ни разу меня не целовали девицы, одетые в татуировки. Я смутился.

— Бедняжка.

— На моем месте ты тоже не чувствовал бы себя героем.

— Я бы принял все как должное. Мне приходилось общаться с дамой в татуировке. Она чувствовала себя в татуировке, как в одежде. Правда, она была японка, а японцы более равнодушны к телу, чем мы.

— Пэтти к своему телу не равнодушна. Она хочет, чтобы после ее смерти из нее сделали чучело и поставили на пьедестал, как памятник Джорджу.

— Джорджу?

— Это ее муж. Давно на небесах, но она говорит о нем так, как будто он полчаса назад выскочил в пивную. В остальном Патриция настоящая леди. Она не позволила мне долго смущаться.

Глава 31

Патриция Пайвонски по-братски поцеловала Бена, не подозревая, что его что-то может смущать. Потом почувствовала его смятение и удивилась. Ведь Бен брат Майка, из самых близких, а Джилл близка с Беном почти так же, как с Майком. Странно.

Главным в характере Патриции было бесконечное желание сделать всех людей счастливыми; она ослабила натиск. Для начала Пэт предложила просто разуться: в Гнезде мягко и чисто, сам Майк следит за чистотой. Потом показала, куда можно повесить одежду, и пошла за выпивкой. От Джилл Патриция узнала, что любит Бен, и решила сделать двойной мартини. Вернувшись, она увидела, что Бен разулся и снял пиджак.

— Брат, пусть тебе никогда не придется испытать жажду!

— Разделим же воду,— согласился Бен,— то небольшое количество, которое здесь содержится.

— Этого хватит,— ответила она.— Майк говорит, что пить можно даже мысленно, главное — согласие пить. Я вникаю, что это правильно.

— Верно. Это как раз то, что мне нужно. Спасибо, Пэтти.

— Все наше — твое, и ты наш. Мы рады, что ты дома. Все остальные сейчас на службе или на уроках, придут, когда исполнится ожидание. Хочешь осмотреть Гнездо?

Бен согласился. Патриция повела его в кухню, огромную, с баром в углу; в библиотеку, в которой больше книг, даже чем у Харшоу; показала ванные комнаты и спальни (Патриция называла их гнездышками, Бен сам решил, что это спальни, потому что пол в них был мягче, чем везде).

— А вот мое гнездышко.

Часть комнаты занимали змеи. Бен терпел, пока Патриция не подвела его к кобрам.

— Не бойся,— заверила Пэт,— они не тронут. Сначала мы держали их за стеклом, потом Майк научил сидеть их за чертой.

— Я предпочел бы держать их за стеклом.

— О'кей, Бен,— она опустила стеклянную загородку.

Бену стало легче, и он даже погладил боа-констриктора, когда Патриция предложила. Потом они прошли

в другую комнату, большую, круглую, с очень мягким полом и бассейном посередине.

— Это Внутренний Храм,— пояснила Пэт.— Здесь мы принимаем в Гнездо новых братьев.

Она поболтала ногой в воде и спросила:

— Хочешь разделить воду и сблизиться? Или просто поплавать?

— Нет, не сейчас.

— Пусть исполнится ожидание,— согласилась она.

Они вернулись в огромную гостиную, и Патриция налила Бену еще мартини. Бен устроился на кушетке, но вскоре поднялся. В комнате было жарко, от выпивки он вспотел, а кушетка приспосабливалась к форме тела и тоже пригревала. Бен решил, что глупо сидеть здесь в костюме, когда на Пэтти надета только змея. Он остался в шортах, а все остальное повесил в прихожей. На входной двери висела табличка: «Ты не забыл одеться?». Бен подумал, что в этом доме такое напоминание совсем не лишнее. Внимание его привлекла еще одна деталь, которую он пропустил, входя: по обе стороны от двери стояли урны с деньгами. Урны были переполнены, деньги валялись на полу. Пришла Патриция.

— Вот твой стакан, брат Бен. Сблизимся и пребудем счастливы!

— Спасибо,— Бен не мог оторвать глаз от денег.

Патриция проследила его взгляд.

— Я неряшливая хозяйка, Бен. Майк одним взглядом наводит порядок, поэтому я совсем распустилась и каждый раз что-нибудь забываю.

Она подобрала рассыпанные деньги и затолкала их в урну.

— Почему вы держите их здесь.

— А как же? Эта дверь ведет на улицу. Каждый из нас, выходя за покупками или еще куда-нибудь, берет себе, сколько нужно. Держим на виду, чтобы не забывать.

— Просто так, схватил горсть и пошел?

— Ну да. Ах, я понимаю! Здесь не бывает чужих. Если к нам приходят знакомые, мы принимаем их в других помещениях, и не держим денег там, где они могут соблазнить слабого человека.

— А я слабый человек.

Пэтти хихикнула.

— Для тебя не может быть соблазна: они твои.

— А грабители? — Бен пытался прикинуть, сколько в этих урнах денег.

Банкнот с однозначными числами почти не было. На полу осталась пропущенная Пэтти бумажка с тремя нулями.

— На прошлой неделе один залез.

— Сколько он забрал?

— Не успел: Майк отослал его прочь.

— Вызвал полицию?

— Зачем? Майк никого не выдаёт полиции,— Патриция пожала плечами.— Он просто сделал так, что грабитель исчез. И разрешил Дюку открыть потолок в садовой комнате. Я тебе ее не показывала? Там на полу растет трава. Джилл говорила мне, что у тебя дома тоже растет трава.

— Да, в гостиной.

— Если я буду в Вашингтоне, ты позволишь мне походить по твоей траве? И полежать на ней?

— Конечно, Пэтти. Мой дом — твой дом.

— Я знаю, дорогой, но мне приятно это от тебя услышать. Я лягу на траву в твоем гнездышке и буду счастлива.

— Буду рад принять тебя, Пэтти,— Бен надеялся, что она приедет без змей.— Когда ты будешь в Вашингтоне?

— Не знаю. Ожидание еще не кончилось. Майк должен знать.

— Ладно, соберешься приехать, предупреди, чтобы я не уехал. А впрочем, это необязательно: Джилл знает код моей двери. Пэтти, вы считаете свои деньги?

— Зачем?

— Обычно люди считают.

— Мы не считаем. Берем, сколько возьмется, потом, если осталось, кладем обратно. Когда в урне становится мало денег, я беру у Майка еще.

Как, оказывается, все просто. Бен знал, что на Марсе общество устроено по модели, близкой к безденежному коммунизму. Майк перенес это общественное устройство в свой храм, внешне приспособив к внешним условиям. Интересно, знает ли Пэтти, что деньги фальшивые?

— Пэтти, сколько вас здесь, в Гнезде? — Бен сначала встревожился, потом отогнал тревожные мысли: за его счет у них жить не получится, потому что у него дом, а не пещера Али-Бабы.

— Сейчас скажу... около двадцати, включая новых братьев, которые еще не умеют думать по-марсиански и не посвящены.

— А ты посвящена, Пэтти?

— О, уже давно. Я преподаю марсианский начинающим и помогаю новым братьям. Мы с Дон (Дон и Джилл — верховные жрицы) — известные фостеритки, мы показываем другим фостеритам, что Вселенская Церковь не вступает в конфликт с Верой, точно так же, как членство в баптистской секте не мешает стать масоном,— Пэт показала Бену поцелуй Фостера, рассказала его историю, а также историю симметричного поцелуя Майка.

— Я рассказываю ученикам, как трудно заслужить поцелуй Фостера, и говорю, что так же трудно добиться права вступить в наше общество, в наш Внутренний Храм. Многие готовы посвятить этому жизнь.

— Это так трудно?

— Конечно. Нам с тобой, Джилл и некоторым другим повезло: Майкл сразу назвал нас братьями, а остальных он сначала обучает. Он учит их не слепо верить, а понимать, во что они верят. Для этого нужно научить людей думать по-марсиански. Это нелегко, я еще не научилась как следует. Но ты знаешь, учиться и работать — такое счастье! Ты спрашивал, кто у нас в Гнезде. Дюк, Майкл, два фостерита — Дон и я, один обрезанный еврей, его жена и четверо детей...

— Даже дети?

— О, у нас много детей. Мы устроили для них отдельное детское гнездо. Иначе было бы невозможно работать. Хочешь посмотреть?

— Как-нибудь потом.

— Католическая семья — три человека, марсианская семья — еще трое, остальные протестанты. Да, еще один атеист. Он думал, что он атеист, пока Майкл не открыл ему глаза. Он пришел, чтобы посмеяться над нами, но остался учиться у нас и скоро сам станет жрецом. Нас девятнадцать человек, но мы редко сходимся все сразу — только на особые службы во Внутреннем Храме. Гнездо рассчитано на восемьдесят одно место — три в дважды третьей степени. Так считают на Марсе. Майк говорит, что нам еще не скоро понадобится большое гнездо, а когда понадобится — построим. Бен, хочешь посмотреть, как Майкл проповедует?

— Мы не помешаем службе?

Нет. Подожди, я оденусь.

— Она вышла в одеянии, похожем на свидетельскую форму Энн, только рукава были в виде ангельских крыльев, а не сердце — символ Вселенской Церкви — девять концентрических окружностей со стилизованным Солнцем в центре. Это, оказывается, облачение: на Джилл и других были такие же одежды, только у Пэтти был высокий ворот, под которым она скрывала татуировку. На ноги она надела носки и сандалии.

Джубал, она стала необыкновенно величественной, и показалась старше. Правда, пятидесяти я бы ей все равно не дал. А какая у нее кожа! Разве можно такую кожу портить татуировкой!

Я тоже оделся; она попросила меня пока не надевать туфли. Мы вышли в коридор, там я обулся, мы сели в лифт и спустились на несколько этажей. Затем очутились на галерее, над залом для общих собраний. Там был Майк с какой-то жрицей. Издали я принял ее за Джилл, но потом разглядел, что это другая жрица — Дон Ардент.

— Как ты сказал?

— Дон Ардент, урожденная Хиггинс.

— Мы с ней встречались.

— Знаю. Она без ума от тебя, а ты скромничаешь.

Джубал покачал головой.

— Я говорю о той Дон Ардент, с которой я встретился мельком два года назад. Она меня, наверное, забыла.

— Она тебя отлично помнит. Собирает все твои сочинения, выслеживает их под любым псевдонимом, записывает на пленку и слушает на сон грядущий. Говорит, ночью ей снятся сказочные сны. Тебя там все знают. Повесили в гостиной портрет — цветную голографию в натуральную величину. Впечатление такое, что тебе отрубили голову и прибили к стене. Дюк заснял.

— Вот негодяй!

— Его Джилл попросила.

— Вдвойне негодяйка!

— Ее подбил Майк. Джубал, гордись: ты — святой Вселенской Церкви.

— Как они посмели! — не переставал ужасаться Джубал.

— Очень просто. Майк говорит, что все началось тогда, когда ты объяснил ему природу человеческой

веры в Бога, и он понял, как научить людей марсианской вере.

Харшоу застонал. Бен продолжал.

— Кроме всего прочего, Дон считает тебя красавцем-мужчиной. Если не принимать во внимание этого ее заблуждения, она умница и очаровательная женщина. Я отвлекаюсь... Майк увидел нас, крикнул: «Привет, Бен! Я скоро!» и вернулся к службе. — Джубал, эту службу надо видеть! Майк совсем не был похож на священника: светский костюм (правда, белый), приятные, простые манеры. Торговый агент, да и только. Рассказывал побасенки и шуточки с пантеистическим смыслом. Одна притча была про червя, который рыл-рыл землю и встретил другого червя. И говорит ему: «Какой ты красивый! Давай поженимся!». А другой отвечает: «Ты что, дурак? Я твой второй конец!». Ты такое слышал когда-нибудь?

— Нет, я это придумал.

— Вот не знал, что у этого анекдота такая борода. Майк его здорово использовал. Он имел в виду, что если ты встречаешь разумное существо: мужчину, женщину, бродячую кошку,— значит, встречаешь свою вторую половину. Мы запутались во Вселенной, как в сети, давайте с этим согласимся и будем из этого исходить.

— Солипсизм плюс пантеизм,— грустно сказал Харшоу,— равняется нулю. Они отменяют неудобные факты, примиряют самые противоречивые теории и ничего не объясняют. Как рассказ, который кончается словами: «Мальчик упал с кровати и проснулся».

— Зачем нападать на меня? Ты это Майку скажи! Поверь мне, он убеждает людей. Раз он прервался и спросил: «Вы, наверное, устали от моей болтовни?». Все завопили: «Не-ет!». Тогда он сказал, что сам устал и пора переходить к чудесам. И стал демонстрировать фокусы. Ты ведь знаешь, он работал в цирке иллюзионистом.

— Знаю, у него что-то не получилось, он бросил цирк и не объяснил почему.

— Странно, чудеса были высшего сорта. Мог бы так не стараться, они еще до чудес были готовы. В конце Майк провозгласил: «От Человека с Марса ожидают чудес, поэтому я показываю парочку чудес на каждом собрании. Я навсегда останусь Человеком с Марса. Я показал вам только цветочки. Хотите ягодок — вступайте в наши

ряды. Кто хочет быть с нами,— приходите учиться. Вам раздадут приглашения».

Пэтти объяснила: «Эти люди просто зрители. Они пришли из любопытства или по совету друзей, уже вступивших в какой-либо из внутренних кругов». Кругов у них, оказывается, девять, и человеку, допущенному в круг, не говорят, что есть еще более тайные круги, пока он не «созреет». А как они собирают пожертвования! Майк «прощупывает» публику, выясняет, кто даст, а кто нет. И сообщает Дюку, который сидит за сценой. Тот составляет схему и передает ее Дон, а та выходит в зал. Майк безошибочно определяет, кто даст. Пэтти говорит, он ясновидящий. Майк говорит, что церковь может обойтись без задушевной музыки и благотворительных привратников, но если не собирать пожертвований, никто не поверит, что это церковь. В зал выносят корзины, полные денег, и Майк говорит, что это сбор с предыдущей службы, и если кому надо, пусть возьмет, сколько хочет, а если кто хочет дать, мы с благодарностью примем. Неплохой способ избавляться от лишних денег.

— Великолепный способ заработать еще больше. Мне кажется, что после такого жеста люди больше дадут, чем возьмут.

— Не знаю, не видел. Пэтти меня увела в аудиторию, где проводятся службы для седьмого круга посвященных, то есть для людей, проучившихся несколько месяцев и сделавших успехи, если это можно назвать успехами.

Перемена была разительной. Если служба в общей аудитории напоминала выступление юмориста, то здесь я увидел чистой воды шаманство. Майк надел облачение, он был напряжен, глаза блестели, он даже казался выше. Было темно, звучала странная музыка, под которую хотелось танцевать. Мы с Пэтти присели на какую-то кушетку. Я ничего не понял: Майк пел по-марсиански, отвечали ему тоже по-марсиански. Иногда они говорили: «Ты есть Бог», и опять по-марсиански, я этого и не выговорю.

Джубал что-то прокаркал.

— Так?

— Да, похоже... Ты что, тоже? И водишь меня за нос?

— Нет, этому меня научил Вонючка. Сказал, жуткая ересь. На английский это переводится как «Ты есть Бог». Махмуд говорит, что это весьма приблизительный

перевод. Это слово означает заявление Вселенной о том, что она осознает себя. Это peccavimus* без тени раскаяния. Вонючка говорит, что он сам до конца не понимает смысла этого слова, но знает, что это плохое слово, скорее проклятие, чем благословение... Что еще видел ты, кроме кучки фанатиков, визжащих по-марсиански?

— Они не были похожи на фанатиков. В основном шептали, потом говорили в обычном тоне, размеренно, ритмично, как пели. Они производили впечатление не хора, а одного существа, которое напевает то, что чувствует и видит. Ты видел, как возбуждаются фостериты на своих службах?

— Век бы их не видеть!

— Эти тоже были в трансе, но в каком-то мягком и спокойном, как сон. Напряжение все нарастало, но непонятно, от чего. Тебе доводилось бывать на спиритических сеансах?

— Конечно. Легче сказать, где мне не доводилось бывать.

— Значит, ты знаешь, что все могут молчать и сидеть неподвижно, а напряжение будет расти. Такая там была атмосфера. Внешне спокойная, но чреватая бурей.

— Образованные люди говорят: «аполлинарная».

— Как?

— В противоположность дионисической. В быту это упрощают и говорят «спокойный» и «бурный», что абсолютно неверно. Аполлинарные настроения и дионисические — две стороны одной медали. Монашка, стоящая в келье на коленях, может испытывать более сильный экстаз, чем скачущие жрецы Пана. Экстаз — это состояние психики, а не мускулов. Еще одна ошибка — ассоциировать слова «аполлинарный» и «хороший». Респектабельность еще не значит доброты. Продолжай.

— Служба проходила не так спокойно, как молитва монашки. Участники ходили, менялись местами, целовались и, кажется, все. Точно не скажу: было темно. Одна девушка подошла к нам, Пэтти что-то сказала ей, та поцеловала каждого из нас и ушла,— Бен ухмыльнулся.— По-настоящему поцеловала. Я был одет не так, как другие, она должна была заметить, но не заметила.

Действие было вроде бы импровизированным, но в то

---

* Грешен *(лат.)*.

же время хорошо скоординированным, как танец балерины. Майк то руководил, то затесывался в общую массу. Подошел к нам, взял меня за плечо и поцеловал Пэтти, неторопливо, но быстро. Он ничего нам не сказал. В углу сцены стояла какая-то штуковина, похожая на аппарат стереовидения, Майк использовал ее для демонстрации чудес. Слово «чудеса» он не произносил, по крайней мере, по-английски. Все церкви обещают чудеса, но ни одна их не дает.

— Неправда. Очень многие совершают чудеса. Возьми католиков или христианскую науку.

— Католиков?

— Я не имею в виду Чудо Пресуществления.

— Это слабенькое чудо. А что до христианской науки, то если я сломаю ногу, я предпочту медицинскую науку.

— Значит, смотри под ноги и отстань от меня!

— Майк не сращивал переломов. Он показывал фокусы. Он либо классный иллюзионист, либо гипнотизер.

— Либо и то, и другое.

— Или у него классный аппарат стереовидения, в котором изображение почти неотличимо от действительности.

— Бен, как ты отличаешь настоящие чудеса от поддельных?

— Не знаю. К тому, что показывал Майк, придраться было нельзя, но это не могло происходить на самом деле. Например, зажегся свет и в ящике оказался лев, а вокруг него ягнята. Лев заморгал и зевнул. Голливуду ничего не стоит нашлепать тысячу таких картинок, но... пахло львом. Впрочем, и запах можно напустить.

— Почему ты считаешь, что и запах обязательно подделка?

— Я пытаюсь быть объективным.

— Тогда не уподобляйся ортодоксам. Бери пример с Энн.

— Мне до нее далеко. Я, как и все, обалдел во время службы, какая уж там объективность. Майк долго показывал всякие штуки: левитацию и еще что-то в таком духе. Пэтти велела мне сидеть на месте, а сама ушла. Она сказала, что Майк только объявил, что все, кто не чувствует себя готовым вступить в следующий круг, должны уйти. Я сказал: «Может, мне лучше уйти?» — «Нет, что ты! Ты уже в Девятом круге. Сиди, я скоро приду».

Кажется, никто не вышел. Это была группа намеченных к повышению. Зажегся свет, и рядом с Майком появилась Джилл. Настоящая. Она увидела меня и улыбнулась. Когда актер смотрит прямо в камеру, зрителю кажется, что он смотрит прямо ему в глаза, где бы зритель ни сидел. Если Майк отладил все до таких мелочей, он парень не промах. Джилл была одета в диковинный костюм. Майк начал говорить, кое-что по-английски. Что-то о матери всего сущего... и стал называть Джилл разными именами, и с каждым именем костюм ее менялся.

Бен встрепенулся, увидев Джилл. Ни освещение, ни расстояние не могли его обмануть: это была Джилл. Она посмотрела на него и улыбнулась. Он вполуха слушал, что говорит Майк, а сам думал, что же представляет собой пространство, которое казалось ему аппаратом стереовидения. Он уже хотел подняться на сцену и дотронуться до Джилл рукой, но не решился срывать Майку сеанс. И вдруг:

— Кибела!

Костюм Джилл изменился.

— Изида!

Снова.

— Фриг!.. Ге!.. Дьявол!.. Иштар!.. Марьям!.. Праматерь Ева! Матерь Божья! Любящая и Любимая, Вечная Жизнь!

Кэкстон дальше не слушал. Джилл превратилась в Праматерь Еву, облаченную лишь в свое обличие. Вот она стоит у дерева, а по нему ползет Змий.

Джилл улыбнулась, погладила Змия по голове, обернулась к зрителям и раскрыла объятия. Зрители устремились в сад Эдема.

Вернулась Пэтти, тронула Бена за плечо.

— Пойдем, милый.

Кэкстону хотелось остаться, насладиться видением Джилл-Евы, войти вместе со всеми в сад Эдема, но он встал и последовал за Пэт. Оглянувшись, Бен увидел, как Майк обнимает подошедшую к нему зрительницу, обернулся к Патриции, чтобы не отстать от нее, и уже не видел, как одежда кандидатки исчезла, а Майк поцеловал женщину; не видел, как Джилл поцеловала кандидата, одежда которого тоже исчезла.

— Мы прогуляемся, чтобы дать им время перейти в Храм,— объяснила Пэтти.— Можно было бы пройти по сцене, но это сбило бы все настроение, и Майку снова

пришлось бы настраивать людей. Зачем давать ему лишнюю работу?

— Куда мы идем?

— На сцену, за боа. Потом, в Гнездо. Я думаю, тебе не стоит смотреть на посвящение. Марсианского ты не знаешь и ничего не поймешь.

— Я хочу поговорить с Джилл.

— Она обещала заглянуть в Гнездо после службы. Пойдем.

Патриция открыла какую-то дверь, и Бен оказался в райском саду. Навстречу им поднял голову Змий.

— Радость моя! — сказала Патриция.— Вот и я, твоя мамочка,— она сняла боа с дерева и уложила в корзину.— Тебе повезло, Бен: посвящение в Восьмой круг не часто случается.

Бен взял в руки корзину с боа и обнаружил, что четырнадцатифутовая змея — тяжелая штука. Корзина была сшита стальными скобами.

— Поставь ее на пол,— сказала Патриция на верхнем этаже.

Она разделась и повесила змею на себя.

— Девочка любит обниматься с мамой, а сегодня она заслужила. У меня скоро урок, но минут пять можно побаловаться. Змей нельзя разочаровывать: они обижаются, как дети.

Они подошли ко входу в Гнездо. Бен снял туфли и помог Патриции разуться. В Гнезде Бен разделся до шортов и подумывал о том, чтобы расстаться с ними. Он начал понимать, что ходить в Гнезде одетым так же неудобно и неприлично, как явиться в бутсах на танцы. Окон нет, на двери висит памятка, в комнатах тепло, как в живых внутренностях, да и Патриция приглашала раздеваться. То, что она сама ходила голая, Бен отнес на счет возможных странностей в поведении татуированных женщин, но, войдя в гостиную, он увидел мужчину, на котором было на одну змею и намного картин меньше, чем на Патриции. «Ты есть Бог»,— приветствовал их мужчина и пошел в сторону «гнезда» и ванных комнат. На кушетке осталась лежать голая женщина.

Кэкстон знал, что во многих семьях заведено ходить по дому нагишом. А здесь была семья — все друг другу братья. Но он никак не решился снять фиговый листок: если войдет кто-то одетый, ему будет стыдно. Надо же: еще не разучился краснеть!

— Что бы ты сделал на моем месте, Джубал?

— Чего ты хочешь? — Харшоу поднял брови.— Майк волен организовать свой семейный быт на нудистский манер. Человеческое тело бывает красивым и отвратительным, но это ничего не значит.

— Черт возьми, как приятно судить обо всем с высоты Олимпа! Что-то я ни разу не видел, как ты бегаешь в компании без штанов.

— Ты тоже ходишь в штанах, но я уверен, не из скромности. Просто-напросто боишься показаться смешным. Это древний невроз с длинным псевдогреческим названием.

— Неправда! Я просто не знал, как лучше поступить!

— Вот именно, сэр, неправда. Вы знали, как следует поступить, но вы боялись при этом выглядеть глупо или подозревали, что сработает мужской рефлекс. Мне кажется, что у Майка есть причины именно таким образом устраивать свой быт. Он ничего не делает просто так.

— Это правда, Джилл мне объяснила.

Бен стоял в прихожей, держась за пояс, все еще не решаясь снять штаны. Вдруг кто-то обнял его за талию.

— Бен, милый! Как здорово!

Джилл бросилась в его объятия, прижалась жадным теплым ртом к его губам, и Бен не пожалел, что не разделся. Джилл уже не была Праматерью Евой, на ней был наряд жрицы, но Бен радостно осознавал, что держит в руках живую, теплую женщину.

— Господи,— сказала она,— отрываясь от его губ,— как я по тебе скучала! Ты есть Бог!

— Ты есть Бог,— уступил он.— Джилл, ты еще никогда не была такой красивой!

— Положение обязывает,— согласилась она.— Знаешь, как было приятно, когда ты смотрел на меня в финале.

— В финале?

— Джилл имеет в виду конец службы,— вмешалась Пэтти,— когда она изображала Мать всего сущего. Это церковный термин. Ну, пока, я побежала.

— Пэтти, ты забыла, что мы не спешим?

— Я не спешу, а бегу. Сейчас уложу мою девочку спать, и в класс. Поцелуемся на прощанье?

Бен поймал себя на том, что целует Патрицию. На

змей он старался не обращать внимания. Потом Патриция поцеловала Джилл.

— Пока! — и неторопливо удалилась.

— Она прелесть, правда, Бен?

— Правда, хотя вначале она меня смутила.

— Понимаю. Пэтти всех ошеломляет, потому что никогда не сомневается, а сразу делает то, что считает правильным. Этим она похожа на Майка. Она лучше всех нас постигла его науку, ей бы быть верховной жрицей, но татуировки мешают выполнению некоторых обязанностей. Отвлекают. А она не хочет их снимать.

— Как можно снять столько татуировок? Она может умереть.

— Нет, милый. Майк может сделать это без ножа и без боли, но Пэт считает их частью своего существа. Садись. Дон принесет ужин. Мне нужно поесть, пока ты здесь, после не успею. Тебе понравилось у нас? Дон говорит, ты был на общей службе.

— Был.

— Ну как?

— Майк мог бы продавать змеям ботинки.

— Бен, тебя что-то беспокоит?

— Да нет...

— Ладно, поговорим об этом через недельку-другую.

— Я к тому времени уеду.

— У тебя уже не осталось материала?

— Есть на три дня, но все равно надо ехать.

— А я думала, ты погостишь. Ну ладно, позвонишь, когда захочешь приехать.

— Не думаю, чтобы мне захотелось.

— Захочется, вот увидишь. У нас совсем не церковь.

— Да, Пэтти что-то такое говорила.

— По внешним признакам наша организация — церковь. Но мы не стараемся показать людям путь к Богу. Мы не пытаемся спасать Души: душу нельзя спасти, потому что нельзя погубить. Мы не стараемся обратить людей в веру: то, что мы им предлагаем,— не вера, а правда, это можно проверить. Мы даем им правду, насущную, как хлеб. Мы показываем им способ жизни, при котором война, голод, насилие становятся такими же бессмысленными, как одежда в нашем Гнезде. Но для этого они должны выучить марсианский. Мы ищем людей, способных верить тому, что они видят, готовых упорно работать: ведь изучение языка — это серьезная

работа. Нашу правду нельзя выразить английскими словами, как Бетховенскую Пятую,— она улыбнулась.— Майк не спешит. Перед ним проходят тысячи людей, он отбирает единицы. Некоторые остаются в Гнезде, и он учит их дальше. Когда-нибудь мы выучимся настолько, что сможем организовать собственные гнезда... Но это еще впереди, мы ведь только учимся. Правда, дорогая?

Бен поднял глаза и увидел вторую верховную жрицу — Дон, с подносом. Она была одета, как Патриция, только без татуировок.

— Угощайся, брат Бен. Ты есть Бог,— улыбнулась Дон.

— Ты есть Бог. Спасибо.

Она поцеловала его, расставила тарелки и принялась за еду. Бен пожалел, что она не села рядом: ему хотелось полюбоваться ее божественными формами.

— Еще рано, Джилл,— говорила тем временем Дон,— но ожидание скоро исполнится.

— Видишь, Бен,— заговорила Джилл,— я сделала перерыв, чтобы поесть, а Майк уже три дня не ест и не сядет есть, пока не освободится. Потом наестся на неделю вперед и снова будет работать. В отличие от нас он не устает.

— Я еще не устала, Джилл. Хочешь, я заменю тебя, а ты посидишь с Беном? Давай сюда форму.

— Сумасшедшая! Ты уже сколько не отдыхала. Кстати, надо сказать Пэтти, пусть закажет еще гросс облачений. Майк почти все израсходовал.

— Уже заказали.

— Почему мне не заказали? Мое уже тесновато,— она повела плечами, и у Бена захватило дух.— Слегка поправляемся?

— Это хорошо. Мы были суховаты. Смотри, Бен, у нас с Дон одинаковые фигуры: рост, объем груди, талии, бедер. И цвет кожи. Мы были с самого начала похожи, а Майк сделал нас почти близнецами. Дорогая, встань, пусть Бен посмотрит.

Дон отставила тарелку и приняла позу, в которой Джилл представляла Матерь Еву. Джилл сказала с полным ртом:

— Видишь, Бен, это я.

— Не совсем,— улыбнулась Дон.

— Да, я иногда жалею, что у нас не одинаковые лица. Впрочем, и лица становятся похожими, потому что

мы делаем одинаковую работу. Знаешь, как удобно иметь близнеца? Дон может купить платье, а оно и мне подойдет...

— Я думал, что тебе уже не нужны платья,— протянул Бен.

— Что ты! Не ходить же нам на танцы в этом,— удивилась Джилл.— Мы хотим танцевать, чтобы не засыпать... Садись, доедай, Бен уже насмотрелся. Бен, в той группе, которую ты видел, есть замечательный танцор, а в городе полно ночных клубов. Мы с Дон одно время не давали ему спать по ночам, и бедняга едва не засыпал на уроках. Теперь ему не нужно спать: он в Восьмом Круге. А почему ты решил, что нам не нужны платья?

— Потому,— Бен поведал ей о своих мучениях.

Джилл сделала круглые глаза, засмеялась, одернула себя.

— Понимаю. Милый, я осталась в облачении, потому что мне сейчас снова выступать. Если бы я догадалась, что это тебя смущает, тут же сняла бы его. Мы уже привыкли друг к другу и не смущаемся; одеваемся и раздеваемся по необходимости. Если не хочешь, можешь не снимать шорты, или, наоборот, сними — как хочешь.

— Гм...

— Только не сердись,— Джилл улыбнулась, и на щеках появились ямочки.— Я вспоминаю, как Майк пошел на пляж. Помнишь, Дон?

— До конца жизни не забуду!

— Бен, ты ведь знаешь, что такое Майк. Мне приходилось его всему учить. Он никак не мог понять, зачем людям одежда, пока не обнаружил, что мы страдаем от холода, сырости, жары. На Марсе не стыдятся наготы. Только недавно он стал воспринимать одежду как украшение — когда мы стали проводить костюмированные представления.

— Раньше Майк делал все, что я велю, не задумываясь. Теперь он хочет все понимать. Мы учимся быть людьми в детстве, а он не имел такой возможности. До сих пор в его воспитании есть пробелы. Он часто поступает так, как у людей не принято. Мы все его учим; все, кроме Пэтти, которая считает, что Майкл во всем прав. Он до сих пор не вник, что такое одежда. Он считает ее помехой в сближении людей. Барьером на пути любви. Майк лишь недавно понял, что барьер иногда нужен — с чужими. А до тех пор он одевался только тогда, когда я просила.

Однажды он влип в историю. Мы тогда приехали в Байя Калифорнию и встретили — уже во второй раз — Дон. Мы с Майком остановились в отеле, и ему так хотелось вникнуть в океан, что утром, когда я еще спала, он встал и отправился к морю. Бедный Майк! На берегу он разделся и пошел в воду. Поднялся скандал, мне пришлось выручать Майка из полиции.

На лице Джилл появилось отсутствующее выражение.

— Майк зовет. Поцелуй меня на прощание, Бен. Утром увидимся.

— Ты уходишь на всю ночь?

— Наверное. Попалась большая группа,— Джилл встала, потянула за собой Бена и улеглась в его объятия.

— А ты кое-чему научился,— пробормотала она.

— Что ты! Я был верен тебе, по-своему.

— Ну да, по-своему и я была тебе верна. Я не упрекаю, а констатирую, что Доркас наконец-то научила тебя целоваться.

— Ох, эти женщины...

— Поцелуй меня еще, урок подождет. Я постараюсь быть Доркас.

— Оставайся лучше сама собой.

— Конечно, останусь, но Майк говорит, что Доркас целуется лучше всех — глубоко вникает в поцелуй.

— Довольно болтать.

Джилл умолкла, потом вздохнула:

— Ну, мне пора. Дон, позаботься о нем.

— Обязательно.

— Как следует позаботься!

— Конечно.

— Бен, будь умницей и делай, что скажет Дон,— Джилл не спеша убежала.

Дон протянула к Бену руки.

Джубал прищурил один глаз.

— Как же ты поступил, скромник?

— У меня не было выбора, я смирился с неизбежным.

Глава 32

— Джубал,— сказал Кэкстон,— я бы ни слова не сказал о Дон, и вообще ничего не стал бы

говорить,— это необходимо, чтобы объяснить, что меня тревожит... вернее, кто — Дюк, Майк, Дон и Джилл, и другие жертвы Майка. Он очаровал их. Его личность могущественна. Он неотразим. А Дон неотразима по-своему — к утру она совершенно убедила меня в том, что все нормально. Таинственно, но приятно...

Бен Кэкстон проснулся и не сразу сообразил, где находится. Было темно, он лежал на чем-то мягком, но не на кровати. Бен стал припоминать события прошедшей ночи. Последнее, что он вспомнил, было: он лежит на мягком полу самого внутреннего Храма и шепчется с Дон. Она привела его туда, они вошли в бассейн, в общую воду, и сблизились. Бен пошарил вокруг: пусто.

— Дон!

— Я здесь.

— Я подумал, ты ушла.

— Не хотела тебя будить,— она была одета в форму жрицы.— Джилл еще не вернулась: группа попалась большая.

Эти слова напомнили Бену то, что он слышал вчера и что ему очень не понравилось, но с чем он согласился, уступив ласкам Джилл. Он ничего не понимал, кроме того, что Джилл занята: выполняет обязанности верховной жрицы, священный долг, который Дон вчера хотела взять на себя. Бену следовало бы огорчиться, что Джилл на это не согласилась, но он не чувствовал огорчения.

— Дон, не уходи,— он вскочил на ноги и обнял ее.

— Я иду работать,— и прижалась к нему.

— Что, сию минуту?

— О, так сильно мы никогда не спешим,— между ними уже не было одежды. Бен был не в силах любопытствовать, куда она делась.

Он проснулся, встал на ноги; в «гнездышке» зажегся свет. Самочувствие было отличное. Бен потянулся и принялся искать шорты. Он пытался вспомнить, где он их оставил, но не помнил даже, как снимал. Когда он входил в бассейн, их уже не было. Наверное, остались у бассейна.

Бен отправился в ванную, умылся, побрился и пошел во внутренний Храм. Шорт там не оказалось, и он отправился в прихожую, решив, что кто-то отнес их туда и повесил вместе с остальной одеждой. На полпути плюнул и решил, что здесь они никому не нужны больше, чем рыбке зонтик.

Вчера они с Дон пили, но сегодня этого не чувство-

валось. Да и вчера алкоголь не оказывал обычного действия. Наверное потому Бен и перебрал. Что за женщина эта Дон! Даже не обиделась, когда он назвал ее Джилл, наоборот, ей стало приятно.

Гостиная была пуста, не у кого было спросить, который час. Бен никуда не торопился, но ему хотелось есть. Он пошел на кухню. Там сидел мужчина.

— Привет, Бен!

— Дюк, привет!

— Рад тебя видеть,— Дюк сжал Бена в медвежьих объятиях.— Ты есть Бог. На яичницу согласен?

— Ты есть Бог. За повара здесь?

— Бывает. Когда больше не на кого свалить. Готовят все понемногу, главный — Тони. Майк иногда пытается, но все портит,— Дюк раскалывал яйца.

— Давай я,— Бен пристроился рядом.— А ты следи за кофе и тостами. У вас есть соевая приправа?

— Да, Пэтти специально для тебя купила.

— Дюк, чем ты здесь занимаешься?

— Изучаю марсианский, когда-нибудь начну преподавать... За техникой слежу.

— Тут, наверное, целая бригада техников нужна?

— Как ни странно, не нужна. Когда забилась канализация, Майк только глянул, и все прошло. Кроме сантехники мы пользуемся кухонными приспособлениями, но они не такие сложные, как были у Джубала.

— А совещание?

— Тоже ничего особенного. А по моей главной должности и вообще делать нечего. Я пожарный инспектор. Ну, еще санитарный инспектор и сторож. Мы не пропускаем чужих в Гнездо. На общую службу — пожалуйста, а сюда — ни-ни, разве что с личного разрешения Майка.

Они выложили еду на тарелки и сели к столу.

— Остаешься у нас, Бен?

— Нет, не могу.

— Да ладно... Я тоже сначала приехал в гости, потом месяц мучился, пока решился сказать Джубалу, что ухожу. Ты тоже вернешься. Знаешь что? Не принимай никаких решений до вечера.

— А что вечером?

— Дон тебе не говорила?

— По-моему, нет.

— Об этом только и разговоров. Вечером тебя будут официально принимать в Гнездо. Ты ведь из первых —

из тех, кто стал Майку братом, не зная марсианского языка. Сейчас люди не допускаются к церемонии с водой, пока не вступят в Восьмой Круг. К тому времени они начинают думать по-марсиански. Некоторые из них знают марсианский лучше, чем я сейчас. Не то чтобы было запрещено пить воду с тем, кто ниже Восьмого Круга, нет: у нас нет запретов. Я могу пойти в бар, пристать к девчонке, выпить с ней воды, переспать и привести в Храм, но я этого не сделаю. Мне не захочется. Бен, можно нескромный вопрос? Ты спал со случайными женщинами?

— Случалось...

— С сегодняшнего дня ты не должен спать с той, кто не приходится тебе братом по воде.

— Гм!

— Через год отчитаешься... Иногда Майк допускает к воде людей из низших кругов, если считает, что они готовы. Одну пару он взял из Третьего круга. Сэм и Рут.

— Я их не знаю.

— Еще познакомишься. Майк единственный, кто может безошибочно узнать брата. Иногда Дон или Пэт замечают кого-нибудь, но, конечно, не в Третьем круге, и всегда советуются с Майком. В Восьмом круге можно пить воду и сближаться. Из Восьмого люди переходят в Девятый Круг, а оттуда — к нам в Гнездо. Когда в гнездо принимают нового человека, происходит торжественная церемония приобщения к воде. Собирается все Гнездо. Ты автоматически считаешься членом Гнезда, но официально тебя еще не принимали. Сегодня вечером состоится церемония приема. Мне устроили такую же. Бен, ты бы знал, как это здорово!

— Я не представляю, что это такое.

— Ты когда-нибудь был на попойке, куда в конце концов приходится вызвать полицию, а потом кто-нибудь из участников обязательно разводится?

— Ну был.

— По сравнению с нашей церемонией это — воскресная школа. Ты был женат?

— Нет.

— После церемонии можешь считать, что был,— Дюк задумался.— Я был женат. Сначала мне нравилось, потом стало тошно. А здесь мне приятно. Не просто физически приятно тискаться с девками, я их люблю. Они мои братья. Взять Пэтти: она нам как мать.

Человек никогда не вырастает из того возраста, в котором ему нужна мать. Пэт напоминает мне Джубала. Кстати, его здесь не хватает...

— Кто кого хватает? — спросил низкий женский голос.

— Тебя еще никто не хватает, левантинская блудница,— обернулся на голос Дюк.— Иди сюда и поцелуй нашего брата Бена.

— Я стала праведницей еще до того, как меня успели уличить в распутстве,— сказала женщина, неторопливо приближаясь.

Она со знанием дела поцеловала Бена.

— Ты есть Бог, брат.

— Ты есть Бог. У нас общая вода.

— Глубокой тебе воды.

Дюка она целовала долго, а он тем временем похлопывал ее по основательному фундаменту. Она была маленького роста, полная, смуглая, с тяжелой гривой иссиня-черных волос.

— Дюк, ты видел последний номер «Журнала для женщин?» — она завладела его вилкой и подцепила кусок яичницы.— Вкусная, небось не ты готовил?

— Бен. А зачем мне «Журнал для женщин»?

— Бен, зажарь еще штук шесть. Там есть статья, которую нужно показать Пэтти.

— Сейчас,— сказал Бен.

— Не увлекайся! Оставь мне хоть кусочек. Иначе я не смогу выполнять мужскую работу.

— Тихо, тихо, Дюки! Вода разделенная есть вода преумноженная. Не обращай на него внимания, Бен, он всегда ворчит, если ему не дать тройную порцию еды и двойную порцию женщин,— она сунула Дюку в рот кусок яичницы.— Ну, не плачь, я приготовлю тебе второй завтрак. Или уже третий?

— Ты и первый-то у меня отняла. Рут, я как раз рассказывал Бену, как вы с Сэмом прыгнули в Девятый. Он стесняется быть героем вечернего праздника.

Рут подобрала последний кусочек с тарелки Дюка, слезла с его колен и отошла к плите.

— Не переживай, Дюк, сейчас мы что-нибудь для тебя сообразим. А пока держи свой кофе. Бен, не волнуйся. Я тоже волновалась, но теперь вижу, что зря. Майкл никогда не ошибается. Ты наш, иначе тебя здесь не было бы. Ты останешься с нами?

— Сразу не могу. Сковорода нагрелась?

— Да, выливай. Вернешься потом и останешься навсегда. А мы с Сэмом и правда прыгнули. У меня, примерной жены, сначала даже закружилась голова. В моем возрасте тяжело менять привычки.

— В каком таком возрасте?

— Бен, дисциплина хороша тем, что, подтягивая душу, она подтягивает тело. В этом мы сходимся с христианской наукой. Видел в ванной хоть одну склянку с лекарством?

— Н-нет.

— То-то. Сколько человек тебя целовали?

— Несколько.

— А я во время службы целую больше, чем несколько, но не принесла в Гнездо даже насморка. А раньше я то и дело болела и жаловалась. Здесь, в Гнезде, я помолодела лет на тридцать, похудела на двадцать фунтов, мне больше не на что жаловаться. Проповедуя, я сижу в позе лотоса, но я помню время, когда мне трудно было наклониться.

Все произошло совершенно случайно. Сэм по профессии преподаватель восточных языков. Ему хотелось выучить марсианский, и он стал ходить сюда. Сэм интересовался только языком, ни на что больше не обращая внимания. Я ходила с ним, чтобы не отпускать его от себя: ревновала. Сэм учился легко, я зубрила изо всех сил, чтобы не отстать. Так мы добрались до Третьего Круга, и тут — бах! — произошло чудо: мы начали думать по-марсиански. Совсем чуть-чуть, но Майк почувствовал и однажды попросил нас остаться после урока и вместе с Джиллиан приобщил нас к воде. Потом я обнаружила, что представляю собой то, что презираю в других женщинах, я презирала и ненавидела мужа за то, что он это позволил и сделал сам. Все это я думала по-английски, а самые ужасные мысли по-еврейски. Я плакала и пилила Сэма и... не могла дождаться нового сближения.

Потом стало легче, но нельзя сказать, что очень легко. Нас как можно быстрее провели по кругам. Майк знал, что нам нужна помощь, и хотел поскорее взять нас под защиту Гнезда. Когда пришло время посвящения в Гнездо, я все еще не могла полностью себя контролировать. Мне хотелось в Гнездо, но я была уверена, что не могу влиться в семью с чужими людьми. Мне было страшно, я умоляла Сэма вернуться домой и больше не ходить к Майку...

И вот мы вошли во внутренний Храм, в лицо мне

ударил прожектор, наша одежда исчезла. Братья сидели в бассейне и звали нас по-марсиански. Я пошла на их зов, шагнула в воду, и до сих пор из нее не вышла. И не собираюсь. Не волнуйся, Бен: ты научишься и языку, и дисциплине, любящие братья помогут тебе во всем. Прыгай в воду, не колеблясь: я первая подставлю тебе руки. Передай это Дюку и скажи ему, что он обжора. А это тебе — влезет, еще как влезет! Поцелуй меня, и я пойду. У Рути еще много работы.

Бен выполнил все распоряжения и отправился искать Джилл. Она спала в гостиной на кушетке. Бен сел рядом и, глядя на нее, наслаждался. Ему пришло в голову, что Джилл и Дон даже больше похожи одна на другую, чем это кажется им самим. Пропорции, цвет кожи — все совпадало точь-в-точь.

Бен отвлекся, чтобы отрезать кусок яичницы, а когда снова посмотрел на Джилл, она уже проснулась и улыбалась.

— Ты есть Бог, милый. Как вкусно пахнет!

— Ты очень красивая. Прости, я не хотел тебя будить,— Бен пересел и следующий кусок яичницы отдал Джилл.— Мы вместе с Рут готовили.

— Хорошо получилось. Ты меня не разбудил: я на минутку прилегла, пока ты выйдешь. Всю ночь не спала.

— Совсем?

— Совсем. И ни капельки не хочу. А поесть не отказалась бы. Понял намек?

Бен понял и принялся кормить ее, как ребенка.

— А ты спал?

— Да.

— А Дон?

— Часа два.

— Ей больше не нужно. Два часа нам дают столько же, сколько раньше — восемь. Я знала, что вам будет хорошо вдвоем, не боялась, что она не выспится.

— Мы действительно чудесно провели время, но я был несколько удивлен, когда ты мне ее подсунула.

— Ты хотел сказать «шокирован». Я хорошо знаю тебя, Бен. Я сама хотела провести с тобой эту ночь, но твоя ревность. Надеюсь, Дон вылечила тебя?

— Пожалуй.

— Ты есть Бог. Я тоже чудесно провела время: не волновалась, знала, что ты в надежных руках, еще более надежных, чем мои.

— Что ты, Джилл!

— Нет, не вся твоя ревность улетучилась. Ничего, мы ей поможем,— Джилл села, погладила Бена по щеке и сказала: — Я ведь больше всех заинтересована в том, чтобы ты на церемонии посвящения вел себя достойно.

Бен попытался что-то возразить, но Джилл не дала.

— Еще не кончилось ожидание,— сказала она и протянула руку.

Бену показалось, что в руку ей вскочила пачка сигарет.

— И ты научилась фокусам?

— Самым простым,— Джилл улыбнулась.— Как говорил учитель, я всего лишь яйцо.

— Как ты это сделала?

— Я позвала ее по-марсиански. Сначала ты вникаешь в предмет, потом вникаешь в то, чего ты от него хочешь. Майк! — она помахала рукой.— Мы здесь!

— Иду! — Человек с Марса подошел к Бену и поднял его на ноги.— Дай посмотреть на тебя! Как я рад тебя видеть!

— Я тоже рад тебя повидать и побывать в твоем доме.

— Я слышал, ты скоро уезжаешь?

— У меня работа, Майк.

— Ладно, там видно будет...

— Майк,— сказала Джилл,— ты можешь отдохнуть. Пэтти пошла на урок, а Сэм, Рут и Дон займутся подготовкой праздника.

— Отлично,— Майк сел, одной рукой обнял Джилл, другой Бена и вздохнул.— Бен, не вздумай стать проповедником. Я целые сутки прыгал из одной аудитории в другую, втолковывая людям, почему нельзя торопиться. Я тебе стольким обязан и не мог найти времени пожать тебе руку. Как дела? Выглядишь очень неплохо. Дон говорит, у тебя все в порядке.

— Да вроде,— покраснел Бен.

— Вот и хорошо. Тебе предстоит оргия плоти, но не бойся, я поддержу. В конце ты станешь сильнее, чем был в начале. Правда, маленький братец?

— Правда,— подтвердила Джилл.— Майк может передать тебе часть своей физической силы, а не только оказать моральную поддержку. Я тоже учусь это делать.

— У тебя неплохо выходит.— Майк погладил Джилл

по голове.— Маленький братец у нас кладезь силы. Сегодня ночью всех держала. Он улыбнулся и пропел:

Среди тысячи девчонок
Не найдешь такой, как Джилл.
Вот гулена, так гулена!
Как хватает только сил?

— Правда, маленький братец?

— Вот еще! — сказала Джилл, довольная.— Дон гуляет не меньше моего.

— Дон работает: собирает пожертвования. Правда, Бен?

— Наверное.— Бену было неловко.

Уж слишком фривольно они себя ведут. Под каким бы предлогом уйти?

Майк одной рукой держал Бена за талию, а другой ласкал Джилл; та не противилась. Майк с серьезным видом обратился к Кэкстону:

— После такой ночи, как сегодня (я помогал людям совершить скачок в Восьмой Круг), я обычно долго не могу успокоиться. Можно, я прочту тебе маленькую проповедь, которую читаю в Шестом Круге? У нас, людей, есть кое-что, о чем мой прежний народ и не мечтает. Это величайшая ценность, я это хорошо понимаю, потому что раньше этого у меня не было. Это благодать быть мужчиной и женщиной — самое необычайное чудо, созданное Тем-Кто-Есть-Бог. Джилл?

— Ты совершенно прав, Майк. Тут нечего возразить, Бен. Но, милый, давай споем песенку в честь Дон.

— О'кей!

Ну и пыл у нашей Дон!
Бен понял это сразу.
Ее в ста платьях видел он,
А в трусиках — ни разу.

— Слушай, в кухне кто-нибудь есть? Я сейчас вспомнил, что не ел уже несколько дней или даже лет.

— Кажется, там Рут,— сказал Бен и попытался встать.

Майк не пустил его.

— Эй, Дюк! Найди кого-нибудь, кто нажарит мне гору оладьев и нальет галлон кленового сиропа.

— Зачем искать? Я сам все сделаю,— отозвался Дюк.

— Я постараюсь не умереть с голоду, пока ты сходишь за Тони или Рут.

Майк привлек к себе Бена и спросил:

— Ты, кажется, не вполне счастлив?

— Нет, что ты, все в порядке.

— Хорошо бы, если бы ты знал марсианский.— Майк заглянул Бену в глаза.— Я чувствую, что тебе плохо, но не могу прочесть твоих мыслей.

— Майк,— позвала Джилл.

Человек с Марса взглянул на нее, потом опять на Бена и протянул:

— Джилл объяснила мне, в чем дело. То чувство, которое ты сейчас испытываешь, всегда было мне непонятно,— он замялся, как в те времена, когда только начинал говорить по-английски.— Но мне ясно, что сегодня мы не сможем принять тебя в Гнездо. Еще длится ожидание. Прости. Когда-нибудь оно окончится.

Джилл вскочила.

— Майк! Так нельзя! Нельзя отвергать Бена!

— Я не вникаю, маленький братец,— настала нехорошая тишина.— Ты уверена, что говоришь правильно?

— Сейчас увидишь! — Джилл подсела к Бену, обняла его.— Поцелуй меня, Бен, и успокойся.

Она первая поцеловала его, и Бен успокоился. Сладостное тепло вытеснило из тела все другие ощущения. Майк крепче обнял Бена и сказал:

— Мы сближаемся. Может, сейчас?

— Да! Сейчас, здесь. У нас общая вода, дорогие мои.

Бен глянул на Майка, и эйфория прошла: Человек с Марса был совершенно голый.

Глава 33

— Ну,— нетерпеливо сказал Джубал,— ты принял приглашение?

— Как бы не так! Я унес ноги от греха подальше. Схватил в охапку шмотки, выскочил в коридор и одевался уже внизу.

— На месте Джилл я бы обиделся.

Кэкстон покраснел.

— А что мне было делать?

— Ну, ладно. Что дальше?

— Я оделся, увидел, что забыл наверху сумку, но возвращаться не стал. Кстати, в лифте я чуть не убился. Ты знаешь, как работает современный лифт?

— Разумеется, нет.

— Если ты не даешь команды на подъем, начинается постепенный спуск. А я заскочил туда с разбегу и начал падать — с шестого этажа. Еще чуть-чуть — от меня осталась бы лепешка, но падение вдруг прекратилось. Как будто меня удержало какое-то поле.

— Не пользуйся модной техникой. Ходи по лестнице, в крайнем случае — езжай лифтом старой конструкции.

— У них хорошая техника, только за ней никто не следит. Никто не занимается делом, все ходят под гипнозом Майка и смотрят ему в рот. Мне страшно за них, Джубал. Нужно что-то делать.

Джубал поджал губы.

— Что именно тебя пугает?

— Абсолютно все.

— Правда? Мне показалось, что тебе там понравилось.

— Ну да. Майк и меня загипнотизировал,— у Кэкстона был недоуменный вид.— Я бы не вышел из-под гипноза, если бы он вдруг не оказался голый. Понимаешь, он сидел в костюме и обнимал меня за пояс — как он мог раздеться?

— Ты был занят и мог не заметить даже землетрясение,— пожал плечами Джубал.

— Брось! Я не школьница и целуюсь с открытыми глазами. Скажи, как он мог раздеться?

— Какое это имеет значение? Может, тебя смутила именно его нагота?

— Конечно.

— Ты сам был без штанов! Стыдитесь, сэр!

— Перестань меня грызть. У меня нет привычки к групповой любви. Меня чуть не стошнило,— Бен скривился.— Каково бы тебе было, если бы посреди твоей гостиной люди стали спариваться, как обезьяны?

— Вот, оно, Бен: гостиная была не твоя. Ты пришел к человеку в дом, будь любезен принять правила, действующие в этом доме. Цивилизованный человек должен поступать именно так.

— А если тебя шокирует поведение хозяина?

— Это уже другой вопрос. Я всегда находил и нахожу публичные проявления похоти отвратительными, но достаточно большая часть человечества не разделяет моих вкусов. Оргии имеют многовековую историю и не оскорбляют ничьего достоинства, поэтому нельзя говорить, что они «шокируют».

— Ты хочешь сказать, что это не более, чем дело вкуса?

— Вот именно. И мои вкусы не более святы, чем вкусы Нерона, а даже менее: Нерон — бог, а я нет.

— Черт меня возьми!

— Вряд ли у него это получится. Дальше: Майк не устраивает публичных оргий. У него в доме что-то вроде группового брака, выражаясь научно,— групповая теогамия. Поэтому все, что там происходит или планируется, является семейным делом, а не публичной оргией. Кругом все боги и нет больше никого — кто может обидеться?

— Я обиделся.

— Сам виноват. Ты ввел их в заблуждение и спровоцировал на «оргию».

— Что ты, Джубал! Я ничего не делал.

— Ах, господи! Как только ты вошел к ним, ты понял, что у них чуждый тебе уклад. Тем не менее ты не ушел. Ты повел себя как бог, когда тебя встретила богиня. Ты отдавал себе отчет в том, что делаешь, и они это понимали. Их ошибка в том, что они приняли твое притворство за чистую монету. Джилл и Майк вели себя вежливо, и не тебе следует обижаться на них, Бен, а им на тебя.

— Ты умеешь все перевернуть с ног на голову. Меня завлекли чуть не силой. Если бы я не убежал, меня стошнило бы.

— Теперь ты хочешь свалить вину на рефлекс.— Дорогой мой, воспитанный мальчик тридцати лет на твоем месте сжал бы зубы, пошел в ванную, посидел бы там с четверть часа, потом пришел бы и извинился. Рефлекс тут ни при чем. Рефлекс может вывернуть желудок, но не может приказать ногам бежать к двери, рукам — хватать одежду, глазам — искать выход. Это был страх. Чего ты испугался, Бен?

Кэкстон долго молчал, потом вздохнул и выдавил:

— Сдаюсь, я — ханжа.

— Ханжа считает свои моральные установки законом природы,— покачал головой Джубал.— Ты не такой. Ты подлаживался под людей, поведение которых не соответствовало твоим правилам, а настоящий ханжа еще с порога обозвал бы даму в татуировке неприличным словом, повернулся и ушел. Копай глубже.

— Я ничего не соображаю. Мне плохо.

— Вижу и сочувствую. Давай подойдем к делу с другой

стороны. Ты упомянул женщину по имени Рут. Давай предположим, что Джиллиан не было, а на кушетке с тобой сидели Майк и Рут. Допустим, они предложили то же самое сближение. Тебя это шокировало бы?

— Да. Меня шокировала сама ситуация.

— В какой степени? Что бы ты сделал?

— Черт бы побрал тебя, Джубал! — Кэкстон смутился.— Я нашел бы предлог выйти на кухню.

— Отлично, Бен. Я понял, в чем дело.

— В чем же?

— Какой элемент мы изменили?

Кэкстон помрачнел и надолго умолк. Наконец сказал:

— Ты прав, Джубал: все дело в Джилл, в том, что я люблю ее.

— Близко к истине, но не точно.

— Что?

— Чувство, которое заставило тебя бежать, называется не «любовь». Ты знаешь, что такое любовь?

— Надоело! На этот вопрос не могли ответить ни Шекспир, ни Фрейд. Мне плохо, и все.

Джубал покачал головой.

— Я дам точное определение. Любовь — это состояние, в котором счастье другого является непременным условием твоего счастья.

— Верно,— медленно произнес Бен,— именно это я испытываю по отношению к Джилл.

— Допустим, но ты говоришь, что тебя стошнило и ты убежал при необходимости сделать Джилл счастливой.

— Подожди! Я не говорил...

— Может быть, тут присутствовало еще какое-то чувство?

— Я говорил,— Кэкстон запнулся.— Ладно, можешь считать, что я ревновал. Но могу поклясться, что не ревновал. Я давно уже со всем смирился и не держал на Майка зла. Я понимаю, что ревность бессмысленна.

— Милый мой, любовь — нормальное состояние, ревность — патологическое. Нередко незрелый ум принимает одно за другое или ставит ревность в прямо пропорциональную зависимость от любви. На самом деле это несовместимые вещи. Ревность не оставляет места любви, и наоборот. Но и то, и другое способно произвести бурю в душе. Хочешь знать, в чем дело? Твоя ревность глянула тебе в глаза, ты не выдержал ее взгляда и убежал.

— Все дело в обстановке, Джубал. Меня взбесил этот гарем. Пойми меня правильно: я любил бы Джилл, даже если бы она была грошовой шлюхой, которой Джиллиан, слава Богу, не является. По ее меркам, она даже высокоморальна.

— Я знаю,— кивнул Джубал.— Джилл несет в себе чистоту, которая никогда не позволит ей стать аморальной. А у нас с тобой,— Харшоу нахмурился,— нет той ангельской чистоты, которая дала бы нам возможность жить по моральным нормам Майка и Джилл.

Бен вздрогнул.

— Разве это мораль? Я хотел сказать, что Джилл не знает, что поступает плохо: ее околдовал Майк. Майк тоже не знает, что это плохо: он Человек с Марса, его не так воспитали.

— А мне кажется,— нахмурился Джубал,— что эти люди — все Гнездо, не только наши — живут правильно. Я не знаю подробностей, но в целом я с ними согласен: с анархией, вакханалией, коммунальным бытом и групповой любовью.

— Джубал, ты меня удивляешь! Если ты с ними во всем согласен, почему бы тебе к ним не присоединиться? Они будут рады. Дон ждет не дождется момента, когда ей можно будет поцеловать твои ноги и услужить тебе, как ты только пожелаешь. Я не преувеличиваю.

— Поздно,— вздохнул Джубал.— Каких-нибудь пятьдесят лет назад это было возможно, а сейчас я не способен на такую невинность. Я так долго жил среди зла и безнадежности, что никакая вода меня не отмоет. А если даже отмоет — то, что останется, вряд ли будет невинным.

— Майк считает тебя достаточно невинным, хотя он не употребляет именно этого слова. Дон говорила мне.

— Не хочу его разочаровывать. Он видит во мне свое отражение. Моя профессия — зеркало.

— Ты трус.

— Совершенно верно, сэр! Но меня пугают не их нравы, а опасность, грозящая им извне.

— О, в этом смысле они в полной безопасности.

— Ты уверен? Выкрась обезьяну в белый цвет и посади в клетку к рыжим обезьянам. Они разорвут ее на куски. Гнездо — это школа мучеников.

— До сих пор я не знал за тобой склонности к мелодраме.

— Она не делает мои слова менее вескими! — взорвался Джубал.— Муки Христа ты тоже назовешь мелодрамой?

— Не сердись, я не хотел тебя обидеть. Мне кажется, что им не угрожает такая опасность. Со времен Христа прошло две тысячи лет.

— И все эти годы, да и раньше, люди реагировали на белую ворону одинаково. Возьми Онеиду — она просуществовала совсем недолго, в деревне, вдали от людских глаз. Возьми первых христиан — та же анархия, тот же коммунизм, групповые браки, братские поцелуи... Впрочем, не совсем: у христиан целовались и мужчина с мужчиной.

— В Гнезде мужчины тоже целуют друг друга — без малейшего голубого оттенка. Я забыл сказать.

— У первых христиан поцелуй между мужчинами не был гомосексуальным флиртом. Ишь, обмануть меня решил, думал, я дурак.

— Что ты!

— Спасибо. Так вот, в наше время не стоит предлагать священнику братский поцелуй: изначальных идей христианства уже никто не исповедует. Их приверженцы были физически истреблены за то, что стремились к полному единению и совершенной любви. Раньше я боялся только за Майка, теперь боюсь за всех остальных.

— Я с тобой не согласен. Я тоже боюсь, но именно потому, что они живут неправильно.

— Согласиться со мной тебе мешает ревность.

— Не только.

— В основном. Бен, этика секса — сложная проблема. Все понимают, что общепринятые моральные нормы здесь неправы, и каждый старается выработать свой собственный кодекс. Но, живя по собственному кодексу и нарушая общепринятые нормы, мы испытываем чувство вины. Ты не исключение. Ты вообразил себя свободным и поступил вопреки морали. Однако, столкнувшись с незнакомым явлением, пытаешься его оценить, исходя из отвергнутых тобой иудейско-христианских моральных норм. Разумеется, желудок не справляется. А ты думаешь, что это оттого, что ты прав, а они — нет. Нет, тебя тошнит потому, что ты привык заглатывать предрассудки задолго до того, как научился соображать.

— А что говорит твой желудок?

— Мой тоже дурак, но я позволяю ему командовать мозгом. Я одобряю попытку Майка разработать идеальную этику и готов ему аплодировать. Может быть, он станет родоначальником новой морали? У большинства философов не хватало на это мужества. Они принимали без изменений принципиальное содержание: моногамию, семью, воздержание — и смаковали детали, например, обсуждали, пристойна ли женская грудь.

А больше всего сил они положили на то, чтобы придумать, как заставить нас подчиняться этой морали, игнорируя тот факт, что большинство человеческих трагедий происходит не от неумения соблюдать нормы морали, а от порочности самих этих норм.

И вот, прилетает Человек с Марса, смотрит на нашу мораль свежим взглядом и отвергает ее. Я не знаком с его моральным кодексом, но понятно, что он противоречит законам всех земных наций, положениям всех земных религий и убеждениям большинства агностиков и атеистов. Бедный мальчик!

— Он не мальчик, а взрослый мужчина.

— Какой он мужчина! Марсианин-недоросль, утверждающий, что секс — это путь к счастью. Да, секс должен приносить счастье. Самое ужасное, что люди используют секс не для того, чтобы доставлять друг другу удовольствие и приносить счастье; для нас секс — это средство порабощения и унижения друг друга.

Наша мораль требует: «Не пожелай жены ближнего своего». В результате: лицемерное целомудрие, измены, ревность, страдания, побои, убийства, разводы, несчастные дети. Кто выполняет это требование? Если человек клянется на Библии, что он не пожелает жены ближнего потому, что так велит мораль, он либо лжет, либо страдает импотенцией. Каждый мужчина, способный зачать ребенка, в течение жизни не раз желает жену ближнего своего.

И вот приходит Майк и говорит: «Зачем желать мою жену? Любите ее! Ее любви к вам нет предела. Полюбив мою жену, вы ничего не потеряете, кроме страха, вины, ненависти и ревности, а приобретете вы весь мир». Этому трудно поверить. Такую наивность позволяли себе только первобытные эскимосы, но они были почти так же изолированы от остального человечества, как марсиане. Современные эскимосы переняли наши добродетели, теперь у них тоже есть верность и измена. А что им это дало?

— Не знаю, я не эскимос.

— Я тоже. Не люблю рыбу.

— Все-таки они получили какие-то блага цивилизации. Мыло, например.

— Мыло, безусловно, благо. Я это хорошо понимаю, потому что провел детство в доме, где не было канализации, как в иглу. Но, еще не зная мыла, эскимосы были счастливейшими людьми на земле. Они свободно менялись женами и даже не знали слова «ревность». Посмотри, как живем мы, какой мерзкий у нас мир. Посмотри на учеников Майка и скажи: кто счастливее, мы или они?

— Я не успел поговорить со всеми, но те, кого я видел, счастливы, как-то неправдоподобно счастливы. Я все время искал подвоха.

— Может, ты и был этим подвохом?

— Как это?

— Жаль, что у тебя в таком юном возрасте сформировались такие непробиваемые убеждения. Три дня счастья, которые тебе предлагали, могли бы согревать и поддерживать тебя всю жизнь. А ты, молодой дурак, позволил ревности прогнать тебя оттуда. Будь я моложе, я согласился бы три дня побыть эскимосом. Я на тебя сердит и могу утешить лишь предсказанием, что ты пожалеешь о своем поступке. Старость не приносит мудрости, она лишь позволяет видеть дальше: как вперед, так и назад. И очень грустно бывает оглядываться на искушения, которым вовремя не поддался. Ох, как ты пожалеешь!

— Хватит, надоело!

— Да что ты за человек? Вместо того, чтобы лететь в Гнездо, как весенний голубь, сидишь и плачешься мне, старику. Да будь я хоть на двадцать лет моложе, я присоединился бы к Майку.

— Слушай, Джубал, давай отвлечемся от эмоций. Что ты на самом деле думаешь о церкви Майка?

— Кажется, ты говорил, что это не церковь, а что-то вроде клуба.

— И да, и нет. Майк провозглашает свое учение Правдой с большой буквы, которую ему передали Старшие Братья.

— Старшие Братья? Бабушкины сказки.

— Майк в них верит.

— У меня был знакомый, который верил в дух

Александра Гамильтона. Это не значит, что он с ним действительно общался. Какой ты несносный!

— Чем ты недоволен?

— Понимаешь, Бен, самый большой грешник тот, кто делает религию профессией. Отдадим же должное дьяволу. Майк верит в свою правду и преподает ее людям так, как он сам видит. Что до его Старших Братьев, я не могу сказать, что их не существует; я говорю, что лично мне трудно в них поверить. Девиз «Ты есть Бог» не более и не менее правдоподобен, чем другие религиозные девизы. Придет Судный День, и может оказаться, что нашим Хозяином все время был какой-нибудь конголезский Мумбо-Юмбо.

— Джубал, ради Бога, не кощунствуй.

— Бен, человек устроен так, что ему трудно представить собственную смерть. Это привело к возникновению множества религий. Люди так и не пришли к бессмертию, не поставили перед собой уйму важнейших вопросов: как возникает жизнь, как эго вселяется в тело, что такое эго и почему оно кажется себе центром Вселенной и венцом жизни. Наука не может дать ответов на эти вопросы, какое же право я имею порицать или осмеивать религии за попытки — пусть неубедительные — ответить на них? Старик Мумбо, в честь которого не построили ни одного храма, имеет такое же право на существование, как и наши цивилизованные боги; он имеет такое же право съесть меня за непочтение. Точно так же нельзя сбрасывать со счетов мальчика, отправляющего сексуальный культ на темном чердаке: он может быть новым и настоящим Мессией. Все религии правы в одном: самосознание — не просто смесь аминокислот.

— Джубал, в тебе умер проповедник!

— Человечеству повезло. Если Майку кажет нам новый способ жизни, не стоит придираться к его интимным привычкам. Гении всегда презирают мнение толпы, особенно в отношении любви, и живут по собственным законам. Майк гений и поступает по-своему.

С теологической точки зрения, поведение Майка банально и даже ортодоксально. Он говорит, что все живые существа вкупе являются Богом, из чего следует, что Майк и его ученики — пока единственные сознательные боги на этой планете. Земные религии позволяют богам устраивать свою сексуальную жизнь по их собственному усмотрению.

Нужны доказательства? Пожалуйста: Леда и Лебедь, Европа и Бык, Осирис, Исида и Гор. Я уже не говорю о восточных религиях: тамошние боги вытворяют такое, что и подумать страшно. И наша троица, если поразмыслить, не так уж свята. Как же примирить поведение богов с моралью, диктуемой людям религиями? Остается признать, что боги размножаются по иным законам, чем люди. Об этом, к сожалению, никто не задумывается. На всем, что связано с богами, стоит гриф: «Свято, критике не подлежит».

Я считаю, что Майку можно позволить все, что позволено другим богам. Какие-то боги размножаются делением: не только Иегова, у него есть последователи. Другие боги размножаются, как кролики, и плевать им на человеческие законы! Если Майк вышел в разряд богов, оргии становятся для него настолько же обязательными, как для солнца восход, и судить его следует по законам Олимпа!

Чтобы понять это, Бен, нужно прежде всего уступить их искренности.

— Я уступил, я только...

— Ой ли? Ты начал с того, что заранее объявил все их поступки дурными, осудив их с точки зрения морали, которую сам отвергаешь. Давай мыслить логически. Где есть полигамия, нет места моногамии. Если полигамия является основой их убеждений, зачем ее скрывать? Скрывают то, чего стыдятся, а наши-то боги гордятся собой. Прятаться по углам — значит признать правоту морали, против которой они выступили, или дать тебе понять, что ты чужак, которого они не хотят допустить в свое Гнездо.

— Может, меня и не стоило допускать?

— Разумеется, нет. Майк не хотел, но Джиллиан настояла.

— Это еще хуже.

— Почему? Она хотела сделать тебя богом. Она любит тебя — и не ревнует. А ты ревнуешь и, хотя говоришь, что любишь, ничего не делаешь, чтобы это доказать.

— Я ее на самом деле люблю, черт возьми!

— Значит, ты просто не понял, какой чести тебя удостоили.

— Наверное,— угрюмо согласился Бен.

— Могу посоветовать выход из положения. Тебе было любопытно, как Майк избавился от одежды? Сказать?

— Скажи.

— Это было чудо.

— Ты смеешься надо мной?

— Ничуть, посмотри на тысячу долларов. Пойди спроси у Майка. Попроси продемонстрировать еще раз и не забудь принести мне деньги.

— Джубал, мне не нужна твоя тысяча.

— Ты ее и не получишь. Спорим?

— Джубал, ну как я могу туда явиться? Сам понимаешь...

— Тебя встретят с распростертыми объятиями и не потребуют ни словечка объяснений. На это тоже можно поставить тысячу. Бен, ты не провел там и суток. Ты уверен, что понял, что они собой представляют? Разве тебе хватает суток на сбор материала, когда ты собираешься кого-нибудь ославить в газете?

— Нет, не...

— И после этого ты говоришь, что любишь Джилл! Ты не хочешь уделить ей даже десятую долю внимания, которое уделяешь грязным политикам. А она столько сил приложила, чтобы тебе помочь. Где бы ты был сейчас, если бы она действовала так же решительно, как ты? Скорее всего, жарился бы в аду. Тебя волнует их дружеский блуд? Знай: это не самое опасное.

— Есть что-нибудь опаснее?

— Христа распяли за то, что он проповедовал, не спросив на это разрешения властей.

Кэкстон помолчал, погрыз ногти и поднялся.

— Я пошел!

— Поешь сначала.

— Нет, я пойду.

Через двадцать четыре часа Кэкстон перевел Харшоу две тысячи долларов. Целую неделю от него не было известий. Джубал отправил ему письмо: «Чем ты занимаешься, черт тебя возьми?» и получил ответ: «Изучаю марсианский. Твой брат Бен».

СЧАСТЛИВЫЙ УДЕЛ

Глава 34

Фостер оторвался от кипевшей работы.

— Юниор!

— Да, сэр!

— Ты интересовался одним молодым человеком.... Можешь им заняться: марсиане сняли с него наблюдение.

Дигби удивился.

— Простите. Разве есть молодой человек, по отношению к которому у меня какие-то обязанности?

Фостер улыбнулся ангельской улыбкой. Чудеса ни к чему, само псевдо-понятие «чудо» содержит в себе противоречие. Но эти молодые должны до всего доходить сами.

— Ладно, это пустячное мученичество. Сам за ним прослежу.

— Чем же заняться, сэр?

— Называй меня просто Фос. Церемонии хороши на линии, а здесь, в штабе, они не нужны. И следи, чтобы я не называл тебя юниором: ты справился с испытательным заданием отлично. Какое имя ты хочешь взять для дальнейшей работы?

— Разве у меня есть другое имя? — удивленно заморгал он.

— Тысячи. Что выбираешь?

— Не знаю...

— Хочешь называться «Дигби»?

— Да. Очень красивое имя. Спасибо.

— Не благодари: ты его заслужил; — Архангел Фостер вернулся к работе, не забыв о только что взятом на себя деле. Он подумал, как бы пронести чашу сию мимо малышки Патриции,— но упрекнул себя за такую непро-

фессиональную, почти человеческую мысль. Милосердие не пристало ангелу, ангельское сострадание не оставило ему места.

Старшие Братья на Марсе пришли к единому мнению относительно их основной эстетической проблемы, после чего переключились на другие. В это время, не спеша и почти небрежно, они изучили информацию, собранную на Земле чужим для них птенцом и оставили его в покое, так как для осуществления их дальнейших целей он был больше не нужен.

Они взяли в расчет полученные данные и, с намерением проверить уже принятое ими решение, начали анализировать эстетическую сторону возможного уничтожения Земли. Но до того как решение будет принято окончательно, должно было пройти еще немного времени.

На Японию обрушилось цунами, ставшее результатом сейсмического процесса, происходившего в 280 километрах от острова Хонсю. Волна унесла 13000 человеческих жизней, а одного младенца мужского пола забросила на статую Будды, где его нашли ламы. После бедствия, не принесшего ему ничего, кроме пожизненной икоты, младенец прожил девяносто семь земных лет.

Синтия Дачесс с помпой постриглась в монахини и через три дня тихо скончалась. Экс-Генеральный Секретарь Дуглас перенес инсульт, в результате которого потерял способность двигать левой рукой. На его способности управлять вверенным ему имуществом, болезнь не отразилась. На Плутоне совершил посадку исследовательский корабль «Мэри Джейн Смит». Во Фрэзере, штат Колорадо, был зарегистрирован самый холодный февраль за всю историю.

Епископ Окстонг выступил в соборе Нью Гранд Авеню Темпл с проповедью на тему «Ибо восстанут лжехристы и лжепророки и дадут знамения и чудеса великие, чтобы прельстить, если возможно, и избранных» (от Матфея, XXIV: 29). Он дал понять, что сия диатриба не относится к мормонам, христианской науке и фостеритам, а имеет в виду выскочек-еретиков, отвращающих истинно верующих от веры их отцов.

В одном из курортных городов той же страны трое обратились в суд с жалобой на пастора, предававшегося публичному разврату. Пастора и его пособников обвиняли также в растлении малолетних и в аморальном поведении в семье. Прокурор не хотел рассматривать жалобу: у него накопилось их более десятка, а жалобщи-

ки не являлись для подтверждения. Но последние жалобщики оказались настойчивыми и обещали явиться, чтобы прижать антихриста, которым уже недоволен сам Верховный Епископ Шорт.

Прокурору не было дела до антихристов, но он вспомнил, что близятся выборы.

— Поймите, без поддержки я ничего не смогу сделать.

— О, за поддержкой дело не станет.

— Доктор Джубал Харшоу не был осведомлен об этом происшествии, но ему было известно много аналогичных, и он тревожился. Он вновь позволил себе слабость следить за новостями. Пока что Харшоу просматривал газеты, отыскивая в заголовках слова: «Человек с Марса», «Бен Кэкстон», но уже не раз ему хотелось позвать Ларри и попросить его включить стереовизор.

Неужели трудно черкнуть пару строк, чтобы старик не волновался?

— Ближняя!

Вошла Энн, но Харшоу все смотрел на пустой бассейн, в который падал снег.

— Энн, арендуй для нас какой-нибудь тропический атол, да дай объявление о продаже этого дома.

— Слушаюсь, босс!

— Только постарайся оформить аренду раньше, чем сюда въедут индейцы: я не люблю жить в отеле. Когда я в последний раз выписывал вам зарплату?

— Полтора месяца назад.

— Пусть это будет вам уроком. Начали! «Предсмертная песня».

В сердце моем беспросветный
День ледяной зимы,
Осколки надежд разбитых
В ранах моей души.
Нас разделяет навеки
Ушедшая наша любовь.
Угрюмые горькие ветры
С севера дуют вновь,
Мое тело — кровавое месиво,
В рваных жилах и шрамах.
Жгучего голода пропасть внутри,
Да пульсируют боли в ранах.
Глаза запорошены пылью,
В них помутился свет.
Ничто не сравнится с болью
Одиночества долгих лет.
Словно в бреду лихорадочном,

Различаю твое лицо.
В барабанных перепонках лопнувших
Звуки голоса твоего.
Не боюсь темноты приближения,
Неизбежности небытия.
Одного я страшусь, одного:
Смерть отнимет тебя у меня.

(Перевод Л. Баштовой)

— Конец. Подпиши: Луиза М. Элкотт и отправь в журнал «Вместе».

— Мне казалось, вы собирались диктовать платежную ведомость.

— Творческая работа — самая неблагодарная: ее по достоинству оценивают только после смерти автора, когда ему уже нельзя заплатить. Положи это в архив, пусть войдет в мое литературное наследие. Что такое писательство — дерьмо! Постоянные потачки человеческим слабостям.

— Бедный Джубал: пока сам себя не пожалеет, никто не пожалеет!

— Опять сарказм. А работа стоит.

— Никакого сарказма. А работа стоит не по моей вине.

— Прошу прощения. Составляем платежную ведомость. Название: «Прощальная».

В петле найдешь забвение,
На плахе — утешение,
Отрава успокоит твои нервы.

Пуля в одно мгновение
Жизни прервет течение,
Яд тебя избавит от налогов.

Если устал от забот и проблем,
Газ принесет спасение.
Ванна и бритва — тоже недурно.
И с высоты падение.
Но пачка снотворного легче
Избавит тебя от мучений.

Можешь лечь на трамвайные рельсы,
Если жизнь — непосильный труд.
Хочешь — ищи утешение в церкви,
Там тебе лучший из ядов дадут.

Пусть жизнь окончится твоя
Без мук и стонов — радостно.
Поверь, нет смерти сладостней
Той, что подстроили друзья.

(Перевод Л. Баштовой)

— Джубал,— встревожилась Энн,— у вас расстройство желудка?

— Причем всегда.

— Это тоже в архив?

— Нет, в «Нью-Йоркер».

— Не примут.

— Примут, еще как! Они любят чернуху.

— Здесь не выдержан размер.

— Иначе нельзя. Нужно дать редактору что-то поправить, иначе он обидится. А исправив пару ошибок, он сроднится с произведением и примет его. Я учился жульничать, когда тебя еще на свете не было, а ты лезешь меня воспитывать. Я ведь не учу тебя нянчить Аби. Кстати, ее пора кормить. Ты освобождаешься от обязанностей ближней. Ближняя! Доркас!

— Аби подождет. Доркас нездорова. Утренняя слабость.

— Чепуха. Я определяю беременность за две недели до начала — у Доркас ничего нет.

— Но ей хочется! Ей завидно, что она отстает. Пусть еще потешится надеждой.

— Бог с ней, не буду ее трогать. А почему бы тебе не принести свою малышку сюда?

— Потому что вы говорите гадости...

— Растлеваю душу младенца?

— Нет, конечно, Аби еще маленькая и ничего не поймет, но вы станете с ней играть, и я потеряю всякую надежду добиться от вас платежной ведомости.

— А как еще скрасить однообразное существование?

— Джубал, мне приятно слышать, что вам нравится моя дочка, она и мне нравится, но в последнее время вы забросили дела и либо играете с ней, либо хандрите. Если вы регулярно не пишете рассказов, у вас начинается духовный запор. Дошло до того, что мы с Доркас и Ларри сидим и ждем, когда же вы позовете. Вы кричите «Ближняя», мы с облегчением вздыхаем, но тревога всякий раз оказывается ложной.

— Пока что у нас есть деньги, чтобы платить по счетам, а волноваться не о чем.

— Почему же вы волнуетесь?

Джубал задумался. Сказать ей? Она уже не сомневается в том, кто отец Абигайль: это явственно из ее имени. Энн колебалась между Абигайль и Зинобией и в конце концов наградила девочку обоими именами. Энн

не объяснила, что означают имена, наверное, думала, что никто не догадается.

— Вы никого не обманете, Джубал. Мы все уверены, что Майк в силах за себя постоять, а вы сходите с ума.

— Я схожу с ума?!

— Ларри поставил у себя в комнате стереовизор, и мы регулярно смотрим новости. Не потому, что беспокоимся, а потому, что беспокоитесь вы. Если будут передавать что-нибудь о Майке, мы узнаем об этом раньше, чем вы прочитаете в газетах, поэтому бросьте их читать.

— Откуда ты знаешь, что я что-то читаю?

— Мы иногда выносим мусор, а читать, слава Богу, умеем.

— Ах, да! Проклятый мусоропровод не работает, с тех пор как ушел Дюк. И все остальное тоже испортилось к чертям.

— Надо сказать Майку, он пришлет Дюка.

— Я этого сделать не могу,— его задевало, что она говорила дело.

В душе у Харшоу зародилось подозрение.

— Энн, почему ты до сих пор здесь живешь? Уж не Майк ли тебе велел?

— Я здесь живу, потому что мне так хочется,— ответила она не задумываясь.

— Это мало что объясняет.

— Джубал, иногда мне хочется, чтобы вы были ребенком и вас можно было отшлепать. Вы дадите мне договорить?

— Говори, говори.

Может, и Ларри и Доркас сидят здесь тоже по приказу Майка? Может, и Мириам не вышла бы за Вонючку и не уехала с ним в Бейрут, если бы Майк не одобрил? Имя Фатима Мишель должно означать признание ею новой веры и одновременно комплимент ближнему другу мужа... А может, оно имеет тот же смысл, что имена крошки Аби? Неужели Вонючка не знает, что он рогоносец? Или гордится этим, как Иосиф? Махмуд должен бы знать все секреты своей гурии, как брат по воде...

— Вы слушаете?

— Прости, задумался,— а, собственно, какое мне дело до имен, которые матери дают детям? Так недолго удариться в магические числа и астрологию, а потом в спиритизм, а там и до синильного психоза недалеко. Только не сойти с ума, чтобы не забыть дорогу к шкафчику, на одном из ящиков которого написано «Лета»...

— В газетах нет необходимости, мы следим за событиями, а Бен поклялся на воде сразу сообщить нам все новости. Майк неуязвим. Если бы вы, босс, побывали в Гнезде, сами увидели бы.

— Меня не приглашали.

— Босс, Гнездо принадлежит мне и вам в той же степени, в какой оно принадлежит Майку. Майк там первый среди равных, как вы здесь. Можно ведь сказать, что этот дом принадлежит Аби?

— Да, после моей смерти право собственности переходит к ней,— Джубал переписал завещание после того, как Майк позаботился о своих братьях по воде.

Не будучи уверен в «водном» статусе птенца (хотя Аби почти всегда была мокрая) Джубал завещал свое имущество Аби и ее потомкам.

— Я не хотел тебе говорить, но вот вырвалось.

— Я так растрогана, что сейчас заплачу. Даже забыла, что говорила. Вот: Майк не зовет вас, потому что не хочет торопить. Он знает, что должно пройти ожидание. И вы это знаете.

— Ты права.

— Сегодня у вас особенно плохое настроение, наверное, потому, что Майка опять арестовали. Но это случалось уже не раз...

— Арестовали? Я не знал! Проклятье!

— Джубал, ничего страшного не случилось. Майк не раз сидел: когда работал в цирке, когда служил и после, когда стал проповедником. Он никогда не сопротивлялся при аресте, обвинить его не в чем, и его вскоре выпускают.

— В чем его обвинили?

— Как всегда: в публичном разврате, растлении малолетних, вымогательстве, пособничестве в уклонении от школьных занятий.

— А это откуда взялось?

— У них была приходская школа, ее запретили, а ребятишки не вернулись в обычную школу. То немногое, в чем они виноваты, недоказуемо. Если бы вы видели Гнездо, босс, знали бы, что ни одна ищейка там ничего ни вынюхает. Поэтому успокойтесь. Будет газетная шумиха, потом обвинения снимут, и все пойдет своим чередом, только последователей у Майка прибавится.

— Хм... Не сам ли Майк организует преследования?

— Мне это не приходило в голову, Джубал,— удивилась Энн.— Майк никогда не обманывает.

— Здесь нет обмана. Он мог распустить о себе слухи, верные, но недоказуемые.

— Вы думаете, он на это способен?

— Не знаю. Знаю только, что строгая дозировка правды — это самая изощренная ложь. Если будет процесс, он будет не первым на Земле процессом, преследующим скрытые цели. Ладно, забудем об этом до тех пор, пока Майк в силах справиться с обстоятельствами. Ты согласна быть Ближней?

— Если вы обещаете не щекотать Аби под подбородком и не говорить «Идет коза рогатая» и прочих неделовых слов, я принесу ее сюда и буду Ближней. Если нет — я подниму Доркас.

— Неси сюда Аби. Я сделаю над собой усилие и постараюсь произносить исключительно деловые слова. У меня родился оригинальнейший сюжет: парень встречает девушку и...

— Великолепный сюжет, босс! Как это до него раньше никто не додумался? Секундочку,— она выбежала.

Джубал проявил сдержанность, позволив себе лишь минутку некоммерческой деятельности, направленной на то, чтобы вызвать ангельскую улыбку Абигайль.

— Название,— начал он,— «Девочки и мальчики». Начи... Что такое?

— Босс,— в кабинет вбежал Ларри.

— Выйди и закрой дверь!

— Босс, Гнездо сожгли!

Все бросились в комнату Ларри; Джубал отставал от Ларри на полкорпуса, Энн — с ребенком — бежала последней. На шум вышла Доркас и заторопилась следом.

—...вчера в полночь. Вы видите то, что осталось от главного входа в культовое сооружение после взрыва. Вы слушали выпуск новостей компании Нью Уорлд Нетворкс. Оставайтесь на нашей волне, будем держать вас в курсе событий. А сейчас слово спонсору,— на экране появилась миловидная женщина.

— Ларри, пока идет реклама, выключи ящик и перетащи его в кабинет. Энн, нет, Доркас, звони Бену.

— В Гнезде нет телефона, Бену нельзя позвонить,— сказала Энн.

— Надо смотаться туда, нет, там никого нет. Вызвать сюда шерифа. Нет, прокурора. По последним сведениям, Майк в тюрьме?

— Да.

— Остальные, пожалуй, тоже.

— Наверное. Доркас, возьми Аби, я позвоню.

Когда они вернулись в кабинет, телефон сигналил вовсю. Вызов был секретный. Джубал ответил. Звонил Кэкстон.

— Привет, Джубал!

— Бен, на каком вы свете?

— Я вижу, вы в курсе дела. Не волнуйтесь. Ситуация контролируется.

— На пожаре никто не пострадал?

— Нет. Майк просил передать...

— Я видел руины...

— Джубал, пожалуйста, не перебивай. Мне еще многим нужно позвонить. Ты единственный, кого надо успокоить. Майк сказал позвонить тебе первому.

— Простите, сэр.

— Все живы, никого даже не обожгло. Сгорело имущества миллиона на два. Дом был переполнен мыслями и событиями, Майк собирался оттуда уходить. Да, там была мощная противопожарная защита, но против бензина с динамитом ничего не попишешь.

— Вы еще и поджигатели?

— Джубал, я тебя прошу. Нас восьмерых арестовали, но Майк добился, чтобы нас выпустили под залог, а сам остался.

— Я сейчас же к нему поеду.

— Успокойся! Конечно, если хочешь, езжай, но это не обязательно. Таково мнение Майка и мое тоже. Так вот, после того, как нас арестовали, все службы были отменены, и когда начался пожар, в Храме никого, кроме нас, не было. Мы проводили церемонию разделения воды в честь Майка и вдруг услышали взрыв. Пришлось перенести церемонию в убежище

— А потом вы ушли?

— Нет. Мы погибли.

— Что?

— Нас считают погибшими или пропавшими без вести. После того, как начался пожар, из здания никто не выходил... известным человечеству способом.

— У вас был подземный ход?

— Джубал, Майк совершил очередное чудо. Мне не хотелось бы обсуждать его по телефону.

— Ты говорил, что он в тюрьме?

— И он до сих пор там.

— Но...

— Все. До свидания. Энн, Доркас, Ларри, ты, Джубал, и малышка, у нас общая вода. Ты есть Бог,— изображение пропало.

Джубал испугался.

— Так я и знал! Вот что получается, когда дети затевают игры в религию. Доркас, вызови такси. Энн, нет, покорми сначала ребенка. Ларри, собери чемодан. Я заберу все наличные деньги, Ларри завтра придется идти в банк.

— Босс,— запротестовал Ларри,— мы все поедем.

— Конечно, поедем,— подхватила Энн.

— Энн, остынь. Доркас, закрой рот. Наступает время, когда женщины лишаются права голоса. Там идет война и может случиться все, что угодно. Ларри, ты останешься здесь и будешь защищать женщин и девочку. В банк не ходи: деньги вам не понадобятся, если вы остаетесь дома. Будьте начеку: наш дом был связан со сгоревшей церковью, могут напасть и на него. Ларри, пропусти по забору ток, ночью освещай двор и не стесняйся стрелять. Наверное, вам стоит перебраться в подвал. По крайней мере, перенесите туда Абину кроватку. Так, брысь отсюда! Мне нужно переодеться.

Через полчаса Ларри позвал:

— Босс, такси прибыло.

— Иду,— Джубал оглянулся на Упавшую Кариатиду. Глаза его наполнились слезами.— Ты старалась, девочка, я понимаю. Но камень попался слишком тяжелый.

Он сжал руку, повернулся и вышел.

Глава 35

Джубал не зря не доверял технике: такси сломалось и полетело на ближайшую базу. Харшоу очутился в Нью-Йорке, еще дальше от цели, чем раньше. Он обнаружил, что общественным транспортом доберется до места назначения быстрее, и стал ждать ближайшего рейса у стереовизора.

Верховный Епископ Шорт объявил священную войну антихристу, то есть Майку, потом показали разоренное Гнездо. Джубал не мог понять, как кто-то мог выйти оттуда живым. Обозреватель Огастес Гривс взволнованным голосом сказал, что междоусобная ссора всегда

вспыхивает по вине одного из соседей, и сейчас, как это ни прискорбно, виноват так называемый Человек с Марса.

Наконец Харшоу приехал. Он сразу же вспотел в зимней одежде. Пальмы напоминали общипанные плюмажи, море было как огромная лужа, в которой плавали апельсиновые шкурки и человеческие экскременты.

Подошел человек в форменной фуражке.

— Такси, сэр?

— Да, пожалуйста,— нужно остановиться в отеле, созвать прессу и дать интервью; тогда в газетах появится его адрес.

— Сюда, сэр,— таксист указал на старенькую машину.

Укладывая чемодан Харшоу, он сказал:

— У нас общая вода.

— А? Глубокой воды.

— Ты есть Бог,— пилот закрыл дверь и сел в свой отсек.

Машина приземлилась на крыше одного из прибрежных отелей посреди маленькой частной площадки, рассчитанной на четыре машины. Общая площадка располагалась на крыше соседнего корпуса. Пилот отправил пустое такси на вокзал, взял чемодан Харшоу и стал показывать Джубалу дорогу.

— Вы не прошли бы через холл: там полно кобр. А если нужно будет выйти, попросите, чтобы вас проводили. Найдите меня — я Тим, или кого-нибудь другого.

— Я Джубал Харшоу.

— Я знаю, брат Джубал. Сюда. Осторожно.

Они вошли в роскошный просторный номер. Тим отнес чемодан в одну из спален с отдельной ванной и сказал:

— Это твоя.

На столе стоял графин с водой, стаканы, кубики льда и бутылка бренди. Харшоу наскоро приготовил себе коктейль, отхлебнул и стал раздеваться.

Вошла женщина лет тридцати с подносом сэндвичей. На ней был не купальник, не сарафан, не другой какой-нибудь курортный наряд, и Джубал решил, что это горничная в рабочей форме. Она поставила поднос на стол, улыбнулась и сказала:

— Пей, брат, и никогда не испытывай жажды.

Она заглянула в ванную, открыла воду, вернулась в комнату.

— Тебе что-нибудь нужно, брат Джубал?

— Мне нужно? Да нет, ничего, все есть. Бен Кэкстон здесь?

— Да. Он сказал, чтобы мы сначала дали тебе возможность принять ванну и отдохнуть с дороги. Если что-то понадобится, ты только скажи. Кому угодно. Или позови меня. Я Пэтти.

— Биография Архангела Фостера?

Она улыбнулась и стала еще моложе.

— Да.

— Можно на нее взглянуть? Я интересуюсь религиозным искусством.

— Сейчас? Я думаю, тебе лучше сначала принять ванну. Помощь не нужна?

Джубал вспомнил, что его знакомая, носившая татуировку, не раз делала ему подобные предложения. Однако сейчас ему хотелось только смыть с себя грязь и переодеться.

— Нет, Пэтти, спасибо. Но я обязательно посмотрю твои картины, когда тебе это будет удобно.

— О, в любое время! Мы никуда не спешим,— она ушла, двигаясь быстро, но неторопливо.

Джубал не стал долго нежиться в ванне. Он принялся разбирать уложенный Ларри чемодан. Бестолковый Ларри! Из легкой одежды Харшоу нашел лишь шорты, сандалии и яркую рубашку. Он оделся и стал похож на страуса эму с тонкими волосатыми ногами. Правда, на такие мелочи Джубал не обращал внимания уже несколько десятков лет. Сойдет, если в суде не запрещается сидеть в таком виде. Интересно, здешняя коллегия адвокатов общается с пенсильванской?

Харшоу вошел в гостиную, обставленную по-отельному безлико. Несколько человек сидели у огромного стереовизора. Один обернулся, сказал:

— Привет, Джубал,— и пошел навстречу Харшоу.

— Привет Бен! Как дела? Майк еще в тюрьме?

— Нет, он вышел вскоре после того, как я тебе звонил.

— Срок слушания уже назначен?

— Ты не понял, Джубал,— улыбнулся Бен.— Майк не был освобожден, он бежал.

— Какая глупость,— Джубал поморщился.— Это только усложнит дело.

— Джубал, я сказал: не волнуйся. Все считают, что

мы погибли, Майк бежал. Страсти скоро улягутся, и мы обоснуемся в другом городе.

— Его выдадут здешним властям.

— Не бойся, не выдадут.

— Ладно, где он? Я должен поговорить с ним.

— Здесь, в одной из комнат, но он ушел в размышления. Он просил передать тебе, чтобы ты ничего не предпринимал. Если очень хочешь, Джилл его вызовет. Но я не советую. Куда спешить?

Джубалу ужасно хотелось поговорить с Майком и отругать его за то, что заварил такую кашу, но он знал, что вызывать Майка из транса — все равно, что помешать ему самому диктовать рассказ, и даже хуже. Майк сам выйдет из транса, когда вникнет в происходящее полностью или поймет, что не может вникнуть и нужно продолжать наблюдение.

— Хорошо, я подожду. Как только он очнется, зови меня.

— Будет сделано. Садись отдыхай,— Бен подтолкнул его к стереовизору.

Энн оторвала взгляд от экрана и сказала:

— Здравствуйте, босс. Садитесь,— она подвинулась.

Харшоу сел рядом.

— Позволь полюбопытствовать, какой черт тебя сюда принес?

— Тот же, который вас. Джубал, пожалуйста, не командуйте. Мы имеем такое же право находиться здесь, как и вы. Вы уезжали в таком настроении, что было понятно: спорить с вами бесполезно. Послушайте лучше, что о нас говорят. Шериф только что объявил, что выгонит из города всех шлюх,— она улыбнулась.— Меня еще ни разу не выгоняли. Интересно, меня понесут на шесте или заставят идти пешком?

— Я думаю, на этот счет протокола не существует. Вы все здесь?

— Да, босс, не сердитесь. Мы оставили дом на Мак-Клинтоков, еще в прошлом году с ними договорились. Они знают, как работает печь и где все выключатели.

— Мне начинает казаться, что я в этом доме не больше, чем постоялец.

— Вы сами сняли с себя все обязанности. Кстати, с вами, наверное, что-то случилось в дороге: мы приехали раньше.

— Случилось. До конца жизни я не выйду за порог своего дома, отправлю на свалку телефон и разобью молотком стереовизор, дайте только вернуться.

— Ваше право, босс.

— Я серьезно говорю! — он взглянул в стереовизор.— Когда кончится эта реклама? И где моя водяная внучка? Я надеюсь, вы не оставили ее на попечение идиотов Мак-Клинтоков?

— Нет, конечно. Она здесь. Ей даже нашли няню.

— Я хочу ее видеть.

— Пэтти вас проводит, а я на нее уже смотреть не могу: она меня в дороге извела. Пэтти, дорогая, Джубал хочет видеть Аби.

— Пойдем, Джубал,— сказала дама в татуировке.— Малыши живут у меня, за ними присматривает моя девочка.

Девочка оказалась огромным боа-констриктором. Она лежала на кровати, свернутая так, что ее тело образовывало два гнезда, в которых лежали младенцы.

Пресмыкающаяся нянька вопросительно подняла голову навстречу вошедшим. Пэтти погладила ее и сказала:

— Все в порядке, дорогая. Папа Джубал хочет поиграть с Аби. Ты поговори с ней, дай ей в тебя вникнуть, и в следующий раз она тебя узнает.

Джубал поворковал со своей любимицей и стал знакомиться со змеей. Такой красивой особи он еще не встречал. В неволе боа-констрикторы никогда не достигают таких размеров. Классически четкие поперечные полосы, яркий хвост. Джубал позавидовал Пэтти. Жаль, не будет времени подружиться с боа поближе.

Змея потерлась об его руку головой, как кошка. Пэтти взяла Аби на руки и обратилась к боа:

— Милочка, что же ты молчишь? Она мне сразу говорит, если что случилось, сама-то она с ними не справится, разве что затолкает обратно, если они полезут из гнезда. Но вот никак не вникнет, что мокрого ребенка нужно перепеленать. Не находит, как и Аби, в подмоченном состоянии ничего дурного.

— Знаю. Она инстинктивно разделяет наши убеждения. А кто вторая?

— Фатима Мишель. Я думала, ты знаешь.

— И они здесь? Я считал, что они в Бейруте.

— Они приехали. Марьям говорила, откуда, да я не

запомнила. Всю жизнь живу в Америке, и заграничные названия мне ничего не говорят. Я вникаю, что все места хороши и люди тоже. Хочешь подержать Абигайль, пока я разберусь с Фатимой?

Джубал взял Аби на руки и сказал ей, что она самая красивая девочка на свете, потом то же самое сказал Фатиме. Он говорил искренне, и обе девочки ему поверили. За свою долгую жизнь Харшоу говорил эти слова бессчетное количество раз, и каждый раз искренне, и каждый раз ему верили.

Уходя, он сказал то же самое боа-констриктору.

В коридоре они встретили мать Фатимы.

— Босс, милый! — она поцеловала Харшоу и похлопала по животу.— Я вижу, вас голодом не морили.

— Пожаловаться не могу. Видел твою дочурку, Мириам: не ребенок, а ангел.

— Хорошенькая, правда? Продадим ее в Рио.

— Разве в Йемене спрос не больше?

— Вонючка говорит, что нет,— Мириам положила ладонь Харшоу себе на живот.— Слышишь? Мы с Вонючкой сделали мальчика — с девчонкой некогда было возиться.

— Марьям,— наставительно сказала Патриция,— так нельзя говорить.

— Прости, Пэтти. О твоем ребенке я так не буду говорить. Тетушка Пэтти у нас благородная леди, а я нет.

— Точно: ты хулиганка. Если будешь продавать Фатиму, я куплю ее за двойную цену.

— Все предложения тетушке Пэтти: я ничего не решаю, меня иногда пускают посмотреть.

— Я бы на твоем месте ее не продавал, вдруг самой пригодится. Ну-ка, дай взглянуть тебе в глаза... похоже.

— Не похоже, а точно. И Майк говорит, что у нас мальчик.

— Откуда он знает? Я еще не уверен, что ты беременна.

— Она беременна, Джубал,— вступилась Патриция.

— Вы все такой же скептик, босс,— благодушно сказала Мириам.— Мы еще сами не подозревали, что сделали мальчика, а Майк вник и позвонил. Вонючка сказал в своем университете, что берет отпуск. И вот мы здесь.

— Чем занимаетесь?

— Работаем, как лошади. С моим мужем дурака не поваляешь, как с вами: он просто рабовладелец.

— Что же вы делаете?

— Пишем словарь марсианского языка,— сказала Патриция.

— Марсианско-английский? Это нелегко.

— Что вы,— Мириам почти испугалась.— Это просто невозможно! Мы составляем толковый марсианско-марсианский словарь. Такого словаря не существует: марсианам он не нужен. Я выполняю черную работу: печатаю. Майк с Вонючкой — в основном Вонючка — разработали алфавит из восьмидесяти одной буквы. Мы переделали Ай-би-эмовскую клавиатуру, заняли оба регистра. Босс, я уже не гожусь вам в секретари, разучилась печатать по-английски. Но я вас все равно люблю. Если вы позовете Ближнюю, надеюсь чем-то еще пригодиться. Я по-прежнему хорошо готовлю, и, говорят, у меня есть и другие таланты...

— Я буду диктовать по-марсиански.

— А что, у вас получится. Возьмете пару уроков у Майка — и вперед. Правда, Пэтти?

— Верно, брат мой,— подтвердила Патриция.

В гостиной к ним подошел Кэкстон и отвел Харшоу в сторону.

— Вы, видимо, занимаете большую часть этажа?

— Да, весь этаж, включая холл, где ходить небезопасно. Тебя предупредили?

— Конечно.

— Пока нам больше не нужно, но, возможно, скоро станет тесно: народу прибавляется.

— Бен, вы слишком явно скрываетесь. Вас выдаст прислуга отеля.

— Она сюда не заходит. Отель — наша собственность.

— Тем хуже.

— Пока мистер Дуглас не получает зарплату у шефа местной полиции, нам ничего не грозит. Майк владеет отелем через целую цепочку подставных лиц. Дуглас в его дела особенно не суется, а когда я передал колонку Осу Килгаллену, он даже ко мне подобрел. Владельцем числится один из наших людей. Он снял этаж на сезон. Управляющий ничего не спрашивает, ему дорога работа. Так что вполне тихое место. А Майк скоро решит, куда нам направляться.

— Похоже, Майк предвидел такой поворот событий.

— Несомненно. Две недели назад он распустил гнездо с птенцами. Разослал семьи с детьми в другие города, где намеревается основать новые гнезда. Оставил только Марьям, потому что она ему нужна. Когда пришли по наши души, нас было не более десятка.

— Но вы чудом остались в живых и потеряли все имущество.

— Самое важное мы сохранили. Материалы для словаря целы. Майк еще захватил кое-какие тряпки и деньги.

— Как ему это удалось? Мне казалось, он сидел в тюрьме?

— Тело сидело, вернее, лежало в трансе, а дух был с нами.

— Не вникаю.

— Это невозможно объяснить: нужно видеть самому. Майк вселился в тело Джилл, хотя мы все были вместе. Когда произошел взрыв, Майк перенес нас сюда, потом вернулся и подобрал кое-какие вещи.

Джубал нахмурился. Кэкстон с досадой спросил:

— Ты не знаешь, что такое телепортация? Что тебя смущает? Не ты ли открывала глаза мне на чудо? Но это не чудо, как не чудо радио, или телефон, или компьютер.

— Ты вникаешь, как работает компьютер?

— Нет, конечно.

— Я тоже. Но я бы вник, если бы изучил электронику. Это сложно, но ничего сверхъестественного здесь нет.

— В телепортации нет ничего, ни сверхъестественного, ни сложного. Сложно только ей обучиться.

— Бен, ты умеешь телепортировать вещи?

— Меня этому в детском саду не учили. Меня взяли в Гнездо из уважения: я ведь первозванный. А по квалификации на уровне Четвертого Круга. Едва могу контролировать собственное тело. Только Пэтти практикует телепортацию, и то я не уверен, что она делает это без помощи Майка. Майк говорит, что она может обойтись без него, но Пэтти излишне скромна и не может освободиться от зависимости. Знаешь, Джубал, я недавно вник: нам не нужен именно Майк. Ты мог бы быть Человеком с Марса. Или я. Майк — как человек, первым научившийся разжигать огонь. Когда он показал осталь-

ным, как это делается, каждый, у кого хватало ума не обжечься, стал пользоваться огнем. Ты понимаешь меня?

— Да, вникаю.

— Майк — наш Прометей, не больше. Он постоянно это подчеркивает и твердит всем вокруг: «Ты есть Бог». Всякое мыслящее существо — Бог. А Майк — человек. Он во многом выше остальных, безусловно; мелкий человечишко, обучившись марсианским искусствам, объявил бы себя богом всем богам. Майк выше этого искушения: Прометей и только.

Джубал проговорил:

— Прометей дорого заплатил за то, что принес людям огонь.

— Майк тоже дорого платит. Он работает по двадцать четыре часа в сутки, семь дней в неделю, пытаясь научить нас играть с огнем и не обжигаться. Джилл и Пэтти, как могут, стараются его разгрузить, дать ему отдохнуть хотя бы одну ночь в неделю,— Бен улыбнулся.— Но Майка нельзя остановить. В этом городе полно игорных заведений, чуть ли не подпольных, потому что законы в этом отношении здесь суровы. Майк стал проводить свободную ночь в игорных домах, непременно выигрывая. Его пытались обжулить, побить, убить — в результате он приобрел репутацию самого везучего человека в городе, и люди стали толпами валить в Храм. Его пытались не пускать в заведения — и раскаялись. Рулетки не крутились, кости не катились... В конце концов они смирились и вежливо приглашали Майка заходить еще. Вышло так, что не только фостериты нас не любят. Городская мафия с ними заодно. Я думаю, что поджог — ее рук дело. Фостериты не сработали бы так профессионально.

Тем временем в комнату входили люди, подходили друг к другу, здоровались, беседовали. Джубал заметил, что все настроены одинаково: все спокойны, расслаблены, но в то же время подтянуты и напряжены. Никто ничем не озабочен, никто не торопится, но все действия целенаправлены и целесообразны. Джубалу показалось, что их движения до мелочей продуманы квалифицированным хореографом.

Это напряжение, спокойное, здоровое и непрерывно нарастающее, вдруг что-то напомнило Харшоу. Хирургическая операция, которую проводит мастер? Нет, не то... Вот оно: запуск космической ракеты. В молодости Хар-

шоу доводилось наблюдать космодром в последние минуты перед стартом — те же приглушенные голоса, внешне разобщенная, но тем не менее хорошо скоординированная деятельность, то же ожидание, чреватое событием. Эти люди ждут, пока исполнится ожидание. Но что дальше? Отчего они так счастливы? Все, что они с таким трудом создавали, уничтожено, а они радуются, как дети перед Рождеством.

Харшоу заметил, что нагота, так покоробившая Бена во время его первого визита в Гнезде, здесь не практикуется, хотя обстановка достаточно интимная. И когда появился обнаженный человек, Джубал не сразу обратил на него внимание: он проникся семейной атмосферой, в которой безразлично, кто одет, а кто раздет. Поначалу Харшоу обратил внимание даже не на голое тело, а на густую черную гриву. Ее обладательница с кем-то поговорила, послала Бену воздушный поцелуй, одарила Харшоу взглядом царицы и вышла. Только тогда Джубал понял, что она была одета лишь в свое королевское величие... и что она далеко не оригинальна в выборе наряда.

Бен проследил его взгляд.

— Это Рут. Они с мужем были в Новом Свете, готовили почву для нового Гнезда. Хорошо, что они вернулись. Теперь вся семья в сборе.

— Какая шевелюра! Жаль, что она так быстро ушла.

— Что же ты ее не задержал? Она заглянула специально, чтобы посмотреть на тебя. Ты не заметил, что тебя особенно не беспокоят?

— В самом деле,— Харшоу отдал себе отчет, что его принимают радушно, но скорее с кошачьей вежливостью, чем с собачьим дружелюбием.

— Все ужасно рады, что ты приехал, но все тебя боятся.

— Боятся?

— Я тебе это еще в прошлом году говорил. Майк сделал из тебя живую легенду. Он сказал, что ты единственный человек, способный «вникнуть полностью» в Истину, не зная марсианского. Все думают, что ты читаешь мысли не хуже Майка.

— Какая ерунда! Надеюсь, ты их разубедил?

— Вправе ли я развеивать легенду? И в силах ли? Все думают, что ты на завтрак ешь младенцев, а когда рычишь, земля дрожит. Любой из них был бы в восторге, если бы ты заговорил с ним. Навязываться же они не

решаются. Знают, что даже Майк встает по стойке смирно, когда ты говоришь.

Джубал заклеймил столь позорное заблуждение коротким словом.

— Безусловно,— согласился Бен.— Но Майк тоже человек, а человеку свойственно заблуждаться. Тебе придется смириться с чином святого.

— Ага, старая знакомая! Джилл! Джилл, иди сюда, дорогая.

— Меня зовут Дон,— женщина нерешительно приблизилась,— но все равно спасибо.

Она подошла еще ближе, и Харшоу показалось, что она собирается его поцеловать. Но она опустилась на колено и поцеловала его руку.

— Мы приветствуем тебя, отец Джубал, и рады разделить с тобой воду.

Харшоу отдернул руку.

— Ради Бога, деточка, встань с колен и сядь рядом со мной.

— Хорошо, отец.

— Называй меня просто Джубал и скажи всем, что я не хочу, чтобы со мной обращались, как с прокаженным. Хотелось бы думать, что я попал в лоно своей семьи.

— Так и есть... Джубал.

— Значит, называйте меня по имени и считайте братом: ни больше, ни меньше. Первый же, кто обратится ко мне почтительно, останется после уроков без обеда. Вникла?

— Поняла, Джубал,— согласилась она,— я уже всем сказала.

— Дон, очевидно, сообщила Пэтти,— пояснил Бен,— а Пэтти передаст другим, тем, кому можно передать мысли, а они расскажут двоечникам, вроде меня, словами.

— Почти угадал,— подтвердила Дон,— только я говорила с Джилл, а не с Пэтти: Пэтти вышла куда-то по поручению Майка. Джубал, ты смотрел стерео? Интересные новости передавали.

— Не смотрел.

— Ты имеешь в виду побег из тюрьмы, Дон?

— Да, Бен.

— Джубал об этом не знает. Майк не просто разобрал свою камеру и ушел. Он разнес по дощечке все тюрьмы в округе и разоружил всю полицию. С одной стороны, для того, чтобы они недельку-другую поработа-

ли, а с другой, потому что он не любит, когда человека сажают под замок. Он считает это величайшим злом.

— Майк деликатный человек,— согласился Харшоу,— он никого не стал бы запирать.

Бен покачал головой.

— Майка можно обвинить в чем угодно, кроме деликатности, он может убить человека без тени сомнения. Но он крайний анархист и считает, что запирать человека нельзя. Его кредо: полная свобода и полная ответственность за свои поступки. Ты есть Бог.

— Где вы усмотрели противоречие, сэр? Иногда бывает действительно необходимо убить человека. А запереть его — совершить преступление против суверенитета его, а значит, и своей личности.

— Майк прав. Ты действительно вникаешь в жизнь по-марсиански. Я так не могу. Я только учусь. Ну, и что они делают, Дон?

— Носятся, как ошпаренные. Мэр попросил помощи у Президента и у Федерации — обещали оказать и не обманули. Прилетели машины с войсками. Солдаты выходят из машин и вдруг оказываются голыми, а машины исчезают.

— Теперь понятно, почему он так долго не возвращается. Ему нужно все внимание, чтобы уследить за таким множеством объектов. Если войска не перестанут прибывать, я боюсь, Майк навечно останется в трансе.

Дон с сомнением проговорила:

— Мне так не кажется, Бен. Я бы с таким количеством объектов действительно не справилась, а Майк справится и при этом еще сможет ехать на велосипеде вниз головой.

— Н-не знаю. Мне иногда становится страшно с вами, чудотворцами. Пойду посмотрю стерео. А ты развлеки папу Джубала, он любит маленьких девочек.

Кэкстон пошел прочь, за ним полетела пачка сигарет и вскочила в карман.

— Это Бен сделал или ты? — спросил Джубал.

— Бен. Он все время забывает сигареты, и они гоняются за ним по всему Гнезду.

— Ишь ты, а скромничал!

— Бен постигает истину гораздо быстрее, чем ему кажется. Он очень святой человек.

— Хм... Дон, ты не та ли Дон Ардент, которую я видел у фостеритов?

— О, ты не забыл? — у нее был такой вид, будто Джубал угостил ее конфетой.

— Конечно, нет. Но ты переменилась. Стала гораздо красивее.

— Действительно, стала. Ты даже принял меня за Джиллиан, которая, кстати, стала еще красивее.

— Где она? Я думал, она первая выбежит меня встречать.

— Она работает,— Дон помолчала.— Я позвала ее, она скоро придет, а я пойду ей на смену, если ты позволишь.

— Беги, девочка.

Не успела она выйти, как к Джубалу подсел доктор Махмуд.

— Как тебе не стыдно! — напустился на него Харшоу.— Не предупредил, что приезжаешь, и внучку мне представляла змея!

— Джубал, вы непростительно торопитесь!

— Сэр, когда человек...— тут кто-то, подойдя сзади, закрыл Харшоу ладонями глаза.

— Угадай, кто,— прозвучал голос.

— Вельзевул!

— Холодно.

— Леди Макбет.

— Теплее. Даю третью, последнюю попытку.

— Джиллиан, перестань шалить и сядь рядом со мной.

— Слушаюсь, отец.

— А отцом меня можно называть только дома, в Поконосе. Так вот, сэр, я остановился на том, что, когда человек доживает до моих лет, он неминуемо начинает торопиться. Для него каждый рассвет — подарок судьбы, ведь за ним может не последовать закат.

— Джубал, вы, кажется, думаете, что, если вы перестанете поставлять миру рассказы, Земля перестанет вращаться?

— Разумеется, сэр...

Подошла Мириам, втиснулась между мужем и Харшоу.

— Я мог умереть и больше не увидеть твоей гадкой физиономии, а также более приемлемого лица моей бывшей секретарши...

— Босс, вы напрашиваетесь на шлепок! — прошептала Мириам ему в ухо.— Я исключительно красива и имею этому божественное подтверждение.

— Более того, из-за вашего нежелания отправить мне открытку я мог бы не увидеть мою водяную внучку. В этом случае мой призрак преследовал бы вас всю жизнь.

— Вот и посмотрели бы на Мики, как она втирает себе в волосы тертую морковь. Отвратительное зрелище.

— Я говорил образно.

— А я буквально. Мики настоящий поросенок.

— Кстати, босс,— вмешалась Джилл,— почему вы считаете, что говорили образно?

— Потому что «призрак» — это понятие, которое я использую исключительно в качестве метафоры.

— Это реальность,— настаивала Джилл.

— Возможно, но я предпочитаю во плоти наслаждаться видом маленьких девочек.

— Джубал, вам еще не пора умирать,— сказал Махмуд.— Майк вник в вас и предсказал вам еще долгую жизнь.

— Я уже положил себе предел из трех цифр.

— А что это за цифры? — с невинным видом поинтересовалась Мириам.— Уж не Мафусаиловы ли годы?

— Бесстыдница!

— Мой муж говорит, что все женщины бесстыдницы, поэтому их не стоит слушать.

— Он правильно говорит. Как только мои часы покажут три цифры, я дематериализуюсь: по-марсиански или по-земному — как получится. Этого вы у меня не отнимете. Восхождение на небеса — величайшее событие в жизни человека.

— Насчет этого вы правы, босс,— медленно сказала Джилл,— но не ждите этого события скоро. Ваше ожидание еще не исполнилось. Элли на прошлой неделе составляла для вас гороскоп.

— Гороскоп! Какой кошмар! Кто такая Элли? Как она посмела? Подать ее сюда, я отправлю ее в бюро по найму, пусть дадут ей работу, если делать нечего.

— Боюсь, что из этого ничего не выйдет, Джубал,— вступил Махмуд,— она работает над нашим словарем. А зовут ее мадам Александра Везан.

— Бекки? — обрадовался Джубал.— И она с вами?

— Да, только мы называем ее Элли, потому что у нас есть еще одна Бекки. Не смейтесь над гороскопами, Джубал; ей дано видеть.

— Чепуха! Ты сам знаешь, Вонючка, что астрология — ерунда на постном масле.

— Разумеется. Даже Элли это признает. А большинство астрологов — шарлатаны. Но Элли занимается гороскопами еще активнее, чем раньше, с применением марсианской системы счета и марсианской астрономии. Таким образом она вникает в суть жизни. Все равно, куда смотреть: в воду, хрустальный шар или в куриные внутренности. Главное видеть, а она видит.

— Что это значит?

— Это значит, что она может осмыслить не только то, что ее окружает непосредственно, а гораздо большую область Вселенной. Майка этому научили марсиане, Элли — талантливая самоучка. Ей можно простить глупое орудие труда — астрологию. Четки тоже глупая вещь, но иногда помогает,— он достал из кармана четки и принялся перебирать.— Если человек переворачивает кепку козырьком назад и выигрывает в покер — пусть переворачивает, лишь бы деньги шли.

Харшоу поглядел на четки и спросил:

— Ты до сих пор правоверный? Или примкнул к церкви Майка?

— И то и другое,— сказал Махмуд, отложив четки.

— Вонючка, это несовместимые мировоззрения.

— Лишь на первый взгляд. Можно сказать, что я принял религию Мириам, а она — мою. Но, Джубал, брат мой, я остался рабом Божиим, подвластным Его воле, и вместе с тем говорю: «Ты есть Бог, я есть Бог; все, что мыслит и чувствует, есть Бог». Пророк никогда не говорил, что он последний из пророков и сказал все, что можно было сказать. Покоряться воле Бога — не значит быть роботом, неспособным сделать выбор, а значит, и согрешить. Покорность может подразумевать — непременно подразумевает — ответственность за то, что ты несешь в мир. Мы можем превратить мир в райский сад, но можем и разрушить,— он улыбнулся.— Бог может все, кроме одного: он не может уйти от себя, отказаться от своей тотальной ответственности. Он должен покоряться своей воле. И моей, и вашей, и Майка...

Джубал вздохнул.

— Утомила меня твоя теология? Где Бекки? Двадцать лет ее не видел, соскучился.

— Еще увидите, но чуть позже. Она сейчас занята: диктует. Сейчас объясню. Каждый день я вхожу в мысленный контакт с Майком. Это занимает несколько секунд, но по насыщенности информацией равно восьми-

часовому рабочему дню. Все, что я узнаю от него, я диктую на магнитофон. Потом люди, обученные марсианской фонетике, переписывают транскрипцию на бумагу. Потом Марьям печатает, а мы с Майком (чаще я, Майку некогда) проверяем. Майк знает, что мы с Марьям собираемся домой. Он готовит нам домашнее задание на несколько лет вперед. Уже готовы ленты с лекциями, которые мы перенесем на бумагу, когда закончим словарь. Очевидно, нам с Марьям очень скоро захочется домой, потому что Майк стал передавать словарь ускоренным методом. В восьми комнатах стоят магнитофоны и работают одновременно и почти беспрерывно. Майк вводит Джилл, меня, Марьям, Элли, некоторых других по очереди в транс, передает часть словаря, а они сразу же диктуют на магнитофон. Кому угодно эту работу поручить нельзя. Нужно, чтобы человек имел хорошее произношение, хорошую память и способность входить в контакт. У Сэма, к примеру, есть все, кроме произношения. Он умудряется говорить по-марсиански с еврейским акцентом. Так вот, Элли сейчас диктует. Для того, чтобы ничего не забыть, она должна находиться в состоянии, близком к трансу. Если ее прервать, она выйдет из этого состояния и все забудет.

— Я понял,— сказал Джубал,— хотя мне трудновато представить Бекки в роли адепта марсианской веры. Правда, когда-то она была отличной ясновидящей. Такие мысли читала — зрители только ахали. Вонючка, если тебе нужны для новой работы покой и уединение, почему бы не приехать ко мне. Я пристроил новое крыло, места будет достаточно.

— Может быть, приедем. Мы еще в ожидании.

— Милый,— оживилась Мириам,— я с удовольствием поеду, если Майк выставит нас из Гнезда.

— Ты хочешь сказать, когда мы вникнем, что пора оставить Гнездо.

— Это одно и то же.

— Ты говоришь правильно, моя дорогая... А когда нам дадут поесть? Я испытываю в этом до смешного немарсианскую потребность. Что-то Пэтти запаздывает.

— Ты от нее слишком многого хочешь; она не может одновременно работать над словарем, быть всем нянькой, бегать по поручениям Майка и подавать тебе еду, как только ты проголодаешься. Джубал, Вонючка никогда не станет жрецом: он раб своего желудка.

— Я от него мало отличаюсь.

— А вы, женщины, могли бы Пэтти помочь,— сказал Махмуд.

— Это запрещенный прием. Ты отлично знаешь, что мы стараемся помогать, но нам ничего не дают делать. Тони в кухню вообще никого не пускает,— Мириам встала,— Джубал, пойдемте, разведаем, что на обед. Тони будет польщен вашим визитом.

Харшоу последовал за ней. Тони сначала скривился, но увидев, кого привела Мириам, радушно заулыбался и стал показывать свою мастерскую, предавая анафеме негодяев, уничтоживших вместе с гнездом его кухню. Тем временем ложка, без видимой посторонней помощи, размешивала соус.

Сесть во главе стола Харшоу отказался. Почетное место осталось свободным. Джубал никак не мог отделаться от чувства, что туда сел Майк, все его видят, а он, Харшоу, нет. Напротив Джубала оказался доктор Нельсон. Джубал удивился бы больше, если бы Нельсона здесь не было.

— Привет, док! У нас общая вода.

— Глубокой воды! За доктора здесь?

Нельсон покачал головой.

— За студента.

— Что выучил?

— Что медицина никому не нужна.

— Я мог вам это сказать еще двадцать лет назад, если бы вы спросили. Ван Тромпа видели?

— Он должен быть сегодня ночью или завтра утром. Только прилетел.

— Он здесь часто бывает? — спросил Джубал.

— Не очень, ему некогда. Учится заочно.

— Рад буду его повидать, больше года не встречались.

Нельсон переключил свое внимание на Доркас, сидевшую справа от него, Харшоу тоже заговорил с соседом справа. В воздухе висело еще более плотное ожидание, чем раньше. Внешне же было все совершенно спокойно — обычный семейный обед.

Пошел по кругу стакан воды. Когда дошла очередь до Харшоу, он сделал глоток и передал стакан соседке слева, от благоговения потерявшей дар речи.

— Прими от меня воду!

Она еле вымолвила:

— Спасибо, отец... Джубал.

Больше ничего он от нее не добился.

Стакан, завершая круг, оказался на свободном месте во главе стола. В нем оставалось еще немного воды. Стакан поднялся, опрокинулся, и вода исчезла. Стакан опустился на скатерть. Джубал решил, что стакан был выпит в его честь. Почему же церемония не сопровождалась приличествующей случаю вакханалией? Из-за осадного положения или из-за почтения к нему, Харшоу? Джубал решил в пользу второго предположения и почувствовал досаду. С одной стороны, он был рад, что ему не пришлось отказываться от приглашения, которое в его годы он был не в силах принять, а с другой... Ребята, сегодня на каток не пойдем, развлечем бабушку, поиграем с ней в домино... Нет, лучше на каток и переломать ноги, чем признать, что годен только на домино.

От этих размышлений Харшоу отвлек сосед справа, которого звали Сэм.

— Мы потерпели лишь кажущееся поражение,— говорил он.— На самом деле мы продвигаемся вперед. Конечно, у нас будут неприятности: никакое общество никому не позволит безнаказанно подрывать его устои. А мы отвергаем все институты: от собственности до брака.

— Вы отвергаете собственность?

— Да, в том виде, в котором она сейчас существует. На настоящий момент Майкл бросил вызов лишь кучке жуликов. А что будет, когда в стране появятся тысячи, десятки и сотни тысяч людей, которых не смогут остановить замки и стены, которым только самодисциплина сможет приказать не брать чужого? Поверьте, наша самодисциплина будет сильнее всяких законов. Но никакой банкир этого не поймет, пока не повторит наш тернистый путь... и не перестанет быть банкиром. Что станет с рынком, когда всем будет заранее известно, как будут двигаться товары? .

— Вы сами это знаете?

— Мне это безразлично, но мой двоюродный брат Саул — вон тот, здоровенный — вместе с Элли пытается в это вникнуть. Майк призывает их к осторожности, не позволяет кого-либо сильно разорять, советует хранить деньги на нескольких счетах... Человек, владеющий нашей дисциплиной, сделает деньги на чем угодно и гораздо успешнее, чем непосвященный. Деньги и собст-

венность не исчезнут. Майк говорит, что это полезные вещи, но они будут действовать по новым правилам. Тот, кто не приспособится к этим правилам, разорится. Что станет с Лунар Энтерпрайзез, когда люди смогут добираться до Луны способом телепортации?

— Мне продавать акции или покупать?

— Спросите Саула. Он может разорить корпорацию, а может не трогать еще лет двести. А как учителя справятся с детьми, которые будут знать больше, чем они? Что будут делать врачи, когда люди перестанут болеть? Что станет с текстильной и швейной промышленностью, когда люди перестанут одеваться? А во что превратится сельское хозяйство, когда мы сможем приказать сорнякам не расти, а урожай будет убираться сам собой? Все изменится до неузнаваемости. Теперь о семье. Вы знаете, сколько денег наша страна тратит ежегодно на противозачаточные средства?

— Знаю, только на таблетки больше миллиарда.

— Ах да, вы врач.

— Любитель.

— Представляете, что станет с промышленностью, выпускающей контрацептивы, и с моралистами, когда зачатие будет происходить лишь по желанию женщины, когда она будет защищена от венерических заболеваний, когда она станет искать любовь с откровенностью, о которой не мечтала и Клеопатра? Когда мужчина, намеревшийся ее изнасиловать, исчезнет с лица земли в мгновение ока? Женщина освободится от вины и страха, но станет неуязвимой. Не только на фармацевтической промышленности, еще на очень многом будет поставлен крест.

— Я вас не совсем понимаю. Меня эта проблема слабо интересует.

— Не отомрет лишь институт семьи.

— В самом деле?

— Да. Он укрепится, оздоровится. Семья станет источником наслаждения и потому будет нерушимой. Видите вон ту брюнетку?

— Да, я уже имел возможность ею восхититься.

— Она знает, что красива и обязана своей красотой новой жизни. Это моя жена. Еще год назад мы с ней грызлись, как собаки. Она была ревнива, а я невнимателен. Семья держалась только на детях и ее сильном характере. Я знал, что по-хорошему она меня не отпу-

стит, и считал себя уже старым, чтобы заводить новую семью. Я погуливал — у преподавателя много соблазнов и есть кое-какие возможности,— а Рут молча страдала. Иногда и не молча... А потом мы соединились,— Сэм просиял.— Я влюбился в свою жену! Она теперь для меня женщина номер один.

Сэм говорил негромко, и его слова тонули в общем гуле. Его жена сидела далеко. Однако в ответ на его последнюю фразу она повернула голову и сказала:

— Он преувеличивает, Джубал. Я где-то на шестом месте.

— Не подслушивай, моя красавица,— сказал ее муж,— у нас мужской разговор. Переключи внимание на Ларри! — и запустил в нее булочкой.

Она остановила булочку в верхней точке траектории и вернула назад.

— Так и быть, займусь Ларри. Этот грубиян никогда не дает договорить. Я довольна шестым местом. Ведь раньше я не попадала и в первую двадцатку.

— Дело в том, что мы стали единомышленниками,— продолжал Сэм.— Мы сблизились друг с другом, сближаясь с другими. Теперь мы все друг другу партнеры. И обмен партнерами перестал быть болезненным. Каждый понимает, что он не теряет ничего, а обретает все. Отношения «разошедшихся» супругов могут стать еще теплее, чем были в супружестве. Больше того, партнеры не обязательно мужчина и женщина. Взять хотя бы Джилл и Дон: работают, как дуэт акробатов.

— Я думал, что они жены Майка.

— Не более, чем другие женщины. И не более, чем жены других мужчин. С большим правом женой Майка можно назвать Пэтти, хотя и она, и Майк так заняты, что не успевают вступить в физический контакт, а ограничиваются лишь духовным.

— Зря ты так думаешь, Сэм,— сказала Пэтти, сидевшая еще дальше, чем Рут.

— Единственным недостатком наших отношений является то, что человеку не дают спокойно посплетничать,— посетовал Сэм.

Тут в него полетели разные предметы. Сэм, не делая ни одного движения, отбил все, кроме тарелки спагетти, которая шлепнулась ему прямо в лицо. Джубал заметил, что ее бросила Доркас.

Несколько секунд Сэм был похож на жертву кораб-

лекрушения, потом все следы катастрофы исчезли, даже капля соуса, упавшая на рубашку Харшоу.

— Тони, не давай ей больше. Пусть ходит голодная, в следующий раз не будет расшвыривать.

— Ладно, не последние,— ответил Тони.— А тебе к лицу спагетти, Сэм. Как соус?

Тарелка Доркас отправилась на кухню и вернулась полная.

— Вкусный,— признал Сэм.— Я съел то, что попало в рот. Что ты туда добавил?

— Кровь полисмена,— ответил Тони.

Никто не засмеялся. Сначала Харшоу подумал, что шутка вышла неудачная, но потом вспомнил, что его братья часто улыбаются, но редко смеются, а полисмен, по марсианским понятиям, ничем не хуже другой еды. И все-таки это была шутка: у соуса был не свиной привкус, а говяжий.

Харшоу решил сменить тему.

— Больше всего в вашей религии мне нравится...

— В религии? — удивился Сэм.

— Назовем это церковью, если можно.

— Да,— согласился Сэм,— наше Гнездо выполняет все функции церкви, а наши убеждения совпадают с положениями многих религий. Я перебиваю, потому что хочу полной ясности. Раньше я был убежденным атеистом, теперь я проповедник, но не могу сказать, кто я по убеждениям.

— Вы говорили, что вы еврей.

— Да, из древнего левитского рода; решил для разнообразия стать атеистом. А Саул и Рут — религиозные евреи, можете поговорить с Саулом и убедиться в непоколебимости его веры. Рут также осталась еврейкой. Здесь она активистка, потому что думает, в отличие от меня, не головой, а чревом.

— Мне нравится ваша дисциплина,— продолжил Джубал.— Вера, в которой я был воспитан, не требовала от человека каких-либо знаний. Веруй, исповедуйся и будешь спасен. Ты можешь быть последним дураком, не способным сосчитать собственных овец, но ты считаешься избранником Божиим, тебе гарантируется вечное блаженство только потому, что ты обращен в веру. Ты можешь даже не читать Библию, хватит того, что ты обращен. У вас мне нравится, что вы не признаете подобного обращения.

— Верно.

— Вы принимаете лишь тех, кто хочет постичь вашу дисциплину и готов для этого работать.

— Иначе нельзя,— пояснил Сэм.— Нашу Истину нельзя познать, не думая по-марсиански и не соблюдая марсианскую дисциплину. Думая и поступая по-земному, не сможешь жить без войны, не ублажишь как следует жену и не поймешь себя самого. Счастье живет по тем же законам, что и человек. Этого не объяснишь по-английски. Наши слова либо двусмысленны, либо пусты. Марсианские слова — четкие инструкции всему живому. Я не говорил, что у меня был рак, когда я пришел сюда?

— Нет.

— Я этого сам не знал. Майк обнаружил и послал меня на рентген. Его диагноз подтвердился, и мы приступили к лечению верой. Произошло чудо, которое медицина называет «спонтанной ремиссией». А по-марсиански это слышится как «мне хорошо».

Джубал кивнул.

— Бывает, что рак проходит, а врачи не знают почему.

— Почему прошел мой, я знаю. К тому времени я уже мог потихоньку управлять своим организмом. С помощью Майка я изгнал болезнь. Теперь я смог бы сделать это самостоятельно. Хотите, остановлю сердце?

— Спасибо, не нужно. Я видел, как это делает Майк. Мой уважаемый коллега Нельсон не сидел бы с вами за одним столом, если бы то, о чем вы говорите, было результатом веры. Это волевое управление. Я вникаю.

— Простите... Майк предупреждал.

— Ну, он несколько преувеличил.

Сэм покачал головой.

— Я беседовал с вами специально, чтобы проверить его оценку, я вижу, что она верна. Вы действительно во все вникаете. Я представляю, в какие глубины Истины вы проникли бы, если бы знали язык.

— Я ничего не достиг бы: я старый человек, израсходовавший все свои возможности.

— Позвольте с вами не согласиться. Всем первозванным, чтобы чего-то добиться, пришлось изучать язык. Тех, кто оставался с вами, мы обучали интенсивным методом, вводя в транс и накачивая информацией. А вам это не нужно. Разве что вы захотите убрать с лица спагетти, не пользуясь полотенцем, но я вникаю, что вас такие детали не интересуют.

— Почему, можно было бы попробовать, чтобы знать, каково это.

Тем временем почти все вышли из-за стола. За спиной Сэма стала Рут.

— Вы собираетесь сидеть здесь до утра? Может, вас убрать вместе с объедками?

— Пора подниматься, Джубал. Я послушный муж.— Сэм поцеловал жену.

Они задержались у стереовизора.

— Что нового? — спросил Сэм.

— Прокурор округа сказал, что все бедствия — наших рук дело, но признался, что не знает, как мы это делаем.

— Бедняга! Укусил палку, которой его ударили, а теперь у него болят зубы.

Сэм и Джубал отыскали пустую комнату.

— Я говорил,— Сэм вернулся к прерванной беседе,— что мы неминуемо столкнемся с неприятностями, даже более серьезными, чем те, которые мы уже пережили. Нам предстоит немало поработать, чтобы общественное мнение примирилось с нами. Но Майк не торопится. Мы основали Вселенскую церковь — ее закрыли. Мы переберемся в другое место и организуем Церковь Единой Веры. Закроют — переберемся в третье место и откроем Церковь Великой Пирамиды. Сразу же прибегут жирные разряженные дамы. Многие из них скоро похудеют и сбросят наряды. Когда мы увидим, что местная адвокатская коллегия, медицинское общество или полиция собираются схватить нас за хвост и там, поедем куда-нибудь еще и организуем общество братьев-баптистов. Везде будут оставаться наши последователи. Майк начинал два года назад с тремя помощницами. Теперь у нас большое Гнездо и еще больше сочувствующих, которых мы сможем использовать в нужный момент. Когда-нибудь мы станем настолько сильными, что нас перестанут преследовать.

— Да, Иисус начинал с двенадцатью учениками, и в конце концов его учение победило.

— О, это наш мальчик,— Сэм расцвел.— Спасибо, что вспомнили его: он украшение нашей нации. Мы все этим гордимся, хотя не все об этом говорим. Он, между прочим, тоже не рассчитывал закончить дело за три дня. Он создал организацию и расширил ее. И Майк проявляет терпение. Терпение — органическая часть нашей

дисциплины, мы уже не воспринимаем терпение как терпение. Просто мы никуда не торопимся.

— Весьма разумная позиция.

— Это не позиция. Это почти рефлекс. Джубал, вы, кажется, устали. Может, вы сбросите усталость или приляжете отдохнуть? Если вы не ляжете, вас всю ночь будут развлекать разговорами. Мы почти не спим.

Джубал зевнул.

— Нет, я лучше посижу в ванне и завалюсь спать. А с братьями поговорю завтра и в другие дни.

— Действительно, куда спешить? — согласился Сэм.

Джубал нашел свою комнату, там тотчас же очутилась Пэтти. Она включила в ванной воду, раскрыла постель, не касаясь ее руками, поставила на столик напитки для коктейля, приготовила один коктейль и отнесла его в ванную комнату. Джубал не просил ее уйти, и вскоре она вошла в ванную, готовая к демонстрации картин. Джубал знал, что заставляет людей полностью покрывать свое тело татуировкой, и сейчас чувствовал: если не рассмотреть картины, Пэтти обидится.

Харшоу не испытывал раздражения, которое испытал Бен, впервые увидав Пэтти; он разделся и с гордостью обнаружил, что не стесняется этого, хотя уже давно ни перед кем не обнажался. Пэтти тоже не смутилась, подошла к ванне и проверила, достаточно ли воды и не холодная ли она.

Затем она принялась рассказывать, в какой последовательности следует рассматривать картины и что каждая из них означает. Джубал произносил слова, которые полагается произносить искусствоведу во время знакомства с произведением искусства. Татуировка была шикарная! Его приятельница японка рядом с Пэтти показалась бы дешевой куклой.

— Рисунки немного сдвинулись,— посетовала Пэтти.— Вот, взгляни на сцену рождения. Задняя стена прогнулась, а кровать похожа на хирургический стол. С тех пор, как Джордж покинул этот мир, меня не касалась ничья игла. Значит, Джордж сам пожелал изменить картины.

Джубал подумал, что Пэтти, хоть и не совсем нормальная, очень милая. Ему даже больше нравились ненормальные люди, чем люди с абсолютно нормальной психикой. А Пэтти достаточно здорова для того, чтобы вести хозяйство: вот, не забыла же отправить в шкаф

брошенную им одежду. Неплохая штука эта марсианская дисциплина, если не обязательно быть совсем нормальным, чтобы ею овладеть.

Он почувствовал, когда ей надоело показывать картины, и попросил передать от него привет внучкам и боаконстриктору.

— Я бы и сам пожелал им спокойной ночи, да что-то устал.

— А мне скоро пора приниматься за словарь,— Пэтти поцеловала его.— Передам девочкам.

— Всем трем!

— Конечно. А моей девочке ты понравился. Она вникла, что ты любишь змей.

— Спокойной ночи. У нас общая вода.

— Ты есть Бог, Джубал,— она ушла.

Джубал влез в ванну и с удивлением обнаружил, что усталость прошла, ломота в костях исчезла. Пэтти подействовала, как лекарство. Она воплощенное счастье. Затем Харшоу подумал, что ему лень меняться, легче закончить жизнь таким, как он есть: старым, вредным и капризным.

Джубал намылился, смыл мыло и решил побриться, чтобы не делать это утром. Потом запер дверь, выключил верхний свет и улегся. Поискал какую-нибудь книгу, ничего не нашел, обругал себя за пристрастие к чтению, глотнул коктейля, выключил нижний свет и отвернулся к стене. Общение с Пэтти вдохнуло в него силы и бодрость. Он еще не спал, когда пришла Дон.

— Кто здесь? — окликнул Харшоу.

— Это я, Дон.

— Как ты вошла, я ведь запер дверь? Марш отсюда. Эй! Вылезай из моей кровати! Брысь!

— Сейчас уйду, но сначала я тебе что-то скажу.

— Ну-ну.

— Я давно тебя люблю. Почти так же давно, как Джилл.

— Перестань городить чепуху и убирайся отсюда.

— Сию минуту,— согласилась Дон,— я только расскажу тебе одну вещь о женщинах.

— Завтра я с удовольствием выслушаю.

— Нет, сейчас!

— Ладно, говори, только отодвинься.

— Джубал, мой любимый брат. Мужчины обращают большее внимание на то, как выглядят женщины. По-

этому женщины изо всех сил стараются быть красивыми, и в этом всеобщее счастье. Когда-то я зарабатывала стриптизом. Я видела, что мужчины радуются, глядя на меня, и сама радовалась тому, что могу дать им то, что нужно. Но женщины — не мужчины, им все равно, как мужчина выглядит; их больше волнует, что у него внутри. Женщину интересует, богат ли мужчина, будет ли он добр к ее детям, добр ли он сам по себе? Так вот, я ищу в тебе не ту красоту, которую ты ищешь во мне. Ты прекрасен, Джубал!

— Ради Бога!

— Ты прав. Ты есть Бог, и я есть Бог. Ты нужен мне. Я предлагаю тебе воду. Давай разделим ее и сблизимся!

— Слушай, девочка, если я правильно тебя понял...

— Ты правильно понял: давай разделим все, что у нас есть, наши тела и души.

— Дорогая, у тебя есть чем делиться, а я свое роздал уж и не помню когда. Мне очень жаль, поверь. Пожалуйста, оставь старика в покое и дай ему поспать.

— Ты заснешь, когда придет время. Я могу поделиться с тобой силой, но я вижу, что в этом нет необходимости.

«Черт возьми, и в самом деле нет!»

— Нет, дорогая. Спасибо.

Она встала рядом с ним на колени и склонилась к нему.

— Джилл сказала, что если ты станешь упираться, я должна заплакать. Я сейчас заплачу, налью на тебя слез, и ты волей-неволей разделишь со мной воду.

— Ох уж эта Джилл! Бить ее некому!

— Начинаю плакать.

Она не произнесла ни звука, но на грудь Харшоу вдруг шлепнулась одна теплая капля, вторая, и еще, и еще...

Джубал испугался, обнял ее и смирился с неизбежным.

Глава 36

Джубал проснулся бодрым, отдохнувшим и счастливым. Он понял, что давно не чувствовал себя так хорошо перед завтраком. На протяжении многих, многих лет в неприятный для него отрезок времени между пробуждением и первой чашечкой кофе он уговаривал себя, что завтрашний день будет лучше.

Этим утром он поймал себя на том, что насвистывает какую-то мелодию. Заметив это, он остановился, потом забыл и засвистел снова.

Он посмотрелся в зеркало, усмехнулся и скорчил гримасу.

— У-у, старый козел, вот сейчас за тобой пришлют скорую! — Заметил на груди седой волосок, вырвал; остальные, такие же седые, вырывать не стал и пошел одеваться.

За дверью своей комнаты Харшоу увидел Джилл. Ждет, негодница, в этом доме никто нигде не оказывается случайно, здесь все закономерно.

Джилл бросилась ему на шею.

— Джубал, мы тебя так любим! Ты есть Бог!

Он поцеловал ее так же тепло, как и она его, понимая, что поступить иначе было бы лицемерием, и заметил, что поцелуй Джилл чем-то неуловимым отличается от поцелуя Дон.

— Ах ты, Мессалина,— сказал он наконец, отстраняя Джилл,— как подставила меня!

— Джубал, дорогой, ты был просто великолепен!

— Гм... откуда ты знала, что я могу?

Она посмотрела на него невинными глазами.

— Я это знала еще тогда, когда мы с Майком жили в Поконосе. Он, бывая в трансе, иногда заглядывал к тебе спросить о чем-нибудь...

— Но я всегда спал один!

— Я не отрицаю, но Майк потом задавал мне вопросы...

— Хватит! Все равно нечестно было меня подставлять!

— Не притворяйся, тебе понравилось, нам нужно было сблизиться с тобой и принять тебя в Гнездо. Мы любим тебя и хотим, чтобы ты был с нами. А ты такой скромный, мы и решили тебя не обижать. И ты, кажется, не обиделся.

— Что значит это «мы»?

— Ты не понял? Это была церемония посвящения. Мы все, все Гнездо, вникли в тебя через Дон. Майк ради этого вышел из транса.

— Ага, Майк проснулся,— Джубал поскорее переменил тему.— Вот почему ты так сияешь!

— Не только. Мы действительно радуемся, когда Майк возвращается, но он никогда не уходит совсем.

Джубал, ты, кажется, не полностью вник в наш способ разделения воды. Но ожидание окончится, и ты поймешь. Майк тоже не сразу понял, зачем люди сближаются. Он решил: чтобы ускорить процесс размножения, как это делается на Марсе.

— Ну да, дети — главная цель сближения. Что делает мое поведение, по меньшей мере, глупым, потому что в моем возрасте дети ни к чему.

— Дети — одна из задач, но не главная. Дети придают смысл будущему. Но ребенок зарождается в женщине три, четыре, ну, десять раз за всю жизнь, за те тысячи раз, когда она делится собой. Поделиться собой — вот главная цель того, что мы делаем так часто, но делали бы редко, если бы главной целью было размножение. Майк понял это, потому что на Марсе сближение и размножение — совершенно отдельные процессы. Как я счастлива, что я не марсианка, а человек и женщина!

Харшоу пристально посмотрел на нее.

— Девочка, ты беременна?

— Да, Джубал. Я вникла, что ожидание окончилось и я могу родить ребенка. Большинству женщин в Гнезде не нужно было ждать, а мы с Дон были заняты. Когда же сожгли храм, я поняла, что предстоит долгое ожидание, прежде чем Майк построит новый храм, и я решила, что в этом промежутке могу не торопясь построить ребенка.

Из всей этой идейной болтовни Джубал вычленил центральный факт, вернее, не факт, а предположение, которое вполне вероятно. У Джилл была масса возможностей. Вырастет живот — надо будет забрать ее к себе. Дисциплина — хорошо, а медицина лучше. Он скорее перессорится со всем гнездом, чем позволит, чтобы с Джилл случилась эклампсия или еще что-нибудь. Тут он подумал, что у Дон тоже было много возможностей, но решил об этом не говорить.

— А где Дон? Где Майкл? Почему так тихо и пусто?

Было на самом деле тихо и пусто, но счастливое ожидание продолжало витать в воздухе, все усиливаясь. Казалось бы, после церемонии посвящения атмосфера должна разрядиться, но не тут-то было. Харшоу вдруг вспомнилось, как что-то подобное произошло с ним в детстве, в цирке. Кто-то крикнул: «Слоны!». Все встали, а он был маленький и ничего не видел, пока все не успокоились и не сели. И сейчас ему казалось: будь он

чуть-чуть выше, можно было бы глянуть поверх голов и увидеть слона... но вокруг не было толпы.

— Дон велела мне поцеловать тебя от ее имени. Она занята в ближайшие три часа. Майк тоже ушел в транс.

— Жаль.

— Не огорчайся, он скоро вернется. Он старается поскорее закончить работу и устроить в честь твоего приезда праздник. Дюк вчера мотался по городу, искал скоростные магнитофоны, а сегодня мы засадили всех говорящих за словарь, так что скоро Майк освободится для светской жизни. Я как раз закончила очередной сеанс и заглянула к тебе сказать доброе утро, а Дон заступила на смену. Первый поцелуй был от меня, а этот — от Дон,— она обвила его шею руками и жадно приникла к его губам.— Боже! Как мы долго ждали! Ну, пока!

В столовой Харшоу встретил Дюка. Тот оторвался от еды, чтобы поприветствовать Джубала, и вновь принялся жевать. Непохоже было, что он не спал ночь, и в самом деле — он не спал две. На звук его голоса оглянулась Бекки Вези.

— Привет, старый сатир! — она схватила Харшоу за ухо, усадила и прошептала: — Я все знаю, но почему ты не пришел меня утешить, когда профессор умер?

Вслух она сказала:

— Сейчас мы сообразим тебе чего-нибудь поесть, а ты тем временем расскажешь, что у тебя на уме.

— Минутку, Бекки! — Джубал обошел стол.— Привет, капитан. Хорошо слетали?

— Нормально. Вы, кажется, не знакомы с миссис ван Тромп. Дорогая, это основатель церкви, неповторимый и единственный доктор Джубал Харшоу. Двое таких, как он — это уже слишком.

Жена капитана была высокая, с некрасивым лицом и спокойными глазами женщины, привыкшей к ожиданию. Она поднялась с места и поцеловала Харшоу.

— Ты есть Бог!

— Уф-ф! — Харшоу едва отдышался.— Ты есть Бог!— Да, у этой женщины даже Джилл может поучиться. Как это Энн сказала? «Вкладывает душу в поцелуй».

— Ван, я знал, что встречу вас здесь.

— Должен ведь человек, который по три раза в год летает на Марс, знать язык местного населения.

— Чтобы спросить, который час и как пройти в аптеку?

— Не только,— ван Тромп протянул руку, на ладонь вспорхнула булочка.— Приятного аппетита!

— Спасибо.

— Джубал, суп готов! — позвала мадам Александра Везан.

Харшоу сел на свое место, Бекки подвинула к нему тарелку, села рядом и похлопала его по колену.

— Ты вчера неплохо поработал, дружище!

— Иди к своим гороскопам, женщина!

— Кстати, о гороскопах. Мне нужна точная дата твоего рождения.

— Я ее не знаю. Меня рожали три дня: вытаскивали частями.

Бекки сказала грубое слово.

— Подумаешь, сама выясню.

— Не выйдет: мэрия со всеми документами сгорела, когда мне было три года.

— Спорим, выясню?

— Не дразни: рассержусь и отшлепаю. Благо, ты еще не старая.

— Правда? Хорошо выгляжу?

— Немного раздобрела, но вполне прилично. Волосы подкрасила?

— Нет, почти год не крашусь. Оставайся с нами и твоя лысина зарастет.

— Бекки, я не хочу молодеть. Так трудно было заработать старость, что жаль с нею расставаться. Не отвлекай меня всякими глупостями, дай поесть.

— Слушаюсь, сэр. Старый сатир!

Выходя из кухни, Джубал столкнулся с Человеком с Марса.

— Отец! Джубал! — Майк обнял его и поцеловал.

Джубал осторожно высвободился.

— Будь мужчиной, сынок. Садись завтракать, а я с тобой посижу.

— Я пришел не за завтраком, а за тобой. Нужно поговорить.

— Пойдем.

Они отправились в гостиную; Майк, как ребенок, тащил Джубала за руку. Он подставил Харшоу стул, а сам расположился рядом на кушетке. Окна гостиной выходили на посадочную площадку, на которую вчера привез Харшоу Тим. Джубалу мешал свет, и он решил отвернуться от окна. Стул повернулся сам. Какая эконо-

мия труда и денег, подумал Харшоу. Не нужно обращаться в прачечную. Рубашка, заляпанная соусом, была такой свежей, что Джубал надел ее и сегодня. И никакой тебе техники. И все же Харшоу не привык, чтобы дистанционное управление предметами осуществлялось без посредства проводов или радиоволн, и ему было немного не по себе, как во времена его детства добропорядочным лошадям становилось не по себе при виде автомобиля.

Дюк принес бренди.

— Спасибо, Каннибал,— сказал Майк.— Ты наш новый дворецкий?

— Приходится, Монстр. Ты сам засадил всех за микрофоны.

— Ничего, скоро все освободятся, будешь опять бездельничать. Работа закончена. Шабаш.

— Как? Ты выдал весь язык? Дай посмотрю, сколько у тебя конденсаторов перегорело?

— Что ты! Конечно не весь: только то, что я знал. Через сто-двести лет какой-нибудь дотошный Вонючка полетит на Марс за добавкой. Но я неплохо поработал — в какие-то четыре-пять часов уложил шесть недель. Хорошо,— Майк зевнул и потянулся.— Когда кончаешь работу, всегда хорошо. Можно немножко побездельничать.

— Да ты через полчаса опять во что-нибудь впряжешься. Босс, это марсианское чудовище не может ни минуты посидеть без дела. Он впервые за два месяца отдыхает. Приезжайте чаще, вы на него хорошо влияете.

— Никогда в жизни ни на кого не влиял и влиять не собираюсь.

— Перестань врать, Каннибал, и уходи.

— Ничего себе, врать! Я стал таким честным, что друзья не узнают.

Дюк ушел. Майк поднял стакан.

— У нас общая вода, отец.

— Глубокой тебе воды, сын.

— Ты есть Бог.

— Майк, от других я это еще так-сяк выслушиваю. Но ты-то можешь не обзывать меня богом. Я ведь знал тебя, когда ты был еще яйцом.

— О'кей, Джубал.

— Так-то лучше. А с каких пор ты стал выпивать натощак? Испортишь желудок и никогда не станешь таким счастливым старым пьяницей, как я.

— Я пью ради соблюдения ритуала. Спиртное на меня не оказывает действия, если только я ему не позволю. Однажды напился допьяна. Странное состояние, нехорошее. Временная дематериализация. Я могу с меньшими потерями добиться того же результата, если уйду в транс.

— Вполне разумно.

— Мы очень мало расходуем на спиртное, да и на все остальное. Гнездо обходится нам гораздо дешевле, чем тебе твой дом. Мы затратили деньги только на строительство, а потом не знали, куда их девать. Нам очень немного нужно.

— Зачем же вы собирали пожертвования?

— О, толпа не доверяет бесплатным мероприятиям.

— Я это давно знаю, а ты как додумался?

— Научился на собственных ошибках. Сначала я проповедовал бесплатно. Не сработало. Человек может принять и оценить подарок, только когда он находится на определенной стадии развития. Я ничего не дарю тем, кто ниже Шестого круга. В Шестом люди уже способны принимать. Ты знаешь, дарить легче, чем принимать.

— Хм... сынок, тебе стоит написать книгу по психологии.

— Я написал, только по-марсиански. У Вонючки есть записи,— Майк по-сибаритски медленно потянул из стакана.— Иногда мы выпиваем: Саул, Свен, я, еще кое-кто. Если не пить много, получается очень приятно,— он отхлебнул еще.— Ради твоего приезда я позволил себе чуть-чуть расслабиться.

Джубал пристально посмотрел на него.

— Сынок, ты что-то задумал?

— Да.

— Хочешь обсудить?

— Да. Ты единственный, кто меня полностью понимает. Кто во все вникает и ничему не удивляется. Джилл... Она тоже во все вникает, но когда мне больно, ей еще больнее. То же самое Дон. Пэтти... она всегда меня утешит, но она принимает мою боль на себя. Я не вправе высказывать им то, что меня мучит: это причиняет им боль. Человеку, тем не менее, нужна исповедь. Католики хорошо это понимали и организовали целую армию сильных мужчин для выслушивания исповедей. Фостериты практиковали групповые исповеди, там чувства смешиваются, растворяются друг в друге и ослабе-

вают. Мне тоже стоит ввести исповедь в нижних кругах. В Гнезде мы все рассказываем друг другу, но нам это не так нужно. Для того, чтобы слушать исповеди, нужны сильные мужчины. Грех — это чаще всего не абсолютное зло; это то, что сам «грешник» ощущает как зло, и когда ты вместе с ним вникаешь в его грех, может стать больно. Я знаю.

Одного добра недостаточно, к нему нужна мудрость. На Марсе добро и мудрость едины. На Земле этого нет. Я не сразу это понял — вот моя первая ошибка. Возьмем Джилл. Когда мы встретились, в ее душе было добро... и беспорядок. Я чуть не погубил ее и не погиб сам: во мне был такой же беспорядок. Потом мы выровнялись, нас спасло ее бесконечное терпение — редкое качество на этой планете.

Но одного добра недостаточно. Чтобы добро творило добро, им должна руководить хладнокровная твердая мудрость. Добро без мудрости всегда творит зло. Поэтому и потому, что я тебя люблю, ты и нужен мне, отец. Мне нужна твоя мудрость и твоя сила. Я хочу тебе исповедаться.

Джубал поморщился.

— Ради Бога, Майк, не устраивай спектакль. Выкладывай, в чем дело. Вместе что-нибудь придумаем.

— Да-да, сейчас,— сказал Майк и надолго замолчал.

Харшоу, не выдержав, спросил:

— Ты расстроен тем, что сожгли Храм? Понимаю. Но вам ничего не стоит отстроиться заново.

— Дело не в этом. Храм был законченным произведением. Нельзя дважды заполнить страницы одного и того же дневника — мы собирались оставить этот храм и построить новый. Огонь уничтожил стены, но он не в силах уничтожить жизнь, которая проходила в этих стенах. Кроме того, преследования и мученичество на руку любой церкви: это лучшая реклама. И, честно признаться, мы устали от служб и проповедей, а последние события внесли в жизнь разнообразие. Дело в другом,— выражение его лица переменилось.— Я шпион.

— Что ты этим хочешь сказать?

— Старшие Братья послали меня лазутчиком к моему народу.

Джубал задумался.

— Майк, ты очень умный человек,— сказал он наконец,— ты обладаешь способностями, которых я не видел ни у кого. Но даже гении ошибаются.

— Знаю. Я сейчас выскажу тебе свои доводы, и ты увидишь, что я не ошибаюсь. Ты знаешь, как работают разведывательные спутники службы безопасности?

— Нет.

— Я не говорю об их техническом устройстве, я знаю, что ты не Дюк. Я имею в виду сам ход работы. Они вращаются вокруг Земли, постепенно накапливая информацию. Через определенные промежутки времени их опрашивает наземная служба, и они выдают все, что записали. Я был таким спутником. Ты знаешь, что в Гнезде практикуется телепатия?

— Мне пришлось в это поверить.

— Наш разговор сугубо конфиденциален. Никто не посмеет читать твои мысли и вряд ли у кого-то это получится. Ночью мы держали связь через Дон.

— Слава Богу!

— В искусстве телепатии я всего лишь яйцо. Старшие Братья — мастера. Они забросили меня сюда, на некоторое время предоставили самому себе, позволив набраться опыта, а потом вступили со мной в телепатический контакт и выкачали из меня все, что я видел, слышал, чувствовал. Они не лишили меня моего опыта, а просто скопировали его и сразу же отключились. Я даже не успел возразить.

— Ты считаешь, тебя эффективно использовали?

— Да. Самое ужасное то, что два с половиной года назад я бы не возражал, я был бы рад поширять, но меня не предупредили: хотели, чтобы я вникал непредвзято.

— Ты сумеешь в будущем оградить себя от их вторжения?

— Поздно. Вот послушай,— и Майк рассказал Харшоу об уничтожении Пятой планеты.— Ну, что скажешь?

— Похоже на миф о Всемирном потопе.

— Никем не доказано, что потоп случился на самом деле. Скажи, доказано ли, что Помпея и Геркуланеум погибли при извержении Везувия?

— Да, это исторический факт.

— В таком случае уничтожение Пятой планеты — такой же исторический факт, как извержение Везувия.

— Докажи. Мне кажется, ты боишься, что Старшие Братья подобным же образом обойдутся с нашей планетой? Прости, но мне трудно это представить.

— Джубал, уничтожить планету Старшим Братьям

так же легко, как мне остановить свое сердце. Нужно просто вникнуть в предмет, понять его строение и представить, что ты от него хочешь. Давай, к примеру, вырежем кусочек земной мантии миль этак на сто в диаметре. Для этого нужно всего лишь определить его местонахождение, размер, вникнуть в строение...— лицо Майка утратило выражение, глаза стали закатываться.

— Стой, стой, не надо! — запротестовал Харшоу.— Я не знаю, что там у тебя получится, но лучше не надо.

— Что ты, Джубал, я никогда этого не сделаю. Я человек, по моим понятиям — это зло.

— А по понятиям марсиан?

— Нормальное явление, даже, пожалуй, положительное. Не знаю. Я могу разрушить планету, но не испытываю такой потребности. Джилл способна разрушить планету — она знает, как это делается,— но у нее никогда не возникнет такого желания. Она тоже человек, и это ее планета. Основа нашей дисциплины — самосознание и самоконтроль. К тому времени, как человек развивает в себе способность разрушить планету — не грубой кобальтовой бомбой, а силой знания,— дисциплина уничтожает в нем потребность разрушать. Он дематериализуется, и угроза исчезает. Наши Старшие Братья...

— Кстати, что такое ваши Старшие Братья? Как они выглядят?

— Как все остальные марсиане.

— Как же вы отличаете их от остальных? Они умеют проходить сквозь стены или что-нибудь в этом роде?

— Все марсиане умеют проходить сквозь стены. Я вчера проходил.

— Может, от них исходит сияние?

— Нет. Их можно слышать, видеть, ощущать. Их как будто бы показывают по стереовидению, но только у тебя в мозгу. На Марсе это все само собой разумеется и не нуждается в комментариях. Здесь, я вижу, другое дело. Представь, что ты присутствовал при дематериализации друга — при его смерти, потом вместе с другими съел его тело, а потом увидел бы его, мог бы с ним поговорить, потрогать его.

— Я бы решил, что спятил.

— Правильно, потому что человеческие души не разгуливают по земле после смерти. Если кто-то видит образ умершего, считается, что он галлюцинирует. На

Марсе либо все галлюцинируют, либо души умерших живут рядом с живыми. В детстве меня учили придерживаться второй версии, и весь мой марсианский опыт доказывает, что она верна, потому что эти самые души составляют самую многочисленную и привилегированную часть марсианского населения. Живые, материальные марсиане — это дровосеки, водоносы и другая прислуга.

Джубал кивнул.

— Понятно. И ты боишься, что они разрушат Землю?

— Не обязательно,— покачал головой Майк.— Они могут попытаться переделать нас по своему образу и подобию.

— А ты как, не возражаешь, чтобы нас взорвали?

— Я понимаю, что это зло. Но по марсианским понятиям, мы сами зло. Мы не способны друг друга понять, мы причиняем друг другу несчастья, мы воюем, болеем, голодаем. Мы безумцы. И Старшие Братья милостиво убьют нас, чтобы мы не мучились. Я не знаю наверняка, примут ли они такое решение: я не Старший Брат. Если и примут, то пройдет,— он задумался,— минимум пятьсот лет, прежде чем они начнут действовать.

— Да-а, наши судьи не думают над приговорами так долго.

— В том-то и состоит разница между марсианами и людьми, что люди всегда спешат, а марсиане — никогда. Если Старшие Братья в чем-то усомнятся, они отложат вынесение приговора на сто, двести, пятьсот лет.

— В таком случае, сынок, тебе не о чем беспокоиться. Я думаю, что в ближайшие пятьсот — тысячу лет люди научатся договариваться с соседями.

— Возможно. Хуже будет, если Старшие Братья решат не убить нас, а перевоспитать. Этим они тоже убьют нас, но отнюдь не безболезненно. В этом я вижу еще большее зло.

Джубал ответил не сразу.

— Не этим ли ты занимаешься, сынок?

— Я с этого начинал,— с огорченным видом признался Майк,— а теперь хочу исправить. Я знаю, отец, что ты разочаровался во мне, когда я вступил на этот путь.

— Всякий волен жить по своему усмотрению.

— Да, каждый должен приходить к пониманию самостоятельно. Ты есть Бог.

— Я не могу принять этого назначения.

— Ты не можешь от него отказаться. Ты есть Бог, я есть Бог, все живое есть Бог, поэтому я есть все, что я видел, слышал, пережил. Я все, во что я вник. Отец, я видел, как ужасна жизнь на этой планете, и думал, что я в силах ее изменить. Людей не учат в школе тому, чему я хотел научить их, и я решил преподнести им это в форме религии, сыграв на их любопытстве. Кое-что мне удалось. Марсианская дисциплина оказалась не слишком трудной для усвоения. Видишь, сколько нас, как мы едины. Это уже большая победа. Нам даровано величайшее счастье: мы делимся на мужчин и женщин. Вполне возможно, что романтика физической любви присутствует лишь на нашей планете. Если так, то я сочувствую остальной Вселенной. Что может сравниться с единением тел и душ, с радостью дарения себя и получения ответного дара? На Марсе ни я, ни кто-то другой не испытал ничего подобного. Мне кажется, именно любовь делает нашу планету такой богатой и прекрасной. Если человек соединяется с другим человеком лишь телом, но не душой, он остается по-прежнему девственным и одиноким, как будто не соединялся вовсе. С тобой такое бывало, я это понял по тому, как ты боишься рисковать. Ты вник в это раньше меня и без помощи марсианского языка... Дон сказала, что не только ваши тела, а и души были вместе.

— Эта леди несколько преувеличивает.

— Дон никогда не ошибается, если речь идет о любви. А кроме того, прости, мы были с нею — в ее душе, и сливались с твоей.

Джубал почему-то воздержался от признания, что у него иногда, а именно в моменты одновременного единения тел и душ, просыпались телепатические способности. Правда, он читал не мысли, а эмоции. Он пожалел, что ему уже так много лет. Будь он хотя бы на пятьдесят лет моложе, Дон не пришлось бы ставить слово «мисс» перед фамилией: он решился бы на новый брак, несмотря на прежние неудачи. А прошедшую ночь он не променял бы на сто лет жизни. В сущности, Майк прав.

— Я слушаю вас, сэр.

— Соединение мужчины и женщины не должно происходить без любви, но тем не менее очень часто происходит. Происходит насилие или совращение — игра, подобная рулетке, только еще более бесчестная. А потом — проституция, одиночество — добровольное и вы-

нужденное, страх, вина, ненависть; дети, вырастающие в убеждении, что секс — это что-то плохое, постыдное, животное. Величайшая ценность, которой обладает человечество, искажена, извращена и представлена как величайшее зло.

Всему причиной — ревность. Я долго не мог этому поверить. Джубал, я до сих пор до конца не понимаю ревности, она кажется мне безумием. Когда я впервые испытал любовный экстаз, моим первым порывом было желание разделить его сразу со всеми братьями: с женщинами непосредственно, а с мужчинами через женщин. Я пришел бы в ужас, если бы мне предложили забрать все счастье себе. Вместе с тем мне не приходило в голову испытать эту радость с тем, с кем я еще не сроднился. Я физически не способен любить женщину, с которой не разделил воду. Не я один: никто в Гнезде не испытывает физической любви, если не испытывает духовной.

Джубал мрачно подумал, что по такой идеальной схеме могут жить разве что ангелы. Краем глаза он заметил машину, садящуюся на площадку. Не успев сесть, машина исчезла.

— Что случилось?

— Они начинают подозревать, что мы здесь. Вернее, я: остальные считаются погибшими.

— Не пора ли перебраться в более безопасное место?

— Не волнуйся, Джубал. Те, кто сидел в машине, не успели ничего никому сообщить. А Джилл уже преодолела предрассудок против дематериализации нехороших людей. Раньше мне приходилось выдумывать всякие ухищрения, чтобы защищаться, теперь я действую проще. Джилл доверяет мне, она знает, что дисциплина не позволяет мне убивать людей без крайней необходимости.— Человек с Марса усмехнулся.— Вчера даже помогала и не в первый раз.

— Что вы делали?

— Заканчивали то, что я начал в тюрьме. Когда я уничтожил тюрьму, пришлось уничтожить и некоторых заключенных. Их нельзя было освободить: они злые люди. Но я целый год вникал в этот город. Я знал, что еще десятки таких же злодеев ходят на свободе. Я ждал, вникал в каждый отдельный случай и наконец принял решение. Они дематериализованы, а души получили возможность начать новую жизнь. Джилл поняла, что

человека *невозможно* убить, что я всего лишь удаляю с поля грубых игроков.

— Тебе не страшно играть в Бога, дружок?

— А я и есть Бог,— открыто улыбнулся Майк.— И ты есть Бог. И те, которых я убрал, тоже боги. Сказано, что Бог видит всякую тварь. Так и есть: всякая тварь есть Бог. И если кошка съедает мышку, то и та, и другая выполняют свое божественное предназначение.

Приземлилась и исчезла еще одна машина.

— Сколько игроков вы вчера удалили за грубую игру?

— Четыреста или пятьсот, не помню точно: город-то большой. Некоторое время здесь будет очень спокойно. Правда, с течением времени преступность возобновится: на Земле так не хватает дисциплины! Именно об этом я и хотел поговорить с тобой, отец. Я боюсь, что ввел братьев в заблуждение.

— Почему?

— Они слишком оптимистичны. Они смотрят друг на друга и видят любовь, здоровье, согласие и счастье. И думают, что переход всего человечества к нашему образу жизни — лишь вопрос времени. Они, конечно, понимают, что это случится не завтра, что две тысячи лет — это лишь мгновение. Но они уверены, что когда-нибудь это случится. Поначалу я сам был в этом уверен и передал свою уверенность братьям. Я упустил главное: люди — не марсиане. Я не раз ловил себя на этой ошибке, исправлялся и снова ошибался. Что верно для марсиан, не всегда верно для людей. Логика инвариантна, но на Земле и на Марсе она оперирует различными данными. Поэтому и результаты выходят различные.

Я не понимал, почему никто из людей добровольно не отдает себя на съедение голодным собратьям. На Марсе это считается честью. Я не понимал, почему здесь так берегут детей. На Марсе таких девочек, как наши, выбрасывают на улицу — в зубы естественному отбору, и девять из десяти погибают в первое же лето. Логика одна, а объекты разные: здесь состязаются взрослые, а на Марсе дети. Но так или иначе состязание имеет место, иначе начинается вырождение.

Я не знаю, был ли я прав в попытке исключить состязание, но я понял, что человечество не позволит мне этого.

В комнату заглянул Дюк.

— Майк! Ты видел, вокруг отеля собирается толпа?

— Видел,— ответил Майк.— Скажи всем, что еще не окончилось ожидание.

Дюк вышел, а Майк обратился к Джубалу:

— Ты есть Бог! Мои слова — не позывные счастья, а напоминание об ответственности, это вызов, брошенный миру.— Он был печален.— Я редко об этом говорю. Очень немногие понимают весь смысл этих слов и готовы разделить со мной не только радость, но и горечь. А остальные — сотни и тысячи — воспринимали их, как трофей, доставшийся без боя, или не понимали вовсе. Что бы я ни говорил, они продолжали считать, что Бог — это кто-то другой, добренький, который прижмет обманутого дурачка к груди и погладит по головке. Они не хотели признать, что во всех своих бедах виноваты сами и что счастье не дастся им без труда.

Человек с Марса покачал головой.

— У меня гораздо больше неудач, чем побед, и я боюсь, что ожидание окончится и я пойму, что был неправ. Что этот народ не может жить иначе, что он должен быть разобщенным, несчастным, должен ненавидеть, драться... только для того, чтобы не выродиться. Скажи, отец, это так?

— Почему, черт возьми, ты решил, что я смогу ответить на этот вопрос?

— Может быть, не можешь. До сих пор, когда мне нужно было что-то выяснить, ты всегда помогал. И когда кончалось ожидание, я убеждался, что ты говорил правильно.

— Ты меня переоцениваешь. Все, что я могу тебе сказать, это: ты спешишь, хотя всю дорогу толковал, что спешить нельзя. Два с половиной года — не время даже по земным меркам. Ты еще не начал ждать, а уже сдался. Ты провел эксперимент на малой группе людей, эксперимент удался. Я никогда не видел таких здоровых, бодрых и счастливых людей. Тебе этого мало? Воспитай еще десять тысяч таких же работящих, счастливых, неревнивых, потом и поговорим? Идет?

— Ты говоришь правильно, отец.

— Я еще не все сказал. Из того факта, что тебе не удалось перевоспитать девяносто девять из ста, ты делаешь вывод, что человечество не проживет без своих грехов, которые нужны ему для «прополки». Как ты не понимаешь, что ты сам проводишь прополку, вернее, твои неудачи делают ее за тебя. Ты планировал уничтожение собственности и денег?

— Нет, что ты! В Гнезде деньги не нужны, но...

— Правильно, в любой здоровой семье они не нужны, а нужны для сношений с внешним миром. Сэм сказал мне, что братья, постигшие дисциплину, стали умнее в обращении с деньгами, хотя можно было бы ожидать обратного.

— О, делать деньги очень просто, если знаешь как.

— Ты только что сформулировал новую заповедь: блаженны богатые духом, потому что они знают, как делать деньги. А каковы успехи братьев в других областях? Ниже или выше среднего?

— Конечно, выше. Наша дисциплина — не вера, а метод эффективной работы во всех областях.

— Ты сам ответил на свой вопрос, сынок. Если все сказанное верно (а я не сужу, я только спрашиваю, ответ за тобой), то ты не исключаешь, а ужесточаешь соревнование. Если одна десятая процента населения способна воспринимать твою дисциплину — преподавай ее, и через десяток поколений дураки вымрут, а твои ученики унаследуют Землю. Тогда нужно будет думать, как подстегнуть их к дальнейшему развитию. Не стоит отчаиваться из-за того, что за два с половиной года не все превратились в ангелов. Я ни от одного человека этого не ожидал. Думал, ну и дурак же ты, что полез в проповедники.

Майк вздохнул и улыбнулся.

— Я сам начал так думать. Ну и дурак же я, как подвел братьев!

— Назовем эту болезнь космической отрыжкой и будем считать, что вылечили. Если у тебя есть, что сказать людям,— говори.

Майк не отвечал. Он лежал без движения, с закрытыми глазами и безжизненным лицом. Джубал уже пожалел, что говорил так резко и довел парня до транса.

Тут Майк открыл глаза и весело улыбнулся.

— Ты все объяснил, отец! Мне есть что сказать и показать людям.— Человек с Марса встал.— Ожидание кончилось!

Глава 37

Джубал и Человек с Марса вышли к стереовизору. Около него уже собралось все Гнездо. На экране волновалась толпа, которую с трудом сдерживала поли-

ция. Майк взглянул на экран, и на лице его появилась счастливая уверенность.

— Пришли? Отлично. Начинаем.

Чувство радостного ожидания, все время преследовавшее Харшоу, распирало стены.

— Давно у нас не было столько зрителей,— сказала Джилл.

— Пожалуй, стоит одеться ради такого случая. Пэтти! Найди мне что-нибудь,— попросил Майк.

— Сию минуту, Майк.

— Сынок,— забеспокоился Джубал,— не нравится мне эта толпа. Может, не стоит тебе выходить?

— Стоит: они пришли ко мне, и я должен их встретить.— Он замолчал, так как лицо на несколько секунд оказалось закрыто одеждой. Женщины наперебой помогали ему одеться — каждая вещь словно знала, куда и как лечь.

— Положение обязывает. Если публика ждет, звезда должна показаться.

— Майк знает, что делает, босс,— успокоил Дюк.

— Н-не знаю... Я не доверяю толпе.

— Тут собрались в основном зеваки. Есть парочка фостеритов и других злопыхателей, но Майк справится с любой толпой. Правда, Майк?

— Точно, Каннибал. Где моя шляпа? Солнце уже высоко,— откуда ни возьмись появилась дорогая панама с яркой лентой и уселась ему на голову. Майк кокетливо сдвинул ее набекрень.

— Ну как? — спросил он.

На нем был, как всегда на проповедях, белый деловой костюм, крахмальная рубашка и дорогой яркий галстук.

Бен сказал:

— Атташе-кейса не хватает.

— Правда? Ты считаешь, не хватает? Пэтти, у нас есть атташе-кейс?

Джилл подошла к Майку.

— Бен шутит, милый. Ты отлично выглядишь. Иди.— Она поправила ему галстук и поцеловала. Харшоу показалось, что она поцеловала и его.

— Да, пора. Энн, Дюк, готовы?

— Готовы.— Энн надела свидетельский плащ, а Дюк вооружился всевозможной съемочной аппаратурой и табличкой «Пресса».

Они пошли к выходу. Джубал двинулся за ними, а все остальное Гнездо — тридцать с лишним человек — осталось у стереовизора. У двери Майк задержался. Там стоял столик, а на нем графин с водой, ваза с фруктами, стаканы и фруктовый ножик.

— Дальше не ходи,— предупредил Джубала Майк,— иначе Пэтти придется отбивать тебя у кобр.

Майк налил в стакан воды и отпил.

— От проповедей пересыхает горло,— и передал стакан Энн. Потом взял фруктовый ножик и отрезал кусок яблока. Харшоу показалось, что Майк отрезал себе палец, но тут Дюк протянул ему стакан. Крови не было, а к фокусам Харшоу уже начал привыкать. Он взял стакан и с удовольствием сделал глоток: во рту почему-то было сухо.

Майк сжал его руку и улыбнулся.

— Не волнуйся, отец. Мы скоро вернемся. Не позже, чем через полчаса.

Они вышли к кобрам и закрыли за собой дверь. Джубал со стаканом в руках вернулся ко всем. Кто-то забрал у него стакан, он не заметил этого, полностью уйдя в экран.

Толпа стала гуще и агрессивнее, полицейские работали дубинками.

— Где они, Пэтти? — спросил кто-то.

— Спускаются в лифте, входят в вестибюль, их заметили, начали фотографировать.

На экране появилось лицо корреспондента Нью Уорлд Нетворкс.

Он затараторил:

— Передвижная съемочная группа компании Нью Уорлд Нетворкс ведет репортаж из горячей точки. Мы только что узнали, что самозванный мессия, известный как Человек с Марса, наконец выполз из своего логова. Очевидно, Смит хочет сдаться властям. Вчера он бежал из тюрьмы, воспользовавшись взрывчатыми веществами, которые, по всей видимости, передали ему сообщники. Но ему слабо было пройти через кордоны, выставленные вокруг города. Трудно предсказать, что сейчас случится. Не отходите от экранов! Следите за нашими новостями и рекламой! — Джик Моррис принялся расхваливать свой аттракцион «Елисейские поля».

— Они вышли на улицу,— сказала Пэтти,— толпа еще не видит их.

— Мы находимся у парадного подъезда отеля «Сан-Суси», жемчужины побережья. Не будем обвинять служащих отеля в пособничестве преступнику: они сообщили о нем властям, поэтому мы здесь. Пока не начались события, посмотрите, как из Смита выросло чудовище!

Показали запуск «Посланца», отлет «Чемпиона», Марс, марсиан, первое сфабрикованное интервью с Человеком с Марса: «Тебе нравятся наши девушки?» — «Еще как!», переговоры во Дворце Министров, защиту диссертации.

— Что там, Пэтти?

— Майкл стоит на ступенях, толпа на расстоянии ста ярдов. Дюк кое-что заснял и меняет линзы. Все в порядке.

Стереовизор показал толпу.

— Надеюсь, вы понимаете, друзья, что эти люди не намерены шутить. Их оскорбили, и они справедливо возмущены. Последователи антихриста не останавливались ни перед чем, чтобы дать своему вождю скрыться от возмездия. Сейчас можно ожидать чего угодно,— диктор чуть не захлебнулся.— Он выходит, он идет к людям!

Камера повернулась к Человеку с Марса, он шел прямо на нее. Энн и Дюк шли на некотором расстоянии позади. Вот уже стереовизор показал Майка в натуральную величину, как будто он вернулся в комнату к братьям. Он остановился на газоне в нескольких шагах от толпы.

— Вы звали меня?

Ответом был рев.

В разрыве туч показалось солнце, и на Майка упал столб света.

Одежда его исчезла, он предстал перед толпой нагой и прекрасный — модель для самого Микеланджело. У Харшоу сжалось сердце.

— Посмотрите на меня! Я сын человеческий!

Включили рекламу. Стайка девушек, задирая ноги выше носа, воспевала какое-то особое туалетное мыло. Экран заполнился мыльными пузырями.

Возобновился репортаж. Кусок кирпича ударил Майка по ребрам.

— Будь ты проклят!

Майк обернулся к обидчику:

— Ты проклял сам себя! До конца жизни тебе не смыть этого проклятия.

— Богохульник! — камень попал Майку в левый глаз, брызнула кровь.

— Ты ударил себя,— спокойно сказал Майк,— потому что ты есть Бог, и я есть Бог, и все живое есть Бог.

В него полетели камни, в нескольких местах показалась кровь.

— Слушайте Истину: вам не нужно ненавидеть, бояться, убивать! Я принес вам воду жизни,— в руке Майка появился стакан с водой,— выпейте ее, и вы познаете любовь и счастье!

Кто-то бросил камень, и стакан разбился. Следующий камень попал Майку в рот.

Он улыбнулся разбитыми губами и с выражением любви и нежности глянул в камеру. В затылок ему светило солнце и, казалось, от головы его исходит золотое сияние.

— Братья! Я люблю вас. Глубокой вам воды. Ты есть Бог.

— Ты есть Бог,— прошептал в ответ Харшоу.

Снова включили рекламу.

— Пещера Кахуэнга! В этом ночном клубе вы вдохнете настоящий лос-анджелесский смог! Его привозят к нам каждый вечер! Вас встретят шесть прекрасных танцовщиц!

— Линчевать его! Завяжем сукину сыну негритянский галстук!

Раздался выстрел, и Майку по локоть отрубило правую руку. Она упала на траву вверх открытой ладонью.

Толпа загоготала и зааплодировала.

— Давай еще, Шорти! Только лучше цельсь!

Снова полетели камни.

— Истина проста, но стать Человеком не просто. Научитесь управлять собой, а все остальное придет само. Благословен тот, кто познал себя, весь мир принадлежит ему, Любовь и Счастье следуют за ним повсюду.

Прозвучали еще три выстрела.

Один раздробил Майку шестое ребро, два других пришлись в левую ногу ниже колена. Показался осколок кости.

Майк пошатнулся, засмеялся и продолжал говорить:

— Ты есть Бог. Пойми это и стань Человеком!

— Черт возьми, когда прекратится это богохульство! Мужики, кончаем его.

Его били камнями и кулаками, а когда он упал,—

ногами. Ему ломали ребра, наступали на лицо, оторвали ухо, а он все говорил.

— Отойдите, ребята, я полью его бензином!

Толпа отступила, на экране стереовизора показалось лицо Майка.

Он взглянул на братьев в последний раз и четко произнес:

— Я люблю вас.

Неосторожный кузнечик сел на траву перед его носом.

— Ты есть Бог,— приветствовал его Майк и дематериализовался.

Глава 38

Клубы дыма и языки пламени наполнили экран стереовизора.

— Вот это номер! — сказала Пэтти,— это лучший взрыв, который когда-либо применяли.

— Да,— критично согласилась Бэкки.— Даже Профессор на такое не был способен.

Очень тихо, явно обращаясь к самому себе, Ван Тромп сказал:

— Красиво. И со вкусом — парень красиво ушел.

Джубал смотрел на сидящих вокруг братьев. Неужели он *единственный,* кто хоть что-нибудь чувствует? Джилл и Дон сидели, обнявшись,— они всегда так делали, когда встречались. Казалось, они тоже не встревожены. Даже Доркас была невозмутима и на глазах ее не было слез.

На экране возникло улыбающееся лицо диктора, он сказал:

— А теперь несколько кадров для наших друзей на Елисейских полях, которые так славно завершили свою...— Пэтти выключила стереовизор.

— Энн с Дюком возвращаются,— сказала она.— Проведу их через фойе, а потом будем завтракать.— Она поднялась.

Но Джубал остановил ее.

— Пэтти, ты *знала,* что собирается сделать Майк?

— Нет, конечно,— она удивилась.— Никто не знал. Для нас еще не кончилось ожидание.— Она повернулась и вышла.

— Джубал,— говорила Джилл, не сводя с него глаз,— Джубал, отец наш возлюбленный... пожалуйста, остановись и вникни. Майк не умер. Как он может умереть, если никто не может быть убит? Потому он всегда будет с нами, ведь мы уже вникли в него. Ты есть Бог.

— Ты есть Бог,— потерянно повторил Харшоу.

— Вот так. Сядь между нами.

— Нет, нет, я хочу побыть один.

Харшоу, натыкаясь на стены, дошел до своей комнаты, заперся там и упал на кровать. О, сын мой, сын мой! Если бы я мог умереть вместо тебя! Тебе бы еще жить да жить, а я, старый дурак, которого ты непонятно за что уважал, убил в тебе сомнения и послал на бесполезные муки. Ты понес им Истину! А кому нужна Истина? Это ведь не стриптиз и не рулетка. Харшоу засмеялся сквозь слезы.

Он подавил рыдания и смех и пошарил в чемодане: вот оно. Харшоу носил его с собой с тех пор, как с Джо Дугласом случился удар, в очередной раз напомнивший Харшоу, что все живое смертно. Харшоу прописал себе для верности три таблетки, выпил и лег в постель. Вскоре боль прошла. Издалека донесся голос:

— Джубал!

— Я отдыхаю! Не мешайте!

— Джубал, отец! Я прошу.

— Да, Майк, что такое?

— Проснись. Еще не время. Позволь, я помогу.

— Спасибо, Майк,— вздохнул Харшоу.

Он позволил отвести себя в ванную и проделать с собой все необходимые манипуляции.

— Ну как?

— Все хорошо, сын. Спасибо.

— Тогда я пойду, у меня дела. Я люблю тебя, отец. Ты есть Бог.

— Я люблю тебя, Майк. Ты есть Бог.

Джубал переоделся, привел себя в приличный вид, хлебнул бренди, чтобы заглушить горечь во рту, и вышел в гостиную.

В комнате, где стоял стереовизор, никого, кроме Пэтти, не было. Она подняла глаза.

— Поешь, Джубал?

— Да, спасибо.

— Вот и хорошо,— она подошла к нему,— боюсь все

уже поели и разбежались. Но велели тебя поцеловать.— Она поцеловала его, вложив в поцелуй любовь всего Гнезда.

Джубал почувствовал, что боль отступает и возвращаются силы.

— Пойдем в кухню. Тони ушел, можно свободно хозяйничать,— она остановилась на пороге и выгнулась, пытаясь взглянуть себе на затылок.— Ты не находишь, что финальная сцена меняется? Мне кажется, там появился дым.

Джубал подтвердил, что дым на самом деле появился. Конечно, никакого дыма на картине не было, но зачем спорить?

— Так я и знала. Я уже многое вижу, но к себе на спину без зеркала пока не могу заглянуть. Майк говорит, что скоро у меня это получится. Впрочем, неважно.

По всей вероятности, в кухне расположилось человек десять. Дюк помешивал что-то в кастрюле.

— Привет, босс! Я заказал автобус на двадцать мест, наша площадка не примет более тяжелый. А для барахла и питомцев Пэтти понадобится еще один, такой же. Хорошо?

— Конечно! А они все возвращаются? — спален не хватит, придется кого-то поместить в гостиной, а кого-то потеснить. Его, скорее всего, тоже потеснят. Харшоу решил не противиться. В конце концов, приятно, когда рядом лежит кто-то живой и теплый, не обязательно же... Господи! Ведь он уже забыл, насколько это приятно! Становится ближе...

— С нами поедут не все. Тим отвезет нас, потом развернется и отправится ненадолго в Техас. Капитан, Беатрис и Свен, мы собираемся сойти в Нью-Джерси.

Сэм оторвал взгляд от стола.

— Руфь и я должны вернуться назад, к нашим детям. Саул едет с нами.

— Неужели нельзя денек-другой посидеть дома?

— Может быть, надо посоветоваться с Руфью.

— Босс, когда можно наполнить бассейн? — вставил Дюк.

— Мы никогда не делали этого раньше апреля, но если включить новую установку для подогрева, мы можем наполнить его в любое время,— добавил Джубал.— Но погода пока стоит ненастная — вчера снег еще лежал.

— Босс, ради того, чтобы поплавать, мы можем пройтись босиком по снегу — и сделаем это. Есть более дешевые способы не дать воде замерзнуть, и не обязательно использовать эти здоровенные обогреватели.

— Джубал!

— Да, Руфь?

— Мы остановимся у тебя на пару дней. Дети обо мне не особенно скучают, да и побаиваюсь подходить к ним без Пэтти.

— Отлично. А где Нельсон с капитаном? Куда они так спешат? Беатрис ни разу не была дома — нехорошо так спешить!

— Я скажу им, босс.

— Пэтти, твои змеи согласны пожить денек-другой в чистом и теплом подвале? Потом мы что-нибудь для них придумаем. О девочке я не говорю: она почти человек, а кобр не стоит распускать по дому.

— Конечно, Джубал.

— Хм... Дон, ты умеешь стенографировать?

— Ей это не нужно,— сказала Энн,— как, впрочем, и мне.

— А печатать на машинке?

— Если ты захочешь, я научусь,— ответила Дон.

— Считай себя принятой на работу — до тех пор, пока где-нибудь не откроется вакансия верховной жрицы. Джилл, мы никого не забыли?

— Нет, босс, кроме всех остальных, которые всегда будут в нашем доме желанными гостями.

— О, разумеется! — Харшоу подошел к Дюку и глянул в кастрюлю, над которой тот колдовал. Там было немножко бульону.

— Это... Майк?

— Да,— Дюк зачерпнул, попробовал.— Нужно подсолить.

— Да, Майка всегда следовало чуть-чуть подправить.— Джубал попробовал бульон. Вкус был сладковатый.— Впрочем, не нужно. Пусть останется таким, каким был при жизни. Кто разделит со мной его тело?

— Оно предназначено только для вас, босс. Тони велел мне ждать вас, помешивать и подливать воду, чтобы не пригорело.

— Доставай чашки, я хочу разделить его с тобой.

— Слушаюсь, босс.

Из буфера выплыли две чашки и приземлились на стол.

— Не повезло Майку. Он собирался пережить меня и съесть на День Благодарения. А может, мне не повезло: выиграл пари и не с кого получить деньги.

— Вы выиграли пари только благодаря своей промашке. Разделим это поровну.

Дюк так и сделал. Джубал поднял свою чашку.

— Выпьем!

— И станем ближе.

Они пили бульон медленно, потягивая и смакуя. Они хвалили его, предаваясь воспоминаниям о том, кто пожертвовал собой ради них. Джубал, к своему удивлению, обнаружил, что несмотря на переполнявшие его эмоции, на душе у него спокойно и радостно и плакать больше не хочется.

Его сын, который был поначалу таким слабым и наивным, вырос мудрым и сильным, не утратив ангельской чистоты. Я понял тебя, сын, ты прав, я продолжу твое дело.

Пэтти подала ему еду. Харшоу набросился на нее, будто прошло несколько дней с тех пор, как он позавтракал.

Сэм говорил:

— Я говорил Саулу, что не вижу необходимости менять планы. Будем действовать, как намечали. Если вести дело разумно, оно процветает и после смерти основателя.

— Разве я возражаю? — сказал Саул.— Вы с Рут организуете один храм, я другой, но сначала нужно накопить капитал. Это вам не магазин и не кинотеатр. Нужна масса оборудования и на это нужны деньги, уже не говоря о том, что Махмуду и Мириам надо оплатить год или два пребывания на Марсе,— что столь же важно.

— Кто тут спорит? Окончится ожидание — и все станет ясно.

Харшоу неожиданно сказал:

— Деньги — не проблема.

— Ну-ка, ну-ка, Джубал!

— Как юрист, я не должен был этого говорить, но как брат я поступаю, как подсказывает мне сердце. Энн!

— Да, босс!

— Купи это место... то, где Майка забросали камнями. А еще лучше, купи участок радиусом в сто футов вокруг.

— Босс, это территория муниципалитета, а участок

радиусом в сто футов включает в себя часть муниципальной дороги и территории отеля.

— Не спорь.

— Я не спорю, а излагаю факты.

— Прости. Они продадут. Они тоже проделают этот путь. Черт побери! Если у них руки вставлены куда надо, они нам ее отдадут. Я думаю, нажмем через Дугласа. Попросим Джо вызволить из морга то, что еще осталось от Майка, и похороним его здесь, скажем, через год. Весь город будет плакать, а полицейские, которые его сегодня не защитили, будут стоять навытяжку.

Какой же сделать памятник? Павшую Кариатиду? Нет, Майк был в силах нести свой камень. Лучше Русалочку. Нет, никто не поймет. Может, статую самого Майка — каким он был, когда говорил: «Смотрите на меня, я сын человеческий!». Если Дюк его в тот момент не заснял, то Нью Уорлд — наверняка. Возможно, был такой брат или будет, обладающий такой же искрой Божьей, что и Родэн, и изобразит Майка таким, каким он был, не приукрашивая его.

Похороним Майка без гроба; пусть черви и дождь вникают в него, как делал это я. Энн, как только приедем домой, напомни, чтобы я позвонил Джо Дугласу.

— Хорошо, босс.

— Это первое. Второе...— и Харшоу рассказал о завещании Майка.

— Итак, каждый из вас по крайней мере миллионер. Даже более того, чем я раньше думал... намного, даже с вычетом налогов. Никаких предписаний. Вникаю, что вы будете тратить необходимые суммы на церкви и другую такую же чушь. Но никто не станет препятствовать вам, если вы захотите покупать яхты. Ах, да! Кто хочет получать то же жалованье и жаждет, чтобы капитал фирмы больше не увеличивался, то пусть управляющим остается Дуглас, но... думаю, Джо долго не протянет, и тогда руководство возьмет на себя Бен Кэкстон. Бен?

Кэкстон пожал плечами:

— Я не могу. Я найму вместо себя настоящего бизнесмена, по имени Саул.

— Отлично. Скоро завещание вступит в силу. Оспаривать его никто не решится, а если решится, то ничего не получит: Майк над ним хорошо поработал. Когда мы едем? Где счет?

— Джубал,— сказал Бен,— это наш отель.

Вскоре они были в воздухе. Никто их не задерживал; город успокоился так же быстро, как и вспыхнул. Джубал сел рядом с Махмудом на первое сиденье и расслабился — он понял, что не чувствует ни горя, ни усталости, ему даже не хотелось мысленно вернуться в столь дорогое для него прошлое. Они беседовали о предстоящем путешествии Махмуда на Марс, где он собирался поосновательнее заняться языком... и, что было особенно приятно для Джубала, завершить сверку фонетических транскрипций в словаре, на составление которого у Махмуда ушел целый год.

— Чувствую,— ворчал Джубал,— мне придется учить эту чертову тарабарщину, а то не пойму вашей болтовни.

— Как захочешь, брат.

— Вот дьявол! Не хватало мне еще как школьнику сидеть за партой от звонка до звонка! Я буду работать так, как я всегда это делал, как мне удобно.

Махмуд помолчал.

— Уроки и твердое расписание,— наконец сказал он,— нужны для работы в группах. С некоторыми мы занимаемся индивидуально.

— Осмелюсь просить у вас этой привилегии.

— Энн, например, достигла незаурядных результатов. У нее отличная память, и она изучала языки путем прямого контакта с Майком.

— У меня плохая память, да и Майка нет.

— Зато есть Энн. И как бы ни упрямился, Дон введет тебя в контакт с Энн. Для второго урока Дон уже не понадобится, Энн справится сама. Ты научишься думать по-марсиански за считанные дни. Мне кажется, процесс обучения должен тебе понравиться.

— Ты, низкий, подлый и развратный араб! — набросился Харшоу на Махмуда.— Ты украл у меня лучшую секретаршу!

— За которую всю жизнь буду у тебя в долгу. Но ты потерял ее не навеки: она тоже будет давать тебе уроки, просто настаивает на этом.

— Пойди поищи себе другое место — я хочу подумать!

Через какое-то время Харшоу крикнул:

— Ближняя!

Прибежала Доркас, села с ним рядом и приготовилась стенографировать. Прежде чем начать работать, он посмотрел на нее.

— Девочка. Ты выглядишь счастливой, как никогда. Просто сияешь!

Доркас произнесла мечтательно:

— Я решила назвать его Деннис.

— Неплохо, очень неплохо,— кивнул Харшоу. Вполне подходящее имя,— подумал он, даже если неизвестно, кто отец.— Ты можешь работать?

— Конечно! Я себя отлично чувствую.

— Поехали. Сценарий для стереовидения. Черновой набросок. Рабочее название: «Марсианин по имени Смит». Картина первая: на экране появляется изображение Марса (документальные съемки), последовательный ряд кадров, наплывом появляется изображение места приземления «Посланца», на среднем плане космический корабль. Марсиане (мультипликация) типичного вида. Крупный план — каюта корабля. На операционном столе лежит женщина...

Глава 39

Решение, которое нужно было принять в отношении Третьей от Солнца планеты, не вызывало сомнений. Старшие Братья были не всеведущи, а, по-своему, как и земляне, провинциальны. Привычная для них система ценностей, а также намного превосходящая земную наука логики вселяли в них уверенность, что со временем они поймут все неискоренимое «зло», исходящее от этих суетливых, неугомонных и вздорных существ с Третьей планеты и, попытавшись однажды вникнуть, полюбят, возненавидят и уничтожат его.

Но к тому времени, когда Старшие Братья подойдут к этому вплотную, уничтожить Третью планету будет весьма затруднительно или почти невозможно. Опасность этого настолько мала, что те, чьим заботам была вверена планета, не обращали на это никакого внимания.

В частности, Фостер был абсолютно спокоен.

— Дигби! — позвал он.

— Да, Фостер,— отозвался подручный.

— Мне пришла пора отлучиться по спецпоручению. Познакомься со своим новым шефом. Майк, это Архангел Дигби, твой помощник. Он знает, что где лежит, и отлично справляется со вторыми ролями.

— О, мы непременно поладим,— уверил Фостера Ар-

хангел Михаил и обратился к Дигби:— Мы не встречались раньше?

— Что-то не припомню,— ответил Дигби.— Конечно, после стольких встреч...— И он пожал плечами.

— Неважно. Ты есть Бог.

— Ты есть Бог,— ответил Дигби.

Фостер сказал:

— Оставьте лишние формальности. У вас гора работы и вам не хватит на нее целой вечности. Конечно, «Ты есть Бог»,— а кто, собственно, нет?

Фостер ушел, а Майк откинул со лба нимб и принялся за работу. Ему хотелось изменить очень многое...

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
СОМНИТЕЛЬНОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ
7

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
АСТРОНОМИЧЕСКОЕ НАСЛЕДСТВО
77

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
ПЛОДЫ ЭКСЦЕНТРИЧНОГО ВОСПИТАНИЯ
240

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
ГОЛОВОКРУЖИТЕЛЬНАЯ КАРЬЕРА
328

ЧАСТЬ ПЯТАЯ
СЧАСТЛИВЫЙ УДЕЛ
377

Литературно-художественное издание

РОБЕРТ ХАЙНЛАЙН

ПРИШЕЛЕЦ В ЗЕМЛЕ ЧУЖОЙ

Ответственный редактор *Ольга Солохина*
Художественный редактор *Виктор Меньшиков*
Технический редактор *Людмила Каряева*
Корректор *Людмила Бубнова*

Л. Р. № 030022 ОТ 06.07.91.
Сдано в набор 12.05.93. Подписано к печати 20.12.93. Формат $84\times108^{1}/_{32}$.
Гарнитура «Таймс». Бумага газетная. Печать высокая. Усл. печ. л. 23,52.
Тираж 50 000 экз. Изд. № 204. Заказ № 279. С 204.

Издательство «Северо-Запад». 191187, Санкт-Петербург, наб. Кутузова, 6.

Издательско-полиграфическое предприятие «Уральский рабочий», 620219, Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

АННОТИРОВАННЫЙ КАТАЛОГ КНИГ СЕРИИ «НАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА» ИЗДАТЕЛЬСТВА «СЕВЕРО-ЗАПАД»

Андерсон П. Коридоры времени: Романы, повесть/ Пер. с англ.— СПб.: Северо-Запад, 1993.— 640 с.
ISBN 5-8352-0171-0

В предлагаемый вашему вниманию том вошли романы знаменитого американского фантаста Пола Андерсона. Их названия говорят сами за себя — «Коридоры времени», «Патруль времени», «Настанет время». Все они повествуют о путешествиях во времени. Вместе с героями мы то и дело переносимся в разные века и эпохи. Вас ждут невероятные приключения, отважные люди, головокружительные перелеты и жестокие схватки.

Заканчивается том небольшой повестью, тесно связанной по сюжетной линии с перечисленными выше романами.

Андерсон П. Царица ветров и тьмы: Рассказы/ Пер. с англ.— СПб.: Северо-Запад, 1993.— 575 с.
ISBN 5-8352-0206-7

Издательство «Северо-Запад» продолжает знакомить читателя с творчеством знаменитого американского фантаста Пола Андерсона.

В данный сборник вошли рассказы разных лет. Приключения, опасности, тайны и загадки — все это на страницах сборника «Царица ветров и тьмы».

Азимов Айзек. Зеркальное отражение: Романы. Повести. Рассказы/ Пер. с англ. Ф. Розенталя, Т. Левич, И. Гуровой и др.; Сост. А. Балабухи.— СПб.: Северо-Запад, 1992.— 512 с.
ISBN 5-8352-0088-9

Айзек Азимов (1920—1992) — один из отцов-основателей Золотого Века американской научной фантастики, ее неоспоримый лидер, удостоенный своими коллегами титула Великий Мастер. Он — неоднократный лауреат самых престижных в мире НФ премий: «Хьюго» и «Небьюла»; его новелла «Приход ночи» была признана «лучшим рассказом всех времен» Ассоциацией американских писателей-фантастов, а трилогия «Основание» в 1966 г. была объявлена «лучшей серией всех времен» Всеамериканской ассоциацией любителей фантастики. Автор почти 500 книг, многие из которых переведены на русский язык, он не нуждается в рекомендациях. Однако в этом сборнике творчество А. Азимова предстает в несколько необычном ракурсе: он выступает как автор детективов. Причем в самом широком спектре — читатель встретит здесь и фантастический, и реалистический, и научный детектив.

Азимов Айзек. Дуновение смерти: Роман. Рассказы/ Пер. с англ. И. Разумовской, С. Николаева, З. Бобырь и др.; Сост. А. Балабухи.— СПб.: Северо-Запад, 1993.— 480 с. ISBN 5-8352-0089-7

Роман «Дуновение смерти», повесть и рассказы, вошедшие во второй том избранных произведений Айзека Азимова, продолжают знакомство читателей с детективной стороной его творчества.

Брэдбери Рэй Дуглас. Тени грядущего зла: Роман. Рассказы/ Пер. с англ. Н. Димчевского, Е. Бабаевой и др.— СПб.: Северо-Запад, 1992.— 608 с.
ISBN 5-8352-0076-5

Популярный американский писатель-фантаст Рэй Дуглас Брэдбери (род. в 1920 г.) знаком отечественному читателю по романам «Марсианские хроники», «451° по Фаренгейту», «Вино из одуванчиков», а также по рассказам «И грянул гром», «Ржавчина», «Дракон» и многим другим. По мотивам его произведений созданы теле- и радиопостановки, снят художественный фильм.

В настоящий сборник входит ранее не публиковавшийся в нашей стране роман «...И духов зла явилась рать», повествующий о борьбе двух подростков с Людьми Осени, таинственными и жуткими хозяевами и рабами «темного карнавала», и рассказы, широкому читателю в основном неизвестные.

Герберт Ф. Дюна: Роман/ Пер. с англ. СПб.: Северо-Запад, 1993.—527 с. ISBN 5-8352-0188-5

Фрэнк Герберт (род. в 1920 г.) — всемирно известный американский писатель-фантаст, автор около двадцати книг, самая знаменитая из которых сейчас перед вами.

«Дюна», впервые опубликованная в 1965 году, отвергнутая перед тем несколькими издателями и получившая, после выхода из печати, все мыслимые премии, существующие в научной фантастике, стала, подобно азимовскому «Основанию», золотой вехой в истории мировой фантастической литературы.

Урсула К. Ле Гуин. Ожерелье планет Эйкумены: В 2 т. Т. 1: Романы. Рассказы/ Пер. с англ. Л. Рыбкина, И. Тогоевой, И. Гуровой: Сост. К. Проценко.— СПб.: Северо-Запад, 1992.— 608 с.
ISBN 5-8352-0097-8 (т. 1)
ISBN 5-8352-0118-4

Урсула Крёбер Ле Гуин (род. в 1929 г.) — одна из ярких звезд на небосклоне современной американской литературы. Продолжая традиции Д.Р.Р. Толкина и Р. Брэдбери, она одинаково владеет двумя столь любимыми в наше время жанрами — фэнтези и научной фантастики. Одно из лучших созданий ее воображения — Эйкумена, Лига Миров, добровольный союз всех разумных существ Вселенной.

Бесконечно разнообразны формы разумной жизни, но и в самых глухих закоулках Космоса обитатели неведомых планет ждут Контакта, взаимопонимания, любви — вот главная мысль романов, повестей и рассказов об Эйкумене. Крылатые кошки и межзвездные корабли, сверхсветовое оружие и древние мечи, безумные слепые ангелы и «пожиратели слов», подземные кузницы и солнечные эльфы, юный король и немолодой этнограф, хрупкая девушка-вестница и мудрая старуха Хозяйка — вот кто населяет первый том хроник Эйкумены.

Урсула К. Ле Гуин. Ожерелье Планет Эйкумены. Т.2: Романы. Рассказы/ Пер. с англ.— СПб.: Северо-Запад, 1993.— 416 с.
ISBN 5-8352-0117-6 (т. 2)
ISBN 5-8352-0118-4

Эта книга является вторым томом собрания сочинений известной американской писательницы Урсулы К. Ле Гуин (род. в 1929 г.), выходящего под общим названием «Ожерелье Планет Эйкумены». Как и в произведениях первого тома, герои этой книги — путешественники. Главная их цель — на далеких, неведомых планетах найти самих себя, обрести утраченную память, волю к жизни, любовь. Ни один из них не может в глазах окружающих и своих собственных считаться полноценным человеком. Лишь пройдя через многие испытания сил и веры, обретет каждый из них право на имя Человека. О пути к самому себе и о праве быть собой и рассказывает эта книга, в которую вошли романы «Планета изгнания» и «Город иллюзий», а также рассказы «Безграничней и медлительней империй» и «Девять жизней».

Жулавский Е. Лунная трилогия: Романы/ Пер. с польского.— СПб.: Северо-Запад, 1993.— 736 с.
ISBN 5-8352-0154-0

«Лунная трилогия» Ежи Жулавского (1874—1915) является классическим произведением не только польской, но и мировой научной фантастики. Человек редкостно насыщенной жизни, ее автор сумел сделать столь же насыщенными и эти три романа — «На серебряной планете», «Победоносец» и «Древняя Земля». Здесь вы найдете все — и романтику первооткрытия мира, и приключения, и столкновения различных цивилизаций, и проблемы зарождения и становления религии, и чисто свифтовский памфлет на общество, не потерявший актуальности и по сей день. Не случайно «лунную трилогию» не только постоянно переиздают в Польше, но и поныне продолжают переводить на самые разные языки. Теперь очередь дошла до русского.

Зилазни Роджер. Остров Мертвых: Романы/ Пер. с англ. И. Куберского, В. Симонова, Ю. Шор.— СПб.: Северо-Запад, 1993.— 560 с.
ISBN 5-8352-0124-9

Роджер Джозеф Зилазни (род. в 1935 г.) — всемирно известный американский писатель-фантаст, один из тех, с кого начался отсчет «новой волны» в англо-американской НФ литературе.

Все произведения Р. Зилазни отличает глубокий психологизм, высокое литературное мастерство и необычность трактовки традиционных научно-фантастических сюжетов.

Предлагаемая книга знакомит читателя с ранним периодом творчества Р. Зилазни — романами «Творец снов» (1966), «Этот Бессмертный» (1966) и «Остров Мертвых» (1969), оказавшими заметное влияние на дальнейшее развитие этого жанра.

В профессиональных переводах эти произведения публикуются впервые.

Каттнер Генри. Ярость: Романы. Рассказы/ Пер. с англ. М. Гилинского, А. Чекоданова.— СПб.: Северо-Запад, 1992.— 736 с.
ISBN 5-8352-0011-0

Генри Каттнер (1916—1958) — признанный классик американской фантастической литературы.

Советский читатель до сих пор знал Каттнера лишь как автора рассказов и небольших повестей. Романы «Мир Тьмы» и «Ярость», вошедшие в это издание, лучшие произведения писателя. В них Каттнер предстает как мастер мистической, психологической и традиционной фантастики.

Вечная тема двойников находит оригинальное преломление в романе «Мир Тьмы». Для того чтобы победить, герою нужно убить самого себя.

Хотя роман «Ярость» относится к жанру фантастики, ему присущи чисто детективные острота, тонкий психологизм и головокружительные повороты сюжета. Главному герою — выходцу из преступного мира – приходится вступать в единоборство с могущественными правящими кланами. И неожиданно для самого себя он оказывается спасителем гибнущего человечества.

В профессиональном переводе эти произведения публикуются впервые

Кларк Артур Чарлз. Пески Марса: Романы/ Пер. с англ. Е. Кубичева, Н. Трауберг, Л. Жданова; Послесл. и сост. А. Балабухи.— СПб.: Северо-Запад, 1992.— 608 с.
ISBN 5-8352-0111-7

Мировая критика называет Артура Чарлза Кларка (род. в 1907 г.) «Фантастом Номер Один». Он собрал попросту невиданный урожай литературных премий — «Хьюго», «Небьюла», «Юпитер». Мемориальный приз Дж. У. Кемпбелла, Международная фантастическая премия, премия Калинги, премия Вестингауза, премия Маркони, Международная Аэрокосмическая литературная премия... Эти оценки столь красноречиво говорят сами за себя, что добавить к ним можно лишь одно: три вошедших в этот сборник романа относятся к числу ранних и общепризнанно наиболее удачных произведений писателя, причем демонстрируют три жанра, три направления его творчества. «Большую глубину» Айзек Азимов назвал в свое время «морским вестерном»; «Город и звезды» — космическая опера, а «Пески Марса» — прекрасный образчик классической «твердой НФ».

Клемент Х. Огненный цикл: Повести/ Пер. с англ.— СПб.: Северо-Запад, 1993.— 479 с.
ISBN 5-8352-0254-7

В сборник включены три повести известного американского фантаста Хола Клемента — «Огненный цикл», «Экспедиция „Тяготение“» и «У критической точки». Все три произведения посвящены проблеме контакта с представителями иных миров.

Льюис Клайв. Космическая трилогия: Романы. Эссе/ Пер. с англ. Н. Трауберг, С. Кошелева, М. Мушинской и др.; Послесл. О. Неве.— СПб.: Северо-Запад, 1993.— 640 с. ISBN 5-8352-0105-2

Клайв Стейплз Льюис (1898—1963), английский писатель, относится к числу тех авторов, посмертная мировая известность которых явно возрастает со временем. Этот писатель уже успел стать и легендой, и образцом, и учителем.

Льюис — автор 49 крупных работ, одной из которых является его знаменитая «Космическая трилогия» («За пределами Безмолвной планеты», «Переландра», «Мерзейшая мощь»), написанная в жанре НФ.

Льюис уже известен русскому читателю по вышедшим недавно в свет «Хроникам Нарнии».

В этой книге вас ждет знакомство с Льюисом-фантастом.

Милани Мино. Пульсирующий камень: Романы. Повести/ Пер. с итал. И. Константиновой, Л. Тарасова.— СПб.: Северо-Запад, 1992.— 480 с.
ISBN 5-8352-0046-3

В книгу включены два фантастических романа известного итальянского писателя Мино Милани «В Стране Огромных Следов» и «Тайна древнего колодца», в которых рассказывается о приключениях наших современников на маленьком исландском острове Оук, на берегах Амазонки, в джунглях Южной Америки, а также несколько небольших повестей, тоже необычайно привлекательных.

Фантастические, невероятные ситуации, острый динамичный сюжет, яркость характера главного героя — Мартина Купера — заставляют с волнением следить за событиями любого читателя — и детей, и взрослых.

Рассел Эрик Фрэнк. Зловещий барьер: Романы. Рассказ/ Пер. с англ. Т. Науменко, М. Науменко, В. Межевич, М. Коркина; Послесл. А. Балабухи.— СПб.: Северо-Запад, 1992.— 608 с. ISBN 5-8352-0061-7

Эрик Фрэнк Рассел (1905—1978) — известный английский писатель-фантаст, на протяжении почти четырех десятилетий занимавший одно из ведущих мест не только в британской, но и вообще в англо-аме-

риканской научной фантастике. Больше того, англичанин Рассел превзошел большинство своих американских коллег по динамичности сюжетов, активности действия.

«Зловещий барьер» начинается серией загадочных смертей — как детектив; развивается как триллер, а попутно объясняет некоторые из тех загадок, которые веками мучили человеческие умы, как это и положено хорошей научной фантастике.

Действие двух других вошедших в книгу романов разворачивается на фоне галактической войны, в битвах которой земляне несут поначалу тяжелые потери, но в конце концов, разумеется, побеждают.

Завершает сборник рассказ «Абракадабра», в 1956 году удостоенный самой престижной в мире англо-американской НФ премии «Хьюго». Этот рассказ по праву считается одним из самых ядовито-иронических образцов научно-фантастической новеллистики.

Саймак Клиффорд. Выбор богов: Романы/ Пер. с англ. Е. Воронько, Гр. Темкина, А. Шарова.— СПб.: Северо-Запад, 1993.— 512 с.
ISBN 5-8352-0108-7

Клиффорд Доналд Саймак (1904—1988) — один из немногих американских писателей-фантастов, удостоенный своими коллегами титула «Великий Мастер». Айзек Азимов признавался, что всегда мечтал научиться писать, как Саймак. «Всякий, кто прочел хоть одну его книгу, не может не полюбить Саймака»,— утверждал Пол Андерсон. «Кто не любит Саймака, тот не может любить фантастику вообще»,— категорически заявлял Роберт Хайнлайн. Одни критики упрекали Саймака в консерватизме, другие — в бесконечной вере в прогресс; третьи считали, что он подменяет стилистику чересчур активным действием, тогда как четвертые его называли «последним пасторальным фантастом», восхищаясь как раз изяществом стиля и совершенством неторопливых описаний... Но никто не опровергал ни великого его мастерства, ни великой души.

В первую книгу вошли романы «Выбор богов» (1972), до сих пор не переводившийся на русский язык, а также «Что может быть проще времени» (1961) и «Принцип оборотня» (1967).

Саймак Клиффорд. Вы сотворили нас!: Романы/ Пер. с англ. А. Дмитриева, Арк. Григорьева, А. Корженевского; Ил. Е. Царева, Ю. Царевой; Послесл. А. Балабухи.— СПб.: Северо-Запад, 1992.— 480 с.
ISBN 5-8352-0107-9

В эту книгу Клиффорда Саймака вошли романы «Вы сотворили нас!» (1969), написанный в жанре «сайнс фэнтези» и впервые публикуемый на русском языке; «Пересадочная станция» (1963) — едва ли не самая лирическая из книг Саймака и удостоенная премии «Хьюго» за 1964 год; и «Кольцо вокруг Солнца» (1953), относящийся к числу наиболее динамичных произведений писателя.

Хайнлайн Роберт. Гражданин Галактики: Романы/ Пер. с англ. А. Говорунова, В. Черныша, Г. Усовой; Послесл. А. Балабухи.— СПб.: Северо-Запад, 1992.— 608 с.
ISBN 5-8352-0028-5

Роберт Хайнлайн (1907—1988) — старейший американский писатель, наряду с А. Азимовым, К. Саймаком и Р. Брэдбери признанный патриарх научно-фантастической литературы. Его произведения уже публиковались на русском языке и пользуются неизменным и заслуженным успехом у читателя.

Творческое наследие Хайнлайна огромно. Настоящая книга, в которую вошли романы «Магия, Inc.», «Двойная звезда» и «Гражданин Галактики», его отнюдь не исчерпывает, но представляет этого многоликого мастера с самых неожиданных сторон.

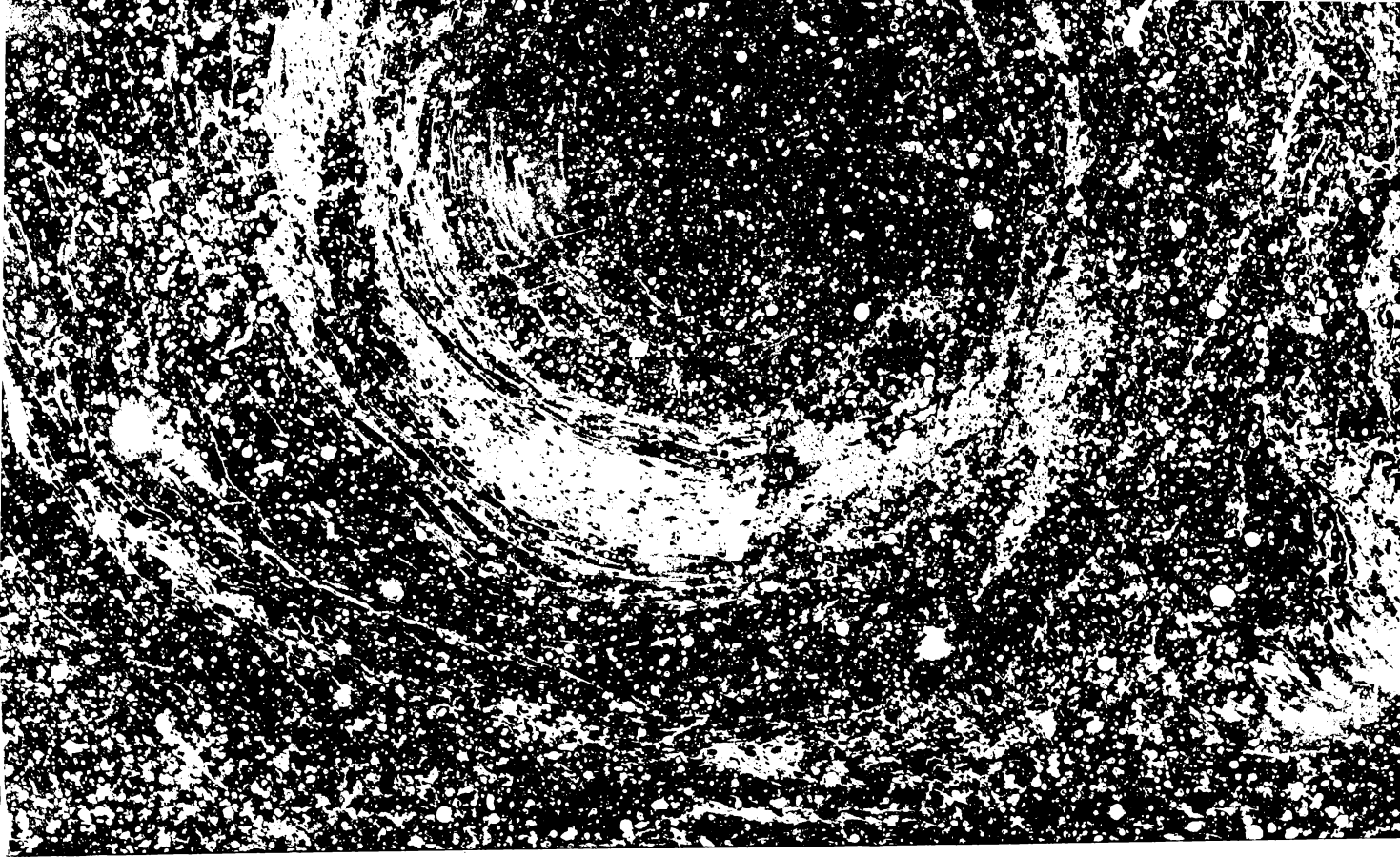
Хайнлайн Роберт. Время звезд: Романы. Повесть/ Пер. с англ. Н. Пчелинцева, Ю. Захаровича.— СПб.: Северо-Запад, 1993.— 608 с.
ISBN 5-8352-0123-0

Межгалактические путешествия, телепатия, встречи со страшными чудовищами, невероятные опасности, подстерегающие героев на каждом шагу, война с мутантами — все это лежит в основе романов, составивших эту книгу.

Шекли Роберт. Координаты чудес: Романы. Повести/ Пер. с англ. Г. Гуревич; Сост. Г. Белов.— СПб.: Северо-Запад, 1993.— 640 с.
ISBN 5-8352-0092-7

Американский писатель-фантаст Роберт Шекли (род. в 1928 г.) популярен во всем мире. Он закончил технический колледж, но с 1952 года решил полностью посвятить себя литературе. Прослушал курс литературы у Ирвина Шоу. Широко известны его романы «Корпорация „Бессмертие“», «Путешествие в послезавтра», «Десятая жертва».

«Координаты чудес» — роман, в котором переплетается серьезное и смешное. Высокие философские идеи подчас доводятся здесь до абсурда, за экзотическим антуражем открываются обычные человеческие проблемы.



Северо-Запад ®